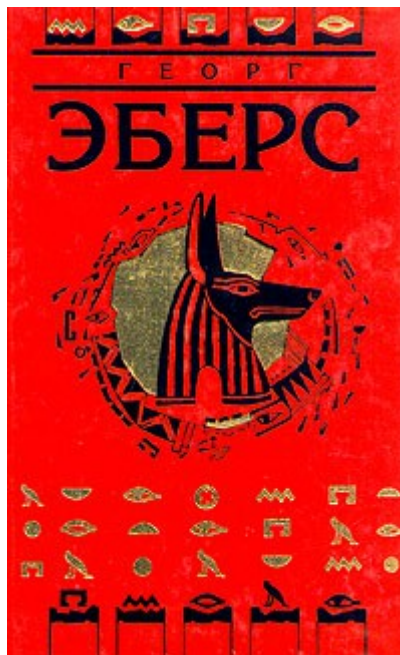

Георг Мориц Эберс
Клеопатра

Древний Египет времен Птолемеев – 3

Георг Эберс
Клеопатра

От автора

Если бы автору этой книги заметили, что сентиментальная любовь новейшего времени чужда языческой древности, он указал бы на Антония и Клеопатру и завещание сурового римского полководца. В нем последний высказывает желание, чтобы его погребли вместе с телом до конца любимой им женщины. Желание его было исполнено, и любовь этих двух выдающихся людей уже не раз вдохновляла поэтов и художников.

Что касается собственно Клеопатры, то вся ее сущность окружена романтическим, почти сказочным вымыслом. Даже злейшие враги восхищаются ее красотой и редкими дарованиями. Напротив, характер ее представляет собою труднейшую психологическую загадку. Рабский дух римских писателей и поэтов, которым не по сердцу был ореол, окружавший соперницу государства и императора, разрешил эту загадку в неблагоприятном для Клеопатры смысле. Все египетское было ненавистно в глазах римлянина в этой выросшей на берегах Нила женщине, выдавшей у ног своих Цезаря и превратившей Антония в своего слугу, ей не могли простить ее могущества. Историки, в том числе и Плутарх, отнеслись к ней справедливее и не раз высказывались в ее пользу.

Автору хотелось поближе изучить личность несчастной царицы и на основании множества сохранившихся источников создать образ, которому он прежде всего сам мог бы поверить. Годы прошли, пока он достиг этого, теперь же, вглядываясь в созданный уже образ, он боится, что многие его краски покажутся слишком розовыми. Но ему трудно было бы подтвердить документально каждый тон, каждую черту. Если во время работы он полюбил свою героиню, то это случилось потому, что, чем яснее обрисовывалась для него личность этой замечательной женщины, тем более он убеждался, что при всех своих недостатках и слабостях она заслуживает не только сострадания и удивления, но и той преданности, которую умела возбуждать в людях.

Впрочем, не кто иной, как сам Гораций ¹, назвал Клеопатру «поп *humilis mulier*» – «женщиной, не способной на низость». Значение этого отзыва станет вполне понятным, если мы вспомним, что он взят из гимна в честь победы Октавиана над Антонием и Клеопатрой.

Со стороны поэта было большой смелостью отозваться с похвалой о сопернице триумфатора в подобном стихотворении. Однако он решился на это, и его слова, равняющиеся в данном случае делу, остаются одним из почетных титулов знаменитой женщины.

К сожалению, отзыв Горация далеко не произвел такого воздействия, как отзыв Диона ², который значительно искажает сообщения Плутарха; и вообще более тяготеет к фарсам и рассказам, ходившим среди народа и не отваживавшимся выставлять египтянку в благоприятном свете.

Снисходительнее большинства римских историков оказывается грек Плутарх, который и во времени ближе стоит к нашей героине, чем Дион. Его

¹ Гораций Флакк Квинт (65 – 8 г.г. до н.э.) – великий римский поэт. Точность и искусство слова, глубина и образность стихов сделали поэзию Горация образцом лирических творений в Европе.

² Дион Кассий (ок. 160 – 235) – греческий историк и римский сенатор, автор «Римской истории» в 80 книгах.

дед много наслушался о ней от своего соотечественника Филотаса, учившегося в Александрии в дни триумфа Антония и Клеопатры. Из всех писателей, упоминающих о царице, Филотас, пожалуй, самый надежный, но и к его рассказу нельзя относиться с безусловным доверием. При описании событий последних дней нашей героини мы руководствовались даже в деталях подробным и ясным сообщением Плутарха. Оно несет на себе печать истины, и значительные отклонения от него были бы слишком произвольными.

Египетские источники не дают, к сожалению, ничего существенного в отношении оценки характера Клеопатры, хотя мы имеем изображения ее одной и вместе с сыном Цезарионом. Недавно был найден в Александрии обломок колоссальной двойной статуи, изображающей, по всей видимости, Антония и Клеопатру. Верхняя часть женской фигуры сохранилась довольно хорошо и представляет собой красивое молодое женское лицо. Мужская фигура пала жертвой приказа Октавиана об уничтожении статуй Антония. Доктору Вальтеру в Александрии мы обязаны прекрасным фотографическим снимком с этой замечательной статуи. Кроме нее сохранилось сравнительно мало изображений (причисляя сюда и монеты), дающих нам понятие о внешности нашей героини.

Романист прежде всего стремится создать произведение искусства, но он ограничен требованиями исторической верности. Как образ нашей героини должен соответствовать ее действительной личности, так и жизнь ее, здесь описанная, должна совпадать во всех деталях с культурой изображаемой эпохи. Поэтому мы показали нашу героиню в окружении многочисленных лиц, что дает возможность изобразить ее личность в самых разнообразных житейских коллизиях.

Если автору удалось воссоздать образ этой замечательной женщины, вызвавшей такие противоречивые суждения, не менее «живо» и правдоподобно, чем она рисуется в его воображении, то он всегда будет с удовольствием вспоминать о времени, потраченном на эту книгу.

Георг Эберс

I

Архитектор Горгий Александрийский привык выносить палящий зной египетского полдня. Хотя ему не исполнилось еще и тридцати лет, но он уже заведовал — сначала как помощник, потом как преемник своего отца — постройкой громадных зданий, воздвигаемых Клеопатрой ³ в Александрии.

В настоящую минуту он был завален делами, но тем не менее явился сюда до окончания работы в угоду юноше, едва вышедшему из детского возраста.

Тот, кому он приносил эту жертву, был не кто иной, как Цезарион, сын царицы Клеопатры от Юлия Цезаря ⁴. Антоний ⁵ почтил его горделивым

³ Клеопатра VII (69 – 30 гг. до н.э.) – последняя царица Египта из династии Птолемеев

⁴ Цезарь Гай Юлий (102 – 44 гг. до н.э.) – римский диктатор, полководец, фактический монарх

⁵ Антоний Марк (83 – 30 гг. до н.э.) – римский полководец, сторонник Цезаря

титолом царя царей, хотя ни царствовать, ни даже управлять ему не пришлось: мать отстраняла его от дел правления, да и сам он не добивался скипетра.

Горгий мог бы пренебречь желанием царевича, так как тот, очевидно, хотел поговорить с ним о своем окружении. Мысли архитектора были заняты другим. Флот Клеопатры и Марка Антония должен был уже встретиться с кораблями Октавиана, да и сражение на суше, вероятно, уже было дано, и судьба Египта решилась.

Горгий верил в победу царицы и Антония и от души желал ее. По-видимому, он даже считал сражение выигранным, поскольку держал в руках программу празднеств в честь победителей, и сегодня же должен был решить, где поставить колоссальную статую, изображавшую Антония рука об руку с его царственной подругой.

Эпитроп Мардион, евнух, замещавший царицу в качестве регента, и хранитель печати Зенон, обычно во всем согласный с Горгием, желали поставить статую не в том месте, которое он наметил. Для того чтобы исполнить желание могущественного регента, пришлось бы захватить частное владение. Могли возникнуть затруднения, и это не нравилось Горгию. С эстетической точки зрения Горгий также не мог одобрить план Мардиона. Поставленная на участке Дидима ⁶ статуя оказалась бы у самого моря, чего и хотелось регенту и хранителю печати, но в этом случае у нее не было бы фона.

Как бы то ни было, приглашение Цезариона давало архитектору возможность обозреть Брухейон с верхних ступеней храма Исиды и выбрать место для статуи. Ему очень хотелось найти подходящее место, так как скульптор был его другом и умер вскоре после окончания работы.

Храм, откуда смотрел Горгий, находился в одном из красивейших уголков Брухейона, застроенного дворцами, великолепнейшими храмами, огромными театрами; тут же возвышался форум, где македонские граждане собирались на совет, и обитель ученых Мусейон.

Местность, примыкавшая к храму Исиды с востока, называлась «уголком муз» из-за мраморных статуй перед воротами принадлежащего престарелому почтенному ученому и члену Мусейона Дидиму дома с обширным садом.

Большая часть зданий, находившихся перед ним, была построена во времена Александра Великого и его преемников из дома Птолемеев, но некоторые, и притом отнюдь не худшие, были делом рук его, Горгия, или его отца. Это возбуждало гордость, и сердце художника наполнялось восторгом при виде этой части города.

Он бывал в Риме, видел и другие города, славившиеся своим многолюдием и великолепием, но нигде не доводилось ему видеть такого количества изумительных художественных произведений, сосредоточенных на таком незначительном пространстве, как здесь.

⁶ Дидим из Александрии – критик, автор словарей, литературно-исторических и грамматических работ, на которых базируется общая филология. Благодаря множеству научных трудов (их количество колеблется от 3500 до 4000) получил прозвище Халкентер – человек с бронзовыми внутренностями, то есть железным прилежанием.

«Если бы кто-нибудь из бессмертных, – думал он, – пожелал воздвигнуть дворец для обитателей Олимпа, достойный их величия и славы, он не мог бы создать лучшего и более соответствующего художественному вкусу, которым они нас одарили. И, конечно, он воздвиг бы его на берегу такого моря».

Оценивая опытным взором художника гармонию форм отдельных храмов и портиков, удачное расположение зданий и памятников, он говорил себе, глубоко вздыхая, что его искусство – лучшее из искусств, а постройки – благороднейшее развлечение царей.

Без сомнения, так же думали властители, стремившиеся в течение трех столетий создать вокруг своих дворцов окружение, которое соответствовало бы их величию и богатству, выражало бы их почтение к богам и любовь к прекрасному. Ни один царский род на земле не мог бы похвалиться более пышным жилищем. Так думал архитектор, любуясь раскинувшейся перед ним картиной, где плоды неистощимой изобретательности и искусства людей представляли в полном блеске на фоне темно-лазурного моря и неба, под яркими лучами солнца.

Ожидание, которое было бы невыносимо для занятого человека в другом месте и в другое время, здесь превращалось в удовольствие. Лучи солнца сверкали ослепительным блеском на белых мраморных колоннах храмов и портиков, играли на полированном граните обелисков и гладких стенах из белого, желтого и зеленого мрамора, сиенита ⁷ и темного пятнистого порфира ⁸. Казалось, они готовы были растопить пеструю мозаику, одевавшую каждый фут почвы всюду, где не было дороги или деревьев, и бессильно отражались от сверкающего металла и блестящей глазури пестрых черепиц на крышах дворцов и храмов. Здесь они искрились на металлических украшениях, там утопали в сиянии позолоченного купола, придавая ослепительный блеск изумруда зеленой бронзе. Они превращали в коралл и ляпис-лазурь части храмов, окрашенные в красный и голубой цвет, в топаз – их позолоченные украшения. Картины из мозаики на площадях и внутренних стенах колоннад вызначивались особенно рельефно на светлом фоне мраморных масс, которые в свою очередь, чередуясь с картинами, радовали глаз своим разнообразием.

Как усиливались в лучах полуденного солнца пышные краски флагов и вымпелов, развевавшихся над триумфальными арками, над воротами храмов и дворцов, подле обелисков и египетских пилонов! Но даже драгоценная голубая ткань флагов, украшавших дворец детей Клеопатры на Лохиаде ⁹, не могла соперничать с лазурью моря, окаймлявшего берег темно-синей рамкой, тогда

⁷ Сиенит – горномагматическая порода зернистого строения, состоящая в основном из полевых шпатов и цветных минералов с включениями кварца. По названию древнеегипетского города Сун (греч. Сиена – совр. Асуан); строительный и декоративный камень.

⁸ Порфир – горная порода с крупными кристаллами силикатов или кварца, вкрапленными в мелкозернистую массу разнообразных пурпурных оттенков. Очень красивый декоративный камень.

⁹ Лохиада – замыкавший с востока Большую гавань мыс, выдававшийся в море в виде длинного пальца, указывавшего прямо на север. На Лохиаде находился построенный Птолемеями дворец. На западном берегу мыса, у самого его основания, располагалась замкнутая бухта, предназначенная для царских кораблей.

как дальше темные и светлые зеленые полосы пробегали по голубой поверхности.

Предаваясь созерцанию этой картины, Горгий, однако, не забыл о цели своего прихода сюда.

Нет, сад Дидима – явно не подходящее место для последнего творения его друга.

Еще раз взглянув на высокие платаны, сикоморы и мимозы, окружавшие приют старого ученого, он вдруг услышал шум, доносившийся снизу: народ стремился к дому Дидима, как будто там произошло нечто необычайное.

Что нужно людям от скромного ученого?

Обернувшись, он услышал чей-то веселый голос, окликнувший его снизу.

Странная процессия приближалась к храму. Впереди небольшого отряда вооруженных людей шел невысокий коренастый человек с двойным лавровым венком на большой косматой голове. Он оживленно разговаривал с каким-то молодым человеком. Перед ступенями храма они приостановились и поздоровались с архитектором, который ответил несколькими дружескими словами. Увенчанный лаврами хотел, по-видимому, подняться к Горгию, но спутник остановил его, и тот, после непродолжительного колебания, пожал молодому человеку руку, гордо вскинул голову и, раздуваясь, как павлин, отправился дальше со своей свитой.

Молодой человек, подошедший к Горгию, слегка поморщившись, посмотрел вслед удалявшейся процессии, потом спросил архитектора, о чем он молит богиню.

– О твоём приходе, – весело отвечал тот.

– Ну, значит, Исида к тебе милостива! – И мгновение спустя друзья пожимали друг другу руки.

Они были одинакового сложения и роста, их можно было даже принять за братьев, если бы черты лица архитектора не были грубее и резче, чем у его собеседника, которого он называл Дионом и своим другом.

Когда Дион с насмешкой заговорил о своем увенчанном спутнике, Анаксеноре, знаменитом исполнителе на цитре, которому Антоний подарил доходы с четырех городов и позволил держать стражу, Горгий то вторил ему, то сдерживал благоразумными замечаниями. Этот разговор ясно показал глубокое различие в характерах двух сверстников.

Оба проявляли самоуверенность, несвойственную их возрасту; но самоуверенность Горгия была результатом работы и личных заслуг, тогда как у Диона она проистекала из обеспеченного и независимого положения. Человек, незнакомый с деятельностью Диона в городском совете, где он не раз разрешал дела в известном направлении силой своих тщательно подготовленных речей, принял бы его за беззаботного гуляку, каких немало было в Александрии в эту блестящую эпоху, тогда как в Горгий все, от блеска глаз до грубых кожаных сандалий, говорило о его серьезности и деловитости.

Они стали друзьями с тех пор, как Горгий выстроил Диону новый дворец. Продолжительные деловые отношения сближают людей, если не ограничиваются только предписанием и исполнением. В данном случае

заказчик только высказывал желания и давал указания, а художник превратился в искреннего друга, вложившего душу в осуществление того, что лишь смутно рисовалось первому. Таким образом, они сделались мало-помалу необходимы друг другу. Архитектор открыл в богатом молодом щеголе многое, о чем раньше не подозревал, а тот, со своей стороны, был приятно удивлен, найдя в серьезном и степенном художнике хорошего товарища, отнюдь не лишенного слабостей, что, впрочем, только усиливало их дружбу.

После того как дворец, получивший много похвал как одно из лучших украшений столицы, был окончен к удовольствию Диона, дружба молодых людей приняла новый характер, и трудно было бы решить, с чьей стороны она была сильнее.

Исполнитель на цитре остановил Диона с целью услышать от него подтверждение известия о великой победе, будто бы одержанной соединенным флотом Антония и Клеопатры.

В канопском трактире, где он завтракал, эта весть возбудила общую радость, и немало вина было выпито за здоровье победителей и за гибель их коварного соперника.

— Меня теперь считают всеведущим не только олухи вроде Анаксенора, но и многие разумные люди, — говорил Дион. — А почему? Да потому что я племянник хранителя печати Зенона, который сам в отчаянии от того, что ничего не знает, то есть буквально ничего...

— Однако же Зенон — ближайшее лицо к регенту, — заметил Горгий, — так кому же и знать, как не ему, о судьбе флота?

— И ты туда же! — вздохнул его собеседник. — Если бы я так же часто поднимался на крыши и стены зданий, как ты, архитектор, от меня бы не ускользнуло, откуда дует ветер. А дует он с юга вот уже две недели и задерживает корабли, идущие с севера. Регент ничего не знает, решительно ничего, и дядя, разумеется, тоже. А если бы и знали что-нибудь, так они слишком благоразумны, чтобы делиться со мной своими сведениями.

— Положим, ходят и другие слухи, — задумчиво сказал Горгий. — Если бы я был на месте Мардиона...

— Благодарим олимпийцев, что этого с тобой не случилось, — засмеялся Дион. — У него теперь хлопот по уши. А важнейшая... этот молокосос Антилл вчера брякнул у Барины... Бедняга! Дома ему, наверное, досталось за это.

— Ты намекаешь на его замечание по поводу присутствия Клеопатры на флоте?

— Тсс... — произнес Дион, приложив палец к губам.

Толпа мужчин и женщин поднималась по лестнице. Многие несли цветы и хлебы, у большинства лица были оживлены выражением набожной благодарности. До них тоже дошла весть о победе, и они хотели принести жертву богине, которую Клеопатра, «Новая Исида», почитала более всех других.

Храм ожил. Послышались звуки систр и бормочущие голоса жрецов. Тихий портик небольшого алтаря богини, который здесь, в греческой части города, привлекал мало посетителей в противоположность огромному, всегда

переполненному народом храму Исида в Ракотиде ¹⁰, был теперь крайне неудобным местом для беседы людей, приближенных к правителям государства. Замечание Антилла, девятнадцатилетнего сына Антония, насчет Клеопатры, высказанное им вчера на вечере у Барины, красивой молодой женщины, в доме которой собирались все знаменитые представители мужского общества Александрии, было тем более неблагоприятно, что совпадало с мнением здравомыслящих людей. Легкомысленный юноша обожал своего отца, но Клеопатра – возлюбленная, а в глазах египтян жена Антония – не была его матерью. Он родился от Фульвии, первой жены Антония, был римлянином в душе и предпочел бы берега Тибра Александрии. К тому же всем было известно – и преданнейшие друзья его отца отнюдь не скрывали этого, – что присутствие царицы в войске мешало Антонию и могло неблагоприятно повлиять на настроение смелого полководца. Все это Антилл высказал с унаследованной от отца неблагоприятной откровенностью, и притом в такой форме, которая могла только содействовать скорейшему распространению его слов.

Собравшиеся в храме Исида, вероятно, еще не слышали об этой сплетне, но здесь могли оказаться люди, знавшие Цезариона. Поэтому Горгий нашел более удобным подождать его у подножия лестницы. Итак, он спустился со своим другом вниз, с трудом пробираясь сквозь толпы людей, стремившихся в храм и к дому ученого Дидима.

Им хотелось узнать, не распространился ли слух о намерении регента и Зенона отобрать у Дидима сад, чтобы воздвигнуть на его месте статую. Первые же вопросы показали, что об этом действительно уже всем известно. Говорили даже, будто дом ученого будет разрушен и притом в несколько часов. Это возбуждало общее негодование, и только какой-то долговязый детина старался оправдать неблагоприятное решение правителей.

Друзья хорошо знали этого человека. То был сириец Филострат, краснбай и крикун, защищавший худшие предприятия в угоду тому, кто больше заплатит.

– Теперь этот мошенник состоит на службе у моего дяди, – заметил Дион. – Он-то и присоветовал поставить статую в этом месте. Тут у него какие-то тайные цели. И надо же им было подкупить именно Филострата. Может быть, это имеет какое-нибудь отношение к Барине: ведь Филострат был ее мужем, а затем отказался от нее.

– Отказался! – повторил Горгий. – Подходящее выражение! Да, конечно, отказался, но, чтобы побудить его к этому, бедняжке пришлось пожертвовать доброй половиной своего состояния, которое ее отец нажил кистью. Ты знаешь не хуже меня, что жизнь Барины с этим негодяем была просто невыносимой.

– Совершенно верно, – равнодушно отвечал Дион. – С тех пор как вся Александрия растаяла от восторга, слушая ее пение на празднике Адониса ¹¹, ей не нужен столь жалкий спутник.

– Как ты можешь бросать тень на женщину, которую не далее как вчера

¹⁰ Ракотида – второй по значению после Брухейона квартал Александрии

¹¹ Адонис – бог плодородия и растительности в древнефиникийской мифологии. С V в. до н.э. культ Адониса распространился в Греции, позднее в Риме.

называл безупречной, прекрасной, единственной...

– Боюсь, что свет, исходящий от нее, слепит твои глаза. А я-то знаю, как они чувствительны.

– Так пощади же их, а не раздражай. Впрочем, твое предположение имеет некоторое основание. Барина – внучка ученого, у которого хотят отнять сад, и ее бывший муж не прочь устроить эту пакость. Но я расстрою его игру. Мое дело выбрать место для статуи...

– Твое? – перебил Дион. – Да, если кое-кто посильнее тебя не вмешается в это дело. Я бы, пожалуй, отговорил дядю, но тут и кроме него заинтересованы разные лица. Царица сильна, но и приказаниями Иры нельзя пренебрегать, а она говорила мне сегодня утром, что у нее свои соображения насчет места для статуи.

– В таком случае, – воскликнул архитектор, – Филострат явился на сцену по твоей милости!

– По моей? – переспросил Дион с удивлением.

– Конечно, по твоей! Ты сам мне рассказывал, что Ира, подруга твоего детства, в последнее время доняла тебя шпионством, выслеживая каждый твой шаг. Ну а затем... Ты усердный посетитель Барины, которая явно предпочитает тебя всем нам, что легко могло дойти до ушей Иры.

– У Аргуса ¹² сотня, у ревности тысяча глаз, – перебил его друг, – а между тем все, что меня привлекает в Барине, это возможность приятно провести час-другой вечером, в свободное время. Все равно. Предположим, что Ира слышала о предпочтении, оказываемом мне Бариной. Ира сама равнодушна ко мне и потому подкупает Филострата. Подкупает для того, чтобы сделать гадость той, что стоит между мной и ею, или старику, имеющему счастье или несчастье быть дедом ее соперницы. Нет, нет! Это было бы слишком, слишком низко! И, поверь мне, если бы Ира хотела погубить Барину, то не стала бы действовать так подло. Притом она не злая. А впрочем, пожалуй... Я ведь знаю о ней только то, что она пользуется любыми средствами, когда нужно чего-нибудь добиться для царицы, а еще, что с ней не соскучишься. Да, Ира, Ира... Мне нравится это имя. А все-таки я ее не люблю, она же любит только себя и еще больше свою госпожу, что немногие могут сказать о себе. Что для нее весь мир? Что значу я в сравнении с царицей, кумиром ее сердца? С тех пор как та уехала, она бродит словно покинутая Ариадна ¹³ или лань, отбившаяся от матки. Царица доверяет ей, как сестре, как дочери. Никто не знает, какую, собственно, роль играют во дворце Ира и Хармиона. Называются они служанками, на самом же деле они скорее подруги царицы. Уезжая и оставляя здесь Иру – у нее была лихорадка, – Клеопатра поручила ей надзор за детьми, между прочим, и за такими, у которых уже пробивается борода: за «царем царей» Цезарионом, которого управляющий дворца колотит скипетром за

¹² Аргус – в древнегреческой мифологии многоглазый великан, бдительный страж

¹³ Ариадна – дочь критского царя Миноса; помогла афинскому герою Тесею выйти из лабиринта, вручив ему клубок ниток, конец которых был закреплен при входе («нить Ариадны»); бежала тайно с Тесеем, обещавшим на ней жениться, но была им оставлена

малейшую провинность, и за Антиллом, забравшимся вчера к нашей приятельнице.

– Ведь это сам Антоний, его отец, познакомил их.

– Правда твоя, а Антилл познакомил с ней Цезариона. Это не нравится Ире, как и все, что может огорчить царицу. Так что Барина неприятна ей, во-первых, из-за Клеопатры, во-вторых, быть может, из-за меня. Итак, она устроит старику, деду Барины, каверзу, которую внучка примет близко к сердцу, и по своей избалованности и неосторожности не удержится от какой-нибудь глупости, за которую ее можно будет притянуть к ответу. Вряд ли Ира замышляет что-нибудь против ее жизни, скорее, она рассчитывает на изгнание или на что-то в этом роде.

– Хотя я сам натолкнул тебя на эту мысль, но все-таки не решаюсь заподозрить ее в такой низкой интриге, – недоверчиво заметил Горгий.

– А я разве подозреваю! – воскликнул Дион. – Я переносусь мысленно ко двору и стараюсь понять душу женщины, способной там менять погоду по своему усмотрению. Ты округляешь колонны и обтесываешь балки, чтобы укрепить на них крышу, которой займешься в свое время. Она же и все, кто вертится при дворе, прежде всего строят крышу, а потом уже стараются поднять ее и укрепить. При этом могут оказаться и трупы, загубленные жизни, разбитые сердца. Во всяком случае крыша останется на месте до тех пор, пока главный смотритель построек – Клеопатра – будет находить ее красивой. Остальное... Но я вижу повозку. Это он... Ты хотел... – Тут он остановился, схватил за руку своего собеседника и быстро прошептал: – Ира замешана в этом деле, и не об Антилле, а об этом ханже она хлопочет. Когда мы говорили о статуе, она тут же спросила, видел ли я его третьего дня вечером; а как раз в тот вечер я его встретил у Барины. В нее-то и метит Ира. Чтобы поймать мышь, нужно открыть мышеловку, вот Ира и собирается сделать это своей маленькой ручкой.

– Если только ей не помогает какая-нибудь мужская рука, – прибавил архитектор и обернулся к повозке и к пожилому человеку, направлявшемуся в их сторону.

II

Дион хотел скромно удалиться, когда спутник Цезариона подошел к ним и поздоровался. Но тот удержал его. Это был крупный, широкоплечий мужчина мощного сложения; в его голосе и плавных, размеренных жестах чувствовалось какое-то спокойствие. Ему было около сорока пяти лет, но с виду он казался старше из-за огромной седой головы и в особенности из-за степенных манер.

– Молодой государь, – сказал он глубоким, звучным голосом, указывая на повозку, – хотел бы переговорить с тобой лично, Горгий, но я отсоветовал ему показываться на народе. Он явился сюда в закрытой повозке. Сделай одолжение, подойди и выслушай его, а я побуду здесь. Странные дела творятся!.. Да что это? Или я ошибаюсь? Неужели эта громадина, которую там тащат, статуя царицы и ее друга? Это ты, Горгий, выбрал для нее место?

– Нет, – отвечал архитектор решительно. – Да и распоряжение о перевозке статуи отдано без моего ведома и против моей воли.

– Так я и думал, – заметил его собеседник. – Цезарион хочет поговорить с тобой именно об этой статуе. Если ты можешь помешать ее установке на земле Дидима, тем лучше. Я со своей стороны готов оказать тебе содействие, но в отсутствие царицы мое влияние невелико.

– А о моем и говорить не стоит, – подхватил архитектор. – Кто нынче может предсказать, будет завтра ясно или пасмурно? Скажу одно: я со своей стороны сделаю все, чтобы помешать посягательству на право почтенного гражданина, нарушению законов нашего города и оскорблению хорошего вкуса.

– Скажи это царевичу, только осторожно, – заметил Архибий, видя, что архитектор направляется к повозке.

Когда он остался наедине с Дионом, тот спросил его о причинах суматохи на улице. Он разделял общее уважение всего александрийского общества к Архибию и знал о его отношениях с владельцем сада и его внучкой Бариной, поэтому рассказал ему вполне откровенно о своих опасениях.

– Ира – твоя племянница, – прибавил он, – но ведь ты знаешь, у нее очень тонкий расчет: подбросить неосторожному человеку золотое яблоко под ноги, а когда тот его поднимет, обвинить простака в воровстве.

Заметив вопросительный взгляд Архибия при этом сравнении, он продолжал более серьезным тоном:

– Зевс велик, но и над ним владычествует судьба! Мой дядя Зенон пользуется большим влиянием при дворе, но когда Ира и твоя сестра Хармиона, которая, к несчастью, уехала с царицей, вздумают сделать что-нибудь по-своему, он живо уступает, так же как и регент Мардион. Чем пленительнее Клеопатра, тем больше дорожат местами при ней, и уж во всяком случае гораздо больше, чем такими безделицами, как закон и право.

– Твой отзыв чересчур резок, – перебил Архибий, – и мне горько его слышать, так как в нем много правды. Наш двор разделяет участь всех восточных дворов, и тот, кому в былое время Рим подавал пример уважения к святости закона и права...

– Может отправиться туда, – подхватил Дион, – и посмотреть, как там попирают и то и другое. Здешние и тамошние правители могут усмехаться, как авгуры¹⁴, глядя друг на друга. Это одного поля ягоды!..

– С той разницей, что у нас во главе государства стоит сама красота и прелесть, а в Риме – нечто совершенно противоположное: дикая грубость, жестокое высокомерие или отвратительная подлость.

Тут он остановился и указал на шумную толпу, приближавшуюся к ним. Но Дион ответил ему:

– Ты прав, мы продолжим этот разговор в доме прекрасной Барины. Только я редко встречаю тебя у нее, а между тем ты хорошо знал ее отца, да и у нее всегда можно услышать что-нибудь интересное. Мы с ней друзья. В моем возрасте эти слова можно понять в смысле «любовники». Но в данном случае

¹⁴ авгуры – в Древнем Риме коллегия жрецов, толковавших волю богов

ничего подобного нет. Ты мне поверишь, надеюсь, ты сам можешь назваться другом обольстительнейшей из женщин.

Горькая улыбка мелькнула на суровом лице Архибия; он сделал движение рукой, точно отмахиваясь, и сказал:

– Я вырос вместе с Клеопатрой, но простой смертный может любить царицу только как божество. Я охотно верю в твою дружбу с Бариной, но считаю ее опасной.

– Если ты хочешь сказать, – возразил Дион, всем своим видом желая показать, что не нуждается в предостережениях своего собеседника, – что она может навредить этой обворожительной женщине, то, пожалуй, ты прав. Но прошу тебя, не придавай моим словам другой смысл. Я не так тщеславен, чтобы воображать, будто могу нанести чувствительный удар ее сердцу. Беда в том, что многие не могут простить Барине ее обаяния, которое испытываю и я, и все мы. Понятно, если много мужчин посещает ее дом, то найдется много женщин, которые были бы рады закрыть его двери. К их числу принадлежит Ира. Она злится на мою подругу, и я даже боюсь, что вся эта история и есть то самое яблоко, подброшенное для того, чтобы если не погубить, то по крайней мере удалить Барину из города, прежде чем царица – да пошлют ей боги победу! – вернется. Ты знаешь Иру: она же твоя племянница. Как и сестра твоя Хармиона, она не остановится ни перед чем, если нужно избавить Клеопатру от неприятности или огорчения, а царице вряд ли будет приятно узнать, что оба мальчика, Антилл и Цезарион, судьбу которых она принимает так близко к сердцу, посещают Барину, как бы ни была безупречна ее репутация.

– Я слышал об этом, – сказал Архибий, – и меня это тоже беспокоит. Сын Антония унаследовал от отца ненасытную жажду наслаждений. Но Цезарион! Он еще не расстался с детскими грезами. Что другие едва замечают, его задевает за живое. Боюсь, что Эрос¹⁵ точит для него опасные стрелы. Разговаривая с ним в последний раз, я нашел, что он сильно изменился. Глаза его сверкали, как у пьяного, когда он говорил о Барине. Боюсь, боюсь...

– Вот оно что! – воскликнул Дион с изумлением, почти с испугом. – Ну если так, то Ира не совсем не права, и нам нужно иначе повернуть это дело. Прежде всего не следует упоминать о том, что Цезарион вмешался в историю с Дидимом. Никто не удивится, что мы желаем сохранить за стариком его собственность; я беру это на себя и постараюсь уговорить Филострата, – посмотри, как этот шут усердствует на службе у Иры. Что касается Барины, то хорошо бы убедить ее добровольно уехать из Александрии, если уж ее положение так щекотливо. Возьми-ка это на себя. Если я вздумаю предложить ей уехать, я, который не далее как вчера... Нет, нет! Она и без того слышала, что Ира и я... Бог знает, что ей причудится. Ты знаешь, что такое ревность! Тебя же она послушается и уедет куда-нибудь недалеко. Если сердце мечтательного мальчика не на шутку затронуто, это может привести к самым печальным последствиям. Мы должны обезопасить Барину от него. В мое имение у Себеннита она не может уехать. Найдутся злые языки, пойдут сплетни! Твоя

¹⁵ Эрос – в греческой мифологии бог любви, то же, что в римской – Амур

канопская вилла слишком близко отсюда, но у тебя есть, если не ошибаюсь...

– Мое имение на морском берегу достаточно далеко и может служить ей приютом, – кивнул Архибий. – Дом всегда готов на случай моего приезда. Хорошо, я попытаюсь уговорить ее; твой совет разумен. Надо ее удалить с глаз Цезариона!

– А я, – продолжал Дион, – зайду завтра утром узнать о результатах твоей попытки, или даже сегодня вечером. В случае успеха я скажу Ире, что Барина уехала в Верхний Египет лечиться молоком. Ира благоразумна и рада будет прекратить эти дразги в такую минуту, когда решается судьба Клеопатры и мира.

– Я тоже постоянно переносюсь в мыслях к войску, – сказал Архибий. – Как все ничтожно в сравнении с решением, которое мы ожидаем на днях. Но жизнь складывается из мелочей. Они нас кормят, поят и согревают! Если Клеопатра вернется победительницей и узнает, что Цезарион на ложном пути...

– Надо ему преградить этот путь! – воскликнул Дион.

– Ты боишься, что он последует за Бариной? – спросил Архибий и слегка покачал головой. – Я думаю, что этого нам нечего опасаться. Он, конечно, был бы не прочь, но между желанием и исполнением у него огромное расстояние. Вот Антилл... ну, этот другого закала! Антилл способен отправиться за ней верхом или на лодке хоть до Водопадов, так что нам придется держать в строжайшем секрете место добровольного изгнания Барины.

– Вот только уедет ли она, – сказал Дион с легким вздохом. – Она точно цепями прикована к этому городу.

– Знаю, – подтвердил Архибий, но тут Дион указал на повозку и быстро проговорил: – Горгий зовет тебя. Постой, сделай же все, что можешь, чтобы уговорить Барину. Ей угрожает серьезная опасность. Не скрывай от нее ничего и скажи ей, что друзья не долго оставят ее в одиночестве.

Архибий молча погрозил юноше и направился вместе с ним к повозке.

Правильное, но бледное лицо Цезариона, как две капли воды напоминавшее черты его отца – великого Цезаря, смотрело на них из окна. Когда они приблизились, Цезарион приветствовал их легким наклоном головы и благосклонным взглядом. Минуту назад, когда он увидел старого друга, этот взгляд оживился юношеским блеском, но перед посторонним он желал казаться царем, хотел дать почувствовать свое высокое положение, тем более что недолюбливал Диона. Он знал, что тот пользуется предпочтением женщины, которую Цезарион любил – так^по крайней мере, ему казалось – и обладание которой было предсказано тайной египетской мудростью.

Благодаря Антиллу, сыну Антония, он познакомился с Бариной и был ею принят с почтением, подобающим его сану. Но юношеская робость до сих пор мешала признаться в любви этой женщине, окруженной зрелыми и выдающимися людьми. Только выразительные, с влажным блеском глаза слишком ясно говорили о его чувствах. И они не остались незамеченными. Недавно какая-то египтянка остановила его подле храма Цезаря, куда он отправлялся ежедневно молиться, приносить жертвы, орошать маслом камень алтаря, согласно установленному порядку, определявшему каждый шаг его

жизни.

Он тотчас узнал рабыню, которую видел в атриуме Барины, и приказал свите отойти в сторону.

К счастью, управляющий царского дворца Родон на этот раз не счел нужным сопровождать его. Это придало ему смелости. Цезарион последовал за рабыней и увидел в тени мимоз, окружавших храм, носилки Барины. С бьющимся сердцем, полный трепетного ожидания, он подошел к ним, повинувшись ее знаку. Правда, его удостоили только одной милости: исполнить ее желание. Но все же сердце готово было разорваться, когда, опершись своей белой ручкой на дверцу носилок, Барина объясняла ему, что он замешан в деле о конфискации сада ее деда Дидима и что ему, «царю царей», следует воспрепятствовать такой несправедливости.

Трудно было уловить смысл ее речи, слова отдавались в его ушах, точно он стоял не в тихой рощице подле храма, а на утесе Лохиады в бурную погоду, среди шумящего прибоя. Цезарион не осмелился поднять глаза и взглянуть ей в лицо. Только после того как она спросила, можно ли рассчитывать на его помощь, их взгляды встретились. Чего только не прочел он в голубых молящих глазах, – и какой несказанно прекрасной она показалась ему.

Как одурманенный, стоял он перед ней и помнил только, что, приложив руку к сердцу, обещал сделать все, чтобы избавить ее от печали. Тогда маленькая ручка со сверкающими кольцами еще раз потянулась к нему, и на этот раз он решился поцеловать ее, но пока оглядывался на свиту, Барина успела сделать знак рабам и носилки тронулись прочь.

И вот он стоял – как человек на старинной вазе его матери, с отчаянием смотрящий вслед улетающему счастью, – проклиная несчастную нерешительность, причинившую ему столько зла. Но не все еще потеряно. Если ему удастся исполнить ее желание, заслужить ее благодарность, то тогда...

Цезарион стал думать, к кому бы обратиться. К регенту Мардиону или хранителю печати? Нет! Они-то ведь и решили поставить статую в саду Дидима. К Ире, поверенной в тайнах его матери? Ни в коем случае! Хитрая девушка выведает от него все и перескажет регенту. Вот если бы Хармиона была здесь... но она отправилась с флотом, который теперь, быть может, уже вступил в сражение.

При воспоминании об этом он опустил глаза, так как ему не позволили занять подобающее место в войске, тогда как мать и Хармиона... Но Цезарион недолго предавался этим тягостным мыслям: в нем проснулись угрызения совести, от которых кровь прихлынула к его лицу... Он считает себя мужем, а между тем в такое время, в такие дни, когда решается судьба его матери, его родного города, Египта и Рима – того самого Рима, который он, единственный сын Цезаря, привык считать своим наследием, – в такие дни он думает только о красавице, проводит бессонные ночи, мечтая овладеть ею и забывая о том, что должно было бы всецело владеть его мыслями.

Не далее как вчера Ира резко заметила ему, что в такие дни каждый друг царицы, каждый враг ее врагов должен быть при войске, по крайней мере в своих помыслах.

Он подумал об этих словах, но это воспоминание только напомнило ему о дяде Иры, Архибии, который имел большое влияние не только из-за своего богатства, но и благодаря всем известной дружбе с Клеопатрой. К тому же этот мудрый, здравомыслящий человек всегда хорошо относился к Цезариону. Поэтому последний решил обратиться к нему и к архитектору Горгию, с которым познакомился при перестройке дворца на Лохиаде, причем архитектор произвел на него очень хорошее впечатление.

Решившись на это, он немедленно отправил человека из свиты к Горгию с табличками, в которых приглашал его явиться для переговоров к храму Исиды.

Около полудня Цезарион тайно отправился в лодке в небольшой дворец Архибия на берегу моря; а теперь, когда Архибий и Горгий стояли перед ним, объявил, что сам отправится к Дидиму с архитектором и защитит ученого от несправедливости.

Это было во всех отношениях неудобно, и Архибию пришлось пустить в ход все свое красноречие, чтобы отговорить царевича. Народ может узнать его в то время, как он выступит против регента, а это навлечет на него самые серьезные неприятности. Но уступить и покориться было на этот раз особенно тяжело для юного «царя царей». Ему так хотелось казаться мужчиной перед Дионом! Наконец, убедившись, что это невозможно, он постарался соблюсти хоть внешний вид достоинства, заявив, что уступает настояниям Архибия только из опасения навлечь неприятности на старого ученого и его внучку. Затем он еще раз просил архитектора сделать все, что возможно, для Дидима. Когда наконец он удалился вместе с Архибием, начинало уже смеркаться и перед храмом и небольшим мавзолеем, примыкавшим к целле ¹⁶, зажгли факелы, а на площади сковороды с варом.

III

– Дело-то плохо, – сказал архитектор, глядя вслед удаляющейся повозке и покачивая головой.

– Да и там, внизу, не лучше, – прибавил Дион, – Филострат, кажется, убедил толпу...

– Неужели, – воскликнул архитектор, – Барина была женой, почти служанкой этого негодяя! Как могло такое случиться...

– Она была почти ребенком, когда их обвенчали, – перебил Дион. – Разве у нас спрашивают о желании пятнадцатилетней девушки, когда выбирают ей супруга? А Филострат – мы с ним вместе учились в Родосе – подавал тогда большие надежды. Его брат Алексас, любимец Антония, мог оказать ему покровительство. Отец Барины умер, мать привыкла слушаться Дидима во всем, что касалось его внучки, и ловкий сириец сумел пустить пыль в глаза старику. Ведь он и теперь выглядит недурно. Как оратор он имел успех. Это вскружило ему голову и заставило пуститься во все тяжкие. Чтобы купить

¹⁶ Целла – святилище античного храма, где находилось скульптурное изображение божества

красавице-невесте хорошую обстановку, он взялся за нечистое дело взяточника Пирра и выиграл его.

– Он подкупил дюжину лжесвидетелей.

– Целых шестнадцать. За ними последовали многие другие. Однако пора его уговорить. Ты ступай в дом и успокой старика и Барину, если она там. Если встретишь посланника от регента, скажи ему о незаконности этого неслыханного решения. Ты ведь знаешь законы, на которые можно сослаться в пользу старика.

– Со времени Эвергета II ¹⁷ зарегистрированные земельные участки являются неприкосновенными, а участок Дидима был зарегистрирован.

– Тем лучше. Да намекни послу, что, насколько тебе известно, регент может изменить свое решение.

– Я же сошлюсь на свое право выбирать место для статуи. Сама царица приказала учитывать мое мнение в этом вопросе.

– Это самое главное. Тогда до свидания. К Барине лучше не ходи сегодня вечером. Если увидишь ее, скажи, что Архивий собирался ее навестить; я после скажу тебе зачем. Потом я отправлюсь к Ире и попытаюсь уговорить ее. О желании Цезариона лучше не упоминать.

С этими словами Дион пожал архитектору руку и направился к толпе, окружавшей высокий пьедестал на полозьях, на котором привезли тщательно закутанную статую.

Ворота в доме ученого были открыты, так как посланник регента действительно явился к нему некоторое время тому назад. Скифская стража, присланная приятелем Барины, экзегетом ¹⁸ Деметрием, удерживала наплыв любопытных.

Архитектор был знаком с начальником стражи и скоро стоял возле имплювия ¹⁹, посреди которого бил небольшой фонтан, орошавший влажной моросью круглую клумбу с цветами. Старик-невольник только что зажег лампы на высоких подставках.

Когда архитектор вошел в дом, там уже собрались чиновники, писцы, понятые – всего человек двадцать с казначеем Аполлоном во главе.

Раб, проводивший Горгия, сообщил ему об этом.

В атриуме ²⁰ его остановила девушка, принадлежавшая, по-видимому, к семье ученого. Он не ошибся, подумав, что это Елена, младшая внучка Дидима, о которой говорила ему Барина. Правда, она была не похожа на сестру. Вместо светлых кудрей Барины головку девушки обвивала густая гладкая, черная как

¹⁷ Имеется в виду Птолемей VIII Эвергет II

¹⁸ Экзегет – толкователь, проводник, возможно, инспектор или хранитель одного из отделений Мусейона

¹⁹ Импливий – прямоугольный неглубокий водосток – бассейн в центре атрия (закрытого внутреннего двора, располагающегося в центре жилого дома). В кровле над импливием находился комплювий – прямоугольный проем, через который в бассейн стекала дождевая вода.

²⁰ Атриум (точнее атрий), в который выходили двери почти всех помещений первого этажа, обычно использовался как гостиная.

смоль коса. В особенности поразил архитектора глубокий, низкий голос, выдававший внутреннее волнение, когда она обратилась к нему с вопросом, в котором слышался легкий упрек:

– Еще какое-нибудь требование?

Он прежде всего удостоверился, что говорит действительно с Еленой, сестрой его приятельницы, а затем сообщил ей, кто он и зачем явился.

Первое впечатление, которое она произвела на него, не было благоприятным. Легкая складка на лбу, показавшемся ему слишком высоким для женщины, обнаруживала недружелюбное настроение, а красивый рот обличал страстный характер и придавал ее безукоризненно правильному лицу строгое, даже жесткое выражение. Но услышав, что он пришел защитить ее деда, она глубоко вздохнула и, приложив руку к груди, воскликнула:

– О, сделай все, чтобы помешать этому ужасному решению. Никто не знает, как дорожит старик этим домом! А бабушка! Они умрут, если у них отнимут его!

Ее большие глаза глядели на него с жаркой мольбой, а в глубоком голосе звучала искренняя любовь к семье.

Архитектор должен был помочь им и от всей души желал этого. Он сказал ей об этом, и она отнеслась к нему как к помощнику в трудную минуту и с трогательным чистосердечием просила его сказать деду, за которым собиралась сходить, что не все еще потеряно.

Архитектор с удивлением спросил, неужели Дидим еще ничего не знает.

– Он работает в беседке у моря, – быстро отвечала она. – Аполлоний – добрый человек и согласился подождать, пока я подготовлю деда. Но мне следует поспешить. Дед уже раз десять присылал сюда Филотаса, своего ученика, узнать, что здесь за шум; но я велела ему сказать, что народ стремится в гавань узнать новости о царице. Тут не раз поднимались крики, но дед ни на что не обращает внимания, когда сидит за работой, а Филотас – молодой ученик из Амфиссы²¹ – любит его и слушается меня. Бабушка тоже ничего не знает. Она глуха, а рабыням запрещено рассказывать, что происходит. Внезапный испуг может повредить ей, так сказал доктор. Только бы мне не слишком огорчить деда!

– Хочешь, я провожу тебя? – дружески спросил архитектор.

– Нет, – отвечала она. – Он не сразу поверит чужому человеку. Только когда Аполлоний сообщит ему обо всем, постарайся утешить, если увидишь, что он будет очень огорчен, и скажи, что есть друзья, которые заступятся за него.

Тут она благодарно кивнула ему головой и поспешно направилась в сад через боковую дверь.

Архитектор смотрел ей вслед, тяжело дыша, с блестящими глазами. Как добра эта девушка, как заботится о своей семье! Как разумно поступает это юное существо! Он видел ее при недостаточном освещении, но она должна быть очень хороша собой. Во всяком случае у нее прекрасные глаза, губы и волосы. Сердце его забилося быстрее, и он спросил себя, не лучше ли эта

²¹ Амфисса – город в Средней Греции

девушка, одаренная всем, что составляет истинное достоинство женщины, своей сестры Барины, хотя та, бесспорно, привлекательнее? Хорошо, что его подбородок и щеки были закрыты бородой, потому что Горгий, зрелый, степенный муж, покраснел при этой мысли. И знал почему. Всего полчаса тому назад он думал и говорил Диону, что считает Барину обворожительнейшей из всех женщин, а теперь новый образ отеснил прежний и наполнил его новым, быть может, сильнейшим чувством.

Это случилось с ним не в первый раз, и его друзья, в том числе и Дион, подметили эту слабость и отравили ему немало веселых часов своими насмешками. Немало белокурых и смуглых, высоких и маленьких красавиц воспаляли его сердце, и всякий раз ему казалось, что именно ту, которой подарил свою быстро вспыхнувшую привязанность, он должен назвать своей, чтобы стать счастливым. Но, прежде чем доходило дело до чего-нибудь решительного, возникал вопрос, не нравится ли ему еще больше другая. В конце концов она начал думать, что его сердце не может принадлежать какой-нибудь одной женщине, а только всему слабому полу, поскольку он молод и прекрасен. Правда, он чувствовал себя способным сохранить верность, так как отличался постоянством и готовностью на всякие жертвы в отношениях к друзьям, но с женщинами дело обстояло иначе. Неужели и образ Елены, показавшийся ему таким необыкновенным, скоро побледнеет? Это было бы удивительно, а все-таки он был уверен, что на этот раз Эрос ранил его не на шутку.

Все это с быстротой молнии промелькнуло в его голове и взволновало его сердце, пока он проходил в имплювиум, где чиновники с нетерпением ожидали владельца дома. Горгий с обычной прямоотой и решительностью объяснил им, почему он надеется, что их поручение останется неисполненным, а казначей уверил его, что будет очень рад, если регент отменит свое распоряжение. Он охотно подождет, пока внушка сообщит старику-ученому о грозящей ему несправедливости.

Впрочем, терпение его недолго подвергалось испытанию, потому что старик был предупрежден прежде, чем Елена успела дойти до его домика. Философ Евфранор, престарелый член Мусейона, пробрался к нему в сад и рассказал обо всем, не обратив внимания на предостерегающие жесты и взгляды Филотаса. Но Дидим знал своего коллегу, который, ведя такую же отшельническую жизнь, посвящал остаток своих дней и сил науке. Поэтому он только недоверчиво покачал головой и сердито воскликнул, как будто дело шло о самом незначительном происшествии: «Ну, что там еще! Посмотрим!»

С этими словами он встал и хотел выйти из комнаты, забыв даже о сандалиях, стоявших на ковре, и верхней одежде, висевшей на полке с книгами, — до такой степени, несмотря на кажущееся спокойствие, был он взволнован неожиданным известием. Но его друг, молча следивший за ним, остановил его. В эту минуту вошла Елена.

Старый философ, смущенный недоверием своего друга, обратился к ней с просьбой убедить деда, что случаются иногда вещи, противоречащие нашим желаниям. Она осторожно сообщила ему обо всем, прибавив, что надеется на

помощь архитектора.

Дидим опустил голову, потом выпрямился и, не обращая внимания на плащ, который Елена держала наготове, отворил дверь и вышел со словами: «Нет, этого не будет».

Евфранор и внучка последовали за ним; он же сгорбившись, но быстрыми и твердыми шагами прошел через сад и, не реагируя на вопросы своих спутников, вошел в имплювиум. Яркий свет ослепил его, и он не сразу освоился в толпе присутствующих. Казначей подошел к нему, поздоровался очень почтительно и сказал, что ему неприятно отрывать ученого от работы, которую с нетерпением ожидает научный мир, но этого требуют важные обстоятельства.

– Слышал, слышал, – перебил старик с усмешкой. – В чем же, собственно, дело?

При этом он обвел глазами присутствующих. Дидим не знал никого из них, кроме казначея, с которым имел дела по счетам Мусейона, и архитектора, для которого сочинил надпись к новому Одеону²². При виде незнакомых лиц уверенность, не покидавшая его до сих пор, поколебалась.

– Правда ли, что мой сад собираются превратить в публичную площадь? И для чего? Для того, чтобы поставить на его месте статую. Но об этом и речи быть не может, мой участок занесен в кадастр, а закон...

– Извини, что я тебя перебую, – возразил казначей. – Нам известны постановления, на которые ты ссылаешься, но здесь дело идет об исключительном случае. Регент ничего не отнимет у тебя. Напротив, он предлагает тебе от имени царицы вознаграждение, – размеры его ты сам определишь, – за участок земли, который будет почтен статуей высочайших представителей нашей вселенной Клеопатры и Антония. Ее уже привезли сюда. Это произведение превосходного скульптора, слишком рано умершего Лизандра, без сомнения, может только украсить твоё жилище. Домик на берегу моря, к сожалению, придется снести завтра же, так как царица может вернуться каждый день с победой, если бессмертные справедливы. Статуя, воздвигнутая в ее честь, должна встретить ее при самом въезде, вот почему регент послал меня к тебе объявить его желание, которое вместе с тем есть желание царицы...

– Впрочем, – перебил его архитектор, к которому внучка старика только что обратилась с новой мольбой о помощи, – твои друзья все-таки постараются убедить регента выбрать для статуи другое место.

– Это их дело, – заметил казначей. – Что случится в будущем – нам не известно. Моя же обязанность просить достойного владельца этого дома и сада подчиниться приказу царицы, который я передаю в форме просьбы, согласно желанию регента.

Старик молча выслушал эту речь, устремив пристальный взгляд на казначея: итак, это правда. У него действительно хотят отнять его сад, его домик – приют для его работы и размышлений в течение полустолетия – ради какой-то статуи.

Убедившись в этом, он потупил взор, точно забыл обо всем, что его

²² Одеон – круглое в плане крытое здание для выступления певцов, концертный зал

окружает. Невыносимая скорбь сковала ему язык.

Снаружи доносились крики и гул толпы, но старик, по-видимому, не слышал их и не замечал своей внучки. Однако, почувствовав ее прикосновение, он поднял голову и обвел взглядом присутствующих.

В тусклых глазах старого комментатора и энциклопедиста горел теперь огонь юношеской страсти, он смотрел как боец, готовый вступить за правое дело. Дряхлый застенчивый старец превратился в опасного соперника. Его губы и тонкие ноздри сжались, и, когда казначей, повысив голос, сказал, что ему следует сегодня же вынести вещи из домика в саду, так как завтра утром его снесут, Дидим поднял руку и воскликнул:

– Этого не будет! Я не вынесу ни единого свитка. Завтра утром, как и всегда, вы найдете меня за работой и, если решитесь отнять у меня мою собственность, вам придется употребить силу.

– Полно, достойный муж, – перебил его казначей. – Всем в подлунном мире приходится подчиняться высшей воле; над богами владевает судьба, над смертными – цари. Ты мудр и понимаешь, что я только исполняю свою обязанность! Но я знаю жизнь и, если позволишь, посоветую тебе подчиниться неизбежному. Ручаюсь, что ты не останешься в убытке, что царица даст тебе вознаграждение...

– Которого, – с горечью подхватил Дидим, – хватит, чтобы построить дворец на месте этого домишки. Но, – вспыхнул он снова, – мне не нужно ваших денег! Я не хочу уступать свое законом утвержденное право! За него я стою, и тот, кто осмелится посягнуть на мою собственность, которой владели мой отец и дед...

Тут он умолк, потому что на улице послышались восторженные крики; когда же они затихли и упрямый старик хотел продолжать свою речь, его перебил звонкий женский голос, обратившийся к нему с греческим приветствием «Радуйся!» и звучавший так весело и приветливо, что тяжелое смущение, одевшее точно облаком лица присутствующих, почти рассеялось.

Пока одни прислушивались к гулу возбужденной толпы, а другие смотрели на старика, упорство которого вряд ли можно было преодолеть, молодежь уставилась на прекрасную женщину, только что вошедшую в комнату. Быстрая ходьба разрумянила ее щеки, обворожительное личико весело и приветливо глядело на сестру, деда и архитектора из-под голубого шарфа, обвивавшего белокурую головку.

Казначей и многим его спутникам показалось, будто само счастье посетило этот печальный дом, и у многих лица прояснились, когда старик совершенно другим тоном, чем прежде, воскликнул: «Ты здесь, Барина?», а она, не обращая внимания на присутствующих, нежно расцеловала его в обе щеки.

Елена, архитектор и Евфранор подошли к ней, и последний с ласковым упреком спросил:

– Сумасшедшая, как ты пробралась сюда сквозь эту ревущую толпу?

Она весело отвечала:

– Один ученый, член Мусейона, встречает меня вопросом, здесь ли я, хотя по милости дружелюбной или – как ты думаешь на этот счет, дед? – враждебной

судьбы я с детства была довольно заметной, другой укоряет за то, что я пробралась сквозь толпу, точно можно остановиться перед чем-либо, когда нужно помочь друзьям, которым приходится плохо. Но какой ужасный шум!

Она поднесла свои маленькие ручки к ушкам, прикрытым шарфом, и заговорила не прежде, чем шум утих, хотя и уверяла, что спешит и зашла только узнать, как дела.

Сестра и архитектор едва успевали отвечать на ее торопливые вопросы. Когда же она узнала, зачем явились сюда посторонние, то поблагодарила казначея и поспешила уверить его, что старые друзья ее деда постараются отвести от него эту напасть.

На настойчивые вопросы обоих стариков, как она добралась сюда, Барина отвечала:

– Вы, может быть, не поверите, так как я ни на минуту не умолкаю, но я поступила, как бессловесная рыба, и приплыла сюда по воде.

Затем она отвела деда в сторону и шепотом сообщила ему, что Архибий встретился с ней в гавани, когда она собиралась сесть в лодку, и обещал зайти к ней вечером по важному делу. Ей нужно переговорить с глазу на глаз с этим почтенным человеком и потому она не может остаться. Затем она поинтересовалась, почему так шумит народ.

Архитектор отвечал, что Филострат старается убедить толпу, будто единственное подходящее место для статуи – сад Дидима, и прибавил, что знает, по чьему наущению тот действует.

– Во всяком случае не по наущению регента, – заверил казначей.

Барина, веселое личико которой слегка затуманилось при упоминании имени оратора, ответила ему легким кивком и шепнула, что берется переговорить со стариком, лишь бы ему дали время одуматься.

Завтра утром чиновники смогут исполнить свою обязанность, если регент не откажется от своего намерения. Она между тем постарается уговорить деда, хотя он и не из податливых. Казначей же со своей стороны может напомнить регенту, что в такое время следует избегать открытых столкновений и следовало бы уважить возраст и права Дидима.

Пока Аполлоний разговаривал со своими спутниками, Барина подозвала архитектора и простилась с родными. Ей, сказала она, не угрожает никакая опасность, тем более что и на этот раз она исчезнет беззвучно, как рыба, но прежде пустит в ход язык и поговорит с таким человеком, который давно бы уже защитил Дидима, если бы царица была здесь.

Все это время глаза и уши всех присутствующих были обращены к ней. Всем хотелось любоваться и слушать ее.

Лишь после ее ухода чиновники удалились со своей свитой, чтобы еще раз переговорить с регентом по поводу этого малоприятного дела.

На этот раз Горгий неохотно следовал за молодой женщиной. Не далее как час тому назад он почел бы за счастье сопровождать и охранять Барину, теперь же ему хотелось остаться с ее сестрой, которая так благодарно и вместе с тем так скромно ответила на его прощальные слова. Но и для самых непостоянных людей заменить старую привязанность новой все же не так легко, как черные

фигуры на шахматной доске сменить на белые, так что ему и теперь было очень приятно находиться рядом с Бариной. Только мысль, что Елена может предположить, будто он находится в близких отношениях с ее сестрой, несколько смущала архитектора.

В саду Барина попросила помочь ей взобраться по узкой лесенке на плоскую кровлю домика привратника. Отсюда они могли видеть все, что происходило на площади, оставаясь незамеченными, так как вокруг домика росли густые лавры. Перед обоими храмами пылали сосуды со смолой, бросавшие на площадь яркий свет, который еще усиливался благодаря факелам в руках скифской стражи. Но все равно в толпе нельзя было разобрать отдельных фигур. Только мраморные стены храмов, статуи перед домом Дидима, гермы²³ по сторонам улицы, ведущей от северной части «уголка муз» к морскому берегу, выступали из темноты, сверкая при свете пылавшей смолы, а дым от факелов заволакивал небо, скрывая блеск звезд. Из людей, столпившихся на площади, ясно видны были только Дион, стоявший у подножия закутанной статуи, и Филострат, взобравшийся на одного из дельфинов, окружавших источник между храмом Исиды и улицей. Их разделяло пространство шагов в десять, позволявшее слышать друг друга. И на них-то было обращено всеобщее внимание. Подобные ораторские состязания составляли одно из любимых развлечений александрийцев, которые встречали каждый удачный оборот одобрительными восклицаниями, а каждое почему-либо не понравившееся им слово криком, свистками и шиканьем.

Барина могла видеть и слышать все, что происходило перед ней. Раздвинув скрывавшие ее ветви, она прислушалась к спору.

Когда негодяй, которого она когда-то называла своим мужем, а теперь презирала так глубоко, что не могла даже ненавидеть, задел ее родных, сказав, что они из поколения в поколение кормятся за счет Мусейона, она закусил губы. Но вскоре ее рот слегка искривился гримасой, как будто ей противно было слушать; в эту минуту Филострат обратился к Диону, обвиняя его в том, что тот хочет помешать регенту увековечить славу великой царицы и обрадовать ее благородное сердце.

– Мой язык, – воскликнул он, – орудие, которое меня кормит! Ради чего я, усталый и изможденный, обращаюсь к вам с речью? Ради нашей великой царицы Клеопатры и ее великодушного друга, которому каждый из нас обязан каким-нибудь благодеянием. Кто любит ее и божественного Антония, нового Геркулеса и Диониса, – скоро они вернутся к нам с победным венком! – тот не задумается вместе с регентом и со всеми благородными людьми отобрать жалкий клочок земли у старого скряги, который держится за него так упрямо и с умыслом!.. Слышите ли, с умыслом! А каким – не стану говорить: это слишком отвратительно, да я и не доносчик. Если же кто стоит за старого пачкуна, извергающего книги, как этот дельфин воду, – пусть себе, я ему не позавидую. Но пусть он сначала посмотрит на союзника Дидима. Вон он стоит передо мной. Лучше бы было, если бы он превратился в камень, а дельфин у его

23 Герма – четырехгранный столб со скульптурным завершением, вид декоративной и парковой скульптуры

ног – в живое существо. Тогда, по крайней мере, ему можно было бы остаться в тени! Ну а теперь я должен вытащить его оттуда, я должен показать вам Диона, сограждане, хотя мне приятнее было бы говорить о вещах, которые менее возбуждают желчь! Тусклый свет не позволяет вам различить цвет его плаща, но я видел его днем. Это гиацинтовый пурпур! Вы знаете, сколько стоит такая мантия. Любой из вас мог бы десять лет прокормить на нее жену и детей! «Должно быть, много в мошне у господина, который решается подставлять такое сокровище дождю и ветру!» – подумает каждый, глядя, как он щеголяет, точно павлин. Да, у него в мошне много талантов! Нехорошо только, что почти каждый из вас должен отнимать хлеб у своей семьи, глоток вина у себя самого, чтобы наряжать таких господ! Его отец, Эвмен, был сборщиком податей, и вот на те деньги, которые этот кровопийца вытянул у вас и ваших детей, его сынок рядится в пурпур и разъезжает в колеснице четверней, забрызгивая вас грязью! Как вам это понравится? Много ли он весит, этот молодчик, но ему, изволите видеть, необходима четверня, чтобы разъезжать по улицам. А знаете ли почему? Я вам скажу. Потому что он боится застрять где-нибудь, споткнуться, как и в речах спотыкается!

Тут Филострат остановился, так как его шутка вызвала смех у некоторых слушателей. Но Дион, отец которого, занимавший важный пост сборщика податей, действительно увеличил свое состояние, не остался в долгу.

– Так, так, – подхватил он презрительно, – сирийский болтун на этот раз не ошибся! Вот он передо мной, и кто же не споткнется, увидев перед собой вонючее болото? Что касается пурпурного плаща, то я ношу его, потому что он мне нравится. Мне не по вкусу желтый плащ Филострата. Конечно, при солнечном свете он довольно ярок. Он напоминает одуванчик. Вы знаете этот цветок? Когда он отцветает – а вы сами видите, похож ли Филострат на нераспустившуюся почку, – то превращается в пустой шар, разлетающийся от дуновения ребенка. Не назвать ли нам эти цветки «филостратовыми головками»? А, вы одобряете мое предложение? Очень рад, сограждане, благодарю вас! У вас есть вкус! Вернемся же к моему сравнению. В каждой голове есть язык, есть он и у Филострата, и по его же словам, это орудие, которое его питает!

– Что вы слушаете этот золотой мешок, этого врага народа! – бешено перебил Филострат. – Видите, по его мнению, честная работа унижает гражданина!

– О честной работе и речи не было, любезнейший, – парировал Дион. – Я говорил только о твоём языке. Вы понимаете меня, сограждане! Впрочем, может быть, не каждый из вас имел дело с этим почтенным человеком; так я объясню вам, что он такое: я его хорошо знаю! Если кому случится вести какой-нибудь скверный, постыдный процесс, советую обратиться к этому человеку. Поверьте мне, дело Дидима уже потому правое, что он так нападает на него! Я уже объяснял вам, что это за дело. Кто из вас, имея сад, может сказать: он мой, если, пользуясь отсутствием царицы, у вас начнут отбирать его. А саду Дидима угрожает именно такая участь. Если это обратится в правило, опасайтесь сеять или сажать что-нибудь на своей земле; прежде чем ваши

семена взойдут, у вас могут отнять ваш участок, если супруга какого-нибудь знатного лица вздумает сушить на нем белье!

Одобрительные восклицания послышались в ответ на эти слова; Филострат же прокричал во все горло:

– Послушайте меня, сограждане, не поддавайтесь обману! Никого не собираются ограбить! Хотят приобрести за крупное вознаграждение участок земли, чтобы украсить город, а вместе с тем почтить и порадовать царицу. Неужели же регент и граждане должны отказаться от случая выразить свою радость и благодарность по поводу величайшей победы, о которой мы скоро услышим, только потому, что их план не нравится злому человеку, скажу прямо, врагу отечества!

– Вот теперь я на краю болота, – живо возразил Дион, – и, пожалуй, мне в самом деле придется споткнуться! Нужно большое присутствие духа, чтобы не прикусить язык, слушая столь бесстыдную, такую ядовитую клевету! Вы знаете, сограждане, сколько лет семья Дидимов из поколения в поколение живет в этом домике, создавая замечательные труды; вы знаете, что старец, о котором идет речь, был наставником царских детей!

– А все-таки, – крикнул Филострат, – он совсем недавно прогуливался под руку с Арием, другом Октавиана, заклятого врага царицы! Да я сам слышал и другие слышали, как Дидим называл этого самого Ария своим любимым учеником!

– Вот назвать так тебя, – возразил его противник, – постыдился бы последний школьный учитель! Да если б даже тебя отдали в учение не к риторам, а к селедочным торговцам, то всякий порядочный человек из них стыдился бы такого ученика, потому что они продают хороший товар за медные деньги, а у тебя за золото можно купить только мерзости! Теперь ты отрабатываешь его, стараясь замарать честное имя достойного человека. Но я не потерплю этого! Слушайте, сограждане, я требую, чтобы этот сириец доказал измену Дидима, или я перед всеми назову его бесчестным, подкупленным клеветником!

– Ругань из таких уст не может оскорбить, – возразил Филострат презрительным тоном. Однако прошло несколько секунд, пока он собрался с духом и обратился к толпе со всей энергией, на какую только был способен. – Чего я добиваюсь, сограждане? Ради чего я говорю с вами? Я честно стою за интересы царицы только потому, что меня побуждает к этому сердце! Чтобы отстоять единственно подходящее место для статуи в честь Клеопатры, я вступаю в спор с моим противником, выслушиваю оскорбления, которыми этот наглец хочет заставить меня молчать! Но я не раскаиваюсь в этом, хотя я восстаю против голоса природы: ведь бессовестный старик, о котором мы говорим, был и моим учителем и называл меня при свидетелях одним из лучших своих учеников, пока не отвратился, не стану говорить, по чьему наущению, от правды и добродетели. Да, одним из лучших, и уж во всяком случае я был одним из благодарнейших! Я женился на его внучке. Я обладал ею...

– Обладал! – перебил Дион с негодованием. – После этого падаль,

выброшенная морем, вполне может похвалиться, что обладала им!

Сириец так страшно изменился в лице, что даже при тусклом свете факелов окружающие заметили его смертельную бледность. На минуту он, казалось, потерял самообладание, но тут же оправился и воскликнул:

– Сограждане, дорогие друзья, призываю вас всех в свидетели бедствий, которые навлекла на меня, неопытного мужа, эта красивая, а еще больше развратная женщина...

Но ему не дали кончить, так как присутствующие, из которых многие знали блестящего, щедрого Диона и Барину, прекрасную певицу, участвовавшую в последнем празднике Адониса, разразились неодобрительными криками.

Впрочем, диспут не прервался бы так скоро, если б в эту минуту не овладели толпой беспокойство и страх. Послышались крики: «Назад, посторонитесь!», затем топот коней и команда начальника, появившегося во главе отряда ливийских всадников. Толпа, готовая при случае вступить в борьбу даже с вооруженной силой, на этот раз не чувствовала охоты рисковать жизнью, так как повод был незначительным. К тому же словесная распря неожиданно завершилась комическим приключением, и среди тревожных криков послышался громкий смех. Толпа, кинувшись к источнику, столкнула Филострата в бассейн. Случилось ли это нечаянно или с умыслом, невозможно было разобрать, но тщетные усилия сирийца выбраться из воды, хватаясь за гладкий, скользкий мрамор, и его плачевный вид, после того как чьи-то сострадательные руки помогли ему вылезти на площадь, были так смешны, что раздражение толпы сменилось веселым настроением. Послышались шуточки:

– Ему не мешает помыть руки, они почернели оттого, что он чернил Дидима, – крикнул один.

– Какой-то мудрый врач столкнул его в бассейн, – подхватил другой, – после трепки, которую он получил от Диона, ему полезна холодная ванна.

Регенту, приславшему отряд всадников, чтобы оттеснить толпу от дома Дидима, могло быть только приятно, что эта насильственная мера не встретила сопротивления.

Народ рассеялся и вскоре уже был привлечен новым происшествием у театра Диониса. С его ступеней Анаксенор объявил о блистательной победе, одержанной Клеопатрой и Антонием, а затем пропел под звуки лютни гимн, глубоко тронувший сердца слушателей. Он уже давно сочинил его и воспользовался первым же случаем – слухом, дошедшим до него во время завтрака в Канопе, чтобы исполнить.

Как только площадь опустела, Барина оставила свой наблюдательный пост.

Никогда еще сердце ее не билось так сильно. Дион всегда нравился ей больше, чем кто-либо из ее обожателей; теперь же она почувствовала, что любит его. Конечно, его заступничество заслуживало искренней благодарности, оно показывало, что Дион посещал ее не только для того, чтобы убить время, как большинство гостей!

Для знатного молодого человека было не просто публично вступить в борьбу с бессовестным болтуном, которому она когда-то принадлежала. И как легко он одолел поднаторевшего в полемике противника. При этом выступил

против своего могущественного дяди и, может быть, навлек на себя гнев Алексаса, брата Филострата, занимавшего первое место среди любимцев Антония. Это возвышало Барину в ее собственных глазах; она чувствовала, что Дион, не уступавший никому из знатных людей в городе, не решился бы на такой поступок ради какой-либо другой женщины.

С нее точно спали оковы.

Сохранив веселый характер несмотря на неудачное замужество и всевозможные огорчения, она сумела привлечь в свой дом всю александрийскую интеллигенцию, стараясь не оказывать предпочтения никому из гостей. Барина строго следила, чтобы не дать никому из них той власти, которая естественно выпадает на долю человека, сознающего, что он любим. И Диона она не особенно отличала, но теперь охотно отдала бы весь свой блеск за счастье быть им любимой и принадлежать ему. С ним она предпочла бы безвестное уединение этому шумному и блестящему обществу.

Теперь она знала, что делать, если он решит добиваться ее руки; и архитектор впервые видел Барину такой молчаливой. Он охотно проводил бы ее обратно в дом деда, где вновь бы встретил сестру Елену; ему хотелось думать, что та огорчится, видя, что ее защитник не возвращается.

После неожиданного прекращения словесной распри Дион почувствовал сильный подъем духа. Не раз уже случалось ему вступаться за правое дело и одерживать победу, но никогда это не доставляло ему такой радости, как сейчас. Теперь он только и мечтал увидиться с Бариной, сообщить ей о случившемся и услышать благодарность за свою преданность.

Внутреннее чувство подсказывало ему, какого рода будет благодарность, но лишь только светлый образ будущего уступил место размышлениям, веселое выражение на его мужественном лице сменилось озабоченностью.

Несмотря на окружавшую его темноту, которой не мог рассеять тусклый свет горевшей смолы, ему казалось, что он стоит в ярком блеске солнечного полдня в цветущем саду своего дворца, а Барина, в награду за его заступничество, в глубоком волнении кинулась к нему на грудь, и он целует ее влажные от слез глаза.

Видение вскоре исчезло, но было таким ярким, точно наяву.

Неужели Барина значит для него больше, чем он сам думал? Неужели его привлекали в ней не только ум и красота? Неужели им овладела истинная, серьезная страсть? Неужели наступит день, когда, повинаясь таинственному, непреодолимому инстинкту, наперекор рассудку, он соединится, быть может, на всю жизнь с ней, Бариной, принадлежавшей когда-то Филострату, а ныне игравшей такую заметную роль в александрийском обществе?

Будь она чиста, как лебедь, – а сомневаться в этом у него не было оснований, – все же ее имя упоминается в одном ряду с именами Аспазии²⁴ и многих других, к которым посетители являлись не только ради пения и

²⁴ Аспазия (ок. 470 – ? г.г. до н.э.) – афинская гетера, отличавшаяся красотой, умом, образованностью: в ее доме собирались художники, поэты, философы. С 445 г. до н.э. – жена Перикла, афинского стратега, вождя демократов.

увлекательной беседы. Дарами, которыми так щедро наделили ее боги, наслаждались слишком многие, чтобы он, последний отпрыск благородной македонской фамилии, мог ввести ее хозяйкой во дворец, так заботливо и успешно возведенный ему Горгием. Хотя если в нем чего-то недоставало, так только заботливой хозяйки.

А согласится ли она вступить с ним в союз, не освященный браком?

Нет!

Он не мог сделать своей любовницей внучку Дидима, женщину, которая нравилась ему, тем более что она всегда возбуждала в нем уважение, несмотря на свободное обращение с гостями. Да он и сам не хотел этого, хотя его друзья посмеялись бы над такой щепетильностью. Могла ли святость брака иметь какое-нибудь значение в городе, где сама царица дважды вступала в связь с чужими мужьями? И у него случались кое-какие любовные интрижки, но именно поэтому было бы особенно неприятно уравнивать Барину с женщинами, любовью которых он пользовался, быть может, только благодаря золоту.

Мужества и твердости у него хватало, но никогда еще не приходилось ему бороться с такой силой, как теперь.

Проклятое видение! Оно всплывало перед ним снова и снова, смеялось и манило, и Дион чувствовал – наступит день, когда у него не хватит сил бороться с желанием осуществить его на деле. Если только он не расстанется с ней, то, без сомнения, наделает такого, что сам же будет раскаиваться; ему следует молить богиню красноречия ниспослать Архибию дар убеждения, когда он будет уговаривать Барину оставить Александрию.

Трудно будет отказаться от ее общества, но все-таки лучше ей уехать. Пройдет немало времени, пока они снова увидятся, стало быть, есть надежда на победу.

Дион просто не узнавал себя.

Нетвердыми шагами продвигался он вперед, подавив желание зайти для разговора к Дидиму. Там он мог бы встретить Барину, а этого ему не хотелось, хотя все его существо стремилось видеть ее лицо, слышать ее голос и слова благодарности из ее милых уст. Радостное чувство сменилось в нем раздражением, как у человека, который стоит на перекрестке перед тремя дорогами, ведущими к различным целям, из которых ни одна не может вполне удовлетворить его.

Улица, по которой он шел, протискавшись сквозь толпу, вела вдоль берега к театру Диониса. Дион вспомнил, что именно здесь Горгий хотел поставить статую. Он решил осмотреть место, выбранное архитектором, в надежде, что это изменит ход его мыслей.

Когда молодой человек подошел к театру, певец только что окончил гимн, и толпа слушателей стала расходиться. Все говорили о радостной вести, переданной в пышных стихах Анаксенором, любимцем Антония, без сомнения, имевшим верные сведения. Со всех сторон раздавались крики в честь Клеопатры, «новой Исиды», и Антония, нового Диониса, и вскоре старые и молодые, греки и египтяне слились в общем крике: «В Себастеум!» Так назывался дворец, против которого находилось помещение регента и

правительства. Народ хотел услышать подтверждение радостной вести.

Дион вообще терпеть не мог таких шумных излияний восторга, но на этот раз настолько заинтересовался вестью, что хотел было примкнуть к толпе, стремившейся в Себастеум. Но тут внимание его было привлечено криками служителей, пролагавших путь для закрытых носилок.

Он узнал носилки Иры. Она-то во всяком случае должна иметь точные сведения, только в такой давке вряд ли удастся потолковать с ней. Ира, по-видимому, была другого мнения на этот счет, так как заметила и подозвала его. В ее голосе, обыкновенно звонком и чистом, звучали хриплые ноты. Вопросы, которыми она засыпала Диона, выдавали глубокое волнение. Не поздоровавшись, она поспешно спросила, отчего волнуется народ, кто принес известие о победе и куда стремится толпа.

Отвечая ей, Дион с трудом протискивался сквозь толпу, стараясь не отстать от носилок. Она заметила это и приказала слугам нести носилки к запиравшимся на ночь воротам, мимо которых они проходили в эту минуту, назвала страже свое имя и, когда ворота были открыты, велела внести носилки и поставить на площадке, а служителям дожидаться снаружи.

Необычное возбуждение и торопливость девушки не на шутку обеспокоили Диона. Она отказалась от предложения выйти из носилок и пройти с ним.

— Зачем, — сказала она, — зачем ты мешаешь регенту, твоему дяде, исполнить его план и ораторствуешь в толпе, как наемный смутьян?

— Как Филострат, хочешь ты сказать, которому вы заплатили, а я дал несколько щелчков в дополнение к вашему золоту.

— Ну да, как Филострат! Не по твоей ли милости столкнули его в воду, после того как ты охладил его пыл? Ты, должно быть, хорошо исполнил свою задачу. То, что делаешь с любовью, обыкновенно удается. Смотри только, чтобы его брат, Алексас, не восстановил против тебя Антония. Что касается меня, то я желала бы только знать, ради чего и ради кого ты все это устроил?

— Ради кого? Да ради славного старика, учителя моего отца, — отвечал Дион без всякого стеснения. — А сверх того, ради хорошего вкуса, так как вряд ли можно найти менее подходящее место для этой статуи, чем сад Дидима.

Ира засмеялась отрывистым и резким смехом, и ее тонкое лицо, которое можно было бы назвать красивым, если б не чересчур длинный прямой нос и маленький подбородок, слегка нахмурилось.

— По крайней мере, ты откровенен! — воскликнула она.

— Ты, кажется, знаешь мой характер, — спокойно ответил он. — Впрочем, такой знаток, как архитектор Горгий, тоже такого же мнения.

— Слыхала и об этом. Вы оба — усердные посетители этой, как ее... обворожительной Барины?

— Барины? — повторил Дион, принимая изумленный вид. — Ты, кажется, хочешь, чтобы наш разговор напоминал лабиринт, в котором мы находимся. Я говорю о произведениях искусства, а ты все сводишь... на живое существо, — положим, тоже образцовое творение богов. Во всяком случае, заступаясь за старика ученого, я и в мыслях не имел его внучку!

– Ну, конечно, – возразила она насмешливо, – молодые люди твоего склада и с твоими привычками всегда больше склонны думать о почтенных учителях своих отцов, чем о тех женщинах, от которых происходит все зло на земле с тех пор, как Пандора²⁵ открыла свой ящик. Но, – тут она отбросила назад черные локоны, закрывавшие до половины ее высокий лоб, – я сама не понимаю, как могут меня занимать такие пустяки в подобное время, да еще когда у меня страшная тяжесть на душе... Мне так же мало дела до старика, как и до его бесчисленных сочинений и комментариев, хотя они мне знакомы... Пусть у него будет столько же внучек, сколько злых языков в Александрии. Но теперь нужно устранять все, что может быть неудобным для царицы. Я только что из Лохиаса, из дворца царских детей, и что я там узнала... Это... Нет, я не хочу и не могу этому верить... Одна мысль о таком несчастье душит меня...

– Дурные вести о флоте? – с беспокойством спросил Дион. Ира не ответила, только утвердительно кивнула головой, прижав к губам веер из страусовых перьев в знак молчания. Несмотря на темноту, он заметил, как она вздрогнула. Потом продолжала вполголоса тоном, выдававшим внутреннее волнение:

– Об этом еще не следует говорить... Моряк из Родоса... Впрочем, ничего не известно наверняка... Этого не может, не должно случиться!.. А все-таки... Болтовня... Болтовня Анаксенора, который возбуждает надежды в народе, совершенно некстати... Никто так не вредит сильным мира, как те, кто обязан им всем. Я знаю, Дион, что ты умеешь молчать. Ты еще в детстве доказывал это, когда нужно было что-нибудь скрыть от родителей. А помнишь, как ты бросился в воду ради меня? Сделаешь ли ты это теперь? Вряд ли! Но на тебя можно положиться. Это известие сдавило мне сердце. Только смотри, никому ни слова, никому! Я не нуждаюсь в поверенных и могла бы скрыть эту новость и от тебя, но мне хочется, чтоб ты, именно ты, меня понял... Когда я садилась в носилки в Лохиасе, вернулся Цезарион, и я говорила с ним.

– Цезарион, – перебил Дион на этот раз вполне серьезно, – любит Барину.

– Так эта ужасающая глупость уже известна? – спросила она с волнением. – Я никогда не подозревала, что у этого мечтателя может пробудиться такая глубокая страсть. Царица вернется, быть может, не с таким успехом, какого мы желаем, увидит тех, от кого ожидает радости, добра, величия, узнает, что ускользнуло от ее проницательного взора, узнает о том, что случилось с мальчиком... Он ей дорог, дороже, чем все вы думаете. Сколько беспокойства, огорчения для нее! Не права ли она будет, если рассердится на тех, кто должен смотреть за мальчиком?

– И потому, – заметил Дион, – нужно устранить камень с дороги. Устраивая неприятности Дидиму, ты делаешь первый шаг к этой цели.

Он правильно разгадал ее намерения, предположив, что история с Дидимом подстроена ею с целью предоставить властям случай разделаться с

²⁵ Пандора («всем одаренная») – в греческой мифологии женщина, созданная по воле Зевса, чтобы принести людям соблазны и несчастья. Несмотря на запрет богов, любопытная Пандора открыла сосуд (или ящик), в котором были заключены все людские пороки, и тогда по земле расползлись бедствия и болезни. Ящик Пандоры – в переносном смысле – источник всяких бед.

ученым и его родными, к числу которых принадлежала Барина. По египетскому закону родственники человека, виновного в каких-либо действиях против правительства, тоже отправлялись в ссылку. Подобная интрига по отношению к ни в чем не повинному ученому, конечно, была подлостью, и, однако, Дион чувствовал, что Ирой руководила не только низменная ревность, но и более благородное чувство: любовь к своей госпоже, стремление избавить ее от неприятностей и забот в трудное время. Он хорошо знал Иру, ее железную волю и беззастенчивость в достижении цели. Теперь самым главным для него было избавить Барину от грозившей ей опасности. Впрочем, и Ира, дочь Кратеса, соседа его отца, с которой он играл еще в детстве, была ему небезразлична, и если б он мог развеять удручающую ее заботу, то охотно сделал бы это.

Его замечание удивило Иру. Она убедилась, что человек, который был для нее дороже всех, разгадал ее мысли, а любящей женщине всегда приятно чувствовать превосходство своего возлюбленного. К тому же она с детства принадлежала к обществу, где выше всего ценятся тонкость и гибкость ума. Ее черные глаза, сначала сверкавшие недоверием, потом потемневшие от скорби, теперь приняли новое выражение. Устремив на своего друга умоляющий взор, она сказала:

– Да, Дион, внучка философа не должна здесь оставаться. Или, быть может, ты укажешь другое средство удержать этого беспутного мальчика от величайшего зла? Ты знаешь меня давно, знаешь, что я, так же как и ты, не люблю нарушать законные права других или причинять кому-либо зло без надобности. Я привыкла уважать тебя! Ты правдивейший из людей и еще вчера уверял меня, будто Эрос вовсе не замешан в твоих отношениях с этой знаменитой женщиной, будто тебя привлекает в ней только ее живой ум. Я потеряла веру во многое, но не в тебя и не в твое слово, однако ж, когда я узнала о твоём заступничестве за деда и представила себе, что ты добиваешься награды и благодарности от внучки, то... то во мне снова проснулись подозрения. Теперь ты, кажется, разделяешь мое мнение...

– Так же как и ты, – подтвердил он, – я думаю, что Барину необходимо избавить от домогательств Цезариона, которые ей не менее неприятны, чем тебе. Цезарион не может покинуть Александрию, в особенности если дела царицы принимают неблагоприятный оборот; остается, стало быть, удалить отсюда Барину, разумеется, с ее согласия.

– Если хочешь, хоть на золотой колеснице и увенчанную розами! – воскликнула Ира.

– Ну, это, пожалуй, наделает шуму, – возразил Дион, смеясь. – Теперь, когда я знаю причины твоего поступка, и хотя он мне по-прежнему не нравится, я охотно помогу тебе. Твои извилистые дороги тоже приводят к цели, и на них меньше шансов споткнуться, но я предпочитаю прямые пути и, кажется, нашел именно такой! Один из друзей Барины приглашает ее в свое имение, недалеко отсюда, быть может, на морском берегу.

– Ты? – спросила Ира, и тонкие брови ее слегка сдвинулись.

– Неужели ты думаешь, что она согласилась бы на мое предложение? – отвечал он. – Нет. К счастью, у нас есть более старые друзья, и главный из них –

твой дядя и вернейший слуга царицы.

– Архибий! – воскликнула Ира. – Да, но удастся ли ему уговорить ее?

– Он попытается, так как тоже обеспокоен поведением Цезариона. Пока мы здесь разговариваем, он убеждает Барину уехать в его имение. Деревенский воздух будет ей полезен.

– Пусть она расцветет, как пастушка!

– Ты хорошо делаешь, желая ей добра. Возможно, если царица вернется, не одержав победы, раздражительность наших александрийцев удвоится. Вы так рьяно занялись приготовлениями к торжеству, когда принялись за Дидима, что совсем забыли...

– Кто же мог сомневаться в счастливом исходе этой войны! – воскликнула Ира. – И они победят, победят! Родосец говорил, что флот рассеялся. Так и случилось у акарнанского берега. Но он узнал об этом из чужих уст. А что значат подобные сплетни? Наконец, если даже морское сражение действительно проиграно, то остается сильная армия на суше. Войско Октавиана гораздо слабее. И кто из его полководцев может равняться с Антонием, да еще в таком сражении, где он ставит на карту все: славу, честь, власть, ненависть и любовь? Стоит ли пугаться сплетни! После Диррахия дело Цезаря считали проигранным, но Фарсала ²⁶ сделала его владыкой мира! Достойно ли разумного человека терять мужество из-за болтовни какого-то корабельщика? А все-таки... все-таки... это началось уже, когда я заболела. А потом ласточки на корабле Антония, на адмиральском корабле! Мы уже тогда говорили об этом. Мардион и твой дядя Зенон своими глазами видели, как чужие ласточки выгнали тех, которые свили гнезда на корабле Антония, и заклевали их птенцов. Ужасное предзнаменование! Оно не выходит у меня из головы. А что мне грезилось, когда я лежала больная, далеко от моей госпожи! Но мне пора. Нет, Дион, нет! Я очень рада нашему свиданию, так как хочу во что бы то ни стало быть спокойна относительно Цезариона. Ставьте статую, где хотите. Пусть народ видит и слышит, что мы уважаем его требования, что мы справедливы. Помогите мне уладить это с пользой для царицы... А если Архибию удастся выпроводить Барину и удержать ее в деревне, то... Да, если бы в моей власти было исполнить твое желание, оно было бы исполнено. Но Диону ничего не требуется от увядшей подруги его детства!

– Увядшей! – воскликнул он с негодованием в голосе. – Скажи лучше, расцветшей, узнавшей тайну вечной юности от своей царственной подруги.

Ира благодарно взглянула на него и протянула для поцелуя свою ручку, уступавшую в красоте только рукам Клеопатры; но, когда он слегка и без всякого пыла прикоснулся губами к ее пальцам, быстро отдернула ее и сказала с внезапным приливом горечи:

– В такую тяжелую минуту такой холодный, вялый поцелуй! Он оскорбителен, позорен. Если Барина послушается Архибия, она не пропадет с тоски в его имении. Я знаю человека, который последует за ней разделить ее уединение. Сюда, Назис! Носильщики! Вперед! К Нильской башне у ворот

26 См. «Послесловие»

Солнца!

Дион посмотрел вслед удалявшимся носилкам, провел рукой по своим темно-русым кудрям и быстрым шагом направился к берегу, где стояли лодки, сдававшиеся внаем для увеселительных прогулок. Вскочив в первую попавшуюся, он приказал лодочникам оставаться на берегу, сам поставил парус и направился к выходу из гавани. Дион чувствовал потребность в движении и решил сам разузнать новости.

IV

Дом Барины в садах Панейона ²⁷ принадлежал ее матери, получившей его в наследство от своих родителей. Художник Леонакс, отец молодой женщины, сын Дидима, давно уже умер.

Добившись развода с Филостратом, Барина вернулась к матери, занимавшейся домашним хозяйством. Она тоже происходила из семьи ученого; ее брат приобрел почетную известность в качестве философа и руководил обучением молодого Октавиана. Это произошло задолго до ссоры между наследником Цезаря и Марком Антонием. Но и позже, когда Антоний бросил свою жену Октавию, сестру Октавиана, ради возлюбленной Клеопатры и между двумя соперниками разгорелась открытая борьба за владычество над миром, Антоний продолжал дружески относиться к Арию и не винил его в близости к Октавиану. Великодушный римлянин даже подарил бывшему наставнику своего врага прекрасный дом, чтобы удержать его в Александрии.

Вдова Береника, мать Барины, питала горячую привязанность к своему брату, частенько появлявшемуся среди гостей ее дочери. Это была скромная, спокойная женщина, называвшая счастливейшим временем своей жизни годы, когда она жила в уединении, занимаясь воспитанием детей: пылкого Гиппия, Барины и рассудительной Елены, которая несколько лет тому назад переселилась к деду и ухаживала за ним с трогательной заботой. С ней было меньше хлопот, чем со старшими детьми, так как предприимчивость мальчика рано сделала его самостоятельным, а красота и живость Барины с ранних лет привлекали к ней общее внимание, заставляя Беренику быть настороже.

Гиппий обучался ораторскому искусству сначала в Александрии, потом в Афинах и в Родосе, а три года назад Арий отправил его с хорошими рекомендациями в Рим узнать жизнь и попытаться, несмотря на чужеземное происхождение, проложить себе дорогу с помощью своего блестящего ораторского дарования.

Два года несчастливой жизни с бесчестным нелюбимым человеком почти не изменили характер Барины. Мать думала только об ее счастье, выдавая в пятнадцать лет за Филострата, которого Дидим считал в то время многообещающим молодым человеком, имеющим все шансы на успех

²⁷ Панейон – святилище в честь бога Пана в центре Александрии, на искусственной возвышенности, вокруг которой шла спиральная дорога

благодаря ораторскому таланту и поддержке брата Алексаса, любимца Антония. Она надеялась, что замужество окажется лучшим средством оградить живую, красивую девушку от опасностей большого, испорченного города; но недостойный супруг доставил много горя и забот матери и дочери, так же как и его влиятельный брат, преследовавший молодую невестку грязными предложениями. Часто Береника с удивлением смотрела на свою дочь, которая после стольких огорчений и разочарований сохранила такую безмятежность, что можно было подумать, глядя на нее, будто ее жизненный путь усеян розами...

Отец ее, Леонакс, в свое время считался лучшим из александрийских художников, и от него-то она и унаследовала гибкую душу, способную выпрямиться после тяжкого удара. Ему же была она обязана редким вокальным даром, который всесторонне развивала. Еще девочкой Барина отличалась среди своих подруг на празднествах в честь богинь города. Все хвалили ее искусство, а с тех пор как она пропела гимн на празднике Адониса перед восковой статуей любимца богини, умерщвленного вепрем, имя ее стало популярным. Послушать ее пение считалось редкой удачей, так как она пела только у себя дома или на празднествах в честь божества.

Царица тоже слушала ее, а после праздника Адониса Арий представил ее Антонию. Со свойственной ему откровенностью и пылом тот выразил ей восхищение, а немного погодя познакомил с ней своего сына Антиллу. Он бы не преминул испытать на ней силу своих чар, покорявших женские сердца, но после второго посещения обстоятельства заставили его уехать из Александрии.

Береника упрекала брата, зачем он ввел в их дом возлюбленного царицы, а частые посещения Антиллы и в особенности Цезариона усиливали ее тревогу.

Эти молодые люди не принадлежали к числу гостей, посещения которых доставляли ей удовольствие. Лестно было, конечно, что они удостоили своим присутствием ее скромное жилище, но она знала, что за Цезарионом строго следят, и видела по глазам, какая причина заставляет его посещать ее дочь. В постоянном беспокойстве за старших детей утратила она бодрость духа, отличавшую ее в молодости. Теперь, если что-нибудь новое вторгалось в ее жизнь, Береника прежде всего ждала дурных последствий. Если перед ней стоял пылающий светильник, то сначала замечалась тень, а потом уже свет. Вся жизнь превратилась в непрерывную цепь опасений, но она слишком горячо любил своих детей, чтобы дать им заметить все это. Утешало только то, что в случае, если какое-нибудь из ее зловещих предсказаний сбывалось, то она, мол, все предвидела заранее.

На ее все еще красивом и спокойном лице нельзя было прочесть следов беспокойства. Говорила Береника мало, но рассудительно и умела слушать собеседника. Поэтому гости Барины всегда были рады ей. Ее присутствие импонировало даже самым знаменитым из них, так как они чувствовали, что эта спокойная женщина понимает их.

В этот вечер, до возвращения Барины, случилось происшествие, заставившее Беренику вдвойне пожалеть о несчастье, приключившемся с Арием третьего дня. Возвращаясь домой от сестры поздно вечером, он был сбит

с ног и сильно помят бешено мчавшейся колесницей. Теперь Арий лежал в постели больной, и угрозы его сыновей отомстить нахалу, изранившему их отца, отнюдь не облегчали его страданий, так как он имел основание думать, что виновником этого происшествие был все тот же Антилл. А ссора с сыном Антония не обещала ничего доброго для молодых людей, тем более что юный римлянин не унаследовал великодушия и гуманности своего отца. Конечно, Арий не мог упрекать сыновей, разражавшихся бранью против обидчика, который даже не обратил внимания на опрокинутого им человека. Он предостерег сестру против не знающей удержу разнузданности молодого человека, отец которого был им введен в дом Береники. Сегодняшний вечер показал, что предостережения брата имели основание. Дело в том, что после захода солнца к Барине, по обыкновению, явилось несколько гостей, в том числе девятнадцатилетний Антилл. Привратник отказал им, но молодой человек, желая во что бы то ни стало видеть Барину, оттолкнул старика, хотевшего его удержать, и, несмотря на сопротивление, проник в мастерскую покойного хозяина дома, служившую теперь приемной. Только убедившись, что она пуста, он согласился уйти, но оставил букет цветов, прикрепив его к статуе Эроса. Привратник и служанка Барины подумали, что он пьян. Это было особенно заметно, когда Антилл и ожидавшая его на улице компания побрели, пошатываясь, прочь.

Неприличная и оскорбительная выходка юноши сильно взволновала Беренику. Она не могла оставить ее безнаказанной и, поджидая дочь, раздумывала, к каким скверным последствиям может привести отказ Антиллу от дома и жалоба начальнику дворца, а с другой стороны, до чего дойдет его наглость, если оставить его выходку без внимания.

Недобрые предчувствия томили ее, но, ожидая худшего, она втайне надеялась, не принесет ли Барина какую-нибудь радостную весть.

Наконец Барина явилась в таком радужном, веселом настроении, как никогда.

У вдовы отлегло от сердца. Очевидно, случилось что-нибудь очень радостное, если ее дочь так весела. А между тем она, наверное, уже слышала о выходе Антиллы, так как явилась к матери без головного убора и с новой прической, стало быть, успела побывать в спальне и переодеться с помощью болтливой кипрской рабыни, совершенно не способной держать язык за зубами.

«Посторонний не дал бы ей больше девятнадцати лет, – думала мать, – как идет ей белое платье и пеплос с голубой каймой, как красиво выделяется лазурная лента на ее кудрявой головке! Кто бы подумал, что к этим золотистым локонам не прикасалось разогретое железо, что румянец на этих щеках и алебастровая белизна рук даны ей от природы? Такая красота зачастую становится даром данайцев; но все же это великолепный дар богов! Но зачем она надела браслет, присланный Антонием? Не для меня же! Дион вряд ли зайдет так поздно. Я вот люблюсь ею, а может быть, над нами уже нависло новое несчастье».

Так раздумывала она, в то время как дочь, прислонившись к подушкам мягкого ложа, весело рассказывала о том, что видела у деда и перед его домом.

Когда речь зашла о неприличном поступке Антилла, она сказала с беспечностью, испугавшей Беренику, что это безобразие больше не повторится.

– Но кто же ему помешает? – спросила мать.

– Кто же, кроме нас самих? – последовал ответ. – Перестанем его принимать.

– А если он вздумает вломиться насильно?

Большие голубые глаза Барины сверкнули.

– Пусть попробует, – сказала она решительным тоном.

– Какая же сила может удержать сына Антония? – спросила Береника. – Я такой не знаю.

– А я знаю, – возразила дочь, – выслушай меня; я должна быть краткой, потому что ожидаю гостя.

– Так поздно? – воскликнула тревожно Береника.

– Архибий хотел поговорить с нами о важном деле.

При этих словах складки на лбу матери разгладились, но тотчас же появились снова.

– О важном деле, в такой необычный час? Я не ожидаю ничего доброго. Когда я шла к брату, ворон перелетел мне дорогу и направился налево в сад.

– А я, – отвечала Барина, – справившись о здоровье дяди, я видела семь – да, ни больше ни меньше, потому что семь лучшее из чисел, – семь белоснежных голубей, которые все летели направо. Самый красивый был впереди. Он держал в клюве корзиночку, а в ней находилась сила, которая избавит нас от сына Антония. Почему ты смотришь на меня с таким удивлением, милый сосуд всяческих опасений?

– Но, дитя, ты говорила, что Архибий придет так поздно поговорить о каком-то важном деле.

– Он скоро будет здесь.

– Разрешь же эту загадку; я туго соображаю.

– В самом деле, нам нельзя терять времени. Слушай же: прекрасный голубь – хорошая, верная мысль, а что он несет в корзиночке, ты сейчас узнаешь. Видишь ли, матушка, мы даем повод к осуждению; это не должно продолжаться. С каждым днем я чувствую это сильнее, и пройдет еще несколько лет, прежде чем этими опасениями можно будет пренебречь. Я слишком молода, чтобы принимать всякого, кто вздумает ко мне явиться, да еще приводить своих приятелей. Конечно, наша приемная – мастерская моего отца, а хозяйка этого дома – ты, моя милая, безупречная, достойная мать; но ты слишком скромна, ты, которая во всех отношениях лучше меня, держишься в тени, так что о тебе вспоминают, только когда тебя нет. Поэтому всякий, кто приходит к нам, говорит: «Я иду к Барине!»... Я не могу больше выбирать, и эта мысль...

– Дитя, дитя, – перебила сияющая мать, – кто из бессмертных встретился с тобой сегодня?

– Ты уже знаешь, – весело сказала дочь, – я встретила семь голубей, и когда взяла у первого, прекраснейшего, корзиночку, он рассказал мне историю. Хочешь послушать?

– Конечно, только рассказывай быстрее, а то нам помешают.

Барина откинулась на подушки и, опустив свои длинные ресницы, начала:

– Жила когда-то женщина, у которой был сад в лучшей части города, – положим, хоть здесь, вблизи Панеума. Осенью, когда созрели плоды, она оставила садовую калитку открытой, хотя все соседки делали по-другому. А для того чтобы уберечь свои финики и смоквы от незваных гостей, она вывесила на калитке дощечку с надписью: «Не возбраняется входить в сад и любоваться им, но кто сорвет цветок или плод, или будет топтать траву, того разорвут собаки».

Но у женщины этой была только комнатная собачка, да и та ее не слушалась. Однако предупредительная надпись сделала свое дело, так как сначала в сад заходили только соседи из знатной части города. Впрочем, они и без предупреждения не стали бы трогать собственность женщины, так гостеприимно открывшей им свой сад. Так было некоторое время, пока в сад не зашел какой-то нищий, потом финикийский матрос и египтянин из Ракотиса. Никто из них не умел читать, и так как они не особенно строго различали «мое» и «твое», то один потоптал траву, другой сорвал цветок, третий плод. Затем стало являться все больше и больше разного сброду, и ты сама можешь догадаться, что из этого вышло. Посетители оставались безнаказанными, так как лай комнатной собачки никого не мог испугать, а это придавало храбрости и тем, кто умел читать. Скоро сад потерял всю свою прелесть, да и все плоды заодно. Так что, когда дождь смыл надпись с доски и шаловливые мальчишки испачкали ее своими каракулями, это уже ничему не могло повредить: сад никого не привлекал, и посетители перестали являться. Тогда владелица его решила запирать калитку, по примеру соседок, и на следующий год наслаждалась зеленью дерна и пестрыми красками цветов. Она воспользовалась и плодами, и собачка не докучала ей своим лаем.

– Это значит, – сказала мать, – что если бы все люди были так же вежливы и порядочны, как Горгий, Лизий и им подобные, то мы могли бы по-прежнему принимать всех. Но так как есть сорванцы вроде Антилла...

– Верно! – перебила дочь. – Никто не мешает нам приглашать таких людей, которые сумеют прочесть нашу надпись. Завтра же объявим гостям, что мы не можем принимать их, как раньше.

– А поступок Антилла, – прибавила Береника, – может служить отличным предлогом. Всякий здравомыслящий человек поймет это...

– Конечно, – согласилась Барина, – а если ты, умнейшая из женщин, заявишь со своей стороны...

– То мы избавимся от докучливых посетителей. Поверь мне, дитя, если только ты не...

– Не нужно «если»! Никаких если! – воскликнула молодая женщина. – Мне так приятно думать о новой жизни, лишь бы она устроилась, как я надеюсь и желаю... Послушай, матушка, ведь боги должны вознаградить меня?

– За что? – раздался низкий голос Архибия, который вошел без доклада, не замеченный обеими женщинами.

Барина вскочила и воскликнула, протянув старому другу обе руки:

– Приведа тебя к нам, они уже начинают со мной расплачиваться.

V

Художнику, в особенности великому живописцу, нетрудно украсить свой дом. Его вкус не допустит ничего неизящного, того, что нарушает гармонию, оскорбляет его глаз. И ему не требуется приглашать мастеров. Только муза явится ему на помощь.

Леонакс, отец Барина, сумел придать восхитительный вид своему жилищу. Стены его мастерской были украшены картинами из жизни великого Александра, основателя его родного города, фриз – хороводом пляшущих амуров.

Тут принимала гостей Барина, и слава об этой живописи была одной из причин, побудивших Антония посетить ее дом и привести с собой сына, в котором ему хотелось пробудить хоть какую-нибудь любовь к искусству. Конечно, красота и пение Барины тоже не остались без внимания, но пылкая страсть, охватившая его в зрелые годы, принадлежала всецело Клеопатре. Царица сумела привязать Антония к себе какими-то сверхъестественными узами. Но во всяком случае он был обязан Барине несколькими приятными часами, а каждый, кому он был чем-либо обязан, получал подарок. Ему льстила репутация самого щедрого из людей, и в данном случае его подарок, гладкий браслет с геммой ²⁸, в которой был вырезан Аполлон, играющий на лире и окруженный музами, действительно мог считаться неоценимым сокровищем, хотя выглядел очень скромно. Это было произведение знаменитейшего резчика эпохи Птолемея II Филадельфа; каждая фигурка на ониксе, шириной не более трех пальцев, была вырезана с изумительным мастерством. Антоний выбрал его потому, что браслет очень подошел Барине. О цене он на этот раз не думал, так как оценить подобную вещь мог только знаток. Барина охотно надевала его, так как браслет не отличался пышностью.

Если бы Антонию не пришлось уехать из Александрии, его второе посещение, без сомнения, не было бы последним. Кроме пения, которое привело его в восторг, он наслаждался оживленной и интересной беседой и мог любоваться замечательными картинами, которые Леонакс выменял у своих товарищей.

Произведения пластического искусства также украшали обширную комнату, посреди которой возвышался светильник в виде статуи.

Создателем его был тот самый скульптор, резцу которого принадлежала возбуждавшая столько споров статуя Антония и Клеопатры. Эрос из обожженной глины, прицеливавшийся из лука в невидимую жертву, был также его произведением. Антоний во время своего второго посещения положил перед ним венок, заметив шутливо, что приносит жертву «сильнейшему из победителей», а Антилл сегодня вечером грубо засунул букет в натягивавшую лук согнутую правую руку статуи. При этом он слегка повредил изваяние... В

28 Гемма – драгоценный или полудрагоценный камень с вырезанным изображением

настоящую минуту цветы лежали на маленьком алтаре в глубине комнаты, тускло освещенной одной лампой, так как хозяйки перешли вместе с гостем в любимую комнатку Барины, украшенную несколькими картинами покойного отца.

Букет Антилла и попорченная статуя играли большую роль в разговоре с Архибием и значительно облегчили его задачу. Женщины встретили его жалобами на неприличное поведение молодого римлянина, и Барина объявила, что не намерена больше приносить жертвы Зевсу Ксениосу, покровителю гостей. В будущем она решила посвятить жизнь скромным домашним богам и Аполлону, отдать им свой дар пения как небольшую, но драгоценную жертву.

Архибий с изумлением слушал ее и начал говорить не прежде, чем она высказалась полностью и нарисовала ему свою будущую жизнь наедине с матерью, без шумных собраний в мастерской отца.

Воображение молодой женщины уже перенесло ее в новую, тихую жизнь. Но при всей живости ее рассказа умудренный опытом слушатель, по-видимому, не вполне был убежден. По крайней мере тонкая улыбка освещала по временам его резкие и вместе с тем меланхолические черты, черты человека, самоустранившегося с жизненной арены, отказавшегося от борьбы, ради роли зрителя наблюдающего, как другие возвышаются и падают в погоне за удачей. Быть может, раны, полученные им, еще не вполне зажили, но это не мешало ему оставаться внимательным наблюдателем. Взгляд его светлых глаз показывал, что он переживает то, что возбуждало в нем участие. Кто мог так слушать и кто передумал так много, тот не мог не быть хорошим советчиком. Именно за это достоинство Клеопатра отличала его перед всеми.

И в этот раз, как всегда, проявилась свойственная Архибию обдуманность, так как, явившись убедить Барину уехать, он не открыл цели своего посещения, пока она не поведала ему обо всех своих намерениях и не спросила, о каком таком важном деле он хотел поговорить с ней.

В общих чертах его предложение могло считаться уже принятым. Поэтому он начал с вопроса, не кажется ли им, что переход к новой жизни удобнее совершить, уехав на время из города. Все будут поражены, если завтра они перестанут принимать гостей, и так как о причине этого решения неудобно распространяться, то многие будут обижены. Если же они уедут на несколько недель, то многие пожалеют об их отъезде, но никому не будет обидно.

Мать тотчас согласилась с гостем, но Барина колебалась. Тогда Архибий попросил ее высказаться откровенно и, когда она спросила, куда же им уехать, предложил свое поместье.

Его проницательные серые глаза сразу заметили, что обстоятельства, удерживавшие Барину в городе, связаны с делами сердечными. Поэтому он пообещал, что избранные друзья будут время от времени навещать ее. Подняв голову, она обратилась к матери с веселым восклицанием:

– Едем!

Тут снова проявилось живое воображение дочери художника, нарисовавшее почти осязаемую картину будущего. Конечно, никто, кроме нее, не знал, на кого она намекает, говоря о госте, которого будет ожидать поместье

Архибия. Ей очень понравилось его название, которое означает «Мирный приют».

Архибий слушал с улыбкой, но, когда она начала было рассказывать о его участии в катании на маленьких сардинских лошадках и в охоте на птиц, остановил ее, заметив, что его пребывание в поместье зависит от исхода другого, более важного дела. Он пришел к ним с легким сердцем, так как несколько часов тому назад слышал о блестящей победе царицы. Хозяйки позволяют ему посидеть еще немного, чтобы у них дожидаться подтверждения этой вести.

Видно было, что он не совсем спокоен.

Береника разделяла его тревогу, и ее доброе лицо, оживленное радостью по поводу благоразумного решения дочери, сделалось озабоченным, когда Архибий сказал:

– Теперь о цели моего посещения. Вы облегчили мне ее исполнение. Я мог бы теперь вовсе не упоминать о ней, но считаю это нечестным. Я пришел для того, чтобы на какое-то время удалить тебя из города. Мальчишеская дерзость сына Антония не представляет, на мой взгляд, ничего опасного. Но Барине не следует встречаться с Цезарионом.

– Пересели меня хоть на луну, только бы не видеть его! – воскликнула она. – Вот одна из причин, побуждающих меня изменить наш образ жизни. Неприлично мальчику, который должен еще ходить в школу, так злоупотреблять своим высоким положением. И мне вовсе не хочется называть «царем» этого сонного мечтателя с жалкими, умоляющими глазами!

– Но есть ли страсть, которая не может затаиться в сердце сына таких людей, как Юлий Цезарь и Клеопатра? – заметил Архибий. – А на этот раз он воспламенился не на шутку. Знаю, дитя, что ты тут ни при чем! Как бы то ни было, подобные чувства не могут не огорчать сердца матери. Поэтому отъезд следует ускорить и держать в секрете твое местопребывание. Он еще не приступал ни к каким действиям, но от сына таких родителей можно всего ожидать!

– Ты пугаешь меня! – воскликнула Барина. – Видишь опасного ястреба в воркующем голубке, залетевшем в мой дом?

– Считаю его ястребом, – предостерег Архибий. – Ты приветливо принимаешь меня, Барина, и я люблю тебя с детства как дочь моего лучшего друга, но, предлагая тебе ехать в Ирению, я оберегаю не только тебя. Моя главная цель – избавить от горя или хотя бы простого беспокойства ту, которой я, как тебе известно, обязан всем.

Эти слова явно показали женщинам, что, как бы они ни были дороги Архибию, он не задумается принести их да, пожалуй, и весь свет в жертву покою и счастью царицы.

Барина и не ожидала от него ничего другого. Она знала, что Архибий, сын бедного философа, обязан Клеопатре своим богатством и обширными поместьями, но чувствовала, что его страстная привязанность к царице, о которой он пекся, как нежный отец, проистекала из другого источника. Обладай он честолюбием, ему бы ничего не стоило сделаться эпитропом и стать во главе

правления, но – и это было известно всему городу – он не раз отказывался от выборных должностей, так как находил, что может принести больше пользы царице в скромной, незаметной роли советника.

Мать рассказывала Барине, что знакомство Архибия с Клеопатрой произошло еще в детстве. Но подробностей их сближения она не знала. Всякого рода сплетни возникали на этот счет и, украшенные разными выдумками и анекдотами, передавались из уст в уста как достоверные сведения. Барина, естественно, верила рассказам о детской любви царевны к сыну философа. По-видимому, его теперешнее отношение к ней подтверждало эту историю.

Когда он умолк, она сказала, что понимает его, и, указывая на портрет девятнадцатилетней Клеопатры работы Леонакса, прибавила:

– Не правда ли, в то время она была поразительно хороша?

– Так и изобразил ее твой отец, – отвечал Архибий, – Леонакс нарисовал тогда же портрет Октавии и, кажется, находил ее еще красивее.

При этом он указал на портрет сестры Октавиана, нарисованный Леонаксом, когда она еще состояла в первом браке с Марцеллом.

– Нет, – возразила Береника, – я очень хорошо помню это время. Могла ли я остаться равнодушной, слушая его восторженные рассказы о римской Гере²⁹? Я еще не видала портрета, и на мой вопрос, неужели он находит Октавию красивее царицы, Леонакс с азартом воскликнул: «Октавия принадлежит к числу тех женщин, о которых говорят «хороша» или «не так хороша»; но Клеопатра, та стоит особняком, сама по себе, вне всякого сравнения».

Архибий утвердительно наклонил свою массивную голову и решительно произнес:

– Ребенком, впервые увиденным мной, она была прекраснейшей среди богов любви.

– А сколько же лет ей было тогда? – спросила Барина.

– Восемь лет! Как давно это было, а между тем я живо помню каждый час.

Барина попросила его тут же рассказать о том времени. Он задумался на минуту, потом поднял голову и сказал:

– Пожалуй, тебе следует познакомиться поближе с женщиной, для которой я требую у тебя жертвы. Арий вам брат и дядя. Он близок к Октавиану, потому что был его наставником. Я знаю, что он чтит Октавию, сестру римлянина, как богиню. Теперь Марк Антоний борется с Октавианом за владычество над Римом; Октавия уже пала в борьбе с женщиной, о которой вы хотите услышать. Не мое дело судить; я могу только поправлять ошибки и предостерегать. Римские матроны курят фимиам Октавии и отворачиваются, когда услышат имя Клеопатры. Здесь, в Александрии, многие делают то же, думая, что и к ним перейдет частица ее святости. Они называют Октавию законной супругой, а Клеопатру – разлучницей, похитившей у нее сердце мужа.

– Только не я! – горячо воскликнула Барина. – Я часто слышала об этом от дяди. Антоний и Клеопатра страстно любили друг друга. Никогда стрела Амура не проникала так глубоко в сердца двух любящих! Но было необходимо

²⁹ Гера – верховная греческая богиня, царица богов

избавить государство от кровопролития и гражданской войны. Антоний решил заключить союз с соперником и в залог искренности примирения согласился предложить руку Октавии, только что потерявшей своего первого супруга. Руку, но не сердце, потому что сердце его уже принадлежало царице Египта. И если Антоний изменил супруге, которую навязала ему государственная необходимость, то этим самым сохранил верность другой, имевшей больше прав на него. И если Клеопатра не захотела бросить Антония, которому клялась в вечной любви, то она была права, тысячу раз права! На мой взгляд, Клеопатра, что бы ни говорила об этом моя мать, – была и есть истинная супруга Антония перед бессмертными богами, а та, другая, хотя при ее браке были соблюдены все обряды, все пункты, все формальности, только разлучница, не имевшая никакого права расторгать союз, которому боги радуются. Как бы ни возмущались люди и, прости меня, матушка, добродетельные матроны.

При этих словах Береника, слушавшая свою пылкую дочь с краской на лице, перебила ее, сказав с некоторой опаской, но убежденно:

– Я знаю, что теперь принято говорить, будто Клеопатра законная супруга Антония в глазах египтян и по их обычаю; знаю, что вы оба не согласны со мной. Но ведь Клеопатра гречанка, стало быть... Вечные боги!.. Можно ее пожалеть; но брак – святое дело, и я не могу сказать ничего против Октавии. Она воспитывает и лелеет детей неверного мужа от его первого брака с Фульвией, а ведь, в сущности, какое ей до них дело? А как она старается уладить все, что может повредить ему – ему, который сделался ее врагом! Вряд ли какая-нибудь женщина в Александрии горячее, чем я, молит богов о победе Клеопатры и ее друга над Октавианом. Его холодный рассудок, как бы ни восхищался им брат, претит мне. Но когда я гляжу на портрет Октавии, на это чудное, прекрасное, целомудренное, истинно благородное лицо, на это зеркало женской непорочности...

– Можешь им любоваться, – перебил Архибий, слегка прикасаясь к ее руке, – только советую тебе повесить этот портрет где-нибудь в укромном месте и высказывать вслух свое мнение об Октавии только брату да такому надежному другу, как я. Если мы победим, тогда, пожалуй, если же нет... однако вестник что-то замешкался...

Барина снова попросила его воспользоваться свободным временем и рассказать о царице. Она сама только однажды имела счастье обратить на себя ее внимание на празднике Адониса. Клеопатра подошла к ней и поблагодарила за пение. Царица сказала всего несколько слов, но таким голосом, который проник в сердце Барины и точно приковал ее к царице невидимыми нитями. При этом их взгляды встретились, и в первую минуту Барине захотелось прикоснуться губами хотя бы к краю платья своей царственной собеседницы, но тут же ею овладело такое чувство, будто из прекраснейшего цветка показалось жало ядовитой змеи...

Тут Архибий перебил Барину, заметив, что, насколько он припоминает, Антоний подошел к ней после пения вместе с царицей и что Клеопатре не чужды женские слабости.

– Ревность? – удивилась Барина. – Я никогда не доходила до такого

тщеславия, чтобы вообразить что-нибудь подобное! Я подумала только, что Алексас, брат Филострата, настроил ее против меня. Он ненавидит меня так же, как и мой бывший муж, потому что я... Но все это так низко и отвратительно, что я не хочу портить себе настроение. Как бы то ни было, мое подозрение, что Алексас очернил меня перед царицей, не лишено основания. Он хитер, как и его брат, и, втеревшись в доверие к Антонию, имеет возможность часто встречаться с Клеопатрой. Он отправился вместе с ними на войну.

– Я слишком поздно узнал об этом, притом же я ничего не значу в сравнении с Антонием, – заметил Архивий.

– Но я-то, естественно, обеспокоена, что царица явно настроена против меня. Во всяком случае, я заметила в ее взгляде что-то враждебное, что оттолкнуло меня от нее, хотя сначала я стремилась к ней всем сердцем.

– И если бы другой не вмешался в отношения между вами, – прибавил Архивий, – ты бы уже не смогла расстаться с ней!.. Когда я в первый раз увидел ее, то и сам был совсем ребенком, а ей, как я уже сказал, было восемь лет.

Барина благодарно кивнула ему, принесла матери веретено, подлила воды в кружку с вином и сначала спокойно расположилась на подушках, потом слегка приподнялась и вся обратилась в слух, опершись локтями на колени и положив подбородок на руки.

– Вы знаете мой загородный дом в Канопе? – начал Архивий. – Сначала это был летний дворец царской фамилии. С тех пор как мы в нем поселились, там почти все осталось по-прежнему. Даже сад не изменился. Он полон тенистыми старыми деревьями. Придворный врач Олимп выбрал этот уголок для царских детей, порученных попечению моего отца. В Александрии в то время было беспокойно, так как Рим уже довлел над нами, точно злой рок, хотя еще не признавал завещания, в котором злополучный Александр отказывал ему Египет, точно какое-нибудь поместье или раба.

Царем Египта был в то время довольно ординарный человек, величавший себя «Новым Дионисом»³⁰ с довольно сомнительными правами на престол. Вы знаете, что народ прозвал его Авлетом³¹. Действительно, больше всего на свете любил он музыку и сам играл на различных инструментах, и притом одинаково скверно на всех. Как пропойца, он оправдывал и другое свое прозвище. Остаться трезвым на празднике Диониса, земным воплощением которого он считал себя, значило нажить себе смертельного врага в его лице.

Жена Авлета, царица Тифена, и его старшая дочь, носившая твое имя, Береника³², отравляли ему жизнь. В сравнении с ними он был во всех отношениях достойный и добродетельный человек. Во что превратились герои и мудрые, благомыслящие правители дома Птолемеев! Все пороки, все страсти свили гнездо в их дворце!

³⁰ Птолемей XII Неос Дионис (80 – 51 г.г. до н.э.)

³¹ Авлет – «флейтист». Прозвище произошло от названия древнейшего греческого духового инструмента авлоса, в ранних переводах ошибочно именуемого флейтой

³² Береника IV правила после изгнания Авлета в 58 – 55 г.г. до н.э. сначала вместе с матерью, а после ее смерти самостоятельно

Авлет был, кстати, еще далеко не из худших. Своим страстям он предавался без удержу, так как никто не научил его управлять ими. В случае опасности он не прочь был прибегнуть к убийству. Но все-таки у него имелось одно несомненное достоинство: он питал отвращение к разврату, верил в добродетель и величие. В детстве ему попался хороший учитель. Кое-что из наставлений запало ему в душу, и вот он решил избавиться от пагубного влияния матери, по крайней мере, своих любимых детей: двух младших дочерей.

Как я узнал впоследствии, он намеревался доверить всецело их воспитание моему отцу. Но это оказалось невозможным. Греки могли обучать царских детей наукам, но за их религиозное воспитание египетские жрецы держались крепко. Врач Олимп – вы знаете этого почтенного старца – настаивал на том, что Клеопатра, не отличавшаяся крепким здоровьем, должна проводить зиму в Верхнем Египте, где небо всегда ясно, а лето – на морском берегу, в каком-нибудь тенистом саду. Такой сад имелся при летнем дворце подле Канопы, и на нем остановился выбор врача. Когда мои родители переехали туда, он был совершенно пуст, но приезд царевен ожидался в самом непродолжительном времени. Для зимнего местопребывания Олимп выбрал островок Филы на нубийской границе, так как там находился знаменитый храм Исиды, жрецы которого охотно взялись смотреть за царевнами.

Обо всем этом царица и слышать не хотела, так как одна мысль провести лето вдали от Александрии, в каком-то захолустье под тропиками, внушала ей ужас. Итак, она предоставила мужу поступать как знает, да ей и самой хотелось избавиться от возни с детьми, так как позднее, после изгнания царя из Александрии, она ни разу к ним не заглянула. Правда, скорая смерть не оставила ей на это времени.

Ее старшая дочь и преемница, Береника, последовала ее примеру и не заботилась о сестрах. Я слышал позднее, что она разузнавала, как их воспитывают, и была очень довольна, что учителя не стараются пробудить в них жажду власти.

Братья Клеопатры воспитывались на Лохиаде под руководством нашего соотечественника Феодота и под присмотром опекуна Потина.

Понятно, что жизнь нашей семьи совершенно изменилась с прибытием царских детей. Во-первых, мы переселились с площади Мусейона в канопский дворец и очень обрадовались старому тенистому саду. Как сейчас помню утро – мне было тогда пятнадцать лет, – когда отец сообщил, что вскоре с нами будут жить царские дочери. Нас было трое в семье: Хармиона, которая теперь отправилась на войну с царицей, так как Ира захворала перед самым отъездом, я и Стратон, которого уже давно нет в живых.

Нас просили вести себя вежливо и почтительно с царевнами. Да мы и сами понимали, что это особы важные, так как пустой и заброшенный дворец был перестроен сверху донизу к их приезду.

Накануне приезда девочек появились лошади, повозки, носилки, а на море лодки и великолепный корабль с полным вооружением. Кроме того, прибыла толпа рабов и рабынь и два толстых евнуха.

Я хорошо помню расстроенное лицо отца при виде этой оравы. Он тотчас

отправился в город, и, когда вернулся, его светлые глаза смотрели по-прежнему весело. Вместе с ним приехал придворный чиновник и отправил обратно весь лишний народ и хлам, оставив только самое необходимое, по указаниям отца.

На следующее утро мы ожидали их приезда; лужайки и кустарники пестрели цветами, деревья уже оделись яркой зеленью – дело происходило в конце февраля. Я взобрался на большой сикомор перед воротами, чтобы увидеть их издали. Мне пришлось-таки изрядно подождать, и, окинув взором сад, я сказал себе, что он должен им понравиться, потому что такого нет ни при одном дворце в городе.

Наконец показались носилки, без вестников и свиты, как и просил отец, и когда девочки вышли из них, обе разом, у меня просто глаза разбежались. Та, которая не вышла, а выпорхнула, как мотылек, из передних носилок, не была девочкой такой же, как все другие, она явилась передо мной, как желание, как надежда. И пока это нежное, прелестное существо осматривалось, поворачивая головку туда и сюда, и наконец уставилось большими влажными, точно умоляющими о помощи глазами на моих отца и мать, вышедших навстречу царевнам, я думал, что такова и была Психея, явившаяся с мольбой перед престолом Зевса.

Но и на другую стоило посмотреть!

«Не эта ли Клеопатра?» – подумал я.

Ее можно было принять за старшую, но какая разница с первой! У той – она-то и оказалась Клеопатрой – все, от вьющихся волос до малейшего жеста, казалось эфирным; вторая была точно выкована из меди. Обеими ногами выпрыгнула она из носилок, твердо ухватила за дверцу и надменно вздернула головку с густыми черными кудрями. Румянец играл на ее белом личике, голубые глаза светились так же ярко, но выражение их было скорее повелительным, и, осматриваясь кругом, она слегка скривила губки, как будто все окружающее представлялось ей низким и недостойным ее особы.

Это несколько огорчило меня, и я подумал, что как ни хорошо у нас, однако такая простая и скромная – благодаря стараниям моего отца – обстановка должна показаться бедной и жалкой после золота, мрамора и пурпура царских покоев.

Она тоже была хороша собой и невольно привлекала внимание. Впоследствии, видя ее повелительные манеры и настойчивость, с которой она добивалась исполнения всех своих желаний, я подумал в своей ребяческой наивности, что Арсиное следовало бы быть старшей, так как она более способна управлять государством, чем Клеопатра. Я сообщил об этом сестрам, но вскоре мы все увидели, кому свойственно истинное величие. Арсиноя, если ее желание не исполнялось, могла плакать и капризничать, приходить в неистовство или, когда ничего другого не оставалось, канючить и приставать. Клеопатра же достигала своих целей иными способами. Она уже тогда знала, каким оружием может одержать победу, и, пользуясь им, неизменно оставалась царской дочерью.

Пафос, напыщенность были так же чужды этому воплощению кроткой, нежной прелести, как любой дочери ремесленника; нежный голос, чарующий

взгляд и в крайнем случае немые слезы – вот какими средствами побеждала она самый решительный отказ. Никакое сопротивление не могло устоять против этих чар, к которым присоединялись несколько слов вроде: «Как бы я была рада» или: «Разве ты не видишь, что это огорчает меня?» Да и позднее, в самые критические минуты жизни, немые слезы и чарующий голос всегда помогали ей одерживать победу.

Мы, молодежь, вскоре подружились с ними. Учение началось не прежде, чем царевны освоились в нашей семье. Арсиное это пришлось по вкусу, хотя она уже умела читать и писать; но Клеопатра не раз требовала, чтобы отец, о мудрости которого она много наслышалась, начал занятия как можно скорее.

Царь и прежние учителя Клеопатры много рассказывали отцу о дарованиях этого необыкновенного ребенка, а врач Олимп поймал меня как-то и заметил, что мне нужно держать ухо востро, не то царевна несомненно быстро обгонит сына философа. Я всегда был в числе первых учеников и, смеясь, отвечал ему, что не нуждаюсь в предостережениях.

Оказалось, однако, что предостережение Олимпа имело основание. Вы, пожалуй, подумаете, вот расчувствовался старый дурак и вспоминает о талантливой девочке, как о какой-то богине. Богиней она не была, конечно, ибо лишь бессмертные свободны от слабостей и недостатков.

– Что же тебя заставило приравнять Клеопатру к богам? – перебила Барина.

Архибий улыбнулся и отвечал слегка укоризненным тоном:

– Если бы я вздумал рассказывать вам о ее добродетелях, тебе вряд ли бы вздумалось расспрашивать меня о подробностях. Но к чему я буду скрывать то, что она выставляет напоказ перед целым светом? Ложь и лицемерие всегда были ей чужды, как рыбная ловля сыну пустыни. Отличительными чертами этого удивительного существа всегда были два неутолимых желания: господствовать над всяким, с кем она сталкивалась, и второе – любить и быть любимой. Из них выросло все то, что ставит ее так высоко над остальными женщинами. Честолюбие и любовь, как два могучих крыла, вознесли ее на такую высоту. До сих пор им помогало редкое счастье, и так, если угодно олимпийцам, останется и на будущее время!

Здесь Архибий остановился, отер капли пота, выступившие на лбу, осведомился насчет вестника и, вернувшись к хозяйкам, продолжал:

– Царские дочери сделались нашими товарищами и с течением времени друзьями. В первые годы их отец позволял им проводить на острове Филы только самые суровые зимние месяцы, так как не хотел отпускать их далеко.

Правда, он редко виделся с ними. Иной раз проходила неделя за неделей, а он и не заглядывал в наш дом. Иногда же являлся каждый день, в простом платье и носилках, так как скрывал эти посещения от всех, кроме врача Олимпа.

Именно поэтому мне частенько приходилось видеть его. Это был высокий, сильный человек, с красным одутловатым лицом, возившийся с детьми, как ремесленник после работы. Впрочем, посещения его всегда бывали непродолжительными. По-видимому, он приходил, только чтобы повидаться с

дочерьми. Может быть, ему хотелось посмотреть, хорошо ли им у нас живется. Во всяком случае никто не смел подходить к группе вязов, где он играл с ними.

Но в густой кроне дерева нетрудно было спрятаться, и, таким образом, я мог слышать их беседы.

Клеопатре с самого начала понравилось у нас, Арсиноя же не сразу привыкла к новой обстановке; но царь придавал значение только мнению старшей, своей любимицы, в которой души не чаял. Часто, глядя на нее, он покачивал головой и, слушая ее бойкие ответы, смеялся так громко, что его зычный хохот доносился до дома.

Однажды, впрочем, довелось мне увидеть, как слезы катились по его багровому лицу, хотя на этот раз его посещение было еще непродолжительнее, чем всегда. Он явился в закрытой армамаксе ³³ и прямо из нашего дома отправился на корабль, который должен был отвезти его на Кипр, а оттуда в Рим. Александрийцы, с царицей во главе, принудили его оставить город и страну.

Конечно, он был недостоин венца, но к младшим дочерям относился как любящий отец. Напротив, страшно было слышать, как он проклинал перед детьми мать и старшую дочь, приказывая ненавидеть их и помнить и любить его, отца.

Мне тогда исполнилось шестнадцать, Клеопатре десять лет, и у меня, привыкшего чтить родителей выше всего на свете, мороз пробежал по коже, когда после ухода отца маленькая Арсиноя воскликнула, обращаясь к сестре: «Мы будем их ненавидеть! Пусть погубят их боги!» Но мне стало легче на душе, когда Клеопатра возразила: «Лучше постараемся быть добрее их, Арсиноя, чтобы боги возлюбили нас и возвратили нам отца».

«Чтобы он сделал тебя царицей?» – спросила та насмешливо, но все еще дрожа от гневного возбуждения.

Клеопатра как-то странно взглянула ей в лицо. Видно было, что она тщательно взвешивает значение этих слов, и я точно сейчас вижу, как она внезапно выпрямилась и с достоинством ответила: «Да, я хочу быть царицей!»

Потом выражение ее лица изменилось, и она сказала своим мелодичным голосом: «Не правда ли, ты никогда больше не повторишь таких ужасных слов?»

Это случилось в то время, когда учение моего отца уже начинало овладевать ее душой. Предсказание Олимпа сбылось. Хотя я посещал школу, но мне было позволено давать ответы на те же темы, которые отец предлагал ей, и не раз приходилось мне пасовать перед Клеопатрой.

Вскоре мне стало еще труднее, потому что пытливый ум этого замечательного ребенка требовал серьезной пищи, и ее начали обучать философии. Отец принадлежал к школе Эпикура ³⁴, и ему удалось сверх всяких

³³ Армамакса – азиатская повозка типа кибитки

³⁴ Эпикур (341 – 270 г.г. до н.э.) – древнегреческий философ-материалист, основатель философской школы, получившей название «Сад Эпикура». Эстетическое учение Эпикура основано на разумном стремлении человека к счастью; основной девиз: «Живи уединенно». Цель жизни – отсутствие страданий, здоровье тела и состояние безмятежности духа. Познание природы освобождает человека от страха смерти, суеверий и религии

ожиданий увлечь Клеопатру его учением. Она изучала и других великих философов, но всегда возвращалась к Эпикуру и убеждала нас следовать правилам благородного самосца.

Вы, благодаря отцу и брату, знакомы с учением стоиков, но, без сомнения, вам известно также, что Эпикур проводил последние годы жизни в тихом созерцании и оживленных беседах с друзьями и учениками в своем афинском саду. «Так, – говорила Клеопатра, – должны жить и мы, и называться "детьми Эпикура"».

За исключением Арсинои, предпочитавшей более веселое времяпровождение, причем она брала в товарищи моего брата Стратона, уже тогда отличавшегося геркулесовой силой, нам пришелся по вкусу совет Клеопатры. Меня выбрали руководителем, но, видя, что она охотно взяла бы эту роль на себя, я уступил ей с радостью.

После обеда мы отправились в сад и, прогуливаясь взад и вперед, беседовали о высшем благе. Беседа шла оживленно, Клеопатра руководила ею с таким искусством и так удачно решала спорные вопросы, что мы с неудовольствием встречали удары в медную доску, призывавшие нас домой, и заранее радовались предстоящей назавтра беседе.

Утром отец увидел людей перед воротами сада, но не успел справиться о причине их появления, так как Тимаген, преподававший нам историю – впоследствии, как вам известно, он был взят в плен на войне и отправлен в рабство в Рим, – явился к нему с какой-то доской. На ней была та самая надпись, которую Эпикур когда-то вывесил на воротах своего сада: «Странник, здесь тебе будет хорошо, здесь высшее благо: веселье». Оказалось, что Клеопатра рано утром сделала эту надпись на крышке небольшого столика и велела рабу потихоньку прикрепить ее к воротам.

Эта выходка едва не погубила наши собрания, хотя сделана была единственно с целью приблизиться как можно более к желаемому образцу.

Впрочем, отец разрешил продолжать собрания, но только строго-настрого запретил называться «эпикурейцами» вне сада, потому что этот благородный эпитет давно уже приобрел совершенно ложный смысл. Эпикур говорит, что истинное счастье в душевном спокойствии и отсутствии огорчений.

– Однако, – перебила Барина, – все называют эпикурейцем такого, например, безбожника, как Исидор, цель жизни которого предаваться наслаждениям, какие только можно купить за деньги. Мать недавно еще доверяла меня воспитателю, по мнению которого «веселье есть высшее благо».

– Ты, внучка философа, – возразил Архибий, покачав седой головой, – должна была бы знать, что значит веселье в понимании Эпикура. Имеете вы понятие о его философии? Смутное? В таком случае позвольте мне немного порассуждать на эту тему. Слишком часто смешивают Эпикура с Аристиппом ³⁵,

вообще. Эпикур признавал существование блаженно-безразличных богов в пространствах между многочисленными мирами, однако отрицал их вмешательство в жизнь космоса и людей.

³⁵ Аристипп из Кирены (435 – 355 г.г. до н.э.) – древнегреческий философ, ученик Сократа, считал высшим благом физическое и духовное наслаждение; по Аристиппу, добродетель и мудрость имеют ценность только как средство к его достижению

который ставил чувственные наслаждения выше духовных, а физическую боль считал тяжелее нравственной. Эпикур же считает высшими наслаждения духовные, потому что чувственные, которые он, впрочем, предоставляет сугубо индивидуально оценивать каждому, имеют значение лишь в настоящем, тогда как духовные простираются на прошедшее и будущее. Как я уже сказал, в глазах эпикурейца цель жизни есть достижение душевного спокойствия и избавление от страданий – это два высших блага. К добродетели нужно стремиться, потому что она дает веселье, но нельзя быть добродетельным, не будучи мудрым, благородным и справедливым, а такой человек спокоен духом и пользуется истинным счастьем. Именно в этом смысл теории Эпикура.

Как подходило это учение к чистой, не омраченной страстями душе Клеопатры! Ее деятельный ум не мог успокоиться, пока не овладел им вполне. А избавление от страданий, которое учитель считает первым условием счастья и высшим благом, конечно, являлось важнейшим условием счастливой жизни для нее, с трудом переносившей малейшее грубое прикосновение.

И вот это дитя, которое наш отец назвал однажды думающим цветком, переносило свою горькую участь, изгнание отца, смерть матери, гнусность сестры Береники без малейшей жалобы, как героиня. Даже со мной, которому доверяла, как брату, она говорила лишь намеками об этих грустных вещах. Я знаю, что она вполне ясно понимала все происходившее, знаю, как глубоко она чувствовала. Скорбь становилась между ней и «высшим благом», но она пересиливала ее. А как упорно работало это нежное создание, преодолевая все трудности и обгоняя нас с Хармионой!

Тогда-то я понял, почему представительницей науки между богами является дева и почему ее изображают с оружием. Вы знаете, что Клеопатра владеет множеством языков. Замечание Тимагена запало ей в душу: «С каждым языком, который ты изучишь, – сказал он, – ты приобретаешь народ».

Она знала, что под властью ее отца находится много народов, и все они должны любить ее, когда она станет царицей. Конечно, она начала с господствующих, а не с покоренных. Кстати, ей хотелось изучить Лукреция³⁶, который излагает учение Эпикура в стихах. Отец взялся учить ее, и уже на следующий год она читала поэму Лукреция так же легко, как греческую книгу. Египетский она знала кое-как, но быстро освоила его. Встретив на острове Филы троглодита, она ознакомилась и с его языком. Здесь, в Александрии, много евреев, они обучили ее своему языку, а затем она изучила и родственный еврейскому – арабский.

Когда, много лет спустя, Клеопатра посетила Антония в Тарсе, его воины думали, что им показывают образчик египетского колдовства, так как она разговаривала с каждым военачальником на языке его племени.

Любимым поэтом ее был римлянин Лукреций, хотя она, так же как и я, не питала симпатии к его народу. Но самоуверенность и сила врага импонировали

³⁶ Лукреций Кар (ок. 96 – 55 г.г. до н.э.) – поэт и философ-материалист, последователь учения Эпикура, основные положения философской системы которого он изложил в поэме «О природе вещей»

ей, и я слышал однажды, как она воскликнула: «Да, если бы египтяне были римлянами, я охотно променяла бы наш сад на трон Береники!»

Лукреций постоянно приводил ее к Эпикуру, пробуждая тягостные сомнения в ее беспокойной душе. Вы знаете, что по его учению жизнь сама по себе вовсе не такое счастье, чтобы считать бедствием несуществование. Поэтому прежде всего необходимо отказаться от предрассудка, по которому смерть считается величайшим несчастьем. Только та душа достигнет спокойствия, которая не боится смерти. Кто знает, что со смертью исчезают чувствительность и мысль, тот не испугается кончины, так как, расставаясь с тем, что ему дорого и мило, он утрачивает все желания и стремления. Заботы о трупѣ Эпикур признает величайшей бессмыслицей, тогда как религия египтян придерживается совершенно противоположных взглядов на этот счет, которые Анубис³⁷ старался внушить Клеопатре.

Это удалось ему в некоторой степени, так как обаяние его личности имело на нее значительное влияние. К тому же ей от рождения присуще стремление к таинственному и сверхъестественному, как моему брату Стратону физическая сила, а тебе, Барина, певческий дар.

Вы видели Анубиса. Кто из александрийцев не знает этого замечательного человека, и кто может забыть его, взглянув хоть раз ему в глаза? Он в самом деле обладает сверхъестественным могуществом. Если Клеопатра, чистокровная гречанка, придерживается египетской религии, любит Египет, готова всем пожертвовать ради его величия и независимости, то это дело его рук. Ее называют «Новой Исидой», а Исида – покровительница таинственной мудрости египтян, с которой Клеопатра познакомилась благодаря Анубису, занимавшемуся с ней в обсерватории и в лаборатории...

Но начало всему было положено в нашем эпикурейском саду. Мой отец не мог препятствовать Анубису, так как отец Клеопатры сообщил из Рима, что ему будет очень приятно, если дочь полюбит египетский народ и его тайную науку.

Проживая на Тибре, Авлет не жалел египетского золота, стараясь привлечь на свою сторону влиятельных людей. Помпеи, Цезарь и Кресе, заключив триумvirат, согласились вернуть трон Птолемеям. Это стоило Птолемею XII не один миллион. Помпеи сам хотел отвезти его в Египет, но его осторожные друзья не допустили этого. Предприятие было возложено на Габиния, наместника Сирии. Однако властители Египта не собирались уступать трон без сопротивления. Вы знаете, что царица Береника дважды выходила замуж после изгнания отца. Первого мужа, совершенно ничтожного человека, она велела удавить; второго выбрали ей александрийцы. Это был мужественный человек, он смело взялся за оружие при появлении Габиния и пал на поле битвы.

Вскоре сенат узнал, что Габиний восстановил власть Птолемеев. До нас вести доходили не так быстро. Мы ждали их с таким же волнением, как сегодня я жду известий об исходе сражения.

В то время Клеопатре исполнилось четырнадцать лет; она была уже в расцвете своей красоты. Вы видите на портрете этот распутившийся цветок, но

37 Анубис – верховный жрец, глава жреческой иерархии в Египте

бутона обладал еще большей прелестью. Глаза ее!.. Как ясно и спокойно они смотрели! Когда же ей случилось развеселиться, они сияли, как звезды, а пунцовые губки принимали невыразимо плутовское, чарующее выражение, и на щеках появлялись ямочки, которые и теперь, когда стали гораздо глубже, восхищают каждого. Очертания носа были нежнее, чем теперь, и легкая горбинка, которую вы видите на портрете и которая слишком резко обозначена на монетах, была едва-едва различима. Волосы тоже потемнели впоследствии. Расчесывать их пышные волны было лучшим удовольствием для моей сестры Хармионы. Она сравнивала их с шелком и была права. Я знаю это, потому что однажды на празднике Исиды Клеопатра должна была распустить их, когда шла с сестрой за изображением богини. На обратном пути она, ради шутки, несколько раз встряхивала головой. Тогда волосы рассыпались, как водопад, закрывая ее лицо и фигуру. Она была, как и ныне, среднего роста, но удивительно пропорционально сложена и еще изящнее и грациознее, чем теперь.

Клеопатра умела привлекать к себе сердца. И хотя в действительности предпочитала другим моего отца, которого высоко ценила, меня, к которому относилась с большим доверием, Анубиса, внушавшего ей благоговейное почтение, и остроумного Тимагена, с которым любила поспорить, но со стороны казалось, что она относится одинаково ко всем окружающим, тогда как Арсиноя забывала обо мне в присутствии Стратона и глаз не сводила с красавца Менодора, ученика отца.

Когда прошел слух о том, что римляне собираются вернуть царя в Александрию, царица Береника явилась к нам, чтобы отвезти девочек в город. Клеопатра же попросила оставить ее у наших родителей и не прерывать ее учения, на что Береника презрительно улыбнулась и заметила, обратившись к своему мужу Архелаю: «Кажется, в самом деле ей безопаснее всего оставаться с книгами».

В прежнее время опекун Потин позволял иногда братьям царевен навещать своих сестер. Теперь же их не выпускали с Лохиады; да сестры и не особенно стремились их видеть. Мальчики дичились, и в своих египетских одеяниях, с длинными прядями волос на висках, по египетскому обычаю, казались им чужими.

Когда прошел слух, что римляне выступили из Газы, обеими девочками овладело страстное возбуждение. У Арсинои оно светилось в каждом взгляде, Клеопатра умела его скрывать, но лицо ее, которое нельзя было назвать белым или румяным, как у ее сестры, а... не знаю, как сказать...

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — подхватила Барина. — Когда я видела ее, меня больше всего восхитил в ней матовый оттенок кожи, сквозь которую румянец пробивался, как свет сквозь эту алебастровую лампу или как краснота персика сквозь его пушок. Мне случалось иногда видеть это у выздоравливающих. Афродита дарит этот оттенок лицу и телу своих любимцев, как бог времени одевает бронзу благородной патиной. Нет ничего восхитительнее таких женщин, когда они краснеют.

— Ты, я вижу, наблюдательна, — с улыбкой заметил Архибий. — Но когда

радость или смущение бросали ее в краску, ее лицо напоминало не то что зарю, а слабый отблеск зари на западной стороне неба. Когда же ее охватывал гнев, а это случалось не раз еще до возвращения царя, она казалась безжизненной мраморной статуей: даже губы ее белели, как у трупа.

Отец говорил, будто и в ней сказывалась кровь Фискона и других предков, не умевших обуздывать свои страсти... Но буду продолжать, а не то вестник не даст мне дорассказать.

Итак, Габиний вернул царя в Александрию. Но во время его похода с римским войском и вспомогательным отрядом иудейского наместника общее внимание привлекали не Габиний и не Антипатр ³⁸, командовавший войском Гиркана. Только и речи было, что о начальнике всадников Антонии. Он благополучно провел войска через пустыню между Сирией и египетской Дельтой, не потеряв ни единого человека на этом опасном пути, погубившем уже немало войск у Баратр ³⁹. Не Антипатру, а ему сдался без боя Пелусий. Он победил в двух сражениях. Второе, в котором после отчаянного сопротивления пал супруг Береники ⁴⁰, решило, как вам известно, участь страны.

С тех пор как имя Антония сделалось известным, обе девочки не уставали о нем расспрашивать. Говорили, что это знатнейший из знатных, храбрейший из храбрых, беспутнейший из беспутных и красивейший из красивых римлян.

Служанка из Мантуи, с которой Клеопатра упражнялась в латинском языке, не раз видела его и еще больше слышала о нем, так как образ жизни Антония служил темой бесконечных пересудов в римском обществе. Он ведет свой род по прямой линии от Геркулеса, и его наружность и великолепная черная борода напоминают родоначальника. Вы видели его и знаете, насколько он может заинтересовать девушку, а в то время он был почти двадцатью пятью годами моложе, чем ныне.

Как жадно прислушивалась Арсиноя, когда упоминали его имя, как изменялась в лице Клеопатра, когда Тимаген вздумал изображать его безнравственным повесой. Ведь Марк Антоний вернул престол их отцу.

Авлет не забыл своих девочек. Он, державшийся в стороне от сражений, вступил в город тотчас после решительной победы.

Дорога пролегла мимо нашего сада.

Царь только за четверть часа до прибытия предупредил дочерей через скорохода, что хочет повидаться с ними. Их поспешно одели в праздничные платья, и, надо правду сказать, обе могли порадовать родительское сердце.

Клеопатра все еще не переросла Арсиною, но в четырнадцать лет она была уже вполне расцветшей девушкой, тогда как вторая по наружности и сложению

³⁸ Антипатр – еврейский военачальник. Войдя в доверие к Помпею, сделался опекуном бездарного иудейского царя-первосвященника Гиркана II и фактическим правителем покоренного римлянами израильского народа. В 47 году до н.э. Юлий Цезарь назначил Антипатра эпитроном (наместником) всей Иудеи.

³⁹ Баратры – согласно свидетельству древних историков, так назывались обширные болотистые топи близ Пелусия. Они являлись серьезным препятствием для прохождения неприятельских войск.

⁴⁰ Архелай, грек по происхождению, с 56 года до н.э. второй муж Береники IV; провозгласил себя египетским царем незадолго до вторжения в страну нанятых Авлетом войск Авла Габиния, в сражении с которыми был убит

казалась еще ребенком. В душе-то она уже не была им.

Наскоро были подготовлены букеты для встречи царя. Мои родители провожали девочек до ворот сада. Я видел все, что затем произошло, но ясно разобрал только речи мужчин.

Царь вылез из походной колесницы, запряженной восемью белыми индийскими конями. Знатный придворный, сопровождавший царя, помог ему выйти. Красное лицо его сияло, когда он здоровался с дочерьми. Видно было, что его поразил и обрадовал их вид, в особенности Клеопатры. Правда, он обнял и поцеловал Арсиною, но потом уж глаз не сводил со старшей дочери.

Но и младшая была хороша собой! Не будь сестры, она привлекла бы к себе общее внимание. Но Клеопатра казалась солнцем, в лучах которого меркнет всякое другое светило. Или нет! Солнцем ее нельзя назвать. От того-то отчасти и зависит ее очарование, что всякий невольно остановит на ней взор, стараясь решить, в чем же заключается ее неизъяснимая прелесть.

Антоний с первой же встречи поддался ее чарам. Он подъехал к колеснице и с небрежной учтивостью поклонился царевнам. Но когда Клеопатра, отвечая на его вопрос: заслужил ли он благодарность царевен тем, что так скоро вернул престол их отцу, — сказала, что как дочь она рада и признательна полководцу, а как египтянка не знает, что ему ответить, — он посмотрел на нее пристальнее.

Я узнал об этом ответе только впоследствии, но видел, как он соскочил с коня, бросив поводья знатному придворному Аммонию, тому самому, который помогал царю выйти из колесницы. Охотнику на женщин попала редкостная дичь. Он вступил в разговор с Клеопатрой, отец которой тоже принял в нем участие, причем нередко слышался его громкий хохот.

Нельзя было узнать серьезную ученицу Эпикура. Нам нередко приходилось слышать от нее меткие слова и глубокие замечания; но на шутки Тимагена она редко отвечала шутками. Теперь же — я видел это по лицам собеседников — она остротами отражала замечания Антония, словно ей в первый раз встретился человек, ради которого стоило пустить в ход все дарования своего быстрого и глубокого ума. И вместе с тем она сохраняла свое женское достоинство: глаза ее светились не сильнее, чем во время споров со мной или с моим отцом.

Иначе держала себя Арсиноя.

Когда Антоний соскочил с коня, она подошла поближе к сестре, но, видя, что римлянин упорно не обращает на нее внимания, вспыхнула и закусила свою пунцовую губку. Беспокойство овладело всем ее существом, и я видел по глазам и дрожащим ноздрям, что она едва сдерживает слезы. При всем моем пристрастии к Клеопатре я не мог не пожалеть ее сестру. Мне так и хотелось дернуть за руку Антония, который воистину выглядел богом войны, и шепнуть ему, чтобы он обратил внимание на бедного ребенка, тем более что ведь это тоже царская дочь.

Но Арсиное предстояло еще большее разочарование, когда царь, державший в руке оба букета, подал знак к отъезду. Антоний взял у него букет и звучным голосом произнес: «Зачем столько цветов тому, кто называет дочерью такой цветок?» Он протянул букет Клеопатре и сказал, приложив руку к сердцу,

что надеется увидеть ее в Александрии. Затем вскочил на лошадь, которую все еще держал под уздцы бледный от злости придворный.

Авлет был в восторге от своей старшей дочери и сообщил моему отцу, что послезавтра возьмет девочек в город. Завтра ему предстояли такие дела, которых им лучше было не видеть. Летний дворец вместе с садом он подарил отцу и его потомкам, в знак своей благодарности. Он обещал распорядиться, чтобы перемена владельца была отмечена в кадастровых книгах.

Действительно, он исполнил обещание в тот же день. Это распоряжение было бы даже его первым делом по возвращении на престол, если б ему не предшествовало другое: казнь Береники.

Тот самый царь, которого всякий присутствовавший при его свидании с дочерьми назвал бы добродушным человеком и нежным отцом, готов был истребить половину граждан Александрии и сделал бы это, не вмешайся Антоний. Римлянин не допустил кровопролития и почтил убитого мужа Береники пышными похоронами.

Уезжая, он еще раз обернулся и поклонился Клеопатре. Арсиноя тем временем убежала в сад. По ее опухшему лицу видно было, что она горько там плакала.

С этого дня она возненавидела Клеопатру.

Авлет вызвал обеих дочерей в Александрию. Происходило это с царской пышностью. Александрийцы с восторженными криками толпились вокруг царевен, которых несли на золотых креслах, под опахалами из страусовых перьев, в толпе знатных сановников и вождей, телохранителей и сенаторов. Клеопатра с гордым величием, как будто была уже царицей, отвечала на приветствия народа. А совсем недавно она с полными слез глазами прощалась с каждым из нас, обещая всегда помнить и любить своих друзей, так нежно говорила со мной, которого союз эфебов⁴¹ уже избрал своим главой...

Архибия прервал слуга, объявивший о приходе вестника. Он поспешно встал и пошел в мастерскую, чтобы поговорить с прибывшим с глазу на глаз.

VI

Посланцы Архибия не могли узнать ничего достоверного. Но один из скороходов царицы передал им записку Иры, пригласившей Архибия к себе на завтра. Она писала, что получены неблагоприятные, хотя, к счастью, еще сомнительные известия. Регент не жалел усилий, чтобы получить достоверные сведения, но ему, Архибию, известно, с каким недоверием относятся моряки и все население гавани к правительству. Независимый человек может скорее добиться толку, чем начальник гавани со всеми своими кораблями и матросами.

К этой табличке была приложена другая, на которой значилось, что подателю сего разрешается, именем регента, беспрепятственно выезжать за

⁴¹ Эфеб – юноша, достигший восемнадцатилетнего возраста. В союзе эфебов проходили гражданскую и военную подготовку к последующей деятельности

сторожевую цепь гавани, отправляться в открытое море и возвращаться, когда ему вздумается.

Посланник Архибия, начальник его корабельных рабов, был опытным моряком. Он взялся в два часа приготовить «Эпикура», корабль, подаренный Архибии Клеопатрой, для плавания в открытое море, и обещал прислать за господином повозку, чтобы не потерять ни минуты времени.

Вернувшись к хозяйкам, Архибий спросил, не злоупотребит ли он их гостеприимством, если останется еще на некоторое время (было уже около полуночи). Те отвечали, что будут очень рады, и просили его продолжать рассказ.

— Я должен торопиться, — сказал он, принимаясь за ужин, который тем временем приготовила Береника. — О последующих годах мне почти нечего сказать, тем более что все это время я был всецело поглощен занятиями при Мусейоне.

Что касается Клеопатры и Арсинои, то в качестве царевен они стояли во главе двора. День, когда они покинули наш дом, был последним днем их детства.

Возвращение ли царя или встреча с Антонием были тому причиной — я не берусь судить, — только в Клеопатре произошла большая перемена.

Перед отъездом царевен моя мать жаловалась, что Клеопатру приходится отдавать такому отцу, как Авлет, а не достойной этого названия матери, так как лучшая из женщин могла бы считать себя счастливой, имея такую дочь. Позднее ее характер и все ее существо восхищали скорее мужчин, чем женщин. Стремление к душевному миру исчезло. Только по временам ей надоедали шумные празднества, музыка и пение, никогда не прекращавшиеся во дворце коронованного виртуоза. Тогда она являлась в наш сад и проводила тут по нескольким дням. Арсиноя никогда не сопровождала ее, она постоянно увлекалась то каким-нибудь белокурый офицером из отряда германских всадников, оставленного Габинием в Александрии, то знатным македонянином из царской свиты.

Клеопатра жила отдельно от нее, и Арсиноя не раз открыто выражала свое нерасположение к сестре, с тех пор как та просила ее положить конец сплетням, ходившим по поводу ее любовных походов.

Никаких подобных историй с Клеопатрой не случалось.

Хотя по временам она занималась таинственной наукой египтян, но светлый ум ее настолько освоился с эллинской философией, что ей доставляло удовольствие беседовать в Мусейоне, куда заглядывала она нередко, с представителями различных школ или слушать их диспуты. Бывая у нас, она говорила, что скучает по мирной жизни в эпикурейском саду, но тем не менее довольно усердно занималась мирскими и государственными делами. Все, что происходило в Риме, цели и стремления партий, было ей известно так же хорошо, как характеры, способности и цели их вождей.

С сердечным участием следила она за успехами Антония. Ему первому подарила она свою молодую страсть. Она ожидала от него великих подвигов, но его дальнейшее поведение, по-видимому, не оправдало этих надежд.

В ее отзывах о нем начинало чувствоваться презрение, но все-таки она не могла оставаться равнодушной к нему.

Помпея, вернувшего престол ее отцу, она считала скорее счастливым, чем великим и мудрым. Напротив, о Юлии Цезаре отзывалась с величайшим уважением задолго до встречи с ним, хотя ей было известно, что он не прочь сделать Египет римской провинцией. Она надеялась, что Юлий покончит с ненавистной республикой и сделается тираном над высокомерными властителями мира. Но приятнее было бы видеть на его месте Антония. Как часто она прибегала к магии, стараясь узнать его будущее! Отец принимал участие в этих занятиях, тем более что рассчитывал получить от могущественной Исиды исцеление своих многочисленных и тяжких недугов.

Братья Клеопатры еще не вышли из детского возраста и находились в полной зависимости от опекуна Потина, которому царь доверил управление государством, и воспитателя Феодота, умного, но бессовестного ритор. Два этих человека и начальник войск Ахилла не прочь были бы возвести на престол Диониса, старшего сына царя, так как надеялись сохранить над ним власть; но Флейтист обманул их надежды. Вы знаете, что он назначил своей преемницей Клеопатру, с тем, однако, чтобы Дионис разделял с ней власть в качестве супруга. Это возбудило большое неудовольствие в Риме, хотя вполне согласовалось со старинным обычаем дома Птолемеев и египтян.

Авлет умер. Клеопатра сделалась царицей и вместе с тем супругой десятилетнего мальчика, не питая к нему даже родственной привязанности. Тем не менее она обвенчалась со своенравным ребенком, которому воспитатели внушали, что он один должен управлять государством.

Тут началось для нее тяжелое время. Жизнь превратилась в непрерывную борьбу со злостными интригами, исходившими главным образом от сестры. Арсиноя окружила себя собственным двором, во главе которого стоял евнух Ганимед, опытный полководец и умный, преданный ей советник. Ему удалось сблизить ее с Потинем и другими правителями, и в конце концов все они объединились в желании лишить Клеопатру престола. Потин, Феодот и Ахилла ненавидели ее, потому что чувствовали ее превосходство и сознавали, что она видит их насквозь. Им бы скоро удалось достигнуть своей цели, если бы за Клеопатру не стояли александрийцы с эфебами во главе, среди которых я еще пользовался некоторым влиянием. Вообще юношество было на ее стороне, и большинство знатных македонян из телохранителей пошли бы за нее на смерть, хотя им приходилось вздыхать по ней безо всякой надежды, как по неприступной богине.

Когда Птолемей XII умер, ей исполнилось семнадцать лет, но она не хуже мужчины умела разрушать козни своих врагов и притеснителей. Сестра моя, Хармиона, решившая поступить к ней в услужение, стала ее верной помощницей. В то время она была молода и хороша собой, недостатка в женихах у нее не было, но царица точно приковала ее к себе невидимыми цепями. Хармиона добровольно отказалась от любви благородного человека — ты знаешь его, он стал впоследствии твоим мужем, Береника, — не желая покидать свою царственную подругу в трудную минуту. С тех пор моя сестра

замкнула свое сердце для любви. Оно принадлежит Клеопатре. Ради нее одной она живет, думает, хлопочет до сего дня. К тебе, Барина, она расположена, потому что ей дорог был твой отец, Леонакс. Ира, имя которой так часто упоминается наряду с ее именем, дочь моей старшей сестры, которая была уже замужем, когда царь доверил моему отцу своих дочерей. Она на двенадцать лет моложе Клеопатры, но и ей дороже всего на свете ее госпожа. Отец ее, богач Кратес, делал все, чтобы удержать дочь от поступления на службу к царице, но безуспешно. Довольно было одного свидания с этой удивительной женщиной, чтобы Ира навеки приковала себя к ней.

Но я должен торопиться. Вам известно, как приняла Клеопатра сына Помпея, когда он посетил Александрию. Со времени встречи с Антонием она не проявляла такой благосклонности ни к одному человеку; но здесь действовала не любовь, а желание сохранить независимость родины. Отец Гнея был в то время могущественным человеком, и государственная мудрость заставляла ее повлиять на него при посредничестве сына. Итак, молодой римлянин расстался с ней «влюбленным по уши», как утверждали египтяне. Это радовало, но и в значительной мере облегчило задачу ее врагов. Каких только сплетен не распустили они на ее счет. Начальники телохранителей, с которыми она держала себя неприступной царицей, видели, что к Помпею Клеопатра относилась как к равному себе. В театрах и других публичных местах она на глазах многих свидетелей платила за его любезности той же монетой. А в то время ненависть к римлянам достигла своего апогея. Регенты, вкупе с Арсиной, распустили слух, будто Клеопатра хочет передать Египет Помпею, если только сенат доверит ей единоличную власть над новой провинцией и поможет отделаться от брата-супруга. Она должна была бежать и сначала направилась к сирийской границе, рассчитывая найти поддержку среди азиатских владетелей. Мне и моему брату Стратону – ты знала, Береника, этого славного юношу, получившего венки на олимпийских играх, – поручено было доставить ей казну. Мы подвергались большой опасности, но охотно взяли за дело и покинули Александрию с несколькими верблюдами, повозкой, запряженной быками, и толпой рабов. Предстояло идти к Газе, где Клеопатра уже начала собирать войско. Мы переоделись набатейскими купцами, и тут то мне пригодилось знание языков, которые я изучил.

Время было тревожное. Имена Помпея и Цезаря повторялись всеми. После поражения при Диррахии дело Юлия казалось проигранным, но Фарсальская битва снова дала ему перевес. Вопрос был в том, за кем пойдет Восток. Оба казались любимцами счастья. Теперь нужно было решить, к кому примкнуть.

Сестра моя Хармиона отправилась с царицей, но при посредстве одной из служанок Арсиной мы узнали, что участь Помпея решена. После поражения при Фарсале он бежал к египетскому царю, вернее, к людям, которые им управляли, в поисках убежища. Потин и его сторонники очутились в самом затруднительном положении. Войска и корабли победоносного Цезаря находились недалеко; в египетском войске служило много воинов Габиния. Принять Помпея – значило нажать врага в лице победителя, Цезаря. Мне довелось стать свидетелем ужасного решения этой задачи. Гнусные слова

Феодота: «Дохлые собаки не кусаются» – были претворены в жизнь.

Брат мой и я с нашей драгоценной кладью достигли Казия ⁴² и разбили палатки в ожидании вестника, когда заметили большой отряд вооруженных воинов, приближавшийся со стороны города. Сначала мы испугались, уж не погоня ли это за нами; но лазутчик уведомил нас, что сам царь находится в отряде, а в то же время к берегу приблизился большой римский адмиральский корабль. Это мог быть только корабль Помпея. Стало быть, направление политики изменилось, и царь явился лично приветствовать гостя. Войска расположились на плоском побережье вокруг Казийского храма Амона.

Сентябрьское солнце ярко светило и играло на оружии воинов. С высокого гребня, окаймлявшего пересохшее русло реки, в котором мы разбили палатку, было видно что-то кроваво-красное, развевавшееся на ветру. То была пурпурная мантия царя. Лазурные воды тихо накатывались на желтый песок. Царь стоял и всматривался в адмиральский корабль.

Предводитель войска Ахилла и трибун ⁴³ Септимий из александрийского гарнизона, как мне было известно, многим обязанный Помпею, под начальством которого служил раньше, уселись в лодку и направились к кораблю.

Начались переговоры, и, по всей вероятности, приветствие Ахиллы было очень теплым и внушило доверие, так как высокая женщина, стоявшая на корабле – то была Корнелия, жена Помпея, – отвечала ему приветливым поклоном.

Рассказчик остановился, перевел дух и провел рукой по лбу.

– Что произошло потом... Мне пришлось быть свидетелем кошмарного события! Часто это происшествие передавали в ложном свете, а между тем все произошло так просто... и ужасно!

Счастье делает своих любимцев доверчивыми. Таков был и Помпей. Престарелый вождь – ему перевалило уже за пятьдесят восемь – живо спустился в лодку. Его сопровождал только один вольноотпущенник. Матрос-негр оттолкнул лодку от корабля так сильно, точно его багор был копьем, а маленькое суденышко неприятелем. Помпей пошатнулся, так как гребцы уже ударили веслами, при этом движении шерстяной капюшон соскользнул с его головы. Я как сейчас вижу эту сцену. Не успел я подумать, что это нехорошее предзнаменование, как лодка уже причалила.

У берега было очень мелко. Я видел, как Ахилла указывает на сушу. Можно было перескочить на нее одним прыжком. Помпей смотрел на царя. Вольноотпущенник подал ему руку, помогая встать. Септимий тоже встал. Казалось, он хочет поддержать Помпея. Но нет! Что такое? Подле седых волос полководца что-то блеснуло, будто молния упала с неба. Хотел ли Помпей защищаться?.. Он поднял руку... и молча закрыл лицо краем тоги. Потом засверкали кинжалы... один... другой... третий... Ахилла работал ножом, точно

⁴² Казий – возвышенность на морском берегу близ Пелусия

⁴³ Трибун военный – офицер. В каждом легионе было шесть военных трибунов, исполнявших свои обязанности посменно.

опытный убийца. Грузное тело полководца рухнуло наземь. Вольноотпущенник подхватил его на руки.

Тогда раздались страшные жалобные стоны и крики, и все их покрывал отчаянный женский вопль, вырвавшийся из уст супруги убитого. В царском лагере послышался сигнал к выступлению; загремели барабаны, египтяне тронулись в путь. Снова мелькнул ярко-красный плащ. Септимий отправился к царю с окровавленной головой в руках. Царь глядит в потухшие глаза, перед которыми склонялся Рим и мир. Но зрелище слишком сильно для коронованного ребенка, он отворачивается. Корабль удаляется от берега; египтяне строятся и трогаются. Ахилла моет в море окровавленные руки. Рядом с ним вольноотпущенник оmyвает обезглавленный труп своего господина. Он обращается с какими-то словами к военачальнику, который в ответ пожимает плечами.

Архибий снова остановился и перевел дух. Потом продолжал более спокойным тоном:

– Ахилла не вернулся с войском в Александрию, а отправился на восток, в Пелусий, как я узнал позднее.

Мы с братом стояли на скалистом гребне и долго не могли вымолвить ни слова. Облако пыли закрыло от наших взоров царский отряд; парус адмиральского корабля скрылся из виду. Стало темнеть, Стратон указал на запад, на Александрию. Там садилось солнце. Красное, кроваво-красное! Казалось, поток крови низвергается на город.

Наступила ночь. Жиденький костер загорелся на берегу. Откуда взялись дрова? Как ухитрились разложить костер? На месте убийства валялся старый негодный челнок. Вольноотпущенник с товарищем разрубили его на куски. С помощью сухой травы, окровавленной одежды убитого и выброшенных на берег морских водорослей они развели огонь. Пламя кое-как занялось. На этот жалкий костер осторожно положили чье-то тело. То был труп великого Помпея. Ветеран полководца помог верному слуге.

Архибий откинулся на подушки и немного погодя прибавил:

– Его звали Корд, Сервий Корд. Впоследствии он был хорошо устроен. Царица приняла участие в его судьбе. Остальные? Их скоро покарала судьба. Брут присудил Феодота к мучительной казни. На его стоны один из ветеранов Помпея крикнул: «Дохлые собаки не кусаются, но воют перед смертью».

Цезарь, как и можно было ожидать, отвернулся с глубоким отвращением, когда Феодот поднес ему голову Помпея. Потин тоже тщетно ждал награды за свое гнусное преступление.

Юлий Цезарь явился в Александрию вскоре после возвращения царя. Вы знаете, что он пробыл здесь девять месяцев. Часто мне приходилось слышать, что только Клеопатра сумела удержать его так долго. Верно, но не совсем. Полгода пришлось ему тут остаться поневоле. Следующие три месяца он подарил своей возлюбленной.

Да, сердце пятидесятичетырехлетнего мужа еще раз раскрылось для страсти. Раны, нанесенные стрелой Амура, как и всякие вообще раны, труднее зарубцовываются, если раненый давно пережил свою юность. Притом же эту,

столь различную летами парочку соединяли не столько общие взгляды и чувство, сколько внутреннее родство. Два окрыленных духа устремились друг к другу. Гений одного узнал себя в другом. Высшее мужество встретилось с совершенством женственности. Они должны были притягивать друг друга. Я предвидел это заранее, так как Клеопатра давно уже следила, затаив дыхание, за полетом этого орла, так далеко обогнавшего всех, даже того, на кого он сам с завистью смотрел в детстве. А она его стояла!

Мы счастливо добрались до Газы, и от Клеопатры узнали, что Цезарь несмотря на враждебное отношение граждан воцарился во дворце Птолемеев и решил навести порядок в Египте.

Мы предполагали, в каком духе будут его настраивать Потин, Ахилла и Арсиноя. Что касается Клеопатры, то ее, естественно, беспокоила мысль, что враги окончательно предадут Египет римлянам, если Цезарь предоставит им бразды правления и устранил ее. Она имела основания опасаться этого, но у нее хватило мужества самой выступить на защиту своего дела.

Ей необходимо было проникнуть в город, во дворец, вступить в непосредственные сношения с Цезарем. Всякий ребенок знает рассказ о силаче, пронесшем Клеопатру во дворец в мешке. Насчет мешка выдумывают; он был бы неудобен, потому мы и воспользовались сирийским ковром. Силач – мой брат Стратон. Я отправился вперед, чтобы обеспечить ему беспрепятственный вход.

Она виделась с Юлием Цезарем. Последовало то, что должно было последовать. Никогда я не видел Клеопатру такой счастливой, такой оживленной, хотя опасности окружали ее со всех сторон, и требовался весь военный гений Цезаря, чтобы одолеть своих противников. Повторяю, они, а не чары Клеопатры, удерживали его в городе. Что могло помешать ему увезти свою возлюбленную в Рим, как он и сделал впоследствии, если бы это было возможно? Но ничего подобного не случилось: александрийцы помешали этому.

Цезарь признал завещание Флейтиста и сделал для египетского дома даже больше, чем мог сделать покойный. Клеопатра должна была разделить власть со своим братом и супругом Дионисом; Арсиноя же и младший брат получили Кипр, отнятый у их дяди Птолемея. Разумеется, они оставались под опекой Рима.

Это решение ставило в невыносимые условия Потина и бывших правителей. Иметь Клеопатру царицей, и Рим, то есть Цезаря, диктатора, ее друга, опекуном – значило для них полностью утратить власть. Они решили сопротивляться. Египтяне, даже александрийцы, приняли их сторону, молодой царь не выносил ига нелюбимой сестры, превосходившей его во всех отношениях. Цезарь прибыл в Египет с незначительным войском, можно было рассчитывать одолеть его. И вот они напрягли все свои силы, боролись так отчаянно, что диктатор никогда не был так близок к гибели. Но любовь Клеопатры не ослабила его. Нет! Никогда еще его гений не проявлялся в таком блеске! А с какими силами, с какой ненавистью ему приходилось считаться. Я сам видел, как молодой царь, узнав, что Клеопатра проникла во дворец, выбежал на улицу, сорвал с головы диадему, разбил ее о камни и звал на

помощь прохожих, крича, что ему изменили, пока воины Цезаря не увели его во дворец и не разогнали толпу.

Арсиноя получила больше, чем могла ожидать, тем не менее она чувствовала себя оскорбленной до глубины души. Она приняла Цезаря, как царица, и ожидала от него всего. Но вот явилась ненавистная сестра, и, как всегда, Арсиноя была забыта ради Клеопатры.

Этого она не могла перенести и вместе с Ганимедом, своим другом и, как я уже сказал, хорошим воином, бежала из дворца к врагам диктатора.

Тогда начались упорные сражения на суше и на море, битвы на улицах города из-за воды, борьба с пожаром, истребившим часть Брухейона и библиотеки. Но, изнемогая от жажды, едва избежав потопления, теснимый со всех сторон с неумолимой ненавистью, Цезарь стоял непоколебимо, а когда молодой царь собрал войско, разбил его в открытом поле. Вы знаете, что мальчик утонул во время бегства?

В борьбе и опасностях, среди потоков крови и звона оружия прошло полгода, прежде чем Цезарь и Клеопатра смогли пожать плоды своей общей работы. Затем диктатор сделал ее царицей Египта, назначив соправителем младшего брата, еще ребенка. Арсиное он подарил жизнь, но отправил ее в Италию.

Война сменилась миром. Теперь, конечно, диктатору следовало отправиться в Рим, куда призывали его дела и обязанности государственного человека; но он оставался в Александрии еще три месяца.

Кому известна жизнь честолубивого Юлия, кто знает, как дорого могло бы обойтись ему это промедление, тот, конечно, развеет руками и спросит: «Как мог он потратить это драгоценное время на увеселительную поездку со своей возлюбленной к храму Исиды на южной границе Египта?» Но так оно и было; я сам сопровождал их на втором корабле и не только видел их вместе, но и принимал участие в их пирах и беседах...

— Эта поездка по Нилу, — перебила Барина, — представляется мне волшебной сказкой, когда я вспоминаю о шелковых парусах Клеопатры, встречавшей Антония на Кидне.

— Нет, нет, — возразил Архибий. — Наполнять жизнь чувственными мимолетными наслаждениями, этому она научилась позднее, для Антония. Цезарь требовал большего. Ее ум доставлял ему высшие наслаждения.

Он помолчал немного и продолжал:

— Конечно, не сразу приобрела она умение возбуждать Антония все новыми и новыми наслаждениями, и так изо дня в день, в течение многих лет, никогда не утомляя и не пресыщая его.

— И такую задачу, — воскликнула молодая женщина, — взяло на себя существо, искавшее высшего блага в душевном покое!

— Да, — заметил Архибий задумчивым тоном. — Но так и должно было случиться. Веселье сделалось целью ее жизни. Пока страсти еще дремали в ней, она находила высшее благо в душевном покое. Но пришла пора, когда покой оказался недостижимым, а между тем стремление к счастью укоренилось в ней. Наставления моего отца запали в душу будущей царицы.

Но он в своем уединении понимал и мог осуществить учение о высшем благе в понимании учителя. Между тем от Афин до Кирены, от Эпикура до Аристиппа только один шаг. В конце концов она забыла, что чувственные наслаждения вовсе не составляют высшего блага по учению Эпикура. Блаженство в понимании Эпикура нисколько не уменьшится оттого, что будешь питаться хлебом и водой.

Тем не менее она продолжала считать себя его ученицей, и много позднее, когда Антоний отправился на войну с парфянами, Клеопатра, оставшись одна, снова начала мечтать о душевном спокойствии. Но государственные дела, дети, женитьба Антония, которого она давно уже считала своим, на Октавии, Анубис, маги и египетское учение о загробной жизни, а главное – жгучее честолюбие, неугасающая жажда быть любимой и первой среди первых...

Тут его перебил слуга, явившийся с известием, что корабль готов к отплытию.

VII

Архибий так погрузился в воспоминания о прошлом, что не сразу сообразил, в чем дело. Опомнившись, он поспешно спросил у хозяек, когда они рассчитывают выехать из Александрии.

Береника не решалась оставить в Александрии больного брата; Барине хотелось повидать перед отъездом Диона. Притом же обеим не терпелось дожидаться известий о войске и флоте. Поэтому они просили отсрочки на несколько дней, но Архибий возразил и решительно потребовал, чтобы они приготовились к отъезду вечером следующего дня. Его галера будет ожидать их на Мареотийском озере, а для того чтобы отвезти их туда с вещами и рабынями, которых они захотят взять, будут присланы повозки.

Тут он смягчился, напомнил женщинам, какие печальные недоразумения могут возникнуть из-за промедления, извинился за свою резкость, объясняя ее необходимостью торопиться, пожал им руки и ушел, сделав вид, что не слышит Барины, которая все-таки хотела просить его об отсрочке.

Вскоре он достиг Большой гавани.

Полная луна озаряла осеннюю ночь, играя и переливаясь в волнах. Вероятно, в открытом море было беспокойно. Это было заметно по раскачиванию кораблей, стоявших на якоре в заливе, образованном частью берега перед великолепным храмом Посейдона и узкой косой, выдававшейся далеко в море. На конце ее возвышался небольшой храм, построенный Клеопатрой после случайного замечания Антония, чтобы удивить его.

Другой храм из белого мрамора сверкал на острове Антиродосе у выхода из гавани, а подальше светился яркий огонь. Он горел на знаменитом маяке острова Фарос⁴⁴. Длинные языки пламени, колеблемые ветром, переливались

⁴⁴ Фарос – остров в дельте Нила. Построенный здесь маяк высотой около 120 м считался одним из семи чудес света; разрушен в 1326 году землетрясением.

на волнах, то вспыхивая, то угасая.

Несмотря на поздний час и резкий ветер, закидывавший плащи на головы прохожих и заставлявший женщин крепко придерживать платье, в гавани былолюдно. Правда, торговля уже прекратилась, но много народу стеклось в гавань узнать новости или приветствовать первый корабль победоносного флота (так как победа Антония над Октавианом считалась несомненной).

Блюстители порядка наблюдали за гаванью, и в момент прибытия Архибия отряд сирийских всадников направлялся из казармы по южной оконечности Лохиады к храму Посейдона.

Тут, а не в гавани Эвноста, отделенной широкой дамбой, связывавшей материк с островом Фарос, приставали царские корабли. Вокруг нее были расположены дворцы и арсеналы, и здесь, прежде чем где бы то ни было, должны были быть известны все новости.

Вторая гавань была отведена для торговли, но теперь кораблям было запрещено останавливаться в ней, чтобы помешать распространению ложных слухов.

Конечно, в настоящую минуту и в большой гавани трудно было ожидать новых известий, потому что узкий вход ее замыкала цепь, тянувшаяся от Фароса к Alveus Steganus ⁴⁵ на противоположащей скале. Но в случае прибытия государственного корабля с важной вестью, ее могли разомкнуть. Этого-то и ожидала собравшаяся на берегу толпа.

Многие явились с ночных пирушек, из харчевен, кабаков или ночных собраний мистических сект, но напряженное ожидание убивало их веселость, и Архибий всюду видел тревожные, нахмуренные лица.

Когда корабль тронулся в путь и флейта подала гребцам сигнал к работе, владелец его почувствовал себя в таком угнетенном состоянии, что не решался и надеяться на хорошую весть.

Давно минувшие дни, вызванные из прошлого его рассказом, точно ожили, и сцена за сценой проходили перед его внутренним взором, пока он, лежа на подушках на палубе, смотрел на небо, то заволакивавшееся тучами, то снова сиявшее бесчисленными звездами.

«Как, однако, можно все скрыть словами, не сказав притом никакой лжи», – думал Архибий, вспоминая о своем рассказе.

Да, он с ранних лет сделался доверенным лицом Клеопатры. Но как же он любил ее, как беззаветно был предан ей душой и телом!

Ей нечего было угадывать эту любовь, он выразил ее и высказал достаточно ясно. А она... Она приняла его признание как должную дань. Однажды, когда он в порыве страсти обнял ее, она оттолкнула его с гордым негодованием. Но признание в любви – такой проступок, который и высшие охотно прощают низшим. Спустя несколько часов Клеопатра опять относилась к нему с прежним теплым доверием.

Тут вспомнились ему муки, которые он испытал, когда увидел пробуждение страсти, привлекавшей ее к Антонию. В то время римлянин

⁴⁵ Остров тяжелого корабля, используемый в данном случае для сужения пролива с целью его перекрытия

промелькнул в ее жизни ярким и мимолетным метеором, но многое показывало, что она не забыла его. Ее отношение к великому Цезарю не задевало за живое Архибия, но муки ревности проснулись в его немолодом уже сердце, когда она вступила в любовную связь с Антонием на реке Кидне у Тарса, связь, продолжавшуюся и поныне.

Теперь его волосы уже поседели, и хотя ничто не могло поколебать его дружбы к царице, хотя он всегда готов был служить ей, но все же это глупое чувство не могло угаснуть вполне и по временам овладевало всем его существом. Он признавал достоинства Антония, но не мог не видеть и его несомненных недостатков! Вообще, думая об этой чете, он испытывал чувство знатока и любителя искусств, отдающего свое драгоценнейшее сокровище богачу, который не ценит его и не умеет поместить на надлежащем месте.

При всем том он от души желал римлянину блестящей победы, так как его поражение было бы и поражением Клеопатры.

Корабль приблизился к огням, окружавшим подошву Фароса, и в ту самую минуту, когда Архибий дал знак разомкнуть цепь, кто-то громко произнес его имя в ночной тишине.

Это Дион окликнул его из лодки, покачивавшейся на волнах у входа в гавань. Он узнал судно Архибия по освещенному фонарем, помещавшемуся на носу бюсту Эпикура. Клеопатра украсила им построенный для друга корабль.

Дион хотел присоединиться к нему и вскоре стоял на палубе.

Он был на Фаросе и заходил в матросские кабаки, чтобы узнать новости. Никто, однако, ничего не знал, потому что ветер все время дул с материка, не позволяя большим кораблям подойти к берегу иначе как на веслах. Только недавно он переменялся с южного на юго-восточный, и один опытный родосский моряк заявил, что «пусть он в жизни не выпьет кружки вина, если завтра или послезавтра ветер не переменится на северный. Тогда корабли и вести явятся в Александрию десятками, если только, – прибавил старик, бросив вызывающий взгляд на разряженного горожанина, – если только их пропустят мимо Фароса».

Вечером он заметил парус на горизонте, но самый быстрый фокейский корабль ползет, как улитка, когда ветер не позволяет ему развернуть паруса и даже мешает действовать веслами.

Другие тоже заметили паруса, и Дион не прочь был бы отправиться в открытое море поискать их, но он был один, в небольшой лодке, да и ту не хотели выпустить из гавани.

Пропуск, выданный Архибию, сделал свое дело, и сторожевая цепь разомкнулась перед «Эпикуром». Подгоняемый сильным юго-восточным ветром, корабль на всех парусах пролетел сквозь узкий проход.

Вскоре был замечен слабый мерцающий огонек на севере. Очевидно, это был корабль, и хотя моряк в фаросском кабаке, по виду которого можно было заключить, что и сам он водил не только мирные торговые суда, толковал о кораблях, не упускающих из рук никакой добычи, наши друзья на крепком, хорошо вооруженном «Эпикуре» не боялись пиратов, тем более что утро было близко и неподалеку находились два больших военных корабля, высланных

регентом.

Резкий ветер надувал паруса, грести не было надобности, да и огонек, по-видимому, направлялся к ним навстречу.

Восток уже начинал светлеть, когда «Эпикур» подошел к встречному судну, но тут оно внезапно переменяло направление и повернуло на северо-восток, вероятно, стараясь уйти от «Эпикура».

Архибий посоветовался с Дионом, стоит ли гнаться за беглецом. Судно было маленькое, и, насколько возможно было разобрать при слабом свете зари, смахивало на сицилийского пирата.

Каково бы ни было его вооружение, испытанной и многочисленной команде «Эпикура», снабженного всеми средствами защиты, нечего было опасаться, тем более что капитан его служил во флоте Секста Помпея ⁴⁶ и не раз имел дело с разбойничьими кораблями.

Архибий находил нелепым затевать сражение ни с того ни с сего, без всякой нужды, но Дион советовал пренебречь опасностью.

Дойдет до боя, – тем лучше!

Он сообщил своему другу об опасениях Иры.

Флот, очевидно, в печальном состоянии, и если бы сицилийцу нечего было скрывать от них, он не стал бы уходить от «Эпикура».

Следовало узнать, что за причина заставила его повернуть назад от гавани.

Капитан тоже стоял за преследование, и Архибий согласился, так как неизвестность все сильнее и сильнее томила его. У Диона тоже было тяжело на душе. Ему не удалось изгнать из памяти образ Барины, а после того как Архибий сообщил ему, что она решила прекратить принимать гостей и уехать из города, перед ним все время стоял вопрос, почему бы не назвать своей любимой дочь знаменитого художника.

Архибий заметил, между прочим, что Барина рада будет видеть в уединении близких друзей, и в том числе, разумеется, его, Диона.

Дион так же мало сомневался в этом, как и в том, что подобное посещение окончательно привяжет его к ней и, может быть, навеки лишит свободы. Но к чему александрийцу высокий дар свободы, если римляне поступят с его городом, как с Карфагеном или Коринфом? Если Клеопатра разбита и Египет превратится в римскую провинцию, то управление городом, дела в совете, к которым он относился с живым интересом, потеряют для него всякий смысл.

И если копье пирата положит конец рабскому существованию под римским игом и этим недостойным колебаниям, томлению, – тем лучше!

В это пасмурное утро, под серым небом, с которого спускался легкий влажный туман, с такими мучительными опасениями и сомнениями в сердце жизнь казалась Диону тусклой и бесцветной.

«Эпикур» догнал пирата и без труда овладел им. Слабая попытка к сопротивлению тотчас прекратилась, как только капитан Архибия крикнул, что «Эпикур» не принадлежит к царскому флоту и намерен только узнать новости.

⁴⁶ Секст Помпей (73 – 35 г.г. до н.э.) – младший сын Помпея Великого; с 43 по 36 г.г. до н.э. командовал римским флотом

Тогда сицилийцы опустили весла, Архибий и Дион поднялись на корабль и потребовали капитана.

Это был старый загорелый моряк, прервавший молчание лишь после того, как понял, что желают преследователи.

Сначала он уверял, будто был свидетелем великой победы египтян над флотом Октавиана у Пелопоннесского берега, но сбитый с толку дальнейшими расспросами, сознался, что ничего не знает, и выдумал известие о победе, только желая угодить знатным александрийским господам.

Тогда Дион с несколькими матросами обыскал судно и нашел в маленькой капитанской каюте человека с заткнутым ртом, который оказался пленником пиратов.

Это был матрос из Малой Азии, говоривший только на языке своего племени. От него нельзя было добиться ничего путного. Напротив, важные сведения оказались в письме, найденном в ящике с одеждами, драгоценностями и другими награбленными предметами.

Взглянув на письмо, Дион не хотел верить глазам. Оно было адресовано его другу, архитектору Горгию. Неграмотный пират оставил его нераспечатанным, но Дион без всяких церемоний оторвал восковую печать. Греческий ритор-аристократ, сопровождавший Антония в походе, писал с Тенара⁴⁷, поручая архитектору, от имени Антония, немедленно привести в порядок маленький дворец на оконечности косы, выдававшейся в гавань, и отгородить его высокой стеной. Ворот не требовалось. Сношения с дворцом будут происходить морем. За работу приняться немедленно и окончить ее как можно скорее.

Прочитав письмо, Архибий и Дион с удивлением взглянули друг на друга. Что побудило Антония к такому странному распоряжению? Как попало письмо в руки пиратов?

Последнее обстоятельство следовало выяснить.

Когда Архибий, мягкие манеры и спокойствие которого внушали всем доверие, выходил из себя, то неожиданная вспышка, в соединении с высокой, грузной фигурой и резкими чертами лица, производила внушительное впечатление.

Капитан порядком струсил, когда александриец пригрозил ему беспощадным наказанием, если он утаит хоть мельчайшую подробность, имеющую связь с письмом. К тому же пират убедился, что ложь бесполезна, так как пленник, не говоривший по-гречески, понимал этот язык и следил за рассказом сицилийца, жестом подтверждая или отрицая его слова.

Тогда выяснилось следующее: судно пирата вместе с несколькими более крупными кораблями его товарищей крейсировало подле Крита в ожидании добычи. О враждебных флотах они еще ничего не слышали, когда заметили прекрасный, быстроходный корабль, «самый стройный и красивый, какой только бороздил когда-нибудь море». Это была «Ласточка», посольский корабль Антония. Пираты без труда овладели им и разделили добычу, причем львиную

47 Тенар – мыс, южная оконечность Пелопоннесского полуострова

долю захватили более крупные корабли.

Письма и небольшую сумму денег пират отобрал у какого-то знатного господина – без сомнения, посла Антония, – получившего в битве тяжелую рану, от которой он умер, и был выброшен в море. Письма пошли на растопку, уцелело только одно, адресованное архитектору.

Пленные матросы сообщили, что флот Октавиана одержал победу, что Клеопатра бежала с места сражения, но сухопутное войско еще цело, и, может быть, еще принесет победу Антонию. Пират не знал, где находится войско, может быть, около Тенара, откуда шел корабль, захваченный разбойниками. Потом он был подожжен своим экипажем и пошел ко дну на глазах пирата.

По-видимому, это сообщение было верно, но акарнанский берег, подле которого должно было произойти сражение, находился так далеко от южной оконечности Пелопоннеса, откуда шла «Ласточка», что Антоний, очевидно, писал уже во время бегства.

Одно казалось несомненным: флот разбит и рассеян второго или третьего сентября.

Куда же девалась царица? Куда девались огромные, великолепные корабли, которые сопровождали ее?

Даже встречный ветер не мог задержать их, так как они были в изобилии снабжены гребцами.

Неужели Октавиан захватил их в плен?

Или они сгорели? Потоплены?

Но в таком случае каким образом Антоний очутился у Тенара?

На эти вопросы пират не мог ответить. Ему не было резона утаивать правду, если бы он ее знал.

Архибий отобрал у пирата пленника и вещи Антония и затем отпустил его, взяв наперед клятву, что тот не будет крейсировать между Критом и Александрией.

Все это происшествие заняло несколько часов, а возвращение значительно замедлилось вследствие встречного ветра, так как «Эпикур» во время преследования ушел довольно далеко в море. Но когда он находился уже в нескольких милях от Фароса, предсказание родосского моряка сбылось: погода с необычайной быстротой переменилась, и ветер подул с севера. Море запестрело кораблями, принадлежащими частью к царскому флоту, частью богатым александрийцам, которых любопытство позвало в море.

Архибий и Дион не смыкали глаз всю ночь и утро. Моросил мелкий дождь, становилось холодно. Подкрепившись, они стали расхаживать по палубе.

Они ничего не говорили и только покрепче закутывались в плащи. Ни вино, ни даже яркий огонь в очаге не согрели их.

Архибий думал о своей возлюбленной царице, и пылкое воображение рисовало ему всевозможные ужасы, которые могут с ней приключиться. Вот она тонет, тщетно взывая о помощи, простирая руки к нему, который так часто выручал ее в трудных случаях. Потом он видел ее пленницей холодного, бессердечного Октавиана, и кровь леденела в его жилах. Наконец он сбросил плащ и со стоном схватился за голову. Ему представилась Клеопатра в золотых

цепях за триумфальной колесницей победителя, в толпе римской черни.

Это было бы ужаснее всего.

Силы оставили его, и Дион с изумлением услышал его рыдания и увидел слезы, катившиеся по его лицу.

Диону тоже было невесело, и он знал горячую привязанность Архибия к царице. Подойдя, он положил ему руку на плечо и просил собраться с силами. В самые трудные минуты он, Архибий, стоял непоколебимо, возвышаясь над всеми, как сторож на вершине Фароса над бушующим морем. Если он обсудит положение дел с обычным хладнокровием, то убедится, что Антоний свободен, и руки у него не связаны, так как он посылает распоряжение насчет дворца. Зачем ему понадобилась стена — неизвестно, но, может быть, он желает поместить во дворце какого-нибудь знатного пленника и воспрепятствовать его связям с городом. Да и вообще дело, быть может, вовсе не так плохо, как им кажется, так что наступит день, когда они посмеются над сегодняшними опасениями. Ему, Диону, тоже невесело, так как и он желал бы царице успеха, тем более что с этим успехом связана независимость Александрии.

— Моя любовь и заботы, — прибавил он в заключение, — принадлежали до сих пор городу, как твои царице. Жизнь потеряет всю прелесть в моих глазах, если железная пята Рима раздавит нашу свободу и независимость.

Искренность и теплое участие Диона подействовали на Архибия. Поразмыслив, он пришел к заключению, что терять надежду пока нет основания, и в свою очередь принялся утешать Диона. Человек, нуждающийся в утешении, часто облегчает душу тем, что утешает другого. Так и Архибию стало легче на душе, когда он убеждал своего товарища, что даже в случае победы Октавиана и присоединения Египта к Риму права граждан вряд ли будут ограничены. Напротив, тут-то и может оказаться полезным молодой решительный независимый человек, если придется защищать самостоятельность города.

Молодой человек был тронут лаской, звучавшей в этих словах. Со времени смерти отца никто с ним так не говорил.

Вскоре «Эпикур» стоял в гавани, надо было расстаться с Архибием.

Оба пережили тяжелые минуты, которые часто связывают людей более прочными узами, чем долгие годы дружбы.

Они открыли друг другу сердца. Об одном только обстоятельстве Дион умолчал.

Давно уже привык он не спрашивать совета у других. Из тех, кто обращался к нему за советами, многие выслушивали их с благодарностью и затем поступали наперекор его словам, хотя для них полезнее было бы последовать им. И сам он не раз поступал точно так же, но теперь ему хотелось довериться Архибию. Последний знал Барину и желал ей добра. Может быть, будет полезно открыть здравомыслящему человеку то, к чему так жадно стремилось его сердце вопреки рассудку.

Решившись, он быстро обратился к своему другу:

— Ты отнесся ко мне, как отец. Считаю меня в самом деле своим сыном и подумай, будет ли тебе приятно назвать своей дочерью женщину, которая

полюбилась мне.

– Луч света в полной тьме! – воскликнул Архибий. – Исполни то, что тебе давно следовало сделать. Гражданин должен иметь жену. Грек становится вполне человеком, только сделавшись главой семьи и отцом. Если я остался одиноким, так на это были особые причины; но как часто я завидовал сапожнику, видя его вечером перед лавкой с ребенком на руках, матросу, который, возвратившись домой, обнимал жену и детей. Когда я возвращаюсь домой, моему приходу радуются только собаки. Но ты, чей прекрасный дворец пустует, ты, в ком сосредоточены надежды знаменитого рода...

– Вот это и пробуждает во мне сомнения, – перебил Дион. – Ты знаешь меня и мое положение в обществе. И к той, о которой я говорю, ты близок с детства.

– К Ире? – спросил тот.

Он слышал от своей сестры Хармионы о склонности молодой девушки.

Но Дион покачал головой:

– Я говорю о Барине, дочери твоего покойного друга Леонакса. Я люблю ее; но моя гордость слишком чувствительна и переносится на мою будущую супругу. Меня не трогает мнение других, я знаю ему цену. Но ты помнишь мою мать? Это была женщина совершенно другого склада. Дом, ребенок, рабы, прялка – в этом заключался для нее весь мир. От других женщин она требовала того же, хотя была добра и любила меня, своего единственного сына, больше всего на свете. Она приняла бы Барину с распростертыми объятиями, если бы убедилась, что это необходимо для моего счастья. Но понравилась бы ей молодая женщина, привыкшая к постоянному общению с выдающимися людьми? Когда я подумаю, что она сохранит и в замужестве привычку быть окруженной поклонниками, что неосторожность женщины, привыкшей к свободе, может развязать злые языки и бросить тень на мое безупречное имя, то... – он остановился и стиснул кулак.

Но Архибий возразил ему:

– Это опасение лишится всякого основания, если только Барина подарит тебе свою любовь. Это честное, искреннее, надежное сердце, к тому же способное к глубокой любви. Если она любит тебя – а я думаю, что так оно и есть, – ступай, принеси благодарственную жертву, потому что боги желали тебе счастья, обратив твою страсть на эту женщину, а не на Иру, дочь моей сестры. Если бы ты был моим сыном, я бы сказал тебе: «Лучшей дочери ты не мог мне доставить, если только, повторяю, ты уверен в ее любви».

Дион подумал немного и воскликнул решительным тоном:

– Да, уверен!

VIII

«Эпикур» бросил якорь перед храмом Посейдона. Матросам приказано было молчать о захвате пирата. Впрочем, они знали только одно: что на разбойничьем суде оказалось письмо Антония, который приказывает

выстроить стену. Это могло сойти за хороший знак, так как о постройках думают только в спокойное время.

Дождь прекратился, но ветер усилился, и стало еще холоднее. Тем не менее вся набережная, от южного конца Гептастаций ⁴⁸ до Лохиады, была запружена народом. Больше всего толпились между Хомой (косой, на которой был построен храм) и Себастеумом, так как отсюда открывался вид на море и здесь же находилось жилище регента.

Сотни противоречивых слухов циркулировали в народе, и когда «Эпикур» в третьем часу пополудни бросил якорь, толпа хлынула к нему узнать, нет ли каких новостей. С другими кораблями было то же самое, но ни один не привез достоверных известий.

Два судна из царского флота встретили самосский корабль, на котором им сообщили о великой победе Антония на суше и Клеопатры на море, и так как человек охотно верит тому, на что надеется, то известие было встречено торжествующими криками и восторгом, укреплявшим веру даже у сомневающихся. Более осторожные люди, которых беспокоило долгое отсутствие флота, прислушивались к дурным новостям и опасались неудачи. Но они не решались высказывать свои сомнения вслух, так как один торговец, предостерегавший толпу от преждевременных восторгов, был избит до полусмерти, а двое других неверящих были брошены в море и едва спаслись.

Впрочем, это настроение народа было вполне естественно. Всюду, у Серапеума ⁴⁹, у театра Адониса, у высоких пилонов Себастеума, у главных ворот Мусейона, у входа в царский дворец и перед замками на Лохиаде были воздвигнуты триумфальные арки, украшенные наскоро сделанными гипсовыми статуями победы, трофеями, поздравительными и благодарственными надписями, листьями и гирляндами цветов. Эти приготовления к торжественной встрече начались еще ночью, а теперь подходили к концу.

Как и его друг Дион, архитектор Горгий тоже не смыкал глаз со вчерашнего вечера. Ему было поручено наблюдать за украшением Брухейона. В Себастеуме, где теперь жила Ира, в претории и жилище регента тоже бодрствовали.

Когда Архибий явился к Ире, его ужаснула происшедшая в ней перемена. Не далее как третьего дня он виделся с ней, но как она изменилась с тех пор! И без того продолговатое лицо вытянулось еще больше, черты лица стали острее и резче. Двадцатисемилетняя девушка, до сих пор сохранившая всю прелесть юности, внезапно постарела на десять лет. Когда дядя подал ей руку, она быстро обратилась к нему с каким-то лихорадочным напряжением:

– И у тебя нет хороших вестей?

– Нет, собственно, и дурных, – отвечал он спокойно. – Но твое лицо, зеленые круги под глазами мне совсем не нравятся! Вы получили тревожные вести?

⁴⁸ Гептастаций – дамба длиной в 7 стадий (греко-римский стадий равен 176,6 м), соединяющая Александрию с островом Фарсе и отделяющая Большую гавань на восточной стороне от гавани Эвноста (то есть гавани Счастливого возвращения)

⁴⁹ Серапеум – храм Сераписа

– Больше того.

– Ну?

– Читай! – отвечала она, протягивая Архибию табличку. С несвойственной ему поспешностью схватил он письмо и, пробегая его глазами, побледнел как полотно.

Письмо было от Клеопатры и гласило следующее: «Морское сражение проиграно по моей вине. Сухопутное войско могло бы нас спасти, но не под его начальством. Он при мне, невредимый, но точно истекающий кровью, бессильный, вялый, ни на что не годный. Вижу начало конца. Как только получишь это письмо, распорядись, чтобы нас каждый день вечером поджидали носилки. В народе нужно поддерживать уверенность в победе, пока не будут получены известия от Канидия и сухопутных войск. Покрепче поцелуй за меня детей. Кто знает, что случится с ними. Кроме моих наместников и Архибия, не показывай никому моего письма, ни Цезариону, ни Антилле. Постарайся, чтобы все, чья помощь мне может пригодиться, были на месте, когда я вернусь. Не могу закончить это письмо прежним «радуйся», тут лучше подходит «мужайся». Ты, не завидовавшая моему счастью, помоги мне теперь перенести горе. Эпикур прав, говоря, что боги безмятежно созерцают дела людские. Иначе любовь и верность не могли бы быть награждены горем и слезами. Любите нас по-прежнему».

Молча и без кровинки в лице Архибий опустил письмо. Прошло некоторое время, прежде чем он смог произнести:

– Я предвидел это, теперь сбывается...

Тут его голос прервался, и тяжелый вздох потряс его могучее тело.

Он опустился на скамью и спрятал лицо в подушках.

Ира слегка покачала головой, глядя на него.

Она тоже любила царицу и горько плакала, получив ее письмо, но, прежде чем осушила глаза, десятки проектов, как помочь горю, уже вертелись в ее голове. Спустя несколько минут по получении письма она созвала совет и обсуждала меры, с помощью которых можно поддержать в народе уверенность в победе.

Что такое была она, нежная, робкая девушка, в сравнении с этим железным человеком, не раз пренебрегавшим величайшими опасностями на службе царицы, а между тем он лежал теперь в отчаянии, уткнувшись лицом в подушки.

Или женская душа быстрее оправляется после величайшего несчастья, или в ее слабом теле таилось сердце героя?

Она подумала об этом, вспоминая, как регент и хранитель печати приняли ужасную весть. Они тоже пришли в отчаяние и заметались по залу, однако Мардион, получеловек, не мог идти в счет, а Зенон заслужил милость царицы лишь умением придумывать новые зрелища, увеселения, представления.

Но Архибий – мужественный, хладнокровный советник и помощник.

Плечи его снова вздрогнули, точно он получил удар, и ей внезапно вспомнилось то, что она давно знала, но в чем никогда не давала себе отчета: ведь этот уже седой человек любил Клеопатру, любил, как она, Ира, любила

Диона. Могла ли она сохранить спокойствие, если бы ему угрожала опасность потерять жизнь, свободу и честь?

Она тщетно ожидала Диона, а между тем вчера он был свидетелем ее беспокойства.

Или она оскорбила его? Может быть, он не на шутку влюблен в красавицу – внучку Дидима?

Ей казалось преступлением, что в такую тяжкую для ее госпожи минуту она не может не думать о нем. Как его образ заполонил ее сердце, так образ Клеопатры – ум и душу Архибия.

Но Архибий встал, провел рукой по лбу и сказал обычным спокойным тоном, хотя с горькой улыбкой:

– Раненый оставляет битву, чтобы ему перевязали рану. Моя рана уже перевязана. Во всяком случае мне следовало бы тебя избавить от этого жалкого зрелища, дитя. Но я готов к дальнейшей борьбе. Письмо Клеопатры объясняет известие, которое мы получили.

– Мы? – перебила Ира. – Кто же был с тобой?

– Дион, – отвечал Архибий и хотел было рассказать о происшествиих последней ночи, но она прервала его вопросом, согласилась ли Барина уехать.

Он отвечал коротким «да», она же сделала вид, что ничего другого не ожидала, и попросила его продолжать рассказ.

Тогда Архибий сообщил ей о письме, найденном на разбойничьем корабле.

– Дион, – прибавил он в заключение, – отправился передать распоряжение Антония своему другу Горгию.

– Это, – заметила она с раздражением, – можно было поручить любому рабу. Диону следовало бы явиться сюда за более достоверными новостями. Но таковы мужчины!

Тут она запнулась, но, заметив вопросительный взгляд дяди, с оживлением продолжала:

– Я думаю, ничто так не связывает их, как общие удовольствия. Но теперь придется о них забыть. Придется искать других развлечений у Гелиодоры или Таисы – где угодно. Жаль только, что эта женщина не уехала раньше! Когда она поймала Цезариона...

– Перестань, дитя, – возразил Архибий. – Она дорого бы дала, чтобы Антилл не приводил к ней мальчика.

– Теперь, потому что сумасбродство одураченного мальчишки пугает ее.

– Нет, с первого же посещения. Такие ребята не подходят к избранным людям, которых она принимает.

– У кого дверь постоянно открыта, к тому заберутся и воры.

– Она принимала только испытанных друзей. Для других ее двери были закрыты. Поэтому о ворах не могло быть и речи. Но кто же в Александрии решится отказать в гостеприимстве сыну царицы.

– Принять гостя или возбудить в нем страсть и разжечь ее до безумия – это большая разница. Если костер разгорелся, значит, в него попала хотя бы искра. Вы, мужчины, не знаете, как действуют подобные женщины. Взгляд, пожатие руки, простое прикосновение краем платья – и пламя вспыхнуло, если уж был

готов горючий материал.

– Могу только пожалеть о силе пожара, – серьезно возразил Архибий. – Ты предубеждена против Барины.

– Мне до нее столько же дела, как вот этой скамье до статуи Гермеса! – надменно воскликнула Ира. – Мы совершенно чужды друг другу. Между мной и женщиной, которая открывает свои двери всякому встречному и поперечному, нет ничего общего, кроме пола.

– И многих прекрасных даров, которыми боги наделили вас обеих, – с упреком возразил Архибий. – Что касается открытых дверей, то со вчерашнего дня они закрылись. Воры, о которых ты говоришь, отбили у нее охоту к гостеприимству. Антилл вломился к ней в дом как нельзя нахальнее. После этого можно было ожидать самых безобразных историй в будущем. Через несколько часов она отправится в Ирению. Я очень рад этому как за Цезариона, так и еще более за царицу, о которой, кстати сказать, мы совсем забыли.

– Поневоле! – воскликнула Ира. – И в такой день, в такой час, когда каждая капля моей крови, каждая моя мысль должны принадлежать царице! Но приходится думать о другом. Клеопатра возвращается с истерзанным сердцем, и с первого же шага по родной земле ей наносится новая рана. Это ужасно! Ты знаешь, как она любит этого мальчика, вылитый портрет великого человека, с которым Клеопатра провела столько счастливых дней. И если она услышит, что он, сын Цезаря, влюбился в разведенную жену площадного оратора, в женщину, чей дом привлекает мужчин, как спелые финики птиц, о как разбередит это ее раны! Не только это огорчение приготовила ей судьба. Антоний, ее супруг, тоже бывает у Барины. Ты, может быть, не знаешь этого, но Хармиона подтвердит тебе, что ее сердце сделалось крайне чувствительным с тех пор, как юность ее увядает. Ревность замучит ее, и кто знает, не оказала ли я величайшую услугу этой сирене, заставив ее уехать из Александрии?

При этих словах глаза ее сверкнули так враждебно, что Архибий с беспокойством подумал о дочери своего покойного друга. Если Барине еще не угрожала серьезная опасность, то от его племянницы зависело повернуть это дело иначе.

Дион просил его сохранить в тайне предполагаемую женитьбу на Барине, да Архибий и сам не стал бы говорить об этом. Он знал, что Ира не остановится ни перед какими средствами, чтобы разрушить эти планы, если только узнает о них. Ему вспомнилась благородная девушка-македонянка, которую царица стала отличать перед всеми, и гибель этой несчастной благодаря проискам его племянницы. Трудно было найти девушку умнее, нежнее, вернее, преданнее тем, кого она любила. Но с детства она предпочитала кривые пути прямым. Можно было подумать, что ее ум пренебрегал слишком простыми средствами для достижения своих целей. Ее мать и тетка Хармиона заботились о рабах, ухаживали за ними в случае болезни; Хармиона даже приобрела себе в лице нубийской служанки Анукис верную подругу, которая пошла бы на смерть ради нее. Сама Клеопатра, будучи ребенком, приносила цветы старой больной экономке ее родителей и сидела у ее постели, развлекая старушку своей милой болтовней. Напротив, Ира часто подвергалась наказанию за то, что отравляла и

без того тяжелую жизнь рабов ненужной жестокостью. Это очень огорчало ее дядю, да и позднее он недолюбливал ее за дурное отношение к низшим. Тем более поражала его безграничная привязанность Иры к царице. Клеопатра исполнила желание Хармионы, просившей назначить ей в помощницы племянницу, и Ира всей душой привязалась к своей госпоже. Это и ценил в ней Архивий, но он знал, какая судьба ожидает того, кому случится навлечь на себя ее ненависть, и мысль об опасностях, которым может подвергнуться Барина по ее вине, добавилась к удручавшим его заботам об участи Клеопатры.

Смутно сознавая свое бессилие против злых умыслов племянницы, он хотел было уйти, но она остановила его, сказав, что всякая новость приходит прежде всего в Себастеум и к ней. Может быть, возникнет какое-нибудь новое осложнение, причем потребуются его ум и хладнокровие.

Помещение Хармионы оставалось теперь незанятым. Ира просила Архивия поселиться там на время. Беспокойство и страх совсем одолели ее. Ей будет огромным облегчением сознавать, что он находится поблизости.

Архивий заметил, что ему необходимо отправиться к Цезариону, который до некоторой степени подчинялся его влиянию, и попытаться уговорить его оставить свои безумные затеи, хотя бы из любви к матери. Но Ира сказала, что Цезарион отправился с Антиллом на охоту. Она одобрила эту поездку, дабы удалить его из города и от гибельного дома Барины.

– Так как царица не хочет уведомлять его о своих несчастьях, – прибавила она, – то его присутствие только стеснило бы нас. Оставайся же, а вечером отправишься на Лохиаду. Я думаю, что несчастной царице приятно будет тотчас по приезде встретить лицо друга, которое напомнит ей о лучших временах. Останься, окажи мне это благодеяние!

При этом она протянула Архивию обе руки, и он согласился. Обед был готов, и дядя разделил его с племянницей, но почти не прикоснулся к изысканным блюдам. Она же в рот ничего не взяла. Не дождавшись конца обеда, Архивий встал и хотел удалиться в комнаты своей сестры. Ира, однако, уговорила его лечь в соседней комнате. Но как ни мягки были подушки и как ни томила его усталость, сон бежал от него, беспокойство не давало уснуть, а в коридоре, отделявшем его комнату от помещения Иры, слышались то мягкие шаги племянницы, расхаживавшей в волнении взад и вперед, то беготня вестников, являвшихся за новостями.

Вся прошлая жизнь проходила перед ним. Клеопатра была его солнцем, и вот появилась черная туча, грозившая заслонить свет. Он, ученик Эпикура, только в последние годы жизни познакомившийся с учениями других философов, смотрел на богов с точки зрения учителя. По его понятиям, это были блаженные, бессмертные, самодовлеющие существа, не заботящиеся ни о судьбе мира, определенной вечными законами, ни об участи отдельных лиц. При других взглядах с какой радостью пожертвовал бы он им все свое имущество ради той, которой посвятил всю свою жизнь, всего себя.

Как и Ире, Архивию не спалось, и, услышав его шаги, она окликнула его, спрашивая, почему он не спит. Бог знает, как придется им провести следующую ночь.

– Ты найдешь меня бодрствующим, – отвечал он спокойно. Затем Архивий подошел к окну, помещавшемуся над двумя пилонами, из которого открывался вид на Брухейон и море. Гавань кишела судами всевозможной величины, разукрашенными флагами и вымпелами. Слух о счастливом исходе битвы еще держался, и многие стремились приветствовать победоносный флот и его предводительницу при входе в гавань.

На суше, между высокими, отдельно стоящими пилонами и большими воротами при входе в Себастеум, тоже столпилось множество людей, носилок и колесниц. Они принадлежали знатнейшим лицам города, так как за ними стояли богато одетые рабы. Многие носилки и колесницы были украшены золотом, серебром и драгоценными камнями. Движение перед дворцом не прекращалось ни на минуту, и Ира, которая теперь стояла подле дяди, сказала, указывая вниз:

– Вот действие слухов. Вчера тут почти никого не было, теперь все представители «избранного общества» явились самолично. На площади, в театре, в гимназиях и казармах объявлено о победе. Все, что носит венки или оружие, слышало о выигранном сражении. Вчера разве что один из тысячи сомневался в победе, сегодня же – и откуда берутся эти слухи? – вера поколеблена даже у тех, кто разделял все радости, удовольствия, развлечения высокой чести. Будь они уверены в «блестящей победе», о которой, однако, объявлено всенародно, они не явились бы самолично разузнавать, выпрашивать, выведывать. Посмотри! Вот носилки Диогена, вот Лизандра. Вон та колесница принадлежит Александру. Рабы в красных шелковых одеждах служат Гермину. Все эти господа принимают участие в наших празднествах. Аполлоний, который так усердно выпрашивает дворцовых служителей, принес вчера в жертву Аресу, Победе и великой Исиде, покровительнице нашей царицы, по пятидесяти быков и, когда я вошла в храм, сказал, что это в сущности бесполезная расточительность с его стороны, так как Антоний и Клеопатра, наверное, победят без всяких быков. Теперь же слухи поколебали в нем эту уверенность... Они не должны меня видеть. Привратникам велено говорить, что я уехала. У меня не хватит духа поздравлять их с победой. Вон выходит Аполлоний. Как сияет его жирное лицо! Он уверовал в победу, теперь до захода солнца никто из этих господ не явится сюда. Вон он уже раздает приказания рабам. Он приглашает всех к себе на пир и не пожалеет самых дорогих вин. Превосходно! Эти, по крайней мере, не будут нас беспокоить! Дион, его родственник, тоже будет в гостях. Что бы запели эти наши друзья, если им сообщить ужасную истину.

– Я думаю, – заметил Архивий, – мир увидел бы тогда редкое зрелище: друзья, приобретенные в счастье, остаются друзьями и в беде.

– Ты думаешь? – переспросила Ира, и глаза ее блеснули. – Если бы это случилось, как бы я стала ценить и восхвалять их! Но посмотри! Там, подле левого обелиска, в белом плаще... не Дион ли это? Толпа увлекает его... Кажется, это был он?

Она ошибалась: тот, к кому так страстно стремилось ее сердце, был в это время далеко от Себастеума, а о ней и думать забыл.

Прежде всего он отправился на поиски архитектора, чтобы передать ему

письмо. Он рассчитывал найти его у триумфальной арки на набережной Брухейона. Но тут он узнал, что Горгий отправился к Дидиму перевезти статую Антония и Клеопатры, все еще находившуюся перед домом ученого, к театру Диониса. Так приказал регент Мардион, и Горгий уже хлопотал над устройством пьедестала.

Потребовавшиеся для этого плиты были им взяты в храме Немезиды, постройкой которого он руководил. Правитель предоставил в его распоряжение сколько угодно рабов и прибавил горделивым тоном, что архитектор еще до заката солнца должен показать александрийцам, как в один день можно перевезти статую и утвердить ее прочнее тысячелетних фиванских колоссов.

Явившись к саду Дидима, Дион нашел статую уже готовой к отправке; но, как оказалось, рабы поджидали – и уже довольно долго – архитектора, зашедшего навестить старого философа.

Он уже третий день навещал его. В первый раз с тем, чтобы уведомить об отмене распоряжения, грозившего лишить ученого собственности; затем, чтобы сообщить, в котором часу будет увезена статуя, все еще привлекавшая много зевак; и, наконец, он снова пошел к старику сказать, что статую сейчас увезут. Все это, конечно, можно было бы поручить рабу, но Елена, внучка Дидима, сестра Барины, притягивала его в этот дом. Ради нее он готов был заходить и чаще, так как с каждым посещением открывал все новые и новые достоинства в прекрасной тихой, рассудительной, так заботливо ухаживавшей за стариком-дедом девушке. Он был убежден, что любит ее, да и она, по-видимому, относилась к его посещениям благосклонно. Но все же он не решался добиваться руки девушки, хотя в его обширном пустом доме так чувствовался недостаток хозяйки. Сердце Горгия уже столько раз воспламенялось, поэтому хотелось сначала убедиться, что на этот раз дело идет о прочной привязанности. Лучшей жены ему нельзя было и желать. Если любовь его выдержит хоть несколько дней, то он не замедлит вознаградить себя за такое постоянство и явится к Дидиму с предложением.

Свои частые посещения он оправдывал необходимостью поближе познакомиться с будущей супругой, и Елена облегчала ему эту задачу, так как свойственная ей сдержанность все более и более исчезала, заменяясь доверием к нему, которое только усилилось от его посещений. В последний раз она даже первая протянула ему руку и спросила, как идет работа.

Горгий был завален делами, но разговор с ней доставлял ему такое удовольствие, что он засиделся гораздо дольше, чем бы позволил себе при других обстоятельствах, и был очень недоволен, когда пришла Барина, к которой еще вчера пылал нежной страстью.

Молодая женщина прервала их беседу. Она обняла сестру с такой горячностью, как никогда, и в коротких словах сообщила, что пришла проститься с родными.

Береника явилась вместе с ней, но сначала прошла к старикам.

Пока Барина сообщала ему и Елене, каким образом все это произошло, архитектор молча сравнивал сестер. Он находил естественным, что одно время считал себя влюбленным в Барину, но в жены ему она не годилась.

Жизнь с ней стала бы для него непрерывной цепью ревнивых опасений и забот; притом своими замечаниями и вопросами, требовавшими напряженного внимания, она не могла бы дать ему отдыха и покоя после утомительной работы. Его взгляд переходил с одной на другую, точно он измерял расстояние между двумя колоннами, так что Барина, заметив его странное поведение, весело улыбнулась и спросила, нельзя ли узнать, о какой постройке он думает в ту минуту, когда добрая знакомая сообщает, что отныне веселые собрания в ее доме кончились.

Он пробормотал какое-то извинение, и совершенно невпопад, так что Барина могла бы обидеться на его невнимание. Но, взглянув на сестру, потом на него, она догадалась об истине и обрадовалась, так как уважала Горгия и втайне боялась, что ей придется огорчить его отказом, если он вздумает добиваться ее руки. Для сестры он подходил гораздо больше, – так, по крайней мере, казалось Барине. Почувствовав, что помешала, она сказала Елене:

– Я пойду к деду. А ты поговори с нашим другом. Мы с ним хорошо знакомы. Он принадлежит к числу немногих людей, на которых можно положиться. – Это мое искреннее мнение, архитектор.

Затем простилась с ними, и Горгий снова остался со своей милой. Обоим было трудно возобновить разговор, и после нескольких неудачных попыток Горгий даже обрадовался, услышав сквозь раскрытые двери голос смотрителя, напомнивший ему о работе. Пылко пообещав зайти в ближайшее время, как будто его просили об этом, он простился с девушкой и отворил дверь в соседнюю комнату, но тут же отшатнулся. Елена, следовавшая за ним, сделала то же.

Перед ним стоял их Дион. Прекрасная головка Барины покоилась на его груди, а рука его лежала на ее белокурых волосах. Гибкое тело молодой женщины дрожало точно от глубокого волнения.

Когда Дион заметил друга, она тоже подняла голову и обернулась. Действительно, лицо ее было в слезах, но то не были слезы горя, голубые глаза Барины светились счастьем.

Тем не менее Горгий заметил в ее лице что-то, чего не мог бы определить словами. Это был отблеск благодарности, переполнявший ее душу.

Отыскивая архитектора, Дион встретился с Бариной, и то, чего он так боялся вчера, случилось.

Первый же ее взгляд вырвал из его уст признание.

В кратких серьезных словах он сказал, что любит ее и будет считать гордостью и украшением своего дома.

Глаза Барины наполнились слезами от избытка счастья; она молчала, точно пораженная чудом, случившимся с ней, но он подошел, взял ее за руку и откровенно рассказал, как смущало его воспоминание о строгой матери, пока любовь не пересилила. Теперь он спрашивает с полным доверием, согласна ли она сделаться украшением и честью его родного дома, согласна ли войти в него хозяйкой. Он знает, что ее сердце принадлежит ему, но должен услышать это из ее уст...

Тут она перебила его восклицанием:

– Скажу одно: твоя жена будет жить и в радости, и в горе только для тебя! Весь мир исчезнет для нее, если ты назовешь ее своей!

При этих словах, звучавших как торжественная клятва, тяжесть свалилась с его души. Он прижал ее к сердцу, повторяя:

– В радости и в горе.

В таком виде застали их Горгий и Елена, и архитектор впервые и не без некоторого удивления убедился, что между его счастьем и счастьем влюбленного нет никакого различия. По-видимому, Елена почувствовала то же самое.

Вскоре дом старого философа, до тех пор омраченный заботами и опасениями, огласился веселыми возгласами.

Архитектор чувствовал себя лишним в этом семейном, связанном общей радостью кружке, и вскоре его громкий голос, отдававший приказания рабочим, раздался подле сада Дидима.

IX

Горгий немедленно принялся за работу. Когда он уже хлопотал над установкой статуи перед храмом Диониса, к нему явился Дион, которому хотелось повидаться с другом до отъезда из города со своей возлюбленной. Со времени их последней встречи Горгий сам себя превзошел: постройка стены по распоряжению Антония уже началась, отданы были приказания привести в порядок маленький дворец на оконечности Хомы, украсить его для встречи, устроить триумфальные арки. Смотритель работ, очень дельный и проворный человек, едва успевал записывать его приказания на табличке.

Разговор с другом был непродолжительным, так как Дион обещал сопровождать женщин за город. Несмотря на обручение, решили уехать сегодня же, так как Цезарион уже два раза являлся к Барине в течение дня. Она не приняла его, но настойчивость молодого человека заставляла ее желать скорейшего отъезда.

Решено было воспользоваться большой повозкой и лодкой Архибия, чтобы избежать надзора.

Свадьба должна была состояться в «Убежище мира». Впоследствии они рассчитывали вернуться в Александрию на корабле Диона, носившем название «Пейто». Владелец его охотно вспоминал о своей ораторской деятельности. Теперь он решил перекрасить корабль и переименовать его в «Барину».

Дион сообщил другу все, что ему было известно об участии флота и царицы, и тот, несмотря на множество хлопот, с вниманием слушал его сетования о будущей судьбе города, его независимости и свободе, потому что и сам принимал эти вещи близко к сердцу.

– В счастливые времена, – воскликнул Дион, – я делаю, что мне нравится! Теперь же на каждом порядочном человеке лежит обязанность укрепить в своем собственном доме традиции, переданные нам нашими предками. Они не должны угаснуть, пока в Александрии останутся македонские граждане. Если

могущество Рима сделает Египет провинцией республики, все же можно отстоять значительную долю наших прав. Но, что бы ни случилось, мы все-таки останемся источником, из которого Рим будет черпать облагораживающие дух знания.

– И искусство, – прибавил архитектор, – которое украшает его суровую жизнь. Уничтожив нас, он поступит, как девушка, растоптавшая редкий, прекрасный цветок.

– Что значит цветок для девушки в сравнении с тем значением, какое наш город имеет для Рима! Если мы встретим его посягательства с достоинством и твердостью, мы сможем спасти многое.

– Будем надеяться! Но тебе, друг, следует подумать и о других врагах, не о римлянах. Берегись Иры! Теперь, когда она убедится, что ты не любишь ее... В ней есть что-то такое, что всегда напоминает мне шакала. Ревность! Она способна на все...

– Но, – перебил Дион, – Хармиона разрушит ее оковы; кроме того, хотя я и не особенно рассчитываю на Архибия, он все же влиятельнее их обеих и сочувствует нашей женитьбе.

Горгий вздохнул с облегчением и воскликнул:

– Итак, желаю вам счастья!

– Пора тебе подумать и о своем счастье, – сказал Дион. – Брось-ка эту бродячую жизнь. Походная палатка – неподходящее жилище для архитектора. Ты выстроил мне дворец, построй же и для себя прочный, безопасный от бурь дом. Право, давно пора!

– Я подумаю о твоем совете, – отвечал Горгий. – Но пора за работу. Предстоит столько важных дел, а у нас тратят время на сооружение триумфальных арок для побежденных. Твой дядя приказал приготовиться к самой торжественной встрече. Пути судьбы и великих мира сего окутаны мраком; пусть хоть ваш путь освещает яркое солнце! Мы, конечно, узнаем, когда будет ваша свадьба, и, если удастся, я приеду к вам. Счастливцев! Но меня зовут. Да охранят вас на пути Кастор и Поллукс и все боги, благосклонные к путникам, а Афродита и боги любви – в царстве Эроса и Гименея.

Сказав это, он впервые обнял своего друга, который крепко пожал ему руку, прибавив:

– До свидания в Ирении, на свадьбе, старый, верный товарищ.

Затем он уехал, а Горгий задумчиво смотрел ему вслед.

Пурпурный плащ Диона еще не скрылся из глаз, как оглушительный треск и грохот вывели его из задумчивости.

Обрушились леса, выстроенные на скорую руку для установки статуи. Восстановить их было недолго, но все-таки этот случай произвел тяжелое впечатление на архитектора. Как сын своего времени, он верил в предзнаменования. Притом же опыт показал ему, что за подобными случаями всегда следовало какое-нибудь несчастье в кругу его друзей. Опасаясь за участь дорогой ему пары, он решил следить за Дионом и попросить Архибия сделать то же.

Впрочем, работа скоро заглушила это неприятное чувство. Леса были

быстро поправлены, и Горгий с удвоенной энергией взялся за дело.

Мало-помалу за пасмурным днем наступили сумерки.

Прежде чем пришла ночь, обещавшая быть бурной и дождливой, Горгий еще раз отправился в Брухейон посмотреть, как идет дело, и отдать дальнейшие распоряжения, так как работа должна была продолжаться и ночью.

С моря дул сильный северный ветер, гасивший факелы и светильники. Несколько капель дождя попали в лицо Горгия. За Фаросом и по ту сторону гавани скопились темные тучи. Все обещало бурную ночь, и тягостное предчувствие беды снова овладело архитектором. Тем не менее он бодро принялся за дело.

Настала ночь. На небе не виднелось ни единой звездочки. Холодный северный ветер пронизывал до костей, и Горгий приказал, наконец, раба принести плащ. Накидывая на голову капюшон, он заметил толпу людей с носилками, направлявшуюся на Лохиаду.

Может быть, сыновья царицы возвращались домой с прогулки. Но в общем процессия больше походила на праздничную, собравшуюся по поводу победы. Дело в том, что теперь все верили в выигранное сражение. Радостные восклицания народа, стекавшегося в гавань несмотря на дурную погоду, доказывали это.

Когда последний факел промелькнул перед глазами Горгия, он решил, что свита царских сыновей запаслась бы лучшим освещением в такую темную ночь. Вдруг он заметил раба, приближавшегося с другой стороны тоже с факелом. Это оказался Фрикс, старый слуга Дидима.

Архитектор тотчас узнал его. Зачем он послан так поздно в эту темную ночь?

Развалившиеся леса тотчас пришли ему на память.

Может быть, Дидим послал за помощью для кого-нибудь из членов семьи? Не случилось ли несчастья с Еленой?

Он остановил раба, и тот ответил на его вопрос тяжелым вздохом и пословицей:

– Беда не приходит одна. – Затем он сообщил следующее: – Вчера была большая тревога. Сегодня, когда все уладилось и было так весело, я подумал: за весельем следует горе; наверное, нам грозит еще какое-нибудь несчастье. Так и случилось.

Горгий просил рассказать ему, что именно случилось; тогда старик подошел поближе и вполголоса сообщил, что Филотас из Амфиссы, ученик и помощник Дидима, молодой человек из хорошей семьи, был приглашен Антиллом, сыном Антония, на пирушку. Это случалось уже не в первый раз, и он, Фрикс, предостерегал Филотаса, так как маленьким людям, которые вздумают водиться со знатными, почти всегда достаются тычки и пинки. Молодой человек всегда возвращался с таких празднеств нетвердой походкой, с красным лицом. Сегодня он вернулся в страшном волнении, бегом, точно за ним гнались, и, поднимаясь по лестнице в свою каморку на верхнем этаже, оступился и свалился вниз. По мнению Фрикса, у него нет никакого существенного повреждения. Дионис охранил пьяного; но, очевидно, в него

вселился демон, так как он только плачет и стонет и не отвечает на вопросы. Правда, ему известно еще с праздника Диониса, что молодой человек принадлежит к числу тех, на кого вино нагоняет тоску; но на этот раз с ним, очевидно, случилось что-то необычайное, так как лицо его все в саже и имеет ужасный вид.

Когда его хотели перенести в комнату, он отбивался руками и ногами, как бешеный. По мнению Дидима, им овладели демоны, что нередко случается при падении вниз головой, когда упавший, ударившись о землю, потревожит находящихся в ней духов. Как бы не так! Демоны-то демоны, только это демоны вина! Молодой человек просто пьян. Но старый господин очень дорожит своим учеником и потому послал Фрикса за Олимпом, который с незапамятных времен состоит их домашним врачом.

– Старый врач царицы! – с неудовольствием воскликнул архитектор. – Тревожить почтенного старца в такую темную, холодную ночь из-за таких пустяков! Старость, я вижу, не особенно сочувствует старости. Теперь, когда главное дело окончено, я могу отправиться с тобой на полчаса. Мне кажется, для изгнания этих демонов не стоит тревожить придворного врача!

– Правда, господин, истинная правда, – отвечал раб, – но Олимп – наш давнишний друг. Он редко ходит к больным, у нас же бывает во всякую погоду. Притом у него есть носилки, колесницы и великолепные мулы. Царица щедро наделяет его дарами. Он мудр и может помочь. Надо пользоваться, чем можешь.

– В случае нужды – да, – возразил архитектор. – Вот два моих мула, если я не справлюсь с демонами, успеешь съездить за врачом.

Это предложение понравилось старику, и немного погодя Горгий входил в дом старого философа.

Елена встретила его, как давнишнего друга. Его появление, казалось ей, уничтожало половину опасности. Дидим тоже обрадовался и отвел его в комнатку, где лежал одержимый демонами юноша.

Он все еще стонал и охал. Слезы катились по его щекам, и всякий раз, когда кто-нибудь из членов семьи подходил к нему, он с плачем отворачивался.

Когда Горгий взял его за руку и строго приказал рассказать, что с ним случилось, молодой человек объявил, всхлипывая, что он самый неблагодарный злодей во всем свете. Он погубил своих добрых родителей, себя самого и своих друзей.

Затем он сообщил, что по его вине внучке Дидима грозит гибель. Он не пошел бы к Антиллу, если бы не щедрость последнего; но теперь он должен понести казнь, да, казнь... И он повторял слово «казнь» без конца, и ничего другого от него нельзя было добиться.

Впрочем, Дидим обладал ключом к последней фразе. Несколько недель тому назад Филотас и другие ученики ритора, которого он слушал в Мусейоне, были приглашены Антиллом к завтраку. Когда Филотас похвалил прекрасные золотые и серебряные кубки, из которых пили за завтраком, щедрый хозяин воскликнул:

– Они твои! Можешь взять их!

Перед уходом дворецкий сказал молодому человеку, которому и в голову не

приходило принять всерьез предложение Антилла, что он может взять их с собой. Антилл подарил ему кубки, но дворецкий советовал лучше получить их стоимостью деньгами, так как в числе кубков были старинные, дорогой работы, утрата которых, пожалуй, не понравится Антонию.

Затем изумленному юноше отсчитали несколько свертков тяжеловесных золотых монет. Только они не пошли ему впрок, так как были истрачены в кутежах богатой и знатной молодежи. Тем не менее он продолжал исполнять свои обязанности относительно Дидима.

Хотя ему и случалось превращать ночь в день, но серьезных поводов к порицанию еще не было. Мелкие упущения ему охотно прощали, так как он был красивый, веселый юноша, умеющий ладить со всеми в доме, в том числе и с женщинами.

Что же случилось сегодня с этим несчастным? Дидиму он внушал глубокое сожаление. Ученый был очень признателен Горгию за его посещение, но все-таки дал понять, что огорчен отсутствием врача.

Но Горгий, долго вращавшийся в кругу александрийской молодежи, был хорошо знаком с болезнями вроде той, которой страдал Филотас, и способом их лечения. Он потребовал несколько кружек воды и попросил оставить его наедине с больным. Вскоре философ радовался, что не заставил врача выходить из дома в бурную ночь, так как Горгий привел к нему ученика с мокрыми волосами, но почти оправившегося.

Красивое лицо юноши было теперь умыто, но он стоял потупившись и временами хватался за голову. Старик-философ должен был пустить в ход все свое красноречие, чтобы убедить его признаться, как было дело.

Филотас хотел рассказать всю правду и рассчитывал получить добрый совет от архитектора, вид которого внушал ему доверие. Кроме того, старик оказал ему столько благодеяний, что мог бы рассчитывать на его откровенность, тем не менее юноша не решился открыть ему главной побудительной причины своего нелепого образа действий.

Предприятие, в которое он позволил себя втянуть, было направлено против Барины. Он уже давно любил ее со всем пылом юношеской страсти. И вдруг, как раз перед этим роковым пиром, услышал, что она обручилась с Дионом. Это глубоко уязвило его, так как в глубине души он рассчитывал добиться ее руки и ввести ее супругой в родительский дом в Амфиссе. Он был лишь немногим моложе ее и знал, что родители одобряют его выбор, лишь только увидят Барину. А сограждане! Они будут удивляться ей, как богине.

И вот является знатный господин и разбивает его заветную мечту. Конечно, он ни разу не говорил Барине о своей любви, но она относилась к нему так дружелюбно, так благосклонно принимала от него различные мелкие услуги! Теперь же она навеки утрачена для него.

Сначала он был просто огорчен, но когда вино ударило ему в голову, когда Антилл, сын Антония, в кружке собутыльников, где председательствовал Цезарион, стал обвинять Барину в колдовстве, он вообразил, что она приворожила его, а потом бросила.

«Я служил ей игрушкой, — думал он, — а потом она предпочла мне Диона

ради его богатства».

Во всяком случае он считал себя вправе сердиться на Барину, и с каждым кубком его ревнивый гнев возрастал.

Ему предложили принять участие в предприятии, которое теперь камнем лежало у него на душе. Он согласился сгоряча, чтобы наказать ее за проступок, созданный его же фантазией.

Обо всем этом он ни слова не промолвил, а рассказал только о великолепном празднестве, на котором Цезарион, по обыкновению бледный и безучастный, был симпозиархом⁵⁰ и которое оживлялось главным образом болтовней Антилла.

«Царь царей» и сын Антония под предлогом охоты ускользнули от надзора зрителя. Начальник охоты позволил им это удовольствие. Они обещали ему завтра рано утром быть готовыми к отъезду в пустыню.

Когда кубки стали обращаться быстрее, Антилл пошептался о чем-то с Цезарионом и затем заговорил о Барине, красавице из красавиц, которую боги предназначили для высшего и знатнейшего из людей. Таков Цезарион, царь из царей. Но известно, что Афродита считает себя выше величайшего из царей, потому и Барина осмелилась отказать от дома их симпозиарху, а это задевает не только его, но и всю александрийскую молодежь. Всякий, кто достойно носит название эфеба, возмутится, узнав, что дерзкая красавица не желает знаться с молодежью, так как считает достойными своего внимания только пожилых людей! Это ей не пройдет даром. Александрийские эфебы должны показать ей, что значит молодежь. Это тем более желательно, что облегчит Цезариону достижение его цели.

Сегодня вечером Барина уезжает из города. Сам оскорбленный Эрос облегчает им задачу. Они должны остановить на пути красавицу и отвести ее к тому, кто обещает во имя юности доказать ей, что страсть эфебов, к которым она относится так презрительно, пламеннее страсти пожилых господ, к которым она так милостива.

Здесь Горгий перебил рассказчика негодующим восклицанием, но старый Дидим, у которого глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит, нетерпеливо крикнул: «Дальше!»

Филотас с возрастающим волнением рассказывал, как Цезарион изменился точно по волшебству. Едва собутельники ответили одобрительными восклицаниями на предложение Антилла, как «царь царей» вскочил с ложа, на котором лежал до тех пор с усталым и безучастным видом, и, сверкая глазами, воскликнул, что всякий, кто считает себя его другом, должен помочь ему в этом нападении.

Здесь снова нетерпеливое «дальше!» Дидима заставило его ускорить рассказ, и он сообщил, как они вычернили себе лица и вооружились копьями и мечами. Перед заходом солнца они отправились в крытой лодке на Мареотийское озеро. Вероятно, все было подготовлено заранее, потому что они успели вовремя.

⁵⁰ Симпозиарх – председатель и руководитель пиршества

Так как во время плавания они подбадривали себя вином, то он уже с трудом выбрался на берег. Затем он помнит, что кинулся вместе с ними на большую армамаксу, но упал на землю, когда же поднялся, никого уже не было.

Помнится ему точно во сне, что скифы и другая стража схватили Антиллу, а Цезарион с кем-то боролся, лежа на земле. Если он не ошибается, это был Дион, жених Барины.

Это сообщение не раз прерывалось негодующими восклицаниями; когда же он окончил, Дидим вне себя воскликнул:

– А дитя? Барина?

Но так как Филотас ничего не отвечал, старик окончательно вышел из себя и крикнул, схватив его за грудь:

– Ты не знаешь, мальчишка! Вместо того чтобы защитить ее, ты присоединяешься к этим негодьям, к этому разбойнику в пурпуре!

Горгий остановил раздраженного старика, заметив, что теперь самое важное отыскать Диона и Барину. У него работы по горло, но он переговорит со зрителем и затем постарается найти своего друга.

– А я, – воскликнул старик, – пойду сейчас же к несчастному ребенку! Поддай плащ, Фрикс, и сандалии!

Несмотря на увещания Горгия подумать о своих преклонных годах и бурной погоде, он продолжал:

– Сказано, пойду! И если буря собьет меня с ног и поразит молния, – пусть себе! Одним несчастьем больше или меньше, что это значит в жизни, которая была сплошной цепью тяжких ударов судьбы? Трех сыновей схоронил я во цвете лет: двоих из них отняла у меня война. Барину, радость моего сердца, я, глупец, отдал негодю, который отравил ей лучшие годы жизни, а теперь, когда она нашла покой и безопасность в союзе с достойным человеком, эти мерзавцы, защищенные своим саном от мщения, быть может, убивают ее возлюбленного. Они топчут в прах наше честное имя, мои седины. Шапку, Фрикс, и палку!

Буря давно уже завывала вокруг дома, и парусина, прикрывавшая отверстие имплювиума, трещала по швам. Ветер, врывавшийся в комнату, загасил два рожка лампы.

Дверь внезапно отворилась, и на пороге явился нубиец, привратник Береники, промокший насквозь, с капюшоном на голове.

Вид у него был самый плачевный, так как задыхался от быстрой ходьбы, и он не сразу ответил на вопросы Дидима и Горгия, к которым теперь присоединились Елена и ее бабушка.

Он, впрочем, сообщил немного. Барина поручила передать, что она и ее мать невредимы. Дион ранен в плечо, но неопасно; она с матерью ухаживают за ним. Пусть родные не беспокоятся: нападение кончилось полной неудачей для его зачинщиков.

Дорида, совершенно глухая старушка, тщетно старалась уловить эти слова, приложив ладонь к уху. Дидим рассказал о происшествии Елене, насколько счел это уместным, а та движением губ передала его рассказ бабушке.

Старый философ был рад благополучному исходу приключения, но все-таки был озабочен. Горгий тоже опасался дурных последствий.

Обещав зайти немедленно, как только узнает какие-либо новости насчет Диона и его невесты, он уговорил старика остаться дома.

Филотас со слезами на глазах просил воспользоваться его услугами, но Дидим приказал ему идти спать.

Вскоре все успокоилось в доме старого ученого. Когда архитектор удалился, Дидим, отклонив просьбу Елены, желавшей отправиться к сестре в сопровождении привратника, остался наедине со своей супругой.

Дориде сообщили только, что воры напали на Барину и слегка ранили ее жениха, но собственное сердце и волнение старого спутника жизни подсказывали ей, что от нее многое скрывают. Ей хотелось узнать все, что случилось, но Дидиму было бы трудно долго говорить с ней, и потому она решила подавить свое любопытство. Оба не хотели ложиться спать, не дождавшись Горгия.

Х

С севера дул сильный ветер.

Костры и факелы на берегу то почти угасали, то вспыхивали с удвоенной силой.

Царская гавань – красивый залив в форме полукруга, – окаймленная южной частью Лохиады и северной окраиной Брухейона, всегда была ярко освещена, сегодня же огни у места стоянки царского флота как-то особенно оживились.

Не буря ли колебала их?

Нет! Она не могла бы переносить факелы с места на место и двигать фонари и светильники против ветра. Впрочем, немногие замечали это, так как немногие решились выйти на набережную в такую бурную ночь. Притом же в царскую гавань никого не пускали; она была закрыта со всех сторон. Один-единственный проход в плотине, защищавшей ее с запада, был перекрыт цепью, как и главный вход в гавань между Фаросом и Alveus Steganus.

Часа за два до полуночи это странное движение и мелькание огней прекратилось, несмотря на бушевавший ветер. Но у тех, для кого они были зажжены, сердца не переставали усиленно биться. Это были ближайшие советники и придворные Клеопатры, всего человек двадцать, в том числе одна женщина – Ира. Согласно письму царицы, она и регент Мардион пригласили только важнейших сановников. Они решили не привлекать начальников небольшого римского гарнизона. Царица могла и не вернуться нынче ночью; к тому же все римские предводители, сколько-нибудь способные к военному делу, уже находились в войске Антония.

Помещение, в котором они собрались, было убрано с царской роскошью, так как Клеопатра нередко бывала здесь. Большинство ожидающих расположились на мягких ложах, остальные беспокойно расхаживали взад и вперед.

Регент мрачно уставился в землю, Ира, бледная и расстроенная, рассеянно

слушала хранителя печати Зенона, а Архивий вышел на набережную и, не замечая бури и ветра, всматривался вдаль, не явятся ли долгожданные корабли.

Под деревянным навесом столпились слуги, вестники и носильщики. Греки сидели на скамьях, египтяне на матах, расположенных на полу.

Им сказано было, что царица может вернуться сегодня вечером, так как сильный ветер должен ускорить возвращение. Но они знали гораздо больше, ведь во дворцах есть замочные скважины, щели и особого рода эхо, передающее от одного к другому даже то, что сказано шепотом.

Героем вечера был вольноотпущенник одного из начальников, Селевка, который несколько часов тому назад прибыл в Александрию из пограничной крепости Пелусия. Тайнственный приказ Луцилия, вернейшего друга Антония, присланный с Тенара, побудил его к этому.

Вольноотпущенник Берилл, бойкий на язык сицилиец, в прошлом актер, потерявший свободу из-за морских разбойников, разузнал кое-какие новости и сообщал их развесившей уши компании. В Пелусий прибыли корабли с севера и пополнили дурные вести, полученные в Себастеуме.

Послушав вольноотпущенника, можно было подумать, что он присутствовал при сражении. Впрочем, он изображал верного и скромного слугу, который только желает подтвердить то, что уже известно александрийцам. На самом деле его сведения представляли смесь ложных и верных фактов. Тогда как на самом деле египетский флот был разбит у Акциума⁵¹, а Антоний и Клеопатра бежали к Тенару, – он уверял, что сухопутное войско и флот встретились у Пелопоннесского берега и Октавиан преследует Антония, бежавшего в Афины, Клеопатра же находится на пути в Египет.

Эти «достоверные известия» почерпнул он из отрывочных фраз, вырвавшихся у Селевка за столом или при приеме послов.

В Пелусий то и дело пребывали корабли и караваны, и начальники их должны были являться к коменданту крепости, господину Бериллу.

Вчера ночью он выехал в Александрию. Ветер мчал корабль с такой быстротой, что чайки не поспевали за ним, по словам Берилла.

Слушатели готовы были поверить ему, так как буря завывала все сильнее и сильнее. Почти все факелы и плошки погасли, от сосудов с горевшей смолой поднимался густой черный дым, едва озаряемый красноватыми и желтыми языками пламени, и только фонари освещали тусклым мерцающим светом наполненное дымом пространство.

Один из старших слуг догадался запастись вином, чтобы скоротать время; но пить было запрещено. Тем не менее, кружка переходила потихоньку из рук в руки, к общему удовольствию компании, так как ветер пробирал до костей, а дым перехватывал горло.

Вольноотпущенник Берилл начал рассказывать о зловещих предзнаменованиях, замеченных в Пелусий.

Служанка Иры перебила его, сообщив о ласточках на «Антонии», адмиральском корабле Клеопатры. Худшего предзнаменования, наверное, не

⁵¹ Акциум (или Акций) – мыс в Ионическом море

было в Пелусий...

Но Берилл только посмотрел на рассказчицу с такой сострадательной улыбкой, что любопытство слушателей достигло крайнего напряжения. Сам главный надсмотрщик за носилками и кладью заинтересовался до такой степени, что потребовал молчания резким окриком «Смирно!».

Все затихли, и под навесом слышался только вой ветра, редкие оклики часовых и голос вольноотпущенника. Он специально понизил его, чтобы придать больше драматизма своему рассказу. Он начал напыщенным дифирамбом Антонию и Клеопатре, напомнив слушателям, что император – потомок Геркулеса. Александрийцам известно также, что Клеопатра и Антоний достойно носят звания «Новой Исиды» и «Нового Диониса». Да и лицом, и станом Антоний похож скорее на бога, чем на человека.

Как Диониса его в особенности почитают афиняне. Там есть в просцениуме театра огромный барельеф, изображающий битву гигантов – произведение знаменитого старинного скульптора, – и вот из этого барельефа буря вырвала на днях одну из фигур. И чью же именно? Диониса, смертный образ которого олицетворяет собой Антоний. Сегодняшняя буря – дыхание ребенка в сравнении с ураганом, оторвавшим изображение бога от твердого мрамора, но природа соединяет все свои силы, когда хочет показать недалеким людям знамение грядущих, мир потрясающих событий.

Последние слова он слышал от своего господина, учившегося когда-то в Афинах. Они вырвались у него, когда пришла весть о другом зловещем предзнаменовании. Цветущий город Пизаура...

Но тут его перебили, так как многим уже известно было, что этот город погрузился в море, причем, однако, жалели только о несчастных жителях.

Берилл спокойно выслушал их и на вопрос, какое же отношение имеет это событие к войне, – только пожал плечами, но когда и старший надсмотрщик пожелал узнать его мнение, отвечал:

– Это знамение потому поразило нас, что мы знаем, как возникла Пизаура. Этот злополучный город, поглощенный Гадесом ⁵², принадлежал, собственно, Антонию, который его основал.

Сказав это, он окинул собеседников победоносным взором. На всех лицах читался ужас; одна служанка даже взвизгнула, кажется, впрочем, потому, что ветер вырвал из железного кольца факел и опрокинул его на землю рядом с девушкой.

Напряжение достигло крайней степени, а между тем по лицу Берилла видно было, что он еще не выпустил последней стрелы из колчана.

Служанка, крик которой испугал и других собеседников, пришла в себя. Должно быть, ей очень хотелось услышать еще что-нибудь страшное, потому что она бросила на рассказчика выразительный взгляд, как бы умоляя его продолжать.

Он указал на капли пота, выступившие на ее лбу несмотря на пронизывающий до костей ветер, и сказал:

⁵² Гадес – царство мертвых

– Тебя один рассказ об этих вещах бросает в пот. Каменные статуи куда тверже, но и в них есть душа. Они могут приносить нам добро или причинять зло, смотря по тому, благосклонны ли они к нам или враждебны. Всякий, кому случилось с мольбой простирать к ним руки, об этом знает. Есть такая статуя в Альбе. Она изображает Марка Антония, в честь которого воздвиг ее город. И вот этот каменный двойник нашего повелителя знал, что тому угрожает. Да, да, вот послушайте. Дня четыре тому назад один корабельщик сообщил моему господину – я сам слышал этот рассказ – о том, что ему привелось видеть собственными глазами. Статуя Антония в Альбе обливалась потом. Горожане пришли в ужас, толпились около статуи, пытались осушить ее: напрасно! Крупные капли пота струились с нее в течение нескольких дней. Каменная статуя чувствовала, какая участь предстоит живому Марку Антонию. Ужасно было смотреть на это, говорил корабельщик.

Тут рассказчик вздрогнул, как и все слушатели. Послышался резкий звук ударов в медный диск. Спустя секунду все были на ногах и спешили по местам.

Сановники, ожидавшие в зале, тоже засуетились. Все молчали или шептались. При звуках сигнала краска сбегала с лиц, и без того серьезных и озабоченных. Каждый избегал смотреть на другого.

Архибий первый увидел красный сигнал на башне Фароса, возвещавший о прибытии царского корабля. Так рано его не ожидали. Но вот он прошел мимо Фароса в гавань. Это был тот самый адмиральский корабль, на котором старые ласточки до смерти заклевали молодых.

Его мощный корпус лишь слабо покачивался на волнах, хотя они вздымались высоко даже в защищенной гавани. Должно быть, опытный лоцман провел его среди мелей и рифов восточной части рейда, так как он не обогнул, как обычно, Антиродос, а прошел между ним и Лохиадой, направляясь прямо к входу в царскую гавань. Служители поспешили подлить смолы в сковороды, чтобы осветить кораблю путь. Собравшиеся на берегу могли теперь ясно видеть его очертания.

Это был несомненно корабль Антония, а в то же время как будто и не он.

Хранитель печати Зенон, стоявший подле Иры, указал на корабль и сказал вполголоса:

– Точно женщина, которая, оставив родительский дом в пышном свадебном наряде, возвращается горькой вдовицей.

Ира выпрямилась и отвечала резким тоном:

– Нет, точно солнце, окутанное туманом, который скоро рассеется.

– Я от души желаю этого, – подхватил старый царедворец. – Я говорю не о царице, а о корабле. Ты была больна, когда он отплывал, весь разукрашенный цветами, развернув пурпурные паруса. А теперь как он поврежден, как испорчен. Конечно, наше солнце, Клеопатра, скоро обретет свой прежний блеск, но теперь такая непогода, такой холод и сырость...

– Они пройдут, – перебила Ира и плотнее закуталась в плащ.

Резкий звук размыкаемой цепи у входа в гавань заставил ее вздрогнуть. Всем было жутко.

Громадный остов корабля неслышно, точно призрак, приближался к берегу.

Казалось, всякая жизнь угасла на нем, точно чума истребила его многочисленный экипаж. Лишь изредка доносились команда капитана и сигнальные свистки рулевого. Несколько фонарей слабо освещали огромную палубу. Яркое освещение привлекло бы внимание александрийцев.

Корабль приблизился к берегу. Ожидаящие, затаив дыхание, следили за его приближением, но в ту самую минуту, когда первый канат уже был брошен рабам, стоявшим на берегу, несколько человек в греческой одежде вторглись в толпу сановников.

Они явились с неотложной вестью к регенту Мардиону, который стоял впереди Иры и хранителя печати, мрачно уставившись в землю. Он обдумывал, что сказать царице, которая должна была выйти на берег через несколько минут. Помешать ему в такую минуту едва ли решился бы тот, кому известен был раздражительный характер евнуха. Однако рослый македонянин, на минуту отвлекший внимание присутствующих от корабля своим появлением, решился. Это был начальник городской стражи.

– Одно словечко, господин, – шепнул он регенту, – хоть теперь и неудобное время.

– Очень неудобное, – сердито проворчал евнух.

– Но дело неотложное. Цезарион и Антилл с товарищами напали на женщину. Вычернили лица! Была драка! Цезарион и спутник женщины – знатный член совета – легко ранены. Ликторы подоспели вовремя. Молодые господа задержаны. Сначала они не хотели называть имени...

– Цезарион ранен легко, неопасно? – перебил евнух.

– Неопасно. Олимп сейчас же явился к нему. Разбита голова. Противник свалил его на землю.

– Этот противник – Дион, сын Эвмена, – вмешалась Ира, чуткое ухо которой уловило сообщение начальника стражи. – Женщина – Барина, дочь художника Леонакса.

– Так вы уже знаете об этом? – изумился македонянин.

– Как видишь, – отвечал евнух, переглянувшись с девушкой. – Отправить молодых людей на Лохиаду.

– Во дворец?

– Конечно, – отвечала Ира. – Пусть пока сидят по своим комнатам. Дальше видно будет, что делать.

– После поговорим об этом, – прибавил евнух. Начальник стражи поклонился и ушел.

– Новое несчастье, – вздохнул регент.

– Пустяки, – возразила Ира. – Во всяком случае нужно скрыть это происшествие от царицы, тем более что от нас зависит вырвать с корнем ядовитое дерево, от которого все это исходит.

– Ты, кажется, лучше, чем кто-либо, сумеешь сделать это, – отвечал Мардион, поглядывая на корабль. – Итак, я возлагаю это дело на тебя. Последнее распоряжение, которое я делаю именем царицы.

– Можешь на меня положиться, – отвечала она решительным тоном.

Окинув взором пристань, она заметила Архибия, который стоял в стороне

от других, понутив голову. Она хотела сообщить дяде о случившемся, но, сделав шаг к нему, остановилась, решив: «Нет».

Этот друг становился для нее камнем преткновения. В случае необходимости она сумела бы столкнуть его, несмотря на их давнишнюю дружбу с царицей и влияние его сестры Хармионы. Он уже ослабел с возрастом, а Хармиона всегда была слабой.

Ира могла бы обдумать хорошенько свои замыслы, если бы не была так взволнована.

Корабль уже стал на якорь, но прошло немало времени, пока на мостике, перекинутом на берег, явились сначала два пастофора⁵³ Исиды, несшие кубок Нектанеба⁵⁴, взятый в сокровищнице храма богини, затем первый камергер царицы.

Он вполголоса сообщил о ее прибытии и велел присутствующим посторониться. От гавани до ворот в Брухейон и других, ведущих к дворцам на Лохиаде, стояли в два ряда факелоносцы, так как неизвестно было, куда проследует царица. Камергер объявил, что Клеопатра желает провести ночь на Лохиаде, во дворце сыновей, и приказал затушить почти все факелы.

Мардион, хранитель печати, Архибий и Ира стояли впереди всех на мостике, когда на корабле поднялся шум и появилась Клеопатра в сопровождении толпы придворных, пажей, служанок и рабынь. Она шла, опершись на руку Хармионы, но высоко подняв голову.

Она подняла Иру, опустившуюся перед ней на колени, и, поцеловав ее в лоб, спросила:

– Что дети?

– Здоровы, – отвечала девушка.

Царица приветствовала остальных благосклонным жестом, но не сказала никому ни слова, пока евнух, выступив вперед, не обратился к ней с речью. Она остановила его коротким «после», а когда Зенон распахнул дверцы носилок, сказала вполголоса:

– Я пойду пешком. После качки на корабле мне не хочется садиться в носилки. Нам нужно многое обсудить. В дороге я обдумала один план. Пошлите за начальником порта и его советниками, за главными военачальниками, за Аристархом и Горгием. Через два... нет, через полтора часа все они должны быть здесь. Принести мне все планы и карты восточной границы.

Затем она обратилась к Архибию, стоявшему подле носилок, оперлась на его руку, и, хотя он не мог ясно видеть ее лица, закрытого густой вуалью, ее голос проник ему в душу.

– Я буду считать добрым предзнаменованием, если ты и теперь, в это тяжелое время, отведешь меня во дворец.

– И теперь, и всегда эта рука и эта жизнь принадлежат тебе, – вырвалось у

⁵³ Пастофор – жрец, несущий святыни

⁵⁴ Нектанеб II – последний египетский фараон (367 – 350 г.г. до н.э.). При завоевании Александром Македонским Египта была пущена династическая легенда о происхождении его от Нектанеба. Внук Нектанеба занимал важную придворную должность при Птолемах.

него.

Она же отвечала спокойно:

– Я знаю это.

Затем они направились во дворец, но когда он спросил, неужели есть основание говорить о тяжелом времени, она перебила его:

– Не будем говорить об этом. После. Дела так плохи, что хуже быть не может. Но нет! Многие были бы рады опереться в несчастную минуту на верную руку!

При этом она слегка пожала ему руку, и Архибию показалось, будто сердце его помолодело. Он молчал, потому что ее желание было для него приказом, но, идя рядом с ней сначала по набережной, потом в ворота гавани и, наконец, по мраморным ступеням, ведущим к portalу дворца, он видел перед собой не окутанное покрывалом лицо несчастной женщины, а кудрявую головку счастливого ребенка. В душе его возник образ маленькой повелительницы эпикурейского сада. Он видел взгляд ее больших голубых глаз, вопросительный и в то же время точно проникавший в тайну мира. Ему чудился серебристый звук ее голоса, заразительный детский смех, и он почти не сознавал настоящего.

Погруженный в воспоминания о прошлом, он провел ее через портал в обширный внутренний двор. На противоположной стороне его находились ворота, ведущие во дворец царицы, налево – небольшие двери в жилище ее сыновей.

Архибий хотел провести ее во дворец, но она указала на помещение молодых людей.

На пороге она оставила руку Архибия и, когда он поклонился, намереваясь уйти, сказала:

– Вон Хармиона. Вам обоим следовало бы сопровождать меня туда, где мечтает юность и царствуют душевный покой и беззаботность. Но из почтения к царице ты еще не поздоровался с сестрой после такой долгой разлуки. Поди к ней. А потом следуйте за мной.

Затем она направилась быстрыми шагами через атриум к лестнице, ведущей в покои царевичей и царевен.

Архибий горячо обнял сестру, и та со слезами на глазах призналась ему, что, кажется, все погибло. Антоний вел себя позорно. Вероятно, он явится вслед за Клеопатрой; флот, а может быть, и сухопутное войско уничтожены. Их судьба в руках Октавиана.

Затем они пошли к лестнице, подле которой стояла Ира в обществе рослого сирийца, поразительно напоминавшего лицом Филострата, бывшего мужа Барины. То был его брат Алексас, любимец Антония. Он должен бы был находиться при своем господине, и Архибий взглядом спросил сестру, как попал сюда этот человек.

– Он умеет предсказывать будущее по звездам, – отвечала Хармиона. – Ну и льстивый язык много значит. Это паразит худшего пошиба, но он развлекает царицу, и она терпит его.

Увидев, куда направилась Клеопатра, Ира поспешила за ней. Сириец Алексас остановил ее и поздоровался. Он ревностно ухаживал за нею еще

задолго до начала войны и теперь дал ей понять, что разлука не охладила его чувств. Как и у брата, голова его была несообразно мала в сравнении с огромным телом, но лицо красиво и оживлено блестящими, острыми глазами.

По-видимому, Ира тоже была рада встрече с любимцем, но, заметив Архибия и Хармиону, бросилась к ним и с дочерней нежностью обняла тетку. Поднявшись по лестнице, они вошли в зал, где встретили Клеопатру.

Надзиратель Эвфронион рассказал ей с лстивым восторгом о необыкновенных дарованиях, обнаруживавшихся с каждым днем все яснее и яснее у молодых людей.

Клеопатра несколько раз перебивала его пылкую речь различными вопросами, стараясь в то же время снять покрывало со своей головы, что, однако, не удавалось ее маленьким ручкам, не привыкшим к такой работе. Заметив это, Ира поспешила к ней и своими ловкими, привычными пальцами быстро распутала длинное покрывало.

Клеопатра поблагодарила ее легким кивком и, когда старший евнух распахнул дверь в покои детей, дружески сказала Архибию и Хармионе:

– Идемте!

Надзиратель, которому вообще не полагалось входить в спальни царевичей и царевен, удалился, но Ира была жестоко оскорблена невниманием царицы, не пригласившей ее с собой. Она изменилась в лице, стиснула тонкие губы, потом откинула локоны с высокого лба, быстро спустилась с лестницы и окликнула Алексаса, который только что хотел выйти из атриума.

Сириец тотчас подошел к ней, выразив восхищение, что его солнце дважды является перед ним в эту ночь, но Ира перебила его:

– Брось эти любовные глупости. Но нам выгодно заключить союз и действовать сообща. Я бы хотела этого.

– И я! – воскликнул Алексас, прижимая руку к сердцу. Между тем Клеопатра вошла в спальню детей. Глубокая тишина царила в высоком, убранном коврами зале. Арка из пестрого ливийского мрамора разделяла его на две половины. В одной стояли два ложа из слоновой кости, поддерживаемые золотыми детскими статуями. Изголовье их было увенчано коронами, украшенными жемчугом и бирюзой.

Тяжелый полог закрывал ложа, но евнухи отдернули его перед царицей. На ложах покоились двое детей, десятилетние близнецы, которых Клеопатра родила Антонию: Антоний Гелиос и Клеопатра Селена. Белокурая, розовая девочка была прелестна, мальчик тоже хорош собой, но с черными, как у отца, волосами. Кудрявые головки детей покоились на шелковых подушках.

На третьей кровати, за аркой, спал Александр, хорошенький шестилетний мальчик, младший сын и любимец Клеопатры.

Полюбовавшись на близнецов и слегка прикоснувшись губами к их разгоревшимся щекам, она повернулась к младшему и опустилась на колени подле его ложа. С полными слез глазами она осторожно притянула к себе ребенка и осыпала поцелуями его глаза, щеки и губы. Потом тихонько опустила его на ложе, но ребенок обвил ручонками ее шею и залепетал что-то непонятное. Она нежно прислушивалась к его лепету, пока сон не овладел им и

руки не упали на постель.

Несколько секунд она стояла, прижавшись лбом к ложу. Она молилась за ребенка, его братьев и сестер. Когда она встала, лицо ее было увлажнено слезами, и грудь высоко поднималась. Заметив слезы на глазах Архибия и Хармионы, она сказала, указывая на маленького Александра и близнецов:

– Вы отказались от этого счастья... ради меня! За каждого из них я готова отдать царство, а за всех... Найдется ли на земле что-нибудь, чего бы я не отдала за них? Но что же у меня осталось теперь?

При этих словах лицо ее омрачилось. Ей вспомнилось проигранное сражение. Проиграна, потеряна собственная власть, погибла независимость отечества. Рим уже простирал свою лапу, чтобы присоединить и его к своим бесчисленным владениям. Но этого не может быть. Ее близнецы, спящие там под коронами, должны быть увенчаны ими. А этот мальчик?..

Она снова наклонилась над ребенком. Должно быть, он видел во сне что-нибудь веселое, так как личико его озаряла улыбка.

Сердце ее переполнилось и, взглянув на друзей своего детства, с нежностью смотревших на спящего ребенка, она вспомнила о спокойной и счастливой жизни в эпикурейском саду.

Позднее начались для нее дни могущества и величия, но чем выше она поднималась по лестнице почестей и славы, тем больше удалялось душевное спокойствие, о котором, однако, она никогда не переставала мечтать. И когда она всматривалась в улыбающееся лицо ребенка, от которого, казалось, далеки были всякие горести и тревоги, ей пришло в голову, что не суждено ли этому мальчику утратить корону и достигнуть истинного блаженства.

Пораженная этой мыслью, она обратилась к своим спутникам и сказала вполголоса, чтобы не разбудить спящего:

– Что бы ни случилось с нами, я поручаю этого ребенка вашей любви и заботам. Если ему не суждено насладиться властью и блеском короны, он, может быть, познает другое счастье, которое когда-то – как давно это было! – ваш отец старался сделать доступным его матери.

Архибий припал к краю ее платья, Хармиона прильнула губами к ее руке, она же глубоко вздохнула и продолжала:

– Мать уже отняла слишком много времени у царицы. Я запретила сообщать Цезариону о моем приезде. Так будет лучше. Перед свиданием нужно решить важнейшие дела... Теперь же... Я не только мать и царица, я – человек. До свидания, друг мой! Ты же, Хармиона, отведи меня в спальню. Или нет, ты еще больше устала, чем я. Ступай с братом! Пошли ко мне Иру, она будет рада еще раз услужить своей госпоже.

XI

Царица вышла из ванны. Ира убрала ее все еще пышные темно-русые волосы, надела на нее великолепное платье, так как, несмотря на ранний час, сановники скоро должны были явиться.

Как удивительно она сохранилась!

Время, казалось, не смело наложить свою руку на это совершенство женской красоты. Но зоркий глаз гречанки уже замечал кое-где признаки увядающей юности. Она любила свою госпожу и тем не менее испытывала чувство какого-то внутреннего удовлетворения, замечая в царице те же признаки, которые уже так резко обнаруживались в ней самой, хотя она и была гораздо моложе. Она охотно пожертвовала бы для Клеопатры всем на свете, но все же ей казалось вполне справедливым, что и это царственное дитя фортуны не может избежать общей всем смертным участи.

– Полно льстить, – сказала Клеопатра с горькой улыбкой. – Говорят, что постройки фараонов смеются над временем! Но этого не скажешь о царицах Египта. Вот седой волос, не говори мне, что он не из моей головы! А эти морщины около глаз и на лбу, разве они не мои? А этот испорченный зуб, который так плохо прикрывает губа? Он заболел у меня накануне сражения. Мой милый, верный, искусный Олимп сумел бы сделать незаметным искрошившийся зуб. Но я не могла взять старика на войну, а Главк далеко не так искусен. Как я жалела о старике... У Антония зоркие глаза!.. Что такое мужская любовь? Испорченный зуб может погубить ее! Ах, Ира, какие часы пришлось пережить мне! Его взгляды иногда просто оскорбляли меня!

– Что-нибудь произошло между вами? – воскликнула Ира.

– Да, это началось вскоре после отплытия из Александрии. Да, теперь я понимаю, что грызло мне душу! Через несколько дней он явится сюда, в том я уверена. Он отправился в Паретоний⁵⁵, где стоит Пинарий Скарб со свежими легионами. Он было решил удалиться от мира, к которому относится с презрением, хотя мир так щедро одарил его... Но прежний дух проснулся в нем, и если только счастье, которое так верно служило ему, не изменит и на этот раз, он скоро приведет сильное подкрепление к африканскому войску. Азиатские владетели... Но довольно. Он скоро будет здесь. Он не может без меня жить. Не один кубок Нектанеба привлекает его ко мне.

– Когда славнейший из славных, Юлий Цезарь, добивался твоей любви, когда ты встретила с Антонием на Кидне, об этом кубке и речи не было, – отвечала Ира. – Всего два года тому назад Анубис позволил тебе взять из храма это сокровище. Конечно, от него исходит таинственная сила, но еще большая от тебя самой.

– Хорошо, если бы и теперь так было! – воскликнула царица. – Во всяком случае многие поступки Антония объясняются чудесным действием этого кубка. Я не настолько тщеславна, чтобы приписать их своему влиянию. Это сражение, это непонятное, позорное сражение! Ты была больна, когда мы уезжали, и не могла видеть наш флот, но все говорят, что такой прекрасный, такой огромный флот еще никогда не отплывал из Александрийской гавани! Я была права, возлагая на него все надежды. Если бы мы победили, как радостно было бы мне сознавать: оружие, которое я дала своему милому, покорило ему мир. Притом же и звезды обещали мне успех на море! Анубису и Алексасу они

⁵⁵ Паретоний – город и гавань на территории современной Ливии

предсказали то же самое. Я рассчитывала также на могущество кубка, побуждавшее Антония делать многое вопреки своему желанию. Итак, я поставила исход войны в зависимость от флота, но это было ошибкой, ошибкой, ошибкой! Я скоро узнала, какой это было ошибкой!

Отчего меня не предупредили заблаговременно? После поражения языки развязались. Слова одного ветерана открыли мне глаза. Он спросил у Антония, почему тот возлагает свои надежды на деревянные доски, и прибавил к этому: «Предоставь финикиянам и египтянам биться на воде, а нас отпусти на землю, где мы привыкли побеждать или умирать». Если бы я вовремя узнала об этих словах, они спасли бы меня от ошибки. Но мне не сообщили о них.

Началось сражение. Наши не вытерпели. Левое крыло флота двинулось вперед. Я следила за битвой с бьющимся сердцем. Как гордо двигались огромные корабли. Все шло отлично! Антоний обратился к воинам с речью, уверяя их, что наши корабли одной величиной своей раздавят неприятельский флот. Ты знаешь, как он умеет воодушевлять слушателей. Я тоже не чувствовала страха! Кто же будет бояться, если уверен в победе? Но когда он ушел на адмиральский корабль и простился со мной не с такой нежностью, как всегда, мне стало грустно. Я ясно видела, что любовь его охладевает. Что со мной сделалось с тех пор, как я оставила Александрию и перестала пользоваться услугами Олимпа! Так не должно было продолжаться. Я решила предоставить ему вести войну и удалиться. Правда, кубок Нектанеба заставлял его делать многое, но с какой неохотой. Морщины и годы, эти жестокие годы!..

– Что за мысли! – воскликнула Ира. – Клянусь, царица, что, глядя на тебя...

– Теперь, в этом уборе и после того, как я воспользовалась искусством Олимпа! Тогда же, уверяю тебя, я пугалась себя. Неприятности тоже не могут усилить красоту, а ты знаешь, как досаждали мне римляне своими разговорами о том, что женщине не следует вмешиваться в военное мужское дело. Я решила положить конец этому. В сухопутном сражении я и раньше не хотела принимать участия, теперь же решила оставить флот и вернуться к детям. Они не замечают седых волос и морщин своей матери, а он, он почувствует мое отсутствие, думалось мне, и прежняя любовь вернется к нему. Я хотела, как только сражение будет выиграно, отплыть в Египет, даже не простившись с ним, а только крикнув: «До свидания в Александрии!»

Я позвала Алексаса, который остался при мне, и велела ему подать мне сигнал, когда сражение решится в нашу пользу. Я сидела на палубе и видела, как вражеские корабли описывают огромный круг. Наварх ⁵⁶ сказал мне, что это Агриппа ⁵⁷ пытается окружить нас. Во мне снова шевельнулись опасения, и я начала сожалеть, что впуталась в мужское дело.

Антоний смотрел на меня с адмиральского корабля. Я сделала ему знак, указывая на опасность, но он не ответил мне, как в прежние времена, ласковым приветствием, а повернулся спиной, и спустя несколько мгновений вокруг меня

⁵⁶ Наварх – капитан корабля

⁵⁷ Агриппа Марк Випсаний (64 – 12 до н.э.) – римский полководец и государственный деятель, близкий друг Октавиана

поднялась страшная суматоха. Корабли сцепились, доски и снасти ломались с ужасным треском. Крики и стоны солдат и раненых, грохот камней, которые метала катапульта, пронзительные звуки сигналов! Подле меня двое воинов упали, пораженные стрелами. Это было ужасно. Однако мужество мое не поколебалось, когда новая эскадра обрушилась на наш флот. Я заметила новый ряд кораблей,двигающихся на нас, и видела, как римский корабль пошел ко дну при столкновении с одним из моих кораблей, которому я сама дала имя Селены. Это показалось мне добрым знаком, предвестием победы. Я еще раз приказала Алексасу оставить сражение, когда победа, несомненно, будет на нашей стороне. Мы еще говорили с ним, когда явился служитель Язон с завтраком. Я протянула руку к кубку, но в эту самую минуту Язон упал с раздробленной головой, вино пролилось и смешалось с кровью. Ужас леденил мне кровь, и я дрожащим голосом спросила Алексаса: «Не оставить ли нам сражение?» Впрочем, я скоро собралась с духом и узнала у наварха, стоявшего передо мной на мостике: «На чьей стороне перевес?» – «На нашей», – отвечал он.

Я подумала, что время настало, и велела ему направить корабль к югу. Но он, казалось, не понял меня. Гул и грохот сражения становились все громче и громче. Тогда, несмотря на увещания Хармионы, умолявшей меня не предпринимать ничего своей властью, я послала к наварху Алексаса, и, пока он разговаривал со старым моряком, который что-то горячо возражал ему, я смотрела на ближайшие корабли. Я уже не могла отличить своих от вражеских, я видела бесконечные ряды весел, непрерывно поднимавшихся и опускавшихся, и мне казалось, что каждый корабль превратился в громадного паука с тысячами лап. Эти чудовища толпились вокруг меня, грозили запутать меня в свою ужасную сеть, и, когда наварх подошел и заклинал меня остаться до конца битвы, я велела ему исполнить мое приказание.

Старик поклонился и сделал то, что ему велела его царица. Гигантский корабль повернулся и направился к югу, прокладывая себе путь в этом столпотворении.

Я вздохнула свободнее. Алексас отвел меня под прикрытие, где я была в безопасности от стрел и камней. Желание мое исполнилось. Я рассталась с Антонием, мыплыли в Александрию, к детям. Но вскоре я заметила, что все мои корабли следуют за мной. Это страшно испугало меня, Алексас куда-то скрылся. Центурион, которому я велела передать наварху, чтобы тот подал сигнал к возвращению в битву, отвечал, что наварх убит, но приказ мой будет исполнен. Как он его передал, не знаю, только он не был исполнен.

Мы прошли мимо адмиральского корабля, где Антоний распоряжался битвой, стоя на мостике. Когда мы поравнялись, я кивнула ему. Он сбежал с мостика и, наклонившись над бортом, закричал мне что-то, приставив руки к губам. Я не поняла его слов и только указала на юг, пожелав ему победы в душе. Он покачал головой, схватился за волосы, точно в припадке отчаяния, сделал мне какой-то знак рукой... Но мой корабль уходил все дальше и дальше.

Я легко вздохнула, радуясь, что избавилась от двойной опасности. Если бы он увидел меня в таком виде, как я была тогда... Жалкая женская слабость... Я и не подозревала в ту минуту, что накликала гибель на себя, детей, весь мир,

может быть.

Хармиона отвела меня в каюту. Только тут я сообразила наконец, что я сделала. Вместо того чтобы помочь истребить ненавистного врага, я, быть может, облегчила ему победу, торжество над нами... Терзаясь этими мыслями, я расхаживала взад и вперед по каюте.

Вдруг на палубе раздался шум. Послышался треск, точно корабль наш получил сильный удар. Неужели за нами гонятся? Римский корабль схватился с моим? Такова была моя первая мысль. Я достала кинжал, подаренный мне Антонием.

Но тут явилась Хармиона с вестью, которая, пожалуй, была хуже этой ложной тревоги.

Я только что с гневом отослала ее, потому что она просила вернуться в битву. Теперь она явилась, бледнее смерти, с известием, что Антоний покинул сражение и догнал нас на маленьком корабле.

Я оцепенела от ужаса.

Сначала мне пришло в голову, что он хочет вернуть меня в битву, и во мне зашевелилась досада и желание доказать ему, что я царица и могу распоряжаться, как мне вздумается, хотя в то же время хотелось броситься к его ногам и умолять делать и приказывать все, что нужно для победы.

Но он не приходил ко мне.

Я снова послала к нему Хармиону. Оказалось, что он не мог вынести разлуки со мной. Он сидел, опустив голову на руки и уставившись в палубу, точно обезумев. Он... Марк Антоний! Храбрейший из воинов, гроза врагов, бессильно опустил руки, как пастух, у которого волки загрызли стадо. Марк Антоний, герой, презиравший тысячи опасностей, бросил меч! Почему, почему? Из-за суетных опасений женщины, которую к тому же отвлекало от поля боя и материнское чувство. Из всех пороков ему наиболее чужда трусость, – ему, пускавшемуся на самые безумные предприятия единственно из удалства... Нет, тысячу раз нет!.. Скорее огонь и вода уживутся вместе, чем трусость и Марк Антоний! Какой-то гибельный демон, какая-то роковая сила овладела им!..

– Сильнейшая из всех – любовь, – горячо перебила Ира. – Любовь, какой не испытывал еще ни один человек.

– Да, любовь, – задумчиво повторила царица. Легкая усмешка тронула ее губы. – Неужели любовь, которая делает из двух существо одно, сообщила и его геройскому рассудку мою робость и слабость?.. Нет! Во время плавания не раз случались бури. Мне невозможно было явиться перед ним в таком виде, в каком желаешь показаться возлюбленному. Да и теперь, несмотря на все твое искусство... Вот зеркало... Лицо, которое отражается в нем, кажется мне развалиной...

– Царица, – воскликнула Ира, – неужели я должна клясться тебе, что ни седые волосы, которые уже превратились в темные, ни морщинки, которые скоро станут незаметными благодаря Олимпу, не уменьшают ни на волос твоей красоты!..

– Полно, полно, – возразила Клеопатра. – Я знаю, что говорю. Ни один

смертный не может избежать великих, вечных законов! Все, что рождается, существует и расцветает, все стремится к разрушению и гибели.

– Но боги дают различный срок своим творениям, – сказала Ира. – Водяная лилия цветет только один день, а тысячелетний сикомор в саду Ионеума зеленеет и цветет до сих пор. В твоем цветке не увял еще ни один лепесток. И можно ли подумать, что любовь его охладилась хоть на волос, когда он бросил все самое драгоценное для мужчины только потому, что не смог перенести разлуки!

– Почему ты видишь тут любовь? – с горечью сказала Клеопатра. – Я другого мнения. Истинная любовь не ослабляет, она усиливает, удваивает все, что есть лучшего в мужчине. Я видела это, когда здесь, в этом самом дворце, осаждали Цезаря, сожгли его корабли, отвели воду... Да и Марк Антоний двадцать... что я говорю, сотни раз восхищал меня тем же самым в те времена, когда действительно любил меня со всем пылом страсти. А что произошло при Акциуме? Это постыдное бегство голубка за своей голубкой. Да на него будут пальцами указывать будущие поколения... Забыть долг, честь, славу, настоящее и будущее. Ах, Ира, кто не заглядывает вглубь, тот может, пожалуй, приписать это безумной любви, но я лучше вижу, в чем дело, и вот отчего мои волосы седеют день ото дня и разрушаются последние остатки моей красоты. Не любовь увлекла за мной Антония, не она смешала с грязью этот лучезарный образ, не она заставила полубога бежать по следам слабой женщины!

Тут она понизила голос, схватила девушку за руку, притянула ее к себе и прошептала ей на ухо:

– Кубок Нектанеба оказал свое действие. Да, в этом чудном сосуде таится страшная, сверхъестественная сила. Она превратила потомка Геркулеса, полубога, в бессильного, жалкого, разбитого человека, каким я нашла его на палубе. Ты молчишь? Твой бойкий язык не находит слов для возражения? Помнишь, как ты помогла мне выиграть заклад, обязавший Антония всякий раз смотреть в кубок перед тем, как я его налью? Как я была благодарна Анубису, когда он согласился наконец на мои просьбы, как я радовалась, когда первый опыт удался и Антоний по моему приказанию надел свой пышный венок на старого, кислого перипатетика Диомеда, которого он терпеть не может. Было это год тому назад, и ты знаешь, как редко я пользовалась силой ужасного кубка. Милый и без того не знал, как мне угодить. Но потом... перед сражением... ужасное время! Я чувствовала, что он рад бы был отправить меня домой. Кроме того, мне казалось, что между нами пробежала черная кошка. Но всякий раз, когда я, заставив его заглянуть в кубок, восклицала: «Ты не отошлешь меня! Мы принадлежим друг другу. Куда пойдет один из нас, туда последует и другой!» – он просил меня не расставаться с ним. Утром перед сражением я подала ему кубок и внушила ему никогда, ни при каких обстоятельствах не оставлять меня. И вот он повиновался мне и на этот раз. Это ужасно! А между тем могу ли я проклинать волшебную силу кубка? Не думаю. Без нее – так не раз говорил мне внутренний голос в бессонные ночи, – без нее он взял бы с собой на корабль другую женщину. Мне кажется, я ее знаю. Ее пение на празднике Адониса и меня задело за живое. Я видела, как он смотрел

на нее. Алексас подтвердил мои подозрения. Он знает эту сирену; она была замужем за его братом, который прогнал ее, чтобы избавиться от позора.

– Барина, – спокойно и твердо сказала Ира.

– Ты знаешь ее? – спросила Клеопатра.

– Слишком хорошо знаю эту женщину, – отвечала Ира, – и слишком она возмущает мое сердце! О госпожа, госпожа, как грустно мне отравлять тебе и без того скорбную минуту! Но приходится говорить обо всем. Антоний был у певицы и познакомил с ней сына, – об этом весь город знает. Но это бы еще ничего. Какая-то Барина в роли твоей соперницы! Над этим можно только посмеяться. Но наглость этой женщины не знает границ! Ее не останавливает никакой сан, никакой возраст. С отъездом двора и войска здесь осталось мало мужчин, которых она считает достойными своих сетей. Тогда она начинает забрасывать сети на мальчиков. Кто же запутался в них – Цезарион!

– Цезарион! – воскликнула Клеопатра, и бледные щеки ее вспыхнули. – А что же Родон и мой строгий приказ?

– Антилл потихоньку ввел его к Барине, – отвечала девушка. – Но я не дремала. Мальчик точно приколдован к певице. Оставалось одно: удалить ее из города. Архибий помог мне в этом.

– Значит, мне не нужно будет высылать ее.

– Придется сделать это, потому что Цезарион с товарищами напал на нее во время выезда.

– И что же, удалась эта дикая выходка?

– Нет, госпожа, но лучше бы она удалась. Какой-то влюбленный дурак, ее спутник, вступился за нее. Он осмелился поднять руку на сына Цезаря и ранил его. Успокойся, госпожа, умоляю тебя!.. Рана не опасная. Гораздо больше опасений внушает мне бешеная страсть мальчика.

Царица так крепко стиснула губы, что лицо ее на минуту утратило свойственную ему прелесть, и сказала строгим и решительным тоном:

– Дело матери охранить сына от соблазнительницы. Алексас прав. Звезда ее стоит на пути моей звезды. Эта женщина встала между мной и Антонием, ее он... Но нет! К чему обманывать себя? Время, разрушающее красоту, сильнее двадцати таких прелестниц. К тому же и обстоятельства помешали мне скрыть ущерб, нанесенный временем, от глаз этого баловня из баловней. Все это благоприятствовало певице. Она, охотясь за мужчинами, имела в своем распоряжении все, что помогает нам, женщинам, скрывать недостатки и выставлять напоказ достоинства, которые могут понравиться милому, я же была лишена и твоих услуг, и искусства Олимпа. На корабле в бурную погоду божество не раз являлось поклоннику без ореола и фимиама...

– Полно, госпожа! – воскликнула Ира. – Если бы она воспользовалась всем искусством Афродиты и Исида, то и тогда бы ей не сравняться с тобой. Но много ли нужно для того, чтобы одурманить мальчика, почти ребенка!

– Бедный мальчик! – вздохнула царица, покачав головой. – Если бы он не был ранен, я бы, пожалуй, порадовалась, что в нем пробуждается дух самостоятельности и деятельности. Кто знает – о если бы это случилось, Ира! – может быть, теперь в нем проснется гений и мощь великого человека, на

которого он так похож лицом. Ты клянешься, что рана не опасна?

– Врачи ручаются за это.

– Ну что же, будем надеяться. Пора ему начать жить. Мы дадим ему случай проявить себя. Глупая страсть не должна помешать ему следовать по пути отца. А эта женщина, эта дерзкая, желания которой простираются на самых дорогих мне людей, пусть она остается на свободе. Посмотрим, справится ли она со мной?

– Время теперь смутное, – сказала Ира. – Устрани со своей дороги помеху. Тебе и без того предстоят тяжелые труды. В такие дни самое лучшее без хлопот отделаться от врага, отправив его в Гадес.

– Убийство? – спросила Клеопатра нахмурившись.

– В случае необходимости да, – быстро отвечала Ира. – Или ссылка на какой-нибудь остров, в оазис, в рудники наконец, где она забудет, как ставить сети мужьям и сыновьям.

– И будет томиться в муках, пока смерть не положит им конец, – прибавила Клеопатра с упреком. – Нет, Ира, это слишком легкая победа. Я и врага не пошлю на смерть, не выслушав, тем более теперь, когда я на себе испытываю, что значит находиться в зависимости от сильнейшего. Но мне хочется еще раз увидеть эту певицу и узнать, какими узами удалось ей приковать к своей триумфальной колеснице стольких людей – от мальчика до взрослого мужа.

– Госпожа, – с ужасом воскликнула Ира, – ты хочешь ее видеть.

– Я хочу, – отвечала Клеопатра повелительным тоном, – я хочу выслушать дочь Леонакса, внуку Дидима, которых я умела ценить, прежде чем решу ее участь. Я хочу заглянуть в сердце и душу соперницы, все взвесить, прежде чем решу что-нибудь. Я приму вызов, который она бросает любящей жене и матери! Но – это мое право – я хочу, чтобы она явилась передо мной так же, как я в последнее время являлась перед Антонием: не прибегая к помощи искусства.

С этими словами она подошла к окну и бросила взгляд на небо.

– Первый час пополуночи близок к концу. Сейчас начнется совет. Дело идет о попытке, которая может спасти многое. Заседание будет длиться час или два. Певица может подождать. Где она живет?

– В доме своего отца, художника Леонакса, в саду Панейона, – отвечала Ира. – Но, царица, если ты хоть сколько-нибудь ценишь мое мнение...

– Теперь я требую не совета, а исполнения моего приказа! – воскликнула Клеопатра. – Как только соберутся...

В эту минуту вошел придворный и объявил, что приглашенные на совет собрались. Клеопатра велела сказать, что сейчас выйдет к ним. Затем она приказала Ире немедленно отправиться за Бариной в закрытой повозке с каким-нибудь надежным человеком.

При этом она взяла с туалетного столика восковую дощечку и быстро написала:

«Царица Клеопатра желает немедленно видеть Барину, дочь Леонакса. Ни минуты отсрочки. Барина должна исполнять все приказания Иры, посланной царицы, и ее спутника».

Написав, она сложила дощечку, протянула ее Ире и спросила:

– Кого ты возьмешь с собой?
– Алексаса, – отвечала та, не задумавшись.
– Хорошо. Пусть она идет в том виде, как вы ее застанете. Но – я требую этого – не забывайте, что она женщина.

С этими словами она хотела выйти из комнаты, но Ира поспешила за ней, чтобы поправить диадему на ее голове и расправить складки платья.

– Я вижу, что у тебя что-то есть на душе, – сказала царица ласково.
– О госпожа, – воскликнула девушка, – после таких потрясений ты превращаешь ночь в день и взваливаешь на себя новые тяготы, новые заботы! Если бы врач Олимп...

– Что делать! – возразила Клеопатра. – Последние две недели были для меня, как долгая, мрачная ночь. Я почти не отдыхала. Кому нужно вытащить из потока то, что ему дороже всего на свете, тот не боится холодной воды. Здоровой или больной погибнуть – не все ли равно, но стоит пожертвовать здоровьем и жизнью, лишь бы собрать новое войско и спасти Египет.

Спустя несколько минут Клеопатра поднялась на престол и приветствовала сановников, явившихся по ее зову, чтобы обсудить план сопротивления победоносному врагу.

Когда, много лет тому назад, мальчик, с которым она делила власть согласно завещанию отца, и его опекун Потин принудили ее бежать из Александрии, она удалилась на восточную границу Египта. Здесь, на перешейке, она видела остатки канала, соединявшего когда-то Красное море со Средиземным. Уже в то время это гигантское сооружение привлекло ее внимание. Она расспрашивала о нем местных жителей и отчасти сама исследовала это сооружение.

Ей казалось, что, затратив значительные средства, можно восстановить канал, которым пользовались древние фараоны, в котором укрывался флот Дария, восстановителя персидского царства, не далее как пятьсот лет тому назад.

Она тщательно изучила этот вопрос и в спокойные минуты не раз обдумывала план соединения Греческого моря с Аравийским.

Теперь царица ясно, с поразительным знанием дела изложила этот план присутствующим. Если он окажется исполнимым, остатки флота, равно как и корабли, стоящие на александрийском рейде, могут укрыться в Красном море. Опираясь на эту силу, можно будет предпринять многое, значительно продлить сопротивление и, воспользовавшись временем, собрать новые силы, найти новых союзников.

Собрание с удивлением слушало речь этой женщины, задумавшей такой грандиозный план при таких, казалось, безысходных обстоятельствах.

Он не казался неисполнимым даже старейшим и опытейшим сановникам. Некоторые из них, в том числе и Горгий, помогавший отцу при восстановлении Серапеума на восточной границе, боялись, что возвышенность посреди перешейка затруднит работы. Но то, что оказалось возможным во времена Сезостриса⁵⁸, могло быть исполнено и теперь.

58 Сезострис – наиболее популярное в египетской политической истории и классической литературе имя

Гораздо больше сомнений вызывал недостаток времени и сохранившееся в летописях известие, что при постройке канала, почти оконченного фараоном Нехо ⁵⁹, погибло сто двадцать тысяч работников. В то время постройка была прервана, так как оракул объявил, что она принесет пользу только финикиянам.

Все это было обсуждено, но общее мнение склонялось к тому, что план царицы может быть осуществлен, несмотря на все трудности. Всех, кто работает на полях и не зачислен в армию, нужно привлечь к делу. Работы должны начаться немедленно. Там, где нельзя будет плыть, можно попытаться перетащить корабли волоком. Механики, умевшие перевозить обелиски и колоссальные статуи от водопадов в Александрию, могут применить здесь свои знания и искусство.

Никогда еще пламенный дух Клеопатры не возбуждал такого энтузиазма, как на этом ночном заседании. По окончании его собрание приветствовало царицу восторженными криками.

Ее приезд и известие о проигранном сражении должны были остаться в тайне.

Горгию было поручено руководить предприятием, и одухотворенность, голос, чарующая прелесть Клеопатры произвели на него такое впечатление, что образ ее совсем было заслонил Елену.

Нелепо было обращать свои желания к такой недоступной цели, но такой обворожительной женщины, как Клеопатра, ему никогда еще не приходилось встречать. И все-таки он с нежностью вспоминал о внучке Дидима и жалел, что не успеет проститься с ней как следует. После заседания хранитель печати Зенон, дядя Диона, отвел архитектора в сторонку и спросил, как здоровье племянника. Горгий отвечал, что рана, нанесенная Цезарионом, довольно тяжела, но, по словам врачей, не представляет серьезной опасности.

Дядя, по-видимому, удовлетворился этим и, прежде чем архитектор успел попросить его вступить за племянника, откланялся, велел передать Диону поклон и повернулся спиной к Горгию. Хитрый придворный еще не знал, как отнесется к этому происшествию царица, к тому же он был завален делами. Новое предприятие требовало больших хлопот, которые почти целиком ложились на него.

XII

Уже более часа Барина дожидалась во дворце. Роскошно убранная комната, куда ее привели, помещалась под залом собраний, и временами она слышала голос царицы или восклицания собравшихся.

Барина прислушивалась к ним, не пытаясь вникнуть в смысл долетавших до нее слов. Не до того ей было!

фараона Рамзеса II (1348 – 1281 г.г. до н.э.)

59 Нехо II (610 – 595 до н.э.) – фараон, при котором прорыт канал, соединяющий Нил с Красным морем

Давно ли ей удалось путем страшных усилий выйти из тяжелейшего положения! Она откупилась от Филострата. Алексас, преследовавший ее гнусными предложениями, тоже оставил ее в покое, так как Антоний отправил его с посольством, а потом взял с собой на войну.

Тогда наступили мирные, счастливые дни в доме матери. Как она наслаждалась ими, как быстро вернулось к ней утраченное спокойствие! Не далее как сегодня она благословляла высшее счастье, какое только могла доставить ей жизнь. Но недолго пришлось им наслаждаться: нападение разнузданного мальчишки, рана возлюбленного снова омрачили ее покой.

Значит, права была мать, предсказывавшая, что за первым несчастьем скоро последует и второе.

Ночью, в глубокой тишине, ее оторвали от ложа раненого. Это произошло по приказанию царицы, и Барина с горечью подумала, что прав тот, кто бежит от тирании, потому что она превращает человека в вещь.

Молодая девушка не ожидала ничего хорошего, так как за ней были посланы ее злейшие враги: Ира, соперница, мстившая за возлюбленного – Дион сознался в этом в минуту откровенности, – и Алексас, домогательства которого она отвергла с таким презрением, какого не забывает мужчина.

Она скоро узнала, как относится к ней Ира. Эта стройная девушка с узким лицом, тонким заостренным носом, коротеньким подбородком, длинными пальцами показалась ей каким-то длинным, острым шипом. Странное впечатление еще усилилось, когда Барина вспомнила, каким резким, крикливым тоном, с какой надменной осанкой был передан приказ царицы. Все в этом жестком, враждебном создании сулило ей гибель и бедствия.

После нападения, подробности которого, впрочем, она не видела, так как от ужаса закрыла глаза, она вернулась домой с раненым Дионом.

Дома врач перевязал ему рану, а тем временем она и Береника приготовили для него свою спальню.

Барина не отходила от его ложа.

Тотчас по возвращении она переоделась и, зная его любовь к изящному, обратила серьезное внимание на свой туалет. Барина надела браслет, подарок Антония, и простое белое платье, так как некоторое время тому назад он заметил, что этот костюм больше всего идет к ней. И не раскаялась, потому что видела, с каким удовольствием его глаза смотрят на нее.

Врач запретил ему говорить и велел побольше спать, поэтому она только пожимала ему руку и шептала слова любви и ободрения каждый раз, как он просыпался.

Так проводила она долгие часы у его ложа, отходя только на минуту, чтобы налить лекарство или позвать мать перевязать раны.

Береника предложила сменить ее, просила пойти отдохнуть, но Барина наотрез отказалась и осталась у постели раненого. Около двух часов пополуночи раздался сильный стук у ворот. Береника только что сняла повязку с раны, поэтому Барина сама пошла в атриум разбудить привратника.

Старик не спал и уже отворил ворота. Барина отшатнулась с легким криком, узнав в первом из тех, кто вошел в зал, Алексаса. За ним следовала Ира,

закутанная в покрывало, так как буря еще не прекратилась. Последним был слугитель с фонарем, сопровождавший их.

Сириец церемонно поклонился Барине, но Ира, не удостоив ее приветствия, передала приказ царицы и громко прочла письмо, написанное на восковой дощечке.

Когда Барина, побледнев и едва владея собой, попросила дать ей время подготовиться к отъезду и проститься с матерью, Ира вместо ответа велела привратнику подать госпоже плащ.

Старик удалился, дрожа от волнения, а Ира осведомилась, здесь ли еще Дион. Барина, которой этот вопрос вернул самообладание, гордо отвечала, что приказ царицы не дает им права допрашивать ее в собственном доме.

Ира пожала плечами и обратилась к Алексасу:

– В самом деле, я напрасно спрашивала. Кто принимает в своем доме столько мужчин всех возрастов, тому, конечно, некогда думать о ком-то одном.

Молчание не прерывалось до тех пор, пока вместо привратника не явилась Береника с плащом, накинула его на плечи дочери и прошептала ей едва слышимым от волнения голосом несколько успокоительных слов. Но Ира перебила ее, приказав Барине следовать за ними.

Мать и дочь обнялись и простились, затем повозка помчала оклеветанную женщину сквозь бурю и дождь на Лохиаду.

Во время дороги не было сказано ни слова, только во дворце Ира еще раз обратилась к Барине, но та ответила, что ей не о чем разговаривать с ней. Она с трудом сдерживала желание высказать своей сопернице все, что думает об ее трусливой жестокости, в особенности после того, как Алексас расхохотался в ответ на какое-то замечание Иры.

Волнение Барины должно было найти какой-нибудь выход, и, несмотря на все ее усилия сохранить самообладание, крупные слезы покатались по щекам.

Они тут же были замечены Ирой и послужили мишенью для ее остроумия; но на этот раз она не нашла сочувствия в сирийце; он не только не улыбнулся на насмешливое замечание, но отвечал с упреком – так по крайней мере показалось Барине. На что Ира только презрительно пожала плечами.

Барина давно заметила, что мать второпях накинула на нее свой плащ, и даже это обстоятельство вызвало насмешки спутницы.

Впрочем, под ее наглостью скрывалось злобное чувство. Веселость, которую возбудил в ней плащ соперницы, имела серьезное основание. Серый, дурно сидевший плащ уродовал Барину; в таком костюме красота ее много проигрывала в сравнении с Клеопатрой, для которой Ира приготовила великолепную пурпурную мантию, расшитую черными и золотыми драконами и грифами. Комната, где они сидели, была так холодна, что обойтись без плаща нечего было и думать.

И все-таки ожидания Иры не сбылись. После заседания к ним явился слугитель и объявил, что царица находит этот зал неудобным для приема, и провел их в другую, хорошо натопленную комнату.

Ира не знала, почему Клеопатра изменила свое решение. Во всяком случае это было ей не по нутру. Лицо ее приняло мрачное, угрожающее выражение,

когда Барина сняла плащ и платок с головы и осталась в простом, но изящном белом платье. Золотистые кудри, обрамлявшие ее прекрасную головку, придавали ей почти детское выражение, и, глядя на нее, Ира испытывала такое чувство, точно ее и Клеопатру перехитрили.

В полутемном атриуме дома Береники она заметила только, что на Барине надето что-то белое. «Если это ночное платье, тем лучше», – подумала она. Но оказалось, что костюм Барины годился хоть для праздника Исиды. Трудно было придумать что-нибудь более изящное и скромное! И неужели эта тщеславная женщина не снимает драгоценностей даже на ночь? По крайней мере рука ее была украшена браслетом.

Красота Клеопатры была для Иры как бы своей собственной. Она раздражалась при мысли, что другая женщина может превзойти царицу хотя бы в той или другой черте, и, видя, что Барина может сравняться с ней во многом, возмутилась до глубины души.

С тех пор как она убедилась, что по милости Барины ей нечего и думать о Дионе, она возненавидела молодую женщину. Сознание своего недостойного поведения относительно Барины еще усиливало это враждебное чувство. Если бы она знала, что скрывает под плащом соперница, она бы нашла способ подгадать ей. Но теперь приходилось оставить все как есть, потому что к ним подошла Хармиона.

«Впрочем, времени еще много, – думала Ира, – и если не теперь, то позднее удастся погубить Барину».

Для этого она не нуждалась в содействии Хармионы, своей верной подруги и товарки. Но что с ней случилось? Ире показалось, что в глазах ее мелькнуло странное, неприязненное выражение, какого она никогда не замечала раньше. Что это значит? Неужели и тут виновата певица?

Это враждебное настроение старой подруги насторожило Иру. Коли так, то она в ней не нуждается. Конечно, отец Барины, Леонакс, был близок сердцу Хармионы, но из этого вовсе не следует, что она должна покровительствовать женщине, отбившей у ее племянницы любимого человека.

Хармиона в самом деле только что говорила с братом по поводу Барины, а во дворце узнала, что молодую женщину привезли ночью, и тотчас сообразила, что ей, и без того испытавшей столько радостных и горьких потрясений, готовится какая-то новая беда. С этими мыслями она явилась в приемную, и ее добродушное, уже немолодое, обрамленное седыми волосами лицо обрадовало Барину, как желанный берег гибнущих пловцов.

Волнение разом улеглось; она бросилась навстречу сестре своего друга, как огорченный ребенок к матери, и Хармиона сразу поняла, что творится у нее в душе.

Обниматься в приемной царицы, тем более при существующих обстоятельствах, было, пожалуй, не совсем уместно; тем не менее она обняла Барину, чтобы показать Ире свою готовность защищать гонимую. Барина бросила на нее умоляющий взгляд и прошептала с полными слез глазами:

– Помоги мне, Хармиона! Она мучит, унижает, оскорбляет меня словами и взглядами так жестоко, так свирепо. Помоги мне, или я не выдержу.

Хармиона дружески покачала головой и тихонько посоветовала ей собраться с духом. Ведь как бы там ни было, она отняла у Иры возлюбленного, а это чего-нибудь да стоит. Во всяком случае ей во что бы то ни стало необходимо удержаться от слез. Царица милостива. Она, Хармиона, заступится за нее. Все дело в том, чтобы явиться в глазах Клеопатры такой, какова Барина на самом деле, а не такой, как ее представила клевета. Не следует бояться царицы, напротив, лучше всего говорить с ней, как бы она говорила с Хармионой или Архибием.

При этом Хармиона с материнской нежностью погладила ее по голове, и буря в душе молодой женщины разом улеглась. Точно очнувшись от тяжелого кошмара, она осмотрелась и тут только заметила, в каком роскошном покое находится, с каким сочувствием поглядывают на нее пажи, находившиеся в этом помещении, как приветливо пылает огонь в камине. Вой бури снаружи усиливал приятное впечатление от окружающего комфорта, а Ира показалась ей в ту минуту не колючим шипом или злобным демоном, а просто довольно гадкой женщиной, у которой, однако, было основание злиться на Барину. Вспомнила она и о своем милом, и о том, что сердце его во всяком случае принадлежит ей, а не Ире. Наконец, припомнился ей рассказ Архибия о детстве Клеопатры, и тут же явилась твердая уверенность, что всемогущая царица не отнесется к ней жестоко и несправедливо и что от нее самой зависит внушить ей доверие. Наконец, Хармиона тоже близка к царице и может противодействовать наговорам Иры и Алексаса.

Все это с быстротой молнии промелькнуло в ее голове. Впрочем, ей и некогда было размышлять, так как в эту самую минуту дверь отворилась и придворный провозгласил:

– Через несколько минут начнется прием!

Вскоре явился камергер, сделал знак опахалом из страусовых перьев, и все присутствующие отправились за ним по светлым, великолепно убранным залам.

Барина шла спокойно и твердо, и, когда перед ней распахнулись широкие двери черного дерева, на которых особенно рельефно выступали изображения тритонов, сирен, раковин, рыб и морских чудовищ из слоновой кости, глазам ее представилось блестящее, эффектное зрелище: зал, назначенный Клеопатрой для приема, был сплошь украшен изображениями морских тварей – от раковин до кораллов и морских звезд.

Высокая, обширная постройка из сталактитов и обломков скал в глубине зала окружала глубокий грот. Из нее выглядывала колоссальная голова какого-то чудовища, пасть которого служила камином. В ней трещали сухие душистые аравийские дрова, и красноватый блеск рубиновых глаз дракона сливался с мягким светом белых и розовых ламп в виде цветов лотоса, прикрепленных к стенам и потолку зала. (Этот мягкий розовый свет особенно выгодно оттенял матовую кожу Клеопатры.)

Придворные, служащие, евнухи, сановники столпились здесь в ожидании царицы; пажи из македонского корпуса окружали небольшой трон из золота, кораллов и янтаря, стоявший против камина.

Барина уже видела такой зал и другие еще более великолепные в

Себастеуме, так что эта роскошь не могла удивить или смутить ее. Но неужели ей придется говорить с царицей в присутствии всех этих мужчин, женщин и юношей.

Страх перед царицей пропал, и все-таки сердце ее билось тревожно. Она испытывала такое же чувство, как молодая певица, которой впервые приходится выступать перед посторонними.

Наконец, послышался звук отпираемых дверей и чья-то невидимая рука отдернула тяжелый занавес направо от нее.

Барина ожидала увидеть регента, хранителя печати, блестящую свиту, с какой царица являлась на торжественных собраниях. Иначе зачем было назначать для приема этот великолепный зал?

Но что же это значит?

В то время как она ожидала появления пышной процессии, занавес уже начал опускаться. Придворные, стоявшие вокруг трона, выпрямились, пажи, дожидавшиеся в ленивых и сонных позах, встрепенулись, зал огласился приветственными кликами.

Значит, невысокая женщина, проходившая по залу одна, без всякой свиты, и казавшаяся от этого меньше ростом, чем на празднике Адониса в кругу придворных, – значит, это царица?

Да, это была она.

Ира и Хармиона уже подошли к ней. Ира сняла с нее пурпурный плащ великолепной отделки с черными и золотыми драконами.

Обвинения, против которых нужно было защищаться Барине, с быстротой молнии мелькнули в ее голове, тем не менее она не могла подавить детского желания посмотреть и потрогать великолепный плащ.

Но Ира уже передала его какой-то служанке, а Клеопатра, окинув взглядом зал, быстрыми летящими шагами подошла к трону.

Тут Бариной снова овладела робость, но тотчас вспомнился рассказ Архибия об эпикурейском саде и его уверение, что она также была бы очарована царицей, не будь между ними причины к разладу.

Но точно ли есть эта причина?

Нет! Она создана только ревнивым воображением Клеопатры! Если царица согласится выслушать ее, она скажет, что Антоний так же мало интересуется ею, Бариной, как она Цезарионом. Почему бы ей не сознаться, что сердце ее принадлежит другому? Почему не назвать его имени?

Клеопатра обратилась к служителю и указала на трон и окружавшую его толпу.

Да, она была прекрасна. И как бодро, как весело сверкали ее большие блестящие глаза, несмотря на роковые дни, только что пережитые ею.

Прием, оказанный ее смелому плану, развеселил ее и уменьшил неприязнь к Барине. Увидев толпу придворных, она велела им удалиться. Распорядитель, руководивший приемом, пригласил всех, соблюдая обычный порядок; но присутствие посторонних при данных обстоятельствах не понравилось царице.

Она хотела испытать, а не судить.

В такие минуты у нее всегда являлась потребность быть милостивой.

Может быть, она напрасно волновалась из-за этой женщины. Это даже показалось ей вероятным; мог ли в самом деле Антоний, так пламенно любивший ее, увлечься другой? Непродолжительный разговор с верховным гадалем, весьма почтенным старцем, подтверждал это. Услышав рассказ о бегстве Антония из битвы при Акциуме, старик поднял глаза и руки к небу и воскликнул:

– Несчастливая царица! Счастливейшая из женщин! Никто еще не был любим так пламенно, и если о Трое рассказывают, что она испытала великие бедствия из-за женщины, то еще более будут прославлять грядущие поколения ту, чья непреодолимая прелесть заставила величайшего из героев своего времени оттолкнуть как ничтожный сор победу, славу и надежду владычествовать над миром!

Старый, мудрый гадалец не ошибся в своем предсказании относительно грядущих поколений.

А Марк Антоний? Если волшебная сила кубка Нектанеба принудила его оставить битву и последовать за ней, то и любовь его засвидетельствована завещанием, копию с которого, присланную из Рима хранителю печати Зенону, последний передал Клеопатре после заседания. «Где бы я ни умер, – говорилось в завещании, – прошу похоронить меня рядом с Клеопатрой». Завещание это было передано римским весталкам, у которых отобрал его Октавиан, чтобы окончательно восстановить сердца римских матрон против своего врага. Это ему удалось, зато Клеопатре это завещание напомнило, что сердце ее подарило Антонию первый цвет своей юной страсти и что любовь ее была светом его жизни.

Итак, она спокойно вошла в комнату, где находилась женщина, решившаяся сеять сорные травы в ее саду. Она думала посвятить этому свиданию самое короткое время и смотрела на соперницу с благодушием сильного, уверенного в победе.

Когда она подошла к трону, свита уже оставила зал.

Остались только Хармиона, Ира, хранитель печати Зенон и придворный, заведовавший приемом.

Клеопатра мельком взглянула на кресло, и услужливая рука уже подвинула его к ней; однако она осталась стоять и взглянула в лицо Барине.

Та поняла отношение Архибия к этой удивительной женщине, когда Клеопатра с улыбкой велела ей подойти поближе.

В эту минуту ей казалось, что не может быть ничего желаннее дружбы этой могущественной царицы.

Это впечатление охватило Барину тем сильнее, что она не ожидала ничего подобного. Глядя на ее блестящие глаза, царица подумала, что молодая женщина еще похорошела со времени их встречи на празднике Адониса.

И как же она молода! Вспомнив, сколько лет Барина была супругой Филострата, а позднее хозяйкой гостеприимного дома в Александрии, царица едва верила словам, видя перед собой такое юное создание. Ее поражала печать благородства, лежавшая на всей внешности дочери художника. Оно сказывалось даже в ее костюме, а между тем Ира разбудила ее ночью и, конечно, ей некогда

было позаботиться о своей наружности.

Самое ожесточенное предубеждение не могло бы открыть в ней ничего наглого, вызывающего, что вязалось бы с представлением о женщине, заманившей в свои сети столько мужчин. Напротив, застенчивость, от которой она не могла освободиться, придавала ей девически робкий вид. Вообще она казалась обворожительным созданием, которое не могло не привлекать людей своей прелестью и прекрасным пением, без всякого кокетства и наглости. В ее же умственных способностях Клеопатра сомневалась. У Барины было только одно преимущество перед ней – молодость. Время ничего не похитило у ее красоты, тогда как у царицы похитило много... как много, знала только она сама да ближайшие к ней лица.

Барина приблизилась к царице с глубоким поклоном. Клеопатра извинилась, что потревожила ее в такой поздний час.

– Но, – прибавила она, – соловей изливает ночью то, что его волнует и вдохновляет, лучше, чем днем.

В течение нескольких мгновений Барина не поднимала глаз, потом взглянула на царицу и сказала:

– Я охотно пою, великая царица, но сравнивать меня с соловьем теперь уж не приходится. Крылья, носившие меня в детстве, ослабели. Не то чтобы они вполне утратили силу, но могут развернуться только в благоприятные минуты.

– Судя по твоей молодости, твоему лучшему достоянию, я этого не думала, – возразила царица. – Но пусть так. Я тоже была ребенком – давно это было, – и моя фантазия перегоняла орла. Теперь же... Жизнь заставляет сложить крылья. Смертный, который вздумает развернуть их, может подняться к солнцу. Но его постигнет судьба Икара. Ты понимаешь, что я хочу сказать. Воображение – полезная пища для ребенка. Но позднее оно годится разве как приправа, как соль, как возбуждающий напиток. Оно указывает нам много путей и ставит заманчивые цели, но зрелый человек вряд ли выберет хоть одну из них. Конечно, мудрый прислушивается к голосу фантазии, но редко следует ее советам. Изгнать ее совершенно из жизни все равно что отнять у растения цветок, у розы – благоухание и у неба – звезды.

– Я и сама говорила себе то же самое в трудные минуты, хотя не в такой прекрасной и понятной форме, – сказала Барина, слегка покраснев, так как чувствовала, что слова царицы имеют целью предостеречь ее от слишком смелых замыслов. – Но, царица, боги и в этом отношении более благосклонны к тебе, чем к другим. Для нас сплошь и рядом только фантазия скрашивает жизнь, которая была бы без нее просто жалкой. Тебе же доступны тысячи вещей, о которых мы можем только мечтать.

– Ты думаешь, что счастьем можно распоряжаться так же, как богатством: иметь его сколько хочешь, лишь бы хватило средств. Скорее верно другое. Мнение, будто человеку, у которого всего много, нечего желать, совершенно ошибочно, хотя в этом мире немного вещей, достойных стать предметом желаний. Правда, божество обременило или наделило меня многими преходящими дарами, недоступными для тебя и многих других. Ты, кажется, очень высокого мнения о них. Есть в числе них и такие, которые доступны для

тебя только в воображении. Какой же считаешь ты самым желанным?

– Позволь мне отклонить этот выбор, – застенчиво сказала Барина. – Из твоих сокровищ я ничего не желаю, а что до других благ... Мне многого недостает, но что общего между сокровищами любимицы богов и моими скромными желаниями...

– Справедливое сомнение, – заметила царица. – Неумелый ездок, вздумав сесть на коня, сломит шею на первом же шагу. А то единственное высшее благо, которое ведет к пережитому счастью, не передается от одного к другому. Да если и обрешь его сам, то в ту же минуту можешь утратить.

Последние слова царица произнесла задумчиво и как бы про себя, но Барина, вспомнив рассказ Архибия, спросила:

– Ты говоришь о высшем благе Эпикура – о душевном спокойствии?

Глаза Клеопатры блеснули, и она сказала с живым участием:

– Ты, внучка мыслителя, знакома с учением Эпикура.

– Очень поверхностно, великая царица! Мой ум не так силен, как твой. Ему трудно ориентироваться в лабиринте философского учения.

– Но все-таки ты пробовала?

– Другие взяли на себя труд ознакомиться с учением Стои. Но я почти все позабыла; помню только одно, потому что эта часть учения мне очень понравилась.

– Что же именно?

– Наставление жить целесообразно, то есть согласно требованиям своей природы. Избегать всего, что противоречит естественным, первоначальным свойствам нашего существа. Это требование казалось мне разумным; все неестественное, надуманное, искусственное всегда отталкивало меня, и, слушая наставления деда, я пришла к такому заключению, что мне и всем умным людям следует, насколько позволит жизнь, оставаться детьми. Я думала об этом, еще прежде чем ознакомилась с философией и требованиями, которые налагает на нас общество.

– Так вот к каким выводам может приводить учение стоиков, – весело сказала царица и, обратившись к подруге своего детства, прибавила: – Слышишь, Хармиона? Только бы нам удалось распознать целесообразный порядок мировой жизни, на котором строит свое учение Стоя! Но как могу я, стремясь к разумной жизни, подражать природе, когда вижу в ней, в ее бытии и деятельности столько явлений, решительно противных моему человеческому уму, который ведь представляет частицу разума божественного...

Тут она запнулась и внезапно изменилась в лице.

Ее взгляд упал на браслет, украшавший руку молодой женщины.

Должно быть, вид его поразил царицу, потому что она продолжала суровым и резким тоном:

– В этом ведь и источник всякого зла! Еще ребенком я питала отвращение к этой распущенности, скрывающейся под маской нравственной чистоты и стремления к разумной жизни. Вот, послушайте, как ревет буря! Так и человеческая природа в своей первобытной, естественной сущности полна бурь, полна разрушительных сил, как местность Везувия или Этны. Я вижу

своими глазами, до чего можно дойти, если поддаться ее побуждениям. Учение стоиков запрещает нарушать гармонию и установленный порядок мира и государства. Но следовать указаниям нашей природы, исполнять все ее требования – это такая опасная затея, что всякий, кто может положить ей предел, обязан воспользоваться своей властью. Я обладаю этой властью и воспользуюсь ею.

Затем, обратившись к Барине, она спросила с выражением неумолимой строгости:

– Твоя природа, кажется, требует привлекать и заманивать мужчин, даже тех, кто еще не носит платья эфеба; немудрено, что с этим стремлением связана любовь к суетным украшениям. Иначе, – прибавила она, дотрагиваясь до браслета на руке Барины, – как мог бы очутиться этот браслет на твоей руке в час ночного покоя?

Барина с возрастающим беспокойством следила за внезапной переменой в лице и обращении царицы. Она вспомнила сцену на празднике Адониса и поняла, что в Клеопатре говорит ревность. Она, Барина, носила на руке подарок Антония. Бледная и взволнованная, она не сразу нашлась, и, прежде чем успела что-нибудь ответить, Ира подошла к царице и сказала:

– Этот браслет – дубликат того, который подарен тебе твоим высоким супругом. Певице он тоже достался в подарок от Марка Антония. Она, как и весь мир, чтит величайшего человека нашего времени. Что ж удивительного, что она не расстанется с его подарком даже на ночь?

Барина не могла ответить на этот навет. Горькое сознание, что ее не понимают и несправедливо судят, боязнь ужасных последствий гнева всемогущей царицы, светлый рассудок которой затемнен низкой ревностью и ложно направленным материнским чувством, сковывали ей язык. К этому присоединялось раздражение против Иры. Два-три раза она пыталась говорить, но всякий раз язык прилипал к гортани.

Хармиона подошла к ней, желая ободрить бедняжку, но было уже поздно. Царица с негодованием отвернулась и сказала Ире:

– Задержать ее на Лохиаде. Вина ее доказана, но определить наказание должен судья, которому мы ее и передадим.

Тут Барина снова обрела дар речи. Неужели Клеопатра думает, что она не может ничего возразить на обвинения! Нет, она сумеет доказать свою невиновность.

В этом убеждении она воскликнула умоляющим тоном, обращаясь к царице:

– О, не уходи от обвиняемой, не выслушав ее. Я верю в твое правосудие и только потому прошу выслушать меня. Не верь этой женщине; она ненавидит меня за то, что человек, которого она любит...

Тут Клеопатра прервала ее. Достоинство царицы не позволяло ей слушать препирательства между двумя женщинами, вызванные ревностью. Но с тем тонким чувством, благодаря которому одна женщина легко проникает в настроение другой, она поняла, что жалоба Барины не лишена основания. В самом деле, у нее могла быть причина верить в ненависть Иры. Клеопатра

знала, как беспощадно ее любимица преследует своих врагов. Совет ее устранить Барину с дороги возбудил в царице отвращение; именно теперь ей не хотелось отягчать душу дурным делом. Притом же многое в этом милом, своеобразном создании нравилось ей. Тем не менее мысль, что Антоний почтил одинаковым подарком ее и дочь живописца, настолько оскорбляла царицу, что она ограничилась замечанием, не обращенным ни к кому в частности:

– Я, может быть, изменю свое решение со временем. Во всяком случае обвиняемая останется пока на Лохиаде. Я желаю, чтобы с ней обращались хорошо. Ты расположена к ней, Хармиона! Я поручаю тебе надзор за ней. Но если ты хочешь сохранить мою милость, – прибавила она, возвысив голос, – то смотри, чтобы она ни на минуту не оставляла дворца и ни с кем, кроме тебя, не общалась.

С этими словами она оставила зал.

Последовавшие затем дни были полны забот для царицы. Ночи она проводила большей частью в обсерватории; о Барине же, по-видимому, совершенно забыла. На пятую ночь она потребовала в обсерваторию Алексаса, и тот начал доказывать, что ее планете давно уже угрожает звезда женщины, о которой, как и об его предостережении, царица, по-видимому, забыла и думать.

Клеопатра неохотно слушала его слова, но это только распалило его:

– В ночь по возвращении твоя неистощимая доброта снова побудила тебя к снисходительности, просто непонятной для нас, – продолжал он. – Мы с глубоким волнением следили за этим объяснением, при котором величайшее сердце на земле мерило своей меркой ничтожное и презренное. Но, прежде чем дойдет до вторичного объяснения, я должен предостеречь тебя. Каждый взгляд этой женщины был рассчитан, каждое слово было сказано с целью, каждый звук ее голоса должен был произвести известное действие. Все, что она говорила, все, что она будет говорить, клонится к тому, чтобы обмануть мою высокую повелительницу. Пока еще не дошло до решительных вопросов и ответов. Но ты снова пожелаешь выслушать ее и тогда... Хороша эта история Барины, Марка Антония и двух браслетов!..

– Ты знаешь ее? – спросила Клеопатра.

– Если бы и знал, – отвечал Алексас с многозначительной улыбкой, – то может ли укрыватель выдавать вора?

– А если царица прикажет тебе выдать похищенное?

– К сожалению, мне придется нарушить долг повиновения, потому что, видишь ли, высокая повелительница, моя темная жизнь вращается около двух небесных светил. Могу ли я изменить месяцу, зная, что этим только без пользы омрачу свет солнца?

– Иначе сказать, твое сообщение оскорбит меня, солнце.

– Если только твоя великая душа способна хоть сколько-нибудь огорчаться тем, что мучит других женщин.

– Ты воображаешь, что чем туманнее твоя речь, тем она приятнее. Впрочем, нетрудно понять твою мысль. Ты думаешь, что моя душа свободна от ревности и тому подобных слабостей нашего пола. Ты ошибаешься. Я женщина

и желаю быть и остаться женщиной. Теренций ⁶⁰ говорит, что он человек и ничто человеческое ему не чуждо... так и мне ничто женское не чуждо. Анубис рассказывал мне об одной древней царице, которая запретила писать о себе на памятниках «она», а непременно «он», «он, царица, победил». Глупая. Что касается меня, то я дорожу своей женственностью не меньше, чем короной. Я была женщиной, прежде чем стала царицей. Народ падает ниц перед моими носилками, даже когда в них никого нет. Но когда я и Антоний отправились однажды в молодости переодетые по улицам, и юноши провожали нас глазами, восклицая: «Прекрасная парочка!» – тогда, помню, я вернулась домой с новым приливом сил и гордости. Я женщина и не возвышаюсь ни над какой женской страстью, да и не желаю этого. И то, что я спрашиваю у тебя, я спрашиваю как женщина, а не как царица.

– В таком случае, – перебил Алексас, прижимая руку к сердцу, – ты тем более принуждаешь меня к молчанию, так как, если бы я сообщил женщине Клеопатре то, что волнует мне душу, я был бы повинен в двойном преступлении. Я нарушил бы обет молчания и предал друга, которого высокая супруга поручила моей охране.

– Это уж что-то слишком темно, – возразила Клеопатра, гордо поднимая голову. – Или, если мне заблагорассудится понять тебя, то придется указать на расстояние...

– Которое отделяет меня от царицы, – закончил сириец с низким поклоном. – Как видишь, решительно невозможно отделить женщину от царицы. Я бы не хотел ни восстановить первую против нескромного почитателя, ни оскорбить вторую непослушанием. Итак, прошу тебя оставить вопрос о браслете и связанных с ним прискорбных вещах. Может быть, прекрасная Барина сама расскажет тебе обо всем, да, кстати, объяснит, какими путями удалось ей завлечь сына величайшего из людей – молодого царя Цезариона.

Глаза Клеопатры сверкнули.

– Мальчик точно одержим демонами! – воскликнула она. – Он хотел было сорвать повязку с раны, если ему не вернут любимую женщину. Я готова поверить в волшебный напиток, да и Родон объясняет все это колдовством. Напротив, Хармиона уверяет, что его посещения досаждали Барине. Строгий допрос должен выяснить все это. Мы дождемся возвращения Антония. Как ты думаешь, отправится он снова к певице, когда окажется здесь? Ты его ближайший друг и поверенный. Если желаешь ему добра и ценишь хоть сколько-нибудь мою милость, отвечай без колебаний на мой вопрос.

Сириец сделал вид, что колеблется в мучительной борьбе с самим собой, и, наконец, ответил:

– Разумеется, отправится, если ты его не удержишь. Самый простой способ удержать его от этого...

– Ну?

– Объявить ему тотчас по прибытии, что ее нет в городе. Я охотно возьму

60 Теренций Афер (Африканец) (ок. 190 – 158 г.г. до н.э.) – великий римский комедиограф

на себя это поручение, если мое царственное солнце возложит его на меня.

– А не думаешь ли ты, что эта весть омрачит свет твоего месяца, который тщетно будет искать ее.

– Без сомнения, раз он не сохраняет прежнего благоговения к несравненному великолепию своего солнца. Но Гелиос не терпит других светил на небе. Его блеск затмевает все остальные. Моему солнцу стоит только пожелать, и звездочка Барины угаснет.

– Довольно! Я понимаю, что ты хочешь сказать. Но жизнь человеческая не такой пустяк, как ты думаешь, и у Барины тоже есть мать. Нужно тщательно взвесить и обсудить дело, прежде чем прибегать к крайним мерам... Но... теперь, когда участь страны, моя собственная и моих детей висят на волоске, когда у меня нет ни минуты свободной, я не могу тратить время на такие вещи.

– Твой великий дух, – горячо воскликнул Алексас, – должен без помехи развернуть свои могучие крылья. Предоставь мелкие дела надежным друзьям.

Тут их беседа была прервана служителем, который доложил о приходе регента Мардиона. Он явился с какими-то важными и неотложными делами.

XIII

Алексас сопровождал царицу в таблиний ⁶¹. Там они застали евнуха. Раб ташил за ним целый мешок писем, только что доставленных двумя послами из Сирии. Некоторые из них требовали неотложного ответа. Хранитель печати и экзегет тоже явились посоветоваться насчет мер, которые необходимо было принять ввиду волнений александрийской черни. Остатки флота вступили вчера в гавань торжественно, точно после великой победы. Тем не менее, весть о поражении при Аксиуме разнеслась с быстротой молнии. Народ толпился по улицам; перед Себастеумом дошло до угроз, у Серапеума должны были вмешаться войска, и пролилась кровь.

Надо было разобрать письма; хранитель печати просил дальнейших указаний насчет канала, а экзегет – решительного приказа относительно черни.

– Сколько дел, – задумчиво прошептала Клеопатра. Потом выпрямилась и воскликнула: – Итак, за работу!

Но Алексас не хотел оставить ее в покое. Он скромно приблизился к царице и сказал, пока она усаживалась за письменный стол:

– Прежде всего моя высокая повелительница должна быть спокойна духом. Преступно смущать твое божественное величество такими мелочами, но вопрос о Барине должен быть решен, иначе ничтожный источник превратится в буйный поток...

Клеопатра, только что развернувшая письмо царя Ирода ⁶², взглянула в пол-оборота на Алексаса и воскликнула с пылающими щеками:

⁶¹ Таблиний – рабочий кабинет. Таблицы – доски, на которых писали.

⁶² Ирод I Великий (ок. 73 – 4 г.г. до н.э.) – сын Антипатра, в 40 г. до н.э. римским сенатом назначенный царем Иудеи

– Сейчас!

Затем она пробежала письмо, отбросила его с негодованием и нетерпеливо сказала:

– Позаботься о допросе и обо всем остальном. Ни малейшей несправедливости, но и никаких послаблений. Я еще займусь этим низким делом до возвращения императора.

– А полномочие? – спросил сириец с глубоким поклоном.

– Даю его тебе. Если нужно письменное, обратись к Зенону. Прощай до более спокойного часа!

Сириец удалился, а Клеопатра обратилась к евнуху и воскликнула, указывая на письмо иудейского царя:

– Какая подлая неблагодарность! Крысы почуяли гибель корабля и бегут... Если он спасется, они вернутся толпами, а он должен, должен, должен спастись ради этой страны и ее независимости!.. А дети, дети! Нужно напрячь все силы, пустить в дело все средства. Мы превратим ночи в дни. Канал сохранит нам флот, Марк Антоний еще держится в Африке с Пинарием Скарбом и бодрыми верными легионами. Гладиаторы на нашей стороне. У меня мелькают в голове тысячи других планов. Но прежде об александрийцах. Никакого насилия!

За этим восклицанием последовал ряд распоряжений и обещание в случае надобности самой показаться народу.

Экзегет с удивлением слушал ее мудрые и ясные распоряжения. Когда он удалился, царица снова обратилась к регенту:

– Мы хорошо сделали, что распустили слух о победе. Неожиданная весть о поражении довела бы александрийцев до исступления. Разочарование все-таки лучше, не требует таких сильных средств. К тому же удалось принять ряд мер, прежде чем они узнали, в чем дело. Но я почти не виделась с детьми, да и с моими лучшими друзьями, с Архибием... Кстати, когда он придет, впустить его немедленно. Я уже распорядилась. Он знает Рим. Мне нужно посоветоваться с ним насчет переговоров.

При этом она вздрогнула, схватила за голову и воскликнула:

– Октавиан – победитель, Клеопатра – побежденная! Я, которая была всем для Цезаря, должна умолять о милости его наследника! Мне, мне быть просительницей у брата Октавии! Но нет, нет... Есть еще сотни способов избежать этого унижения. Но тот, кто хочет снять урожай, должен обработать, вспахать, засеять поле. За работу, за работу!.. Все должно быть готово к приезду Антония. При первом успехе к нему вернется утраченная энергия. Я прочитала письмо. Теперь продиктую ответ.

Она снова принялась за дело: читала письма, писала и диктовала ответы, выслушивала сообщения и отдавала приказания, пока не забелел восток и усталый регент стал просить царицу сжалиться над его годами и отпустить его отдохнуть.

Тогда она отправилась в спальню и на этот раз заснула крепким, спокойным сном, какой бывает у очень уставших людей. Ее разбудили только громкие крики толпы, собравшейся на Лохиаде, когда прошел слух, что царица вернулась.

Во время сна при ней поочередно дежурили Ира и Хармиона. По пробуждении прислуживала ей Ира, так как Хармиона ушла и должна была вернуться вечером. Перед уходом она позаботилась о тщательном надзоре за своими комнатами, где теперь находилась Барина, скорее в качестве гостьи, чем заключенной. Начальник македонского корпуса пажей, много лет тщетно ухаживавший за Хармионой и в конце концов ставший ее преданным другом, взял на себя этот надзор.

Тем не менее Ира сумела воспользоваться сном своей повелительницы и отсутствием Хармионы. Комнаты последней, а следовательно, и Барина сделались для нее недоступными, в чем она уже убедилась. Прежде чем предпринять что-нибудь против заключенной, ей необходимо было переговорить с Алексасом. Неудача, испытанная ею в попытке раздавить соперницу, превратила ее ревнивый гнев в настоящую ненависть, которую она перенесла и на Хармиону как защитницу Барины.

Она послала за сирийцем, но и он улегся спать очень поздно, так что долго заставил себя ждать. Поэтому прием, оказанный ему нетерпеливой девушкой, имел сначала далеко не дружелюбный характер. Впрочем, ему скоро удалось умаслить ее.

Прежде всего он хвастливо заявил, что царица предоставила Барину в его руки. Можно сегодня же допросить и обвинить ее, а там заставить выпить яд или удавить. Но это не совсем безопасно, так как у певицы есть влиятельные друзья. В сущности Клеопатра рада отделаться от опасной соперницы. Но ведь надо знать, что такое великие мира сего. Поступи они слишком поспешно, царица, во избежание сплетен, свалит на него всю ответственность. А народ несомненно возмутится, узнав о казни певицы. Он и без того близок к восстанию, как передавал Филострат. Последний, впрочем, умеет воздействовать на толпу, а он, Алексас, купил его содействие.

Это была правда. В первое время после женитьбы на Барине оратор поссорился с братом, преследовавшим его жену. Но с тех пор как Алексас попал в милость к Антонию, Филострат снова сблизился с ним, в надежде попользоваться от щедрот полководца. Источник, из которого черпал Алексас, был неиссякаем, так что ему не приходилось скупиться. Оба брата были столь же бессовестны, сколь расточительны; оба не задумались бы перейти любую пропасть, лишь бы через нее был перекинут золотой мост. Так было и в данном случае. В последнее время их союз еще укрепился, так как оба нуждались в поддержке друг друга.

Алексас хотел овладеть Бариной, тогда как Филострат уже не интересовался ее судьбой. При этом он ненавидел Диона до того, что готов был пожертвовать даже барышами, лишь бы отомстить врагу. Поражение, которое он потерпел от благородного македонянина, насмешки, посыпавшиеся на него благодаря Диону, преследовали и терзали его денно и нощно; он чувствовал, что не избавится от них, пока не погубит виновника своего позора. Не будь брата, ему пришлось бы ограничиться клеветой и сплетнями, но при содействии могущественного любимца Антония он мог рассчитывать нанести более тяжкий удар своему врагу, быть может, лишить его свободы, даже жизни. Итак, они

заключили договор, в силу которого Филострат должен был очернить Барину в глазах народа, а Алексас обещал за то помочь ему отомстить Диону.

Собственно говоря, смерть Барины вовсе не прельщала Алексаса. Увидев ее, он снова воспылал страстью. Ему хотелось во что бы то ни стало овладеть ею. В темнице, быть может, в пытках, ей волей-неволей придется принять его помощь. Во всяком случае следовало ковать железо, пока горячо. И окончить дело к приезду Антония, которого ожидали на днях. Щедрость последнего так обогатила любимца, что отныне он мог обойтись и без его поддержки. В случае разлада ничто не мешает ему уехать с Бариной на свою родину, в Сирию, и устроиться там по-царски.

Его заверение, что он сегодня же устранил Хармиону от надзора за Бариной, смягчило Иру, а замечание его, что смертную казнь можно заменить ссылкой в рудники или какое-нибудь другое место в том же роде, тоже не встретило возражений с ее стороны.

Затем Алексас осторожно выпытал у Иры, как она относится к смертельному врагу его брата. Оказалось, что она тоже раздражена поведением Диона, но когда Алексас намекнул, что не мешало бы и его предать суду, она так нахмурилась, что он тотчас переменил разговор и перешел опять к Барине. Решено было арестовать ее завтра же, когда Хармиона будет прислуживать царице.

Ира могла оказать содействие в этом деле.

В ее распоряжении находилась одна из темниц, двери которой нередко открывались для какого-нибудь несчастного, чье исчезновение, по мнению Иры, было бы полезно для царицы. Она, как и хранитель печати, считала своей обязанностью помогать царице в тех случаях, когда той не хотелось утвердить слишком строгий приговор, и Клеопатра принимала их услуги молча, не одобряя и не поощряя их. Все, что происходило в этой темнице, оставалось погребенным в ее крепких стенах благодаря скромности сторожей. Конечно, узникам приходилось плохо. Но хотя Барина и проклянет жизнь, когда окажется там, все же ей будет легче, чем Ире, которая близка была к отчаянию в последнее время и в долгие бессонные ночи думала о человеке, насмеявшемся над ее любовью.

Когда сириец уже протянул руку, прощаясь, она внезапно спросила:

— А Дион?

— Его нельзя оставить на свободе, — отвечал Алексас. — Ведь он влюблен в Барину и даже намеревался жениться на ней.

— Так это правда, правда? — спросила Ира, побелев, несмотря на все свое самообладание.

— Вчера он написал об этом своему дяде, хранителю печати, заклиная его вступить за Барину. Но, я думаю, не стоит беспокоить Зенона этим вздором. Хочешь прочесть письмо?

— Если так, — сказала Ира, — то, разумеется, его нельзя оставить на свободе. Ради возлюбленной он пойдет на все, а это значит больше, чем ты думаешь. Македонские роды стоят заодно. Он член совета... Молодежь поднимется за него, как один человек... А народ... Недавно он сыграл с твоим братом,

действовавшим по моему поручению, такую шутку...

– Вот потому-то ему и нужно заткнуть глотку...

Ира кивнула, но после непродолжительной паузы прибавила:

– Я помогу вам принудить его к молчанию, только не навсегда, слышишь? Слова Феодота насчет издохших собак, которые не кусаются, не принесли пользы тем, кто им следовал. Есть другие средства избавиться от этого человека.

– Сдается мне, что ты не прочь повидаться с ним.

– Плохо же ты меня знаешь. Злейший враг его, твой брат, скорее вступится за него, чем я!

– Ну если так, то я начинаю сожалеть о Дионе.

– Ты вообще сострадательнее меня. Смерть вовсе не самое тяжкое наказание.

– Потому-то ты и против нее?

– Может быть. Но есть и другие соображения. Во-первых, мы переживаем такое время, когда все колеблется, даже власть царицы, прежде незыблемая, как стена, за которой можно было укрыться. Затем, личность Диона. Я уже говорила тебе, что за него поднимутся все... Со времени Акциума царица не может говорить многоголовому чудовищу-народу: «Ты должен», а вынуждена говорить: «Я прошу». Далее...

– Довольно и этого. Как же, однако, думает поступить с Дионом моя мудрая подруга?

– Арестовать и задержать здесь, на Лохиаде. Он обагрил свои руки кровью Цезариона, царя царей. Это государственное преступление даже в глазах народа. Постарайся сегодня же достать приказ об аресте.

– Но можно ли беспокоить царицу подобными вещами?

– Ведь это не для меня нужно, а для нее. В такие дни необходимо устранять все, что может омрачить ясность ее духа! Сначала управимся с Бариной, отравившей ее приезд на родину, а затем и с человеком, который решил из любви к этой женщине поднять восстание в Александрии. Царица обременена заботами о государстве и престоле; пусть она занимается ими, а мелкие делишки я возьму на себя.

Тут ее перебила служанка Клеопатры.

Царица проснулась, и Ира поспешила к ней.

Когда она проходила мимо помещения Хармионы и увидела перед его дверями двух воинов из македонского корпуса, лицо ее омрачилось. Она знала, что бывшая подруга охраняет Барину от нее. Ей пришлось выслушать много горьких упреков от тетки по поводу женщины, причинившей ей столько зла. Она раскаивалась, что поведала Хармионе свою любовь к Диону. Пусть будет, что будет, но ядовитое дерево, породившее все эти муки, заботы, тревоги, нужно вырвать с корнем.

Она мысленно подписала Барине смертный приговор. Теперь предстояло убедить сирийца решиться на это дело. Раз этот камень будет устранен с дороги, она помирится с Хармионой, Дион получит свободу и... как ни тяжело он оскорбил ее, но она защитит его от ненависти Филострата и Алексаса.

Она вошла к царице с облегченным сердцем. Казни осужденных давно уже перестали смущать ее. Прислуживая царице, она еще более повеселела, так как Клеопатра выразила удовольствие по поводу того, что ей служит сегодня Ира и не беспокоит ее все тем же неприятным происшествием, которое, впрочем, скоро разъяснится.

В самом деле, Хармиона, сознавая, что никто другой при дворе не решится защищать Барину, заступалась за нее до тех пор, пока Клеопатра приказала ей не упоминать больше об обвиняемой.

Вскоре после этого Хармиона попросила заменить ее на завтра Ирой, и царица, уже раскаявшись в своей вспыльчивости, согласилась.

– Когда я снова увижу твое верное, доброе лицо, – прибавила она, – не забывай, что истинная подруга старается устранить от несчастной то, что может еще сильнее расстроить ее. Одно имя этой женщины звучит для меня насмешкой! Я не хочу больше слышать о ней!

Эти слова были сказаны так ласково и сердечно, что обида Хармионы растаяла, как лед под лучами солнца. Но все-таки она ушла в большой тревоге, так как Клеопатра, отпуская ее, заметила мимоходом, что дело певицы передано ею в руки Алексаса. Тем приятнее было ей освободиться на денек от обязанностей службы. Она знала, как относится к Барине бессовестный фаворит, и рассчитывала поговорить об этом с Архибием.

Когда поздно вечером она ложилась спать, ей прислуживала нубиянка, последовавшая за ней во дворец из отеческого дома.

Анукис – так звали нубиянку – была куплена у водопадов, когда семья Архибия сопровождала Клеопатру на остров Филы, и подарена подраставшей Хармионе как первая ей принадлежащая служанка. Она оказалась такой понятливой, ловкой и преданной, что молодая госпожа взяла ее с собой во дворец.

Анукис относилась к Хармионе с такой же теплой, бескорыстной любовью, как та к царице. Хармиона давно уже дала ей вольную, но нубиянка осталась при ней и сблизилась с госпожой до того, что интересы их почти полностью совпадали. Ее природное остроумие сделали ее известной во дворце, так что сама Клеопатра нередко забавлялась разговором с ней. Антоний дал ей прозвище Эзопион (маленький Эзоп) вследствие горба, образовавшегося у нее к старости. Под этим именем она была известна всей дворцовой челяди и охотно откликалась на него, хотя ее бойкий язык мог бы отразить всякую насмешку. Но она знала биографию и басни Эзопа, который тоже был рабом, и считала за честь быть похожей на него.

Когда Хармиона рассталась с царицей и ушла к себе, Барина уже спала крепким сном. Но Анукис поджидала госпожу, которая сообщила ей о своих опасениях по поводу распоряжения Клеопатры насчет Барины. Старуха была расположена к молодой женщине, которую носила на руках, когда та была еще ребенком. И теперь, когда Барина проживала у ее госпожи, нубиянка всячески старалась развлечь и успокоить ее.

Каждое утро она отправлялась к Беренике узнать о здоровье Диона и всякий раз возвращалась с добрыми вестями. Она знала также Филострата и

Алексаса и очень сожалела, что Антоний доверился такому недостойному человеку. Ей известно было также, каким преследованиям подвергалась Барина со стороны сирийца, так что известие, сообщенное Хармионой, повергло ее в ужас, который, впрочем, она постаралась скрыть.

Госпожа ее отлично понимала, что означает выбор такого судьи для Барины. Анукис не хотела усиливать ее беспокойство своими опасениями. Хорошо, что Хармиона решила поговорить завтра с Архибием, которого Анукис считала мудрейшим из людей; но даже это не могло успокоить старую нубиянку. Желая хоть сколько-нибудь развлечь госпожу, она стала рассказывать ей о Дионе, который сегодня чувствовал себя гораздо лучше, о его нежной любви к Барине, о кротости и терпении дочери Леонакса.

Как только Хармиона уснула, она отправилась в зал, где несмотря на поздний час рассчитывала застать прислугу, среди которой всегда была желанной гостьей. Когда явился любимый раб Алексаса, она наполнила для него кубок, уселась подле и всеми силами старалась вызвать его на откровенность. Это удалось ей как нельзя лучше. Марсиас, красивый молодой лигуриец, заверил ее на прощание, что она своими шутками и рассказами мертвого заставит расхохотаться и что болтать с ней так же приятно, как шутить с хорошенькими девушками.

Когда на следующее утро Хармиона ушла, Анукис снова разыскала Марсиаса и выведала от него, что Ира сегодня пригласила к себе Алексаса. Вообще, прибавил Марсиас, его господин в последнее время что-то часто шепчется с Ирой.

По возвращении Анукис Барина несколько огорчилась, узнав, что та не ходила сегодня к Беренике и Диону, но старуха попросила ее потерпеть и принесла ей книги и веретено, чтобы скоротать время в одиночестве. Сама же отправилась на кухню, так как слышала еще вчера, будто повар купил каких-то ядовитых грибов, и хотела удостовериться в этом.

Затем она пошла в спальню Хармионы, отворила дверь, соединявшую комнаты обеих любимых, и пробралась к Ире. Когда явился Алексас, она притаилась за ковром, покрывавшим стену приемной.

После того как сириец удалился, а Иру позвали к царице, она вернулась к Барине и сообщила ей, что грибы действительно ядовиты и что она отправится за противоядием. Так как дело идет, быть может, о спасении человеческой жизни, то Барина, конечно, не станет удерживать ее.

— Ступай себе, — ласково сказала Барина. — Но, может быть, милая старая Эзопион не затруднится сделать небольшой крюк.

— И заглянуть в дом, к саду Панейона, — подхватила старуха. — Разумеется. Ревность тоже яд, и лучшее противоядие от него — добрая весть.

С этими словами она оставила комнату, но как только вышла из дворца, лицо ее омрачилось, и она остановилась в задумчивости. Потом пошла в Брухейон, где рассчитывала нанять осла, чтобы ехать в Каноп, к Архибию. Добраться до Брухейона оказалось довольно затруднительно: бесчисленная толпа собралась между Лохиадой и Мусейоном, и к ней постоянно присоединялись новые и новые группы. Кое-как она пробралась к месту

стоянки ослов, где спросила у погонщика, что такое происходит.

– Они разоряют дом этого старого мусейонного гриба, Дидима.

– Возможно ли? – воскликнула нубиянка. – Этого славного старика!..

– Славного? – презрительно повторил погонщик. – Изменник он – вот что! От него вся беда и все неудачи. Филострат, брат великого Алексаса, друга Марка Антония, обещал доказать его вину; значит, уж верно. Слышишь, как кричат, видишь – летят камни! Что ты думаешь? Его внучка со своим любовником поколотили царя Цезариона. Хотели убить его, хорошо, что стража подоспела вовремя. Теперь он лежит в постели раненый. Если не поможет великая Исида, царевич погиб.

С этими словами он обратился к ослу, на которого уселась нубиянка, хватил его два раза палкой и крикнул вдогонку:

– Слышишь, серый, и царям иногда достается!

Между тем нубиянка колебалась, не отправиться ли ей сначала к Дидиму и попытаться спасти его. Но Барине угрожала большая опасность, и жизнь ее была дороже жизни стариков. Итак, она решила ехать к Архибию.

Осел и погонщик выбивались из сил, но все-таки она опоздала. Привратник маленького дворца в Канопе сообщил нубиянке, что Архибий ушел в город со своим другом, историком Тимагеном, который, кажется, приехал послом из Рима.

Хармиона тоже была здесь, но не застала брата и отправилась за ним.

Эти печальные вести грозили самыми роковыми последствиями. Необходимо было спешить. Но что поделаешь с ослом? Правда, у Архибия полны конюшни лошадей. Но кто же позволит воспользоваться ими бедной служанке? Однако же она приобрела себе довольно почтенную репутацию: все знали о ее службе во дворце и об оказываемом ей доверии. В расчете на эту репутацию она обратилась к старому смотрителю дома, и вскоре он сам повез ее на двух быстрых мулах в город к Панейону.

Они направились ближайшим путем, через ворота Солнца, по Канопской улице. Обыкновенно здесь было много народу, теперь же имела она удивительно пустынный вид. Все отправились в Брухейон и в гавань посмотреть на остатки разбитого флота, послушать новости, принять участие в процессиях, если таковые будут, и главное – увидеть царицу и облегчить душу приветственными криками.

Только у самого Панейона толпа загородила путь колеснице. Масса народа собралась у подножия холма, на вершине которого красовался храм Пана. Длинное лицо Филострата бросилось в глаза нубиянке. Что еще затеял этот негодяй? На этот раз, впрочем, ему, по-видимому, не везло, так как громкие и неодобрительные крики перебивали его речь. Когда колесница проезжала мимо, он указывал на ряд домов, в числе которых находился и дом художника Леонакса; но это указание не встретило сочувствия.

Вскоре Анукус увидела, что задерживало толпу. Когда колесница приблизилась к цели, глазам нубиянки открылись ряды вооруженных юношей. Они имели очень внушительный вид со своими крепкими мускулами,

развитыми упражнениями в палестре ⁶³, и смелыми лицами, обрамленными белокурыми, черными или каштановыми кудрями. Это были члены товарищества эфевов, во главе которого когда-то стоял Архибий, а ныне Дион. Они слышали о его приключении и о том, что ему угрожает заключение или что-нибудь еще худшее. В другое время вряд ли бы они решились пойти против распоряжений правительства и взять на себя охрану друга, но в такие несчастливые дни правительству приходилось с ними считаться. Правда, они оставались верными царице и решили стоять за нее во что бы то ни стало, но не хотели, чтобы Дион был наказан за преступление, которое в их глазах являлось скорее подвигом. Они тем охотнее вступились за него, что городской совет проявил крайнюю трусость в этом деле, касавшемся одного из его членов. Еще не было решения исключить ли из совета человека, осмелившегося нанести удар «царю царей», сыну властительницы, или отнестись к нему более снисходительно. Кроме того, смирный, во всем послушный смотрителю дворца Цезарион отнюдь не пользовался расположением молодежи. Он никогда не показывался в палестре, которой не брезговал сам Марк Антоний. Тот не раз заезжал туда, боролся с александрийскими юношами, удивляя их своей исполинской силой; иногда приводил и своего сына Антиллу. В сущности, что же сделал Дион Цезариону? Хватил его кулаком: так ведь к этому должен быть готов каждый, кто лезет в борьбу.

Филотас из Амфиссы, ученик Дидима, уведомил союз о приключении и, со своей стороны, постарался загладить вину перед внучкой философа. Его воззвание встретило самый сочувственный прием. Эфебы чувствовали себя в силах защитить друга от кого бы то ни было, а за ними стояли городской совет, экзегет, начальник города, храбрый македонянин, когда-то бывший украшением их союза, и многочисленные клиенты Диона и его фамилии. Они не успели вовремя, чтобы защитить дом Дидима, но, по крайней мере, положили предел неистовству народа, науськанного Филостратом, который хотел подвергнуть той же участи жилище Барины.

Впереди стояла повозка какого-то придворного. Кто же это явился? Какой-нибудь прислужник Алексаса или, быть может, он сам, с целью снять допрос с Диона, а может быть, и арестовать его? На вопрос нубийки ей ответили, что это архитектор Горгий.

Анукис еще ни разу не имела с ним дела, хотя видела при постройке дворца Цезариона и много слышала о нем. Он выстроил прекрасный дворец Диона и был его другом, стало быть, ей нечего опасаться его.

В атриуме ей сообщили, что Береника ушла из дома с Архибием и его другом. Врач запретил раненому Диону принимать много посетителей. Кроме архитектора, к нему был допущен только какой-то вольноотпущенник.

Нельзя было терять времени; и так как люди одного звания быстро сходятся, да к тому же нубийка и старый привратник дома Береники были земляками, то после непродолжительных переговоров он провел ее в дом.

У входа в его комнату сидел вольноотпущенник – рослый смуглый, уже

⁶³ Палестра – место для гимнастических упражнений

седой детина в простонародном костюме, с виду похожий на моряка. Он не был допущен к больному и, прислонившись к стене, рассматривал широкополую соломенную шляпу, которую держал в руках.

Как только Диону доложили о нубийке, в полуоткрытой двери комнаты послышалось: «Введите ее!»

Должно быть, в выражении лица Анукис было что-нибудь особенное, потому что при первом взгляде на нее раненый воскликнул:

– Ты, верно, с недобрыми вестями?

Она кивнула и искоса взглянула на архитектора. Дион сказал Горгию, кто она такая, а ей объяснил, что при архитекторе можно говорить все без утайки.

Тогда она перевела дух, вытерла вспотевший лоб и сказала, что ему угрожает страшная опасность. Он сослался на эфебов, готовых защищать его, и совет, который не даст обидеть своего сочлена, но Анукис заклинала его немедленно скрыться в какое-нибудь надежное убежище, так как против него вооружилась такая сила, с которой никто не справится. Но эти слова не произвели никакого действия; Дион был слишком уверен, что влияние его дяди, хранителя печати, убережет его от любой серьезной опасности. Поэтому она решила рассказать ему, в чем дело, причем не упоминая о Барине и грозившей ей беде. В заключение снова и снова нубийка умоляла его прислушаться к ее предостережениям.

Слушая ее, друзья обменялись многозначительными взглядами; но едва успела она кончить, в дверях показалась гигантская фигура вольноотпущенника.

– Ты ли это, Пирр! – дружески воскликнул раненый.

– Я самый, господин! – отвечал вошедший и сильнее завертел шляпу в руках. – Я подслушивать не охотник и не вхожу к господину незванный, но эта зловещая ворона каркала так громко, что я услышал через дверь и поэтому пришел к тебе.

– Эта ворона поет иной раз и добрые песни, – отвечал Дион, – но как злые, так и добрые исходят из ее преданного сердца. Однако, если мой молчальник Пирр решил разинуть рот, так значит у него есть что-нибудь важное. Говори же, не стеснясь.

Моряк откашлялся, скомкал шляпу в руках и произнес с волнением:

– Ты должен послушаться старуху, господин, и искать надежное убежище. Я затем и пришел. Там, на улице, я слышал, что о тебе толкуют. Говорят, будто ты ранил царевича и тебя следует убить за это. А я подумал: «Нет, этому не бывать, пока живет Пирр, который учил маленького Диона управляться с веслами и ставить парус, – пока жив Пирр и его молодцы!..» Да что повторять, мы оба это знаем. Всем: лодками, землей, свободой мы обязаны твоему отцу и тебе, и что мое – твое. Ты знаешь утес по ту сторону *Alveus Steganus*, на север от большой гавани, – Змеиный остров. Кто знает фарватер, тому нетрудно добраться до него, а для других он неприступен, как луна и звезды. Одно имя его всех отпугивает, хотя мы давно очистили остров от всякой нечисти. Мои ребята Дионис, Дионих и Дионик – все от Диона – дожидаются на рыбном рынке, и когда стемнеет...

Тут раненый перебил его, пожал ему руку, от души поблагодарил за дружбу и верность, но отказался от его предложения. Он знал, что не найдет более надежного убежища, чем этот скалистый островок, на котором проживал Пирр со своей семьей, занимаясь рыбной ловлей и лоцманским делом. Но забота о своей будущей супруге не позволяла ему покинуть город.

Однако вольноотпущенник не сдавался. Он напомнил Диону, что с острова до берега рукой подать, что его сыновья ежедневно отвозят рыбу на рынок, причем могут узнавать всякие новости. Сыновья, как и он сам, не любят говорить, а женщины очень редко уезжают с острова. Пока там будет скрываться дорогой гость, он, Пирр, совсем не выпустит их. В случае же надобности Дион может мигом поспеть в Александрию и принять необходимые меры.

Архитектору очень понравился этот план, и он поддержал вольноотпущенника. Но Дион, опасаясь за участь своей возлюбленной, отказывался, пока не вмешалась в разговор Анукис:

– Послушайся этого человека, господин... Я тебе верно говорю. Я расскажу Барине о твоей любви, но ведь ей не удастся даже поблагодарить тебя, если ты будешь мертв!

Эти слова и последовавшие за ними сообщения подействовали на Диона, и как только он согласился на предложение вольноотпущенника, нубийка собралась уходить. Ее задержал сначала Дион, надававший ей поручений к Барине, потом архитектор, которому она казалась подходящей помощницей для его планов.

Рано утром он вернулся из Гелиополиса, куда ездил по делу об устройстве канала. Собранные на месте данные оказались крайне неблагоприятными для предприятия, и ему поручено было сообщить об этом царице и убедить ее оставить грандиозный, но в такое короткое время неисполнимый замысел.

Он ехал всю ночь и был принят царицей тотчас по пробуждении. С Лохиады он отправился в повозке осмотреть стену, воздвигнутую на Хоме по приказу Антония, и храм Исиды, к которому Клеопатра хотела сделать новую пристройку. Но едва он оставил полуостров, как был задержан на Брухейоне толпой, осаждавшей дом Дидима.

Архитектор пробился сквозь толпу на помощь своему другу и его внучке. В это время невольник Фрикс готовил к отплытию лодки, стоявшие у берега, но Горгий с трудом убедил старого философа бежать. Сначала тот порывался во что бы то ни стало выйти к толпе и крикнуть им в лицо, хотя бы это стоило ему жизни, что они негодяи и взялись за позорное дело. Только замечание Горгия, что приносить в жертву животной грубости жизнь, на которую возлагают столько надежд беззащитные женщины и весь мир, ожидающий от него новых наставлений, недостойно такого человека, как Дидим, подействовало на старика. И все-таки они едва не угодили в руки разъяренной толпы, так как Дидим не хотел уходить, не спрятав своих драгоценных книг. К тому же его старая подруга жизни не могла понять по своей глухоте, что тут такое происходит. Ко всякому, кто к ней подходил, она обращалась за объяснениями и, таким образом, задерживала отъезд. Вследствие этого он затянулся до

последней минуты, и только мужество помощника Дидима, Филотаса, и нескольких молодых людей, присоединившихся к нему, дало возможность всем остальным уйти невредимыми.

Скифская стража, положившая предел дикому буйству народа, явилась слишком поздно, чтобы спасти дом от разрушения, но по крайней мере защитила Филотаса и его товарищей от кулаков и камней.

Когда лодки отошли на значительное расстояние от берега, возник вопрос – куда же деваться философу и его семье? Дому Береники тоже угрожала опасность; по уставу Мусейона женщины в него не допускались. Кроме семьи, за Дидимом последовали пятеро служителей; из ученых друзей старика никто не мог приютить многочисленных гостей... Дидим и Елена стали вспоминать знакомых, которые могли бы оказать им гостеприимство. Горгий предложил к их услугам свой дом.

Он получил его в наследство от отца. Дом был невелик, но стоял почти пустым, к тому же находился поблизости, на берегу моря, на северной стороне форума. Беглецы могли расположиться там без всякого стеснения, так как Горгий, целый день занятый работами, приходил туда только на ночь. После некоторого колебания, которое, впрочем, нетрудно было понять, они приняли его приглашение, и через четверть часа Горгий уже принимал их в своем доме с великим радушием. Старая экономка и посевший на службе управляющий в первую минуту выразили удивление, но когда архитектор объяснил им, в чем дело, и поручил гостей их попечению, отнеслись к гостям как нельзя приветливее. Сам Горгий должен был торопиться и волей-неволей отказаться от обязанностей хозяина.

Дидим с семьей имели полное основание чувствовать к нему благодарность. Когда же старый философ очутился в библиотеке, которую Горгий предложил к его услугам и где оказалось много ценных сочинений, в том числе и самого Дидима, то окончательно успокоился, перестал расхаживать взад и вперед и сел за книги. Тут же вспомнилось ему, что по совету одного из друзей он вверил свое состояние надежному банкиру, и эта мысль окончательно развеселила старика.

Обо всем этом Горгий рассказал нубийке, а Дион сообщил ей, что она найдет Архибия с его другом у брата Береники, философа Ария. Последний тоже лежал в постели по милости Антилла. Мать Барины отправилась к брату. Анукис может уведомить их об участии Дидима и его семьи, а также и о том, что вечером Дион намерен оставить дом Береники.

– Только, – перебил архитектор, – не говори никому, куда он отправится, – ни Арию, ни Беренике. Ты, кажется, умеешь молчать?

– Хотя и носишь прозвище Эзопиона за свой бойкий язык, – заметил Дион.

– Но этот язык, – возразила нубийка, – как золотая рыбка в саду царевичей. Она плавает быстро, но когда чует опасность, останавливается, точно попала на крючок. А опасности, клянусь Исидой, в наше жестокое время так и лезут со всех сторон. Ты, может быть, желал бы повидать перед отъездом Беренику и ее родных?

– Беренику да, а сыновьям Ария – ребята хорошие, что и говорить! – лучше

не показываться в этом доме.

– Правда твоя, – подхватил архитектор. – Да и отцу их не мешает убраться куда-нибудь подальше. Ведь он приятель Октавиана. Но, может быть, царица пожелает воспользоваться его услугами. В таком случае он может постоять за Барину, дочь его сестры. Тимаген, приехавший из Рима, тоже пользуется некоторым влиянием.

– Моя бедная голова тоже потрудилась над этим, – сказала нубийка. – Я хочу теперь указать, господин, на опасность, которая грозит молодой женщине, и если это мне удастся... Но что же может сделать какая-нибудь служанка, да еще с моей наружностью? А все-таки... Мой дом ближе к потоку, чем чей-нибудь другой, и если я брошу листок, он, может быть, и доплывет до желанной пристани.

– Мудрая Эзопион! – воскликнул Дион.

Но нубийка пожала плечами и сказала:

– Не нужно родиться свободным, чтобы сочувствовать правому, и если мудрость заключается в том, чтобы думать и действовать в защиту добра и справедливости, то, пожалуй, ты можешь назвать меня мудрой. Итак, вечером ты уезжаешь?

С этими словами она хотела удалиться, но архитектор, следивший за всеми ее движениями, заметил это намерение и попросил ее последовать за ним.

Когда они вышли в соседнюю комнату, он попросил ее рассказать ему подробно, что именно угрожает Барине. Затем, посоветовавшись с ней, как с равной, он протянул старой женщине руку на прощание, прибавив:

– Если удастся провести ее тайком в храм Исиды, то тьма еще может рассеяться. Сегодня после захода солнца я буду в святилище богини. Мне нужно там произвести кое-какие работы. Может быть, ты и права, говоря, что бессмертные пощадят невинного на краю гибели. Обстоятельства так сложились, что будущему историку не поверят, когда он станет рассказывать об этом.

Расставшись с нубийкой, Горгий вернулся к другу и назначил вольноотпущеннику место, где тот должен был дожидаться с баркой.

Затем друзья остались одни.

Горгий не мог не выразить удивления по поводу спокойствия Диона.

– Глядя на тебя можно подумать, что дело идет об ужине в Канопе, – заметил он, покачав головой, точно перед каким-то непонятным явлением.

– Что ты удивляешься? – возразил Дион. – Вам, художникам, пылкое воображение рисует будущность в таком свете, какой подходит к возбужденным чувствам. Если вы надеетесь, оно превращает для вас самый обыкновенный сад в Элизиум ⁶⁴, если опасаетесь чего-нибудь, то мир кажется вам в огне, когда загорелась крыша. Мы, не знакомые с музами, пользуемся только рассудком, чтобы заботиться о самих себе, о семье и государстве, видим обстоятельства в их истинном свете и относимся к ним, как к числам в счете. Я знаю, что угрожает Барине. Это могло бы свести меня с ума, но я вижу также Архибия и

64 Элизиум – обитель блаженных, загробный мир для праведников

Хармиону, готовых защитить ее, вижу мое влияние и влияние Мусейона, совет, к которому я принадлежу, обстоятельства времени, при которых нельзя обижать граждан. Взвесив все эти величины...

– Ты получил бы точный итог, – перебил его друг, – если б не впутался в него самый непреодолимый из всех факторов – страсть женщины, да еще такой, как царица.

– Положим. Но с возвращением Марка Антония выяснится, что ее ревность не имела основания.

– Будем надеяться. Клеопатра обманута, введена в заблуждение, в этом я вполне уверен, так как сама она добра безмерно. Прелесть ее неотразимо чарует сердца. А ее могучий ум! Я тебе говорю, Дион...

– Друг, друг, – перебил тот, смеясь, – высоко же ты залетаешь! Я уж третий год веду счет твоим увлечениям. Их было, кажется, семнадцать, но это, последнее, нужно считать за два.

– Глупости! – воскликнул архитектор. – Неужели же я не могу замечать того, что велико, прекрасно, единственно? А она такова! Когда-то, давно это было, она явилась передо мной в полном блеске своей красоты...

– Так что ты должен был зажмурить оба глаза. А ведь ты только что с умилением толковал о своей молодой гостье, об ее нежности, благоразумии, спокойствии, которое она проявила в минуту опасности...

Архитектор с неудовольствием перебил его:

– Да я и теперь не откажусь ни от одного слова. Елене нет равных среди александрийских девушек, но Клеопатра... она возвышается над смертными людьми в своем божественном величии... Нечего подсмеиваться! Если бы она взглянула на тебя своими большими, глубокими, грустными глазами и рассказала о своем несчастье, ты пошел бы за нее в огонь и воду. Я не особенно чувствительный человек и с тех пор как умер мой отец, я видел слезы только на глазах других людей; но когда она говорила о мавзолее, который я должен буду построить, так как судьба скоро заставит ее искать прибежища в смерти, я не знаю, что со мной сделалось. Когда же она причислила меня к своим друзьям и протянула мне руку, несравненную руку, прямо скажу, а ты смейся, если можешь, я сам не знаю, как очутился на коленях и, целуя ее, то есть руку, чувствовал слезы на глазах. Я не стыжусь этого волнения и до сих пор чувствую на своих губах прикосновение этой бледной маленькой божественной ручки.

Тут Горгий закинул назад свои густые волосы, покачал головой, точно был недоволен самим собой, и продолжал другим тоном:

– Но теперь не подходящее время для подобных излияний. Я говорил о мавзолее, заказанном мне царицей. Завтра она увидит первый беглый набросок. Он будет устроен при храме Исиды, ее богини... Я было предложил большой храм в Ракотисе у Серапеума, но она отказалась... Ей хотелось устроить его поблизости от дворца на Лохиаде. Она наметила для этого храм подле «уголка муз»; но дом Дидима мешает постройке. Придется, пожалуй, захватить часть его сада вдоль морского берега. Тогда у нас хватит места и у него останется все-таки порядочный сад. Но Дидим очень дорожит своим владением. Да и царица не хочет обижать старика... Она справедлива и, может быть,

руководствуется неизвестными мне соображениями... Поэтому я обещал ей поискать другое место, хотя и видел, что ей очень хочется устроить мавзолей именно здесь, у храма Исиды... Тогда я... я придумал штуку, о которой уже говорил этой добродушной черной колдунье, и надеюсь, что бессмертные или судьба, или как бы там ни называлась таинственная сила, правящая миром по вечным законам, приведет к благополучному концу наше предприятие. Она может спасти нас всех, а царице доставит утешение в эти смутные дни.

– Горгий, Горгий! – перебил его Дион. – Куда заведет тебя эта новая страсть? У тебя полны руки дел, а ты развлекаешься какими-то темными загадками!

– Их смысл и содержание, – возразил Горгий, – скоро перестанут удивлять тебя, хоть ты и руководишься холодным рассудком, а я увлекаюсь, по твоему мнению, фантазией художника. Пока скажу тебе одно: мои помощники осмотрят дом Дидима, а я займусь нижним ярусом храма Исиды. Я имею полномочие действовать, как мне вздумается. Клеопатра сама показала мне устройство храма, даже указала потайные ходы в подземелье. Мои темные загадки и для тебя станут ясными, если мне придется спасти тебя от врагов в этом подземелье. Ты сам не знаешь, на каком тонком волоске висит меч над твоей головой, от тебя скрывали это. Но я говорю прямо, потому что могу устранить эту опасность. Утром ты бы неизбежно попал в руки свирепых врагов и был бы предан твоим трусливым дядей, если б бесстыднейший из всех негодяев не вздумал сначала напасть на дом старика – ты знаешь об этом происшествии, – и если бы царице, под влиянием потрясающих известий, не пришло в голову соорудить свой собственный мавзолей. Потайной ход, о котором я говорю, – при этом он понизил голос, – проходит как раз под садом Дидима, через него-то я и выведу тебя, а в случае надобности и Барину, к морю. Иначе это слишком опасно. Если мы воспользуемся этим ходом, бегство останется незамеченным.

– А мы-то, умники, не хотим верить в чудеса! – воскликнул Дион, протягивая Горгию свою исхудалую руку. – Как мне благодарить тебя, милый мудрый вернейший из друзей, хотя и неверный подругам. Прости мне этот упрек, как и прежние. То, что ты делаешь теперь для меня и Барины, дает тебе право причинять мне в течение всей остальной жизни какое хочешь зло на словах и на деле. Забота о ней приковала бы меня к этому городу и к этому дому, и я вряд ли бы решился на бегство сегодня вечером, так как без нее моя жизнь теряет всякий смысл. Но раз она может последовать за мной на утес Пирра...

– Не убаюкивай себя этой надеждой, – сказал архитектор. – Могут возникнуть серьезные препятствия. Я еще поговорю обо всем этом с нубийкой. Я думаю, что она может дать наилучший совет в этом деле. Она знает обычаи великих мира сего, сама же принадлежит к малым. К тому же она имеет свободный доступ к царице через Хармиону и знает обо всем, что происходит при дворе. Она доказала мне, что передача дела Барины в руки Алексаса должна радовать нас. Подумай, как легко ревность царицы может привести к какому-нибудь роковому поступку! Тот, кого судьба осыпает такими жестокими

ударами, редко склонен щадить других. Пусть лучше обременяющие царицу заботы встанут между ней и ее ревнивым гневом, который в другое время показался бы слишком мелким для ее великой души.

– Что велико и что мелко для сердца любящей женщины? – возразил Дион. – Во всяком случае я уверен, что ты сделаешь все возможное, дабы избавить Барину от гнева раздраженной царицы.

Горгий крепко пожал Диону руку, поцеловал его в лоб и вышел из комнаты.

На лестнице его остановил легкий стон раненого. «В состоянии ли он будет вечером пройти довольно значительное расстояние по длинному ходу?»

Горгий вернулся к больному, и тот уверил его, что чувствует себя неплохо. Однако покрасневшее лицо показывало, что лихорадка усилилась.

Архитектор задумался. Больных нередко приносили в храм за исцелением, так что появление там Диона никому не покажется странным. Но допускать носильщиков в потайной ход было бы опасно. Правда, он сам довольно силен, но все-таки не настолько, чтобы нести одному взрослого человека такое расстояние, притом в самой неудобной позе, так как ход был низок и значительной длины. Впрочем, можно было попытаться. Итак, он окончательно простился с больным, заметив, что если у него хватит сил, то они придумают что-нибудь; отдав необходимые распоряжения служанке Барины и рабу, ухаживающему за раненым, строго-настрого запретил привратнику принимать кого бы то ни было и вышел на улицу.

Перед домом расхаживала взад и вперед небольшая группа эфебов. Остальные расположились на округлой лужайке Панейона, утешаясь благородным вином, которое дворецкий Диона доставил сюда по распоряжению своего господина.

Тут царило веселье, так как к эфебам присоединились клиенты Диона, среди которых были и девушки, слышались шутки, смех, и когда какая-нибудь красивая молодая мать или рабыня с детьми, для которых этот сад служил любимым местом гуляния, проходила мимо толпы, вдогонку ей летели веселые восклицания и шутливые замечания.

Горгий приветливо поздоровался с молодежью, радуясь оживлению верных друзей, превративших исполнение обязанности в праздник, и многие из них подняли кубки навстречу знаменитому художнику, не так давно принадлежавшему к их корпорации, с веселыми возгласами: «Ио!» или «Эвоэ!»

Прежде всех обратился к нему стройный юноша Филотас из Амфиссы, помощник Дидима, которому архитектор несколько дней тому назад помог избавиться от демонов вина. Ему пришло в голову, что этот юноша, так сильно провинившийся перед Бариной и Дионом, самый подходящий человек, чтобы помочь перенести раненого по низкому потайному ходу. Если он правильно понимает его характер, молодой человек почтет за счастье загладить хоть сколько-нибудь свою вину. И он не ошибся.

Взяв с Филотаса торжественную клятву сохранить в тайне все, что он ему сообщит, архитектор рассказал о своем плане. Юноша восторженно благодарил его за доверие и обещал явиться в назначенное время в храм Исиды.

XIV

В то время как Горгий осматривал подземелье храма Исиды, Хармиона вернулась на Лохиаду раньше, чем сама думала. Не найдя брата в Канопе, она отправилась к Беренике, где и встретила с ним. Поздоровавшись с Дионом, она сообщила Архибию о своих опасениях, сказав ему по секрету, что участь Барины передана в руки Алексаса. Это известие могло побудить мать молодой женщины к каким-нибудь отчаянным поступкам. Самому Архибию едва не изменило хладнокровие. Он решил было отправиться к царице и добиться приема, но его ожидал Тимаген, прибывший из Рима с поручением от Октавиана, избравшего его посредником при переговорах по поводу распри, в сущности уже решенной в пользу римлянина после битвы при Акциуме. Выбор посредника был удачен, так как он знал Клеопатру с детства. Участие в восстании против римлян сделало его рабом. Вскоре, однако, он был выкуплен и достиг такого влияния, что Октавиан решил отправить его послом в Александрию. Архибий должен был найти его у Ария, все еще не вполне оправившегося от ушибов, нанесенных ему колесницей Антиллы.

Хармиона не могла последовать за братом, так как свидание с бывшим ментором Октавиана было бы ей поставлено в укор, да и самой ей не хотелось видеть человека, дружившего с врагом и победителем ее госпожи.

Итак, она отпустила брата с Береникой, тоже собравшейся навестить Ария, но перед уходом Архибий обещал сделать в случае крайности все возможное, чтобы открыть царице глаза на историю с Бариной – хотя ему запрещено было упоминать о ней в присутствии Клеопатры.

Сама Хармиона отправилась на Канопскую улицу в еврейский квартал, где ей нужно было сделать множество покупок для Клеопатры. День уже клонился к вечеру, когда ее носилки остановились наконец перед дворцом на Лохиаде.

Сознание своего бессилия удручало. Ей приходилось ждать, предоставляя все дело другим и не предпринимая со своей стороны ничего, а не успела она переступить порог дворца, как к прежним заботам прибавились новые.

Уже по лицу привратника, отворившего ей дверь, она догадалась, что в ее отсутствие случилось что-то роковое.

Ей не хотелось расспрашивать рабов и служителей, и она сдержала свое нетерпение, хотя дворец был полон солдатами, чиновниками и рабами. Многие смотрели на нее с тем страхом, который внушают люди, когда им предстоит что-нибудь печальное. Другие, более близкие к ней, подходили в надежде доставить себе грустное удовольствие первыми сообщить дурные новости. Но она проходила мимо, не останавливаясь, пока не встретила у дверей большого приемного зала хранителя печати Зенона. Остановив его, она спросила:

– Что случилось?

– Когда именно? – сказал старый царедворец. – Каждая минута приносит что-нибудь новое, и одно хуже другого. Какое ужасное время, Хармиона!

– Когда я уходила, – отвечала она, – никаких новых известий не было. Теперь я вижу, случилось что-то ужасное. Расскажи же хоть главное, прежде

чем я увижу царицу.

– Главное! Чума или голод, – что главное?

– Скорее, Зенон, я спешу.

– Я тоже, да и вести такие, что не хочется над ними медлить. Во-первых, прибыл Канидий, собственной персоной, прямо из-под Акциума.

– Сухопутное войско разбито?

– Разбито, рассеяно, уничтожено!

Хармиона закрыла лицо руками с громким стоном, Зенон же продолжал:

– Ты ведь видела бегство. Расставшись с вами, Марк Антоний направился с приставшими к нему кораблями к Паретонию. Там стояло свежее и сильное войско, на которое царица и Мардион возлагали большие надежды. К нему можно было бы собрать подкрепления, и в нашем распоряжении снова была бы прекрасная армия.

– Им командовал Пинарий Скарп, опытный воин, и я сама надеялась...

– Чем больше ты на него надеялась, тем сильнее, значит, ошибалась. Подлый негодяй – ведь он всем обязан Антонию! И что же? Получив известие об Акциуме, он перешел на сторону Октавиана, не дождавшись Антония. Велел перебить ветеранов, восставших против его измены. Храбрый гарнизон города остался верен Антонию, который, только благодаря его помощи, спасся от смерти. Сегодня вечером он будет здесь. Странно, что он остановится не на Лохиаде, а в маленьком дворце на Хоме.

– Бедная, бедная царица, – воскликнула Хармиона, – как она перенесла все это!

– Она встретила Канидия и послов Антония, как героиня. Но потом... Конечно, она скоро оправилась, это немое, мрачное молчание... Она выслала всех нас, и я не видел ее с тех пор. Но все мои чувства и мысли пребывают с ней. Я брожу, как неживой. О Хармиона, что это случилось с нами? Где те дни, когда мой дух соревновался с умом царицы, чтобы превратить эту бедную землю в цветущий сад, будни – в праздник, праздник – в олимпийскую игру? Каких только неслыханных великолепий я не придумал для праздника победителей, для триумфа, даже для торжественного вступления в Рим! У меня полны ящики программ, планов, рисунков, стихов. Всех, кто владеет резцом или кистью, пишет стихи или сочиняет музыку, призвал я на помощь, – это было бы нечто единственное в своем роде, неповторимое, чему удивлялись бы грядущие поколения. А ныне...

– Теперь удвоим усилия и спасем, что можно спасти.

– Что можно спасти! – глухо повторил придворный. – Конечно, царица еще цепляется за это слово. Когда я видел ее вчера за работой, мне показалось, что она черпает воду кружкой Данаид ⁶⁵. Но сегодня, когда я оставил ее, у нее опустились руки и в таком виде... в таком виде она и теперь стоит перед моими глазами... А тут еще мой племянник Дион. Неприятности, только неприятности

⁶⁵ Данаиды – в греческой мифологии 50 дочерей аргосского царя Даная, убившие своих мужей и осужденные за это богами вечно наполнять водой бездонную бочку (отсюда выражение «работа динаид» – бессмысленный труд)

из-за него. А ведь, кажется, ему нельзя пожаловаться на меня. Я завещал ему все свое состояние, а он вздумал жениться на певице, дочери художника Леонакса. Ты, кажется, покровительствуешь ей, но все-таки твоя родная племянница, Ира, верно, ближе твоему сердцу, так что ты не рассердишься, если я уничтожу завещание в случае упорства со стороны Диона. Не видать ему от меня ни солида, если не откажется от этой женщины, которая для царицы как бельмо на глазу. И ее-то принять в наш старый, почтенный род! Напротив, Ира, подруга его детства, и я давно уже предназначил ее ему в жены. Умница, близка к царице, – где же он найдет лучше жену? Он и сам был не прочь, пока не подцепила его эта певица. Сойдись они снова, я буду любить их, как родных детей. А если этот глупец вздумает идти наперекор дяде, который ему же желает добра, так и я от него отступлюсь. Пусть его враги делают с ним что хотят, я и глазом не моргну. Я ему заменяю отца, моего покойного брата, и требую послушания. Царица для меня – все, и ее благосклонность поважнее двадцати вздорных племянников.

– Царица не лишит тебя своей благосклонности, если ты заступишься за племянника.

– А Ира? Уж если она считает себя оскорбленной – а так оно и есть, – то не угомонится.

– Пока не введет его в беду, – подхватила Хармиона скорее с опасением, как будто уже видела близкое несчастье, чем с упреком. – Но я так же близка к царице, как Ира, и если мы будем действовать сообща, чтобы защитить смелого молодого человека, который к тому же твой родной...

– Да, тогда, конечно... Разумеется, ты еще ближе к царице, чем Ира... А все-таки... Но об этом нужно подумать, а мои мысли, как я уже сказал тебе, с царицей. Я беспокоюсь только о том, что с ней случится. До других мне дела нет. Флот почти уничтожен, Канидий разбит, Ирод перешел к Октавиану – измена за изменой, – африканские легионы погибли. Но все-таки! Принесем жертву и станем ожидать лучших дней.

С этими словами хранитель печати удалился; Хармиона же, понутив голову, пошла к Барине и верной Анукис, чтобы собраться с силами и выплакать свое горе, прежде чем пойти утешать царицу. Она и сама нуждалась в утешении. Со всех сторон надвигались опасности, измена. Жизнь становилась ей в тягость. Ее нежная натура, которую она любила обогащать знаниями, чтобы делиться ими с другими, до сих пор много значила для царицы. Она не только пользовалась доверием Клеопатры, но сделалась для нее необходимой собеседницей, в особенности в вопросах, выходивших за пределы повседневной жизни и волновавших ее беспокойный дух. Теперь же грубая, суровая действительность всецело поглотила внимание царицы. Ее существование превратилось в борьбу, а Хармиона всего менее годилась для борьбы. Теперь выступил на первый план гибкий, острый ум Иры, и Хармиона говорила себе, что ей остается только уступить место племяннице. Но она не хотела отказаться от должности, хотя и жаждала покоя. Именно в это тревожное время, грозившее бедами, быть может, гибелью, она считала своим долгом остаться ради царицы, ради Барины.

Теперь ее тянуло к Клеопатре. Хармиона знала, что одно ее присутствие облегчит истерзанное сердце царицы.

Через открытую дверь, выходящую в сад, куда она направлялась теперь, послышался серебристый смех ребенка. Шестилетний Александр кинулся к ней навстречу, обвил ее ручонками и, закинув голову, смотрел на нее большими светлыми глазами.

Она подняла ребенка, поцеловала и подумала, какая печальная участь предстоит ему. Все ее напускное спокойствие улетучилось. Слезы хлынули из глаз, и, прижав мальчика к своей груди, она заплакала навзрыд.

Царевич, привыкший к веселым лицам, с испугом вырвался из ее рук и хотел было бежать к сестрам. Но у него было доброе сердце, и, зная, что плачут и рыдают только те, кто огорчен чем-нибудь, он почувствовал жалость к Хармионе и тотчас вернулся к ней, схватил за руку и потащил за собой, обещая показать прекраснейшую вещь на свете. Она охотно последовала за ним по усыпанной мелким красным песком дорожке садика, устроенного Антонием со свойственной ему расточительностью и страстью к роскоши и украшенного всевозможными редкостями и произведениями искусства.

Был тут бассейн с золотыми и серебряными рыбками, редкими водяными лилиями, выставлявшими свои пурпурные головки над яркой зеленью листьев, и другой, в котором плавали маленькие разноцветные утки. Морской залив, вдававшийся в сад, был отгорожен золотой решеткой, и на его зеркальной поверхности красовались лебеди, белые и черные, с красными клювами. Пестрые индийские и местные цветы украшали клумбы и гряды. Навесы из золотой проволоки, обвитые вьющимися растениями, оттеняли узкие дорожки.

За густолиственным индийским деревом виднелся грот из известкового туфа, а подле него домик, устроенный специально для детей. В нем было все, что нужно для хозяйства, даже посуда в кухне и фамильные портреты в таблички, нарисованные искусным художником на маленьких пластинках из слоновой кости. Все это соответствовало по величине детскому возрасту и отличалось изяществом работы и драгоценным материалом.

За домиком была устроена маленькая конюшня, а в ней помещались четыре крошечные лошадки, с полосатой, как у тигра, шерстью, необычайная редкость, подарок индийского царя.

В другом месте находилась загородка для газелей, страусов, молодых жирафов и других травоядных животных. На деревьях сустились обезьяны и разноцветные птицы.

Мраморные и бронзовые статуи богов и гениев сверкали среди зелени, и эта пестрота, блеск, роскошь, скопившиеся на таком незначительном пространстве, производили неизгладимое впечатление не только на детей.

Маленький Александр тащил за собой Хармиону, не устаивая взглядом окружающее великолепие. Он остановился только на берегу бассейна с золотыми рыбками и сказал, приложив палец к губам:

– Теперь я тебе покажу. Смотри сюда.

Он приподнялся на цыпочки и показал дупло в стволе дерева. Там свила гнездо пара зябликов и вывела пятерых птенчиков, которые широко разевали

желтые рты, задирая кверху свои безобразные головы.

– Какая прелесть, а! – воскликнул царевич. – А посмотри-ка, что будет, когда прилетят отец и мать и станут их кормить.

Прекрасное личико ребенка сияло, и Хармиона нежно поцеловала его. Но в ту же минуту ей вспомнились заклеванные до смерти птенцы ласточек на адмиральском корабле, и кровь застыла в ее жилах.

В эту минуту слышались звонкие детские голоса, звавшие Александра. Мальчик нахмурился и сказал смущенно:

– Я показывал тебе гнездо и совсем забыл о наших делах. Агата заснула, а Смердис ушел, так что мы остались одни. Тогда они послали меня к сторожу Гору выпросить у него хлебца. Он такой вкусный! Мы, видишь ли, плотники, долго работали и захотели есть. Ты видела наш дом? Мы сами его построили! Селена, Гелиос, моя невеста Иотапе и я... Да, и я! Они взяли меня в помощники, и мы все, все сделали одни. Дом совсем готов. Стойло для коровы мы выстроим завтра! Другим мы не покажем, но тебе так и быть...

С этими словами он снова потащил за собой Хармиону. Близнецы и маленькая Иотапе, сверстница шестилетнего Александра, называвшего ее своей невестой, дочь индийского царя, обрученная с мальчиком после парфянской войны и содержавшаяся при дворе Клеопатры в качестве заложницы, встретили их радостными восклицаниями. Хармиона знала их всех, кроме мидянки, с самого рождения, и все они любили ее.

Они с горделивой радостью показывали ей свое творение, в самом деле довольно удачное. Работали они над ним уже несколько недель, позабыв ради него сад со всеми его редкостями. С особенной гордостью показывали они две доски, которые Гелиос выловил из моря с помощью Александра, и замок на воротах, который им удалось стащить от какой-то старой двери. Селена сама вышила занавес для дверей. Теперь они возились над устройством очага.

Хармиона хвалила их искусство, пока они наперебой рассказывали ей о трудностях, которые пришлось преодолеть. Наивная радость светилась в их глазах, и в своем увлечении они даже не заметили приближение человека, который ошеломил их восклицанием:

– Полно вам возиться с этой скучной работой, ваши высочества! И без того потратили на нее слишком много времени.

Затем он обратился извиняющимся тоном к царице, которая стояла подле него:

– Забава эта может показаться неподходящей, но она доставляла их высочествам столько удовольствия, что я допустил ее. Впрочем, если вашему величеству угодно запретить...

– Пусть себе забавляются, – перебила царица; а дети, лишь только увидели мать, кинулись к ней и уцепились за нее без всякого страха, уверяя, что этот дом для них дороже всего сада.

– Это, пожалуй, уже слишком, – заметил придворный Эвфронион, пожилой человек с умным и добродушным лицом. – Не мешает подумать, сколько еще нужно учиться, чтобы в день рождения ее величества не ударить в грязь лицом.

Но дети хором просили позволить им выстроить еще стойло и

добились-таки позволения.

Когда, наконец, Эвфронион хотел увести детей, царственная мать удержала их, сказав:

– А если бы я подарила вам вместо сада кусок земли, простое поле, вроде тех, где работают крестьяне, и разрешила бы вам после учения работать и строить сколько хотите?

Восторженный крик был ответом на эти слова, и только малютка Иотапе сказала задумчиво:

– Тогда я непременно возьму с собой куклу. Только одну старшую Атоссу. У нее не хватает одной руки, но я люблю ее больше всех.

– Бери что хочешь, – воскликнул Гелиос, притягивая к себе Александра, чтобы показать, что они, мужчины, стоят за одно. – Мама, только дай нам землю и позволь работать!

– Посмотрим, – сказала Клеопатра. – Быть может, ты и прав, Эвфронион... Но мы поговорим об этом после, в свободное время.

Эвфронион удалился с детьми, которые долго еще оборачивались, кивая и крича матери.

Когда они исчезли за деревьями, Хармиона воскликнула:

– Как бы ни омрачилось небо, но пока они остаются, солнечный свет еще не совсем померк для тебя!

– Если бы, – прибавила царица, – если бы мысль о них не соединялась с другой мыслью, которая еще усиливает тьму. Ты знаешь, какие вести принес нам этот ужасный день?

– Все знаю! – отвечала Хармиона с глубоким вздохом.

– Стало быть, знаешь, что мы стоим на краю пропасти, которая готова поглотить и их, их, Хармиона, их!

При этом она всхлипнула и, обвив руками шею своей подруги, прижалась к ее груди, как ребенок, ищущий утешения. Потом, подняв свое заплаканное лицо, тихо сказала:

– О Хармиона, я нуждаюсь в любви, как никто! Вот мне уже легче стало на твоей груди.

– Она твоя, прижмись к ней, когда тебе будет грустно... до конца! – воскликнула Хармиона с глубоким волнением.

– До конца, – повторила царица, отирая слезы. – Он начался с сегодняшнего дня. Ты знаешь, что на меня обрушилось? Сухопутное войско уничтожено, измена Ирода и Пикария; великодушное доверчивое сердце Антония растерзано этой позорной изменой, его дух омрачен, устройство канала – последняя надежда! – не может состояться, как известил меня Горгий... Я была подавлена всеми этими несчастьями, а тут явился Александр и потащил меня к гнезду. Из-за него он забыл обо всем остальном. Это навело меня на новые мысли, а тут еще домик, выстроенный детьми. Все это заставило меня оглянуться на свою прошлую жизнь, вплоть до того времени, когда я воспитывалась в доме твоего отца... Я... дети... Как различно устраивается наша жизнь. Они начали с того, к чему я стремилась с детства. Мое детство началось среди междоусобных распрей из-за изгнания отца и смерти матери, на

краю пропасти. Близнецы – им по десять лет – скоро расстанутся с детством, и для них начинается такая же, полная страданий, жизнь, после всех удовольствий, которыми они окружены и которых я не знала. Я могла только мечтать о том, чем они пользуются на каждом шагу. Как часто поверяла я тебе блистательные видения, посещавшие мою душу. Ты охотно следовала за мной в сказочный мир моих грез. А я... Эти мечты преследовали меня всю жизнь. На престоле, среди блеска и могущества, они являлись мне снова и снова. Средства осуществить их были в моем распоряжении, и когда я встретила с ним, чья жизнь сама по себе сбывшийся сон, то вспомнила о детских грезах и осуществила их на деле. Чудеса, которыми я разнообразила жизнь моего возлюбленного, – все это грезы моего детства, принявшие вещественную форму. Этот сад – образ того существования, к которому я тщетно стремилась. Все, что улаживает чувства, собрано на этом клочке земли. А между тем я училась довольствоваться немногим в доме твоего отца и мечтала когда-то о душевном спокойствии. Где оно – спокойствие, наше высшее благо? Из-за меня утратили его и вы... Но дети!.. Они начали жизнь в этой обстановке, и вот я вижу, что их собственный здравый смысл заставляет стремиться прочь от этой ослепительной пестроты, одуряющих благоуханий, оглушительного шума и пения. Они мечтают о клочке земли, на котором проходит жизнь трудящегося человека. Мальчик отказывается от суеты, предпочитая деятельную жизнь. Девочка следует его примеру и держится только за куклу, в которой видит живое дитя, следуя материнским инстинктам, вложенным в нее природой. И то, к чему так страстно стремятся их сердца, вполне соответствует их натуре. Когда мне было десять лет, мои стремления приняли уже совершенно определенный характер. Они еще слепо стремятся к целям, которые возникают перед ними. Пусть же они вернуться к тому, с чего начала их мать и чему она обязана всем хорошим, что в ней еще осталось! Пусть они живут в эпикурейском саду, старом ли, что в Канопе, или новом, все равно. То, о чем грезил их мать и что она пыталась осуществить с расточительностью, часто безумной, – все это окружало их со дня рождения, и все это им приелось. Вступив в жизнь, они будут презирать то, что раздражает и одурманивает чувства. Они не перестанут стремиться к безболезненному душевному спокойствию, если только у них будет мудрый руководитель, который оградит их от опасностей, коренящихся в учении Эпикура именно для юношества. Я нашла такого руководителя, и ты отнесешься к нему с доверием, потому что это твой брат, Архибий.

– Он? – с изумлением спросила Хармиона.

– Да, он. Он вырос в эпикурейском саду и нашел в жизни и философии опору, которая помогает ему сохранить душевное спокойствие среди всех превратностей жизни, он любит мать и привязан к детям, которые тоже платят ему любовью и искренним доверием. Я бы желала поручить детей его попечению, и если он согласится исполнить желание несчастнейшей из женщин, я спокойно встречу конец. Он близок. Я чувствую, я знаю это. Горгий уже работает над проектом моего надгробного памятника.

– О царица! – скорбно воскликнула Хармиона. – Что бы ни случилось, твоей жизни не может грозить опасность. В груди Октавиана не бьется

великодушное сердце Антония, но он не жесток, и простой расчет заставит его пощадить тебя. Он знает, что эта страна, этот город боготворят тебя, и если бессмертные пошлют ему новую победу, если они позволят ему овладеть твоим престолом и твоей священной особой...

– Тогда, – воскликнула Клеопатра, и глаза ее засверкали сильнее, – тогда он узнает, кому из нас двоих более свойственно величие! Тогда-то я взгляну на него сверху вниз, хоть он и похитил наследство у преемника Цезаря, хоть он и добьется, быть может, господства над миром.

Она произнесла эти слова со сверкающими глазами, но потом опустила руку, сжавшуюся в кулак, и сказала уже другим тоном:

– Пройдут, может быть, долгие месяцы, пока он решится на нападение, и сами бессмертные помогли возведению надгробного памятника. Единственное препятствие, дом старого философа Дидима, разрушено. Об этом известил меня посланец Горгия. Это будет второй мавзолей в нашем городе, достойный внимания. Первый скрывает останки великого Александра, которому город обязан своим возникновением и именем. Он, подчинивший половину мира своей власти и гению греческого народа, умер гораздо моложе меня. Зачем же мне, чья жалкая слабость погубила дело при Акциуме, зачем мне обременять землю? Через несколько часов мы, может быть, увидим Марка Антония.

– И ты встретишь его в таком состоянии духа? – перебила Хармиона.

– Он не хочет ни с кем встречаться, – возразила Клеопатра. – Даже мне он запретил приветствовать его, и я понимаю это запрещение. Но что же пришлось ему пережить, если он, такой экспансивный, друг людей, стремится к одиночеству и боится встречи с самыми близкими. Я поручила Ире присмотреть, чтобы все было в порядке на Хоме, где он хочет уединиться. Она позаботится и о его любимых цветах. Тяжело, страшно тяжело мне не встретить его по-прежнему. О Хармиона, помнишь ли, как он бросился ко мне навстречу с распростертыми объятиями, с лицом, озаренным любовью. И когда я слышала его глубокий голос, мне казалось, что рыбы в воде радуются вместе со мною и пальмы на берегу кивают ветвями... А здесь! Детские грезы, которые я превратила в действительность ради него, охватили нас, и наша жизнь превратилась в сказку! С первого же дня, когда он встретил меня в Канопе, предложил мне первый букет и бросил на меня первый взор, сияющий любовью, его образ запечатлелся в моей памяти как воплощение всепобеждающей мужской силы и светлой, ничем не омрачаемой, озаряющей мир радости. А теперь, теперь!.. Ты помнишь, в каком состоянии мы его оставили? Но нет, нет! Он должен стряхнуть с себя это настроение. Не с понурой головой, а гордо выпрямившись, как во времена счастья, рука об руку со своей возлюбленной должен он переступить порог Гадеса. Ведь он любит меня до сих пор! Иначе бы он не явился сюда теперь, когда волшебная сила кубка не может действовать на него. А я! Это сердце, подарившее ему свою первую, еще детскую страсть, до сих пор принадлежит ему и будет принадлежать до конца!.. Что, если я встречу его в гавани? Взгляни мне в лицо, Хармиона, и отвечай без страха, как зеркало: удалось ли Олимпу изгладить морщины?

– Их и прежде почти не было видно, – отвечала Хармиона, – самый зоркий глаз вряд ли бы заметил их. Я принесла и краску для волос, и если Олимп...

– Тише, тише, – перебила Клеопатра вполголоса, – этот сад слишком населен, и у птиц очень тонкий слух.

При этом лицо ее осветилось лукавой усмешкой, заставившей Хармиону воскликнуть:

– Если бы Марк Антоний видел тебя в эту минуту!

– Полно льстить! – возразила царица с благодарной улыбкой.

Хармиона почувствовала, что теперь удобная минута для того, чтобы вступить за Барину:

– Нет, я не льщу! – сказала она. – Нет женщины в Александрии, которой пришло бы в голову померяться с тобой. Перестань же преследовать несчастную, которую ты поручила моему присмотру. Клеопатра оскорбляет себя, когда решается...

– Опять! – с неудовольствием перебила царица.

Лицо ее приняло жесткое выражение и, заметив сухим тоном: «Ты опять забыла мое приказание; но мне пора приняться за дело», – она повернулась спиной к своей собеседнице.

XV

Хармиона направилась в свое помещение. Ей стало не по себе, уже не в первый раз. Она удивлялась неутомимой энергии и сильному уму Клеопатры, ее преданности интересам родной страны, ее постоянству в привязанностях и нежной заботливости о близких людях, но тем более огорчали другие стороны ее характера.

Она видела, как Клеопатра, желая осуществить волшебные мечты своей юности и очаровав возлюбленного, тратила чудовищные суммы, нанося ущерб благосостоянию своих подданных; как она забывала великое и важное ради суетных забот о своей наружности; как мелочная ревность заставляла ее изменять справедливости и доброте, свойственным ей в остальных случаях; как, наконец, в порыве негодования она забывалась до насильственных поступков с подданными, чем-либо возмущившими ее. Прирожденное честолюбие, побуждавшее ее к великим и славным подвигам, служило иногда причиной таких действий, в которых она сама потом раскаивалась.

Как в детстве она не могла перенести, чтобы кто-нибудь превзошел ее в решении трудных задач, так и теперь желала всегда и всюду первенствовать. Потому-то, быть может, главной причиной ее упорного гнева на Барину был злополучный подарок Антония.

Хармиона знала, что Клеопатре не раз случалось великодушно забывать и прощать несправедливости, даже лично ей нанесенные оскорбления; но быть поставленной Антонием на одну доску с какой-нибудь Бариной – этого она не могла простить, а столкновение, вызванное нелепой страстью Цезариона, давало ей право наказать соперницу.

Удрученная, беспокоясь за Барину, глубоко взволнованная и к тому же уставшая телом и душой, Хармиона вошла в свое жилище.

Там ожидала она найти облегчение в мягком, ровном характере Барины, в заботах своей верной чернокожей служанки и доверенной.

Солнце склонялось к закату, когда она вступила в переднюю. Часовые сообщили, что ничего особенного не случилось, и она прошла в жилые комнаты.

На этот раз, впрочем, нубиянка не вышла к ней навстречу с приветствием и предложением снять с нее мантию и покрывало и развязать сандалии. Только во второй комнате, предназначенной для гостей, нашла она Барину с заплаканными глазами.

В отсутствие Хармионы Барина получила письмо от Алексаса, уведомлявшего ее, что завтра утром он будет допрашивать ее по поручению царицы. Дела ее плохи, но если она не встретит его с прежней суровостью, которая уже доставила ему много огорчений, то он, со своей стороны, сделает все, чтобы избавить ее от заключения, рудников или чего-нибудь еще худшего. К несчастью, ее неосторожная интрига с царем царей Цезарионом восстановила против нее народ. Насколько восстановила, видно из того, что дом ее деда Дидима разрушен. Диона, который осмелился поднять руку на сына возлюбленной царицы, ничто не спасет от гибели. Ему, Алексасу, известно, что она теряет в Дионе друга и покровителя, но он готов заменить его, если только она своим поведением не помешает ему соединить правосудие с милостью.

Это бесстыдное письмо, в котором судья обещал Барине снисхождение в обмен за ее благосклонность, объяснило Хармионе возбужденное состояние молодой женщины.

Излив свой гнев и отвращение к Алексасу, насколько позволяла ее мягкая натура, она несколько успокоилась, но все-таки страх, горе и отчаяние продолжали бороться в ее душе.

Хармиона ожидала от нее вопросов о царице и Архибии, о новых событиях, имевших отношение к Клеопатре, государству и народу, но она расспрашивала только о возлюбленном, а именно на этот счет Хармиона ничего не могла сообщить ей. Она не успела узнать у Диона, к которому зашла только на минуту, как он переносит несчастье, постигшее его и Барину, каковы его планы на будущее и чего он ожидает от своей милой.

Это обстоятельство усилило тоску Барины, которая боялась не только за себя, но и за Диона. Она умоляла Хармиону не оставлять ее в неизвестности, которую труднее перенести, чем самую ужасную весть. Но та или не могла, или не хотела ничего сообщить ей ни о намерениях Клеопатры, ни об участии ее деда, бабки и сестры. От этого опасения ее усилились, и если известие, сообщенное Алексасом, было верно, то им пришлось остаться без приюта. Когда же наконец Хармиона призналась ей, что только мельком видела Диона, отчаяние окончательно овладело девушкой.

Недавно еще исполненная надежд, радовавшаяся на склоне дня грядущему утру, Барина уже видела смертный приговор, подписанный Клеопатрой ей и ее

милому. Видела своих близких, гибнущих под развалинами разрушенного дома или побиваемых камнями среди разъяренной толпы. Слышала голос Алексаса, приказывающий палачу подвергнуть ее пыткам. Ей казалось уже, что и нубиянка не возвращается, потому что не может найти Диона. Стража царицы заковала его в цепи и бросила в темницу, если только не растерзала его толпа, науськанная Филостратом.

В припадке лихорадочного иступления она рисовала картины, которые ужас, отчаяние, отвращение подсказывали ее воображению. Хармиона тщетно старалась успокоить ее ласками и словами, пуская в ход все свое красноречие. Ничто не помогало. Наконец, ей удалось увлечь несчастную к окну, из которого открывался великолепный вид. На западе солнце спускалось к горизонту за лесом мачт в гавани Эвноста, и Хармиона, которой не раз случалось успокаивать таким образом детей царицы, указала своей пленнице на пылающий небосклон, стараясь развлечь ее рассказами об ее отце-художнике, который часто восхищался роскошными красками угасающего дня.

Но Барине это зрелище только напомнило другой закат солнца, которым она любовалась вместе с Дионом, и рыдания снова вырвались из ее груди.

Хармиона молча положила ей руку на плечо. В эту минуту дверь открылась и вошла нубиянка Анукис.

Госпожа знала, что такая продолжительная отлучка верной служанки, без сомнения, объясняется какими-либо важными обстоятельствами. Ее наружность доказывала это. Блестящая темная кожа приняла пепельный оттенок, высокий лоб, обрамленный густыми курчавыми волосами, был нахмурен, полные губы побледнели, выдавая усталость.

Однако она, по-видимому, вовсе не собиралась отдыхать, так как, поздоровавшись и извинившись за свое долгое отсутствие, сообщила Барине, что Дион уже почти выздоровел. Она взглядом дала понять своей госпоже, что желала бы поговорить с ней наедине. Этот взгляд не ускользнул от молодой женщины, и, охваченная новым беспокойством, она потребовала, чтобы от нее ничего не скрывали.

Хармиона велела говорить Анукис. Нубиянка прежде всего заметила, что ее новости самые лучшие и только требуют твердости и мужества со стороны Барины, в чем, конечно, у нее не будет недостатка. Надо только спешить. Через час после захода солнца их будут ожидать в условленном месте.

Тут Хармиона перебила служанку восклицанием:

— Невозможно! — и напомнила о стражах, расставленных Алексасом и Ирой не только в передней и подле всех дверей, но и под окнами.

Нубиянка возразила, что все это предусмотрено, и попросила Барину, не теряя времени, выкрасить кожу и волосы, а потом завить их.

Изумление, выразившееся на лице молодой женщины, заставило ее воскликнуть:

— Положись на меня! Сейчас вы все узнаете. Слишком много нужно рассказать. По дороге я все обдумала, но теперь не до этого. Нет, нет! Кто хочет выгнать стадо овец из горящего хлева, должен прежде всего выпустить первого барана, — я подразумеваю главное дело, и с него-то я начинаю, хотя им бы

следовало закончить...

Тут ее перебило восклицание Барины:

– Я должна бежать, Дион знает об этом и последует за мной. О, благодарю тебя!

В самом деле, каждая черта безобразного лица нубийки показывала, что она желает сообщить что-то радостное. Предприимчивый дух светился в ее черных глазах, и ласковая улыбка озарила ее толстые губы, когда она ответила:

– Любящее сердце – лучший вещун, чем мудрейший пророк великого Сераписа. Да, молодая госпожа, тот, о ком ты думаешь, должен бежать из этого злополучного города, где вам обоим грозит беда. Конечно, ему удастся это, а также и тебе, если бессмертные помогут нам и если мы сами будем осторожны и смелы. После скажу, кто нам помогает. Теперь для тебя самое главное изменить наружность и принять новый вид, и притом самый безобразный: вид черной Анукис. В ее обличье должна ты покинуть дворец. Теперь ты знаешь, что делать, а пока я достану платье, ты, госпожа, позаботься о черной краске, чтобы изменить цвет этой белоснежной кожи и золотистых волос.

С этими словами она оставила комнату, Барина же бросилась в объятия своей покровительницы, плача и смеясь одновременно:

– Хотя бы мне пришлось навек остаться курчавой и черной, как добрая Эзопион, и пройти сквозь огонь, но лишь бы он не лишил меня своей любви, я согласна... О Хармиона, как быстро сменяются горе и радость в моем сердце. Каждому, всем, тебе, даже царице, которая грозит мне такими ужасами, я рада бы сделать добро.

Вновь засиявшая надежда превратила ее отчаяние в счастье. Хармиона отнеслась к этому с благодарной радостью и втайне желала, чтобы царица услышала ее последнее восклицание.

Пересматривая ящичек с различными составами для окраски волос, она думала об опасностях, которыми угрожает этот новый и еще неясный для нее оборот дела, но Барина видела впереди только свидание с милым и пребывала в самом радужном настроении, когда вернулась нубийка.

Тотчас приступили к переодеванию.

Работая руками, Анукис не переставала действовать и языком. Она рассказывала по порядку о происшествиях этого хлопотливого дня.

Барина слушала с напряженным вниманием и становилась все веселее по мере того, как ей становился понятен план, придуманный для ее спасения. Но Хармиона делалась все серьезнее и задумчивее, размышляя об опасностях, угрожавших ее пленнице. Тем не менее она сознавала, что невозможно отговаривать Барину от попытки к бегству.

Когда все приготовления уже близились к концу, она подумала, что помогает предприятию, идущему вразрез с требованиями царицы, и что, без сомнения, вызовет ее неудовольствие, а может быть, и гнев. Тягостное чувство охватило ее. За себя она не боялась, и даже вовсе не думала о дурных последствиях, которые может навлечь на нее бегство Барины. Ее удручало сознание, что она в первый раз поступает вопреки воле Клеопатры, после того как всю жизнь исполняла ее желания и помогала ее стремлениям. Правда, ей

пришло в голову, что, помогая бегству Барины, она избавляет царицу от позднего раскаяния. Она ни минуты не колебалась, чтобы спасти юную, прекрасную жизнь, расцвет которой посетили бури и страдания и которой улыбалось счастье, но, как бы то ни было, этот похвальный поступок слишком противоречил стремлениям и целям ее существования. А ведь та – Хармиона даже не решалась назвать ее имени, – которой она собиралась изменить, должна стоять для нее бесконечно выше других людей, поскольку приобрела гораздо больше прав на ее любовь и верность.

Если попытка к бегству увенчается успехом, конечно, можно только радоваться. Тем не менее она почти нехотя принялась за превращение прекрасного лица Барины в лицо нубийки. Да и жаль ей было портить красоту молодой женщины, когда пришлось обрезать часть ее пышных белокурых волос.

Всего этого, конечно, нельзя было избежать, и чем дальше рассказывала Анукис, тем меньше сомнений оставалось у ее госпожи.

Уже один разговор между Ирой и Алексасом, подслушанный нубийкой, требовал спасти Барину и ее возлюбленного от таких могущественных врагов. Верный слуга Диона, имени которого старуха не знала и о котором сказала только, что он нашел такое надежное убежище, какого не отыщет и крот, роющийся под землей, был точно послан самой судьбой, вместе с архитектором. Проход в подземельях храма Исиды, найденный Горгием, тоже казался чудом.

На табличке, которую Эзопион, рассказав о главном, потихоньку сунула в руку Хармионы, было написано: «Архивий своей сестре Хармионе – привет. Зная тебя, я думаю, что тебе будет так же неприятно участвовать в этом приключении, как и мне, но ты должна пойти на это ради ее отца. Нужно спасти от гибели жизнь и счастье его ребенка. Итак, ты проводишь Барину в храм Исиды. Там она встретит своего возлюбленного, которому ты и передашь ее. Тут они и обвенчаются: об этом я позабочусь. Тотчас после свадьбы ты можешь вернуться домой. Не говори Барине о наших планах. Разочарование будет слишком велико в случае, если они окажутся неисполнимыми».

Это письмо развеселило Хармиону. Предстояла свадьба Барины с избранником ее сердца, а невеста была дочерью Леонакса, когда-то близкого сердцу Хармионы. Все сомнения и опасения ее рассеялись, и, когда переодевание было кончено и Барина явилась в образе чернокожей нубийки, она должна была сознаться, что в таком виде нетрудно будет вывести ее из дворца.

Она сказала Барине, что сама будет сопровождать ее, и хотя молодая женщина не могла поцеловать подругу, по милости раскрашенного лица, но ее пылкая благодарность была и без того ясна Хармионе и верной Анукис.

Нубийка осталась одна. Заботливо уничтожив все следы маскарада, она подняла руки и умоляла богов своей родины оказать покровительство красавице, которая шла навстречу стольким опасностям.

Госпожа наказала ей в случае, если Ира не вернется и Клеопатра потребует Хармиону, извиниться за отсутствие и заменить ее. Еще во время похода

Клеопатра пользовалась однажды услугами Эзопион из-за болезни Хармионы и хвалила ее ловкость.

Когда Хармиона выходила из дворца, ее почти всегда сопровождала черная рабыня. В обширных коридорах уже зажглись светильники и лампы, а на дворах факелы и смола, но, хотя освещение местами было довольно ярко, никто из многочисленных телохранителей, офицеров, евнухов, чиновников, сторожей, служителей и рабов, привратников и вестников не обратил на них внимания.

Так достигли они последнего двора, и только здесь пришлось им пережить минуту, когда кровь застыла в жилах: навстречу шел тот, от кого они ожидали худшего зла, – сириец Алексас.

Он не прошел мимо беглянок, а остановил Хармиону и вежливо, почти подобострастно сообщил ей, что царица поручила крайне неприятное для него дело: допросить ее пленницу, и что он намерен приступить к этому допросу завтра утром.

Тем временем сопровождавший его слуга легонько толкнул Барину в бок и шепнул ей:

– Сегодня вечером опять, как вчера, ты должна досказать нам историю князя Сеткау.

У беглянки язык точно прилип к гортани. Однако она кивнула головой, в ту же минуту Алексас раскланялся с Хармионой. Раб последовал за ним, а Барина вышла вслед за своей покровительницей на свободу.

Свежий морской ветер повеял на нее, как отрадный привет из царства свободы и счастья, и к ней вернулось присутствие духа настолько, что она передала Хармионе слова раба. Эзопион могла напомнить о них вечером и укрепить в слугах уверенность, что она, а не Барина сопровождала Хармиону.

До храма Исиды было недалеко, но вскоре их остановило новое препятствие: бесконечная процессия, спускавшаяся по ступеням храма. Во главе шествия восемь пастофоров несли изображение Исиды. За ними следовали жрицы богини и чтецы с раскрытой книгой. Далее четверо пророков. Их глава, верховный жрец, важно шествовал под балдахином. Остальные несли в руках свитки, священные сосуды, венки и знамена. Жрицы, из которых некоторые были с распущенными волосами и в венках, смешивались с толпой духовных, и их высокие голоса сливались с басами мужчин. Служители храма и толпа молящихся замыкали шествие – все в венках и с цветами в руках. Факелonosцы освещали путь, и облака дыма от благовонных курений окутывали процессию.

Беглянки видели, как процессия направилась на Лохиаду, и из разговоров окружающих поняли, что она должна передать «Новой Исиде», царице, привет богини.

Клеопатра не могла не принять такую депутацию и была обязана показаться ей с коронами обоих Египтов и в полном облачении жрицы, которое знали во всех мелочах только две ее поверенные, тогда как простые служанки, вроде Анукис, не сумели бы справиться с ним.

Это обстоятельство снова наполнило беспокойством душу Хармионы, и, когда наконец лестница освободилась, она со страхом подумала, чем все это

кончится.

По-видимому, беглянка и ее покровительница напрасно продолжали свой путь, так как служители не пустили их в храм, объявив, что он будет заперт до возвращения процессии. Барина бросила на свою спутницу робкий и вопросительный взгляд; но, прежде чем та успела ответить, перед ними на ступенях храма возникла высокая мужская фигура. Это был Архибий, который спокойно предложил женщинам следовать за ним. Молча повел он их вокруг храма к боковым дверям, куда незадолго перед тем проследовали носилки в сопровождении нескольких человек.

Пройдя по длинной лестнице, они достигли целлы.

Три ряда колонн разделяли святилище на столько же отделений. Среднее было посвящено Исиде, левое – ее супругу Осирису, правое – Гору, сыну великой богини. Перед ним, скрытые в вечернем сумраке, возвышались алтари, уставленные, по распоряжению Архибия, жертвенными приношениями.

Подле статуи Гора стояли носилки, принесенные в храм незадолго до прихода женщин; из них вышел, поддерживаемый друзьями, стройный молодой человек.

Глухой гул наполнил зал. Это раздавались удары в железную дверь святилища. Затем последовал резкий звук металлических задвижек, которые задвигал старик Неокор.

Барина вздрогнула, но не спросила о причине шума, да она и не давала себе ясного отчета в том, что здесь происходит. Молодой человек, который теперь подошел к алтарю, продолжая опираться на руку друга, был Дион, ее возлюбленный, подвергшийся таким опасностям ради нее. На него был устремлен ее взгляд, к нему стремилось все ее существо, и, не владея собой, она громко назвала его по имени.

Хармиона с беспокойством взглянула на окружающих, но тотчас успокоилась. Рослый мужчина, поддерживавший Диона под руку, был его лучший друг, архитектор Горгий; другой, еще более высокий и крепкий, – брат Хармионы, Архибий. Женщина, только что снявшая с головы покрывало, оказалась Береникой, матерью Барины. Более надежных друзей вряд ли можно было найти. Хармиона не знала только красивого молодого эфеба, стоявшего рядом с ее братом.

Барина, все еще державшая ее за руку, хотела было подойти к матери и возлюбленному, но Архибий удержал ее, сказав, что она должна потерпеть. «Если только ты согласна, – прибавил он, – обвенчаться у этого алтаря с Дионом, сыном Эвмена».

Хармиона почувствовала, как задрожала рука ее спутницы при этих словах. Но молодая женщина подчинилась требованию друга.

Все кругом затихло. Архибий взял из рук жениха какой-то свиток, заявил присутствующим, что он явился как кириос, или посаженный отец невесты, и спросил у Барины, признает ли она его таковым. Затем он передал свиток, на котором был написан брачный контракт, Диону, чтобы тот ознакомился с его содержанием. Далее он объявил присутствующим, что при этой наскоро совершаемой церемонии они должны исполнить роль: Горгий – паранимфа, или

дружка, а Береника подружки. После этого они зажгли факел у огня на алтаре. Архивий как кириос по египетскому, а Береника как подружка по греческому обычаю соединили руки жениха и невесты, а затем Дион передал своей возлюбленной железное кольцо.

Этим самым кольцом обручался его отец. Передавая кольцо невесте, Дион шепнул ей: «Моя мать очень дорожила им; теперь это сокровище переходит к тебе».

Объявив, что жертвы Исиде, Серапису, Зевсу, Артемиде и Гере принесены и что брак между Дионом, сыном Эвмена, и Бариной, дочерью Леонакса, заключен, Архивий пожал им обоим руки.

По-видимому, он спешил, так как позволил сестре и Беренике только наскоро обнять Барину, а Горгию пожать ей и Диону руку. Затем сделал знак, и мать новобрачной, вся в слезах, а Хармиона, точно оглушенная, последовали за ним. Только очутившись на улице, Хармиона опомнилась и дала себе ясный отчет о церемонии, при которой только что присутствовала в качестве свидетельницы.

Барине казалось, что вот-вот она очнется от чудесного сна; и в то же время она с радостью сознавала, что бодрствует, так как Дион находился рядом с ней. Даже при тусклом освещении храма она заметила, что он не вполне еще поправился.

Ему трудно было идти, поэтому она обрадовалась, когда он, наконец, последовал совету Горгия и снова улегся в носилки.

Но где же носильщики?

Этот вопрос скоро разрешился, так как Горгий и молодой человек, в котором она давно узнала ученика своего деда, Филотаса, взялись за носилки.

«Следуй за нами», – сказал архитектор вполголоса.

Она повиновалась и пошла за носилками, сначала по широкой, затем по узенькой лестнице вниз, потом по длинному коридору. В конце коридора оказалась запертая дверь, но архитектор отворил ее и помог другу выбраться из носилок.

Прежде чем двинуться дальше, он поставил носилки в комнате, наполненной разной утварью, которую он обнаружил в этом подземелье.

До сих пор беглецы не обменялись почти ни единым словом. Теперь Горгий сказал Барине:

– Ход очень низок. Надо идти согнувшись. Покрой голову и не бойся, если тебя заденет крылом летучая мышь: их покой давно никто не нарушал. Мы могли бы вывести тебя из храма на морской берег, где ты могла бы дожидаться нас, но это опасно, тебя могут заметить. Мужайся, юная супруга Диона! Ход этот длинен, но в сравнении с рудниками – это гладкая и прямая дорога. Помни о цели, тогда и летучие мыши покажутся тебе ласточками, вестницами весны.

Она кивнула ему головой; Диону же, который с трудом продвигался вперед, опираясь на друга, поцеловала руку. Когда шествие двинулось дальше, она снова пошла позади. Барина решила, что ее возлюбленному неприятно будет видеть ее обезображенной, и отошла подальше, хотя охотно бы была рядом с ним. Коридор сделался ниже, друзья взяли раненого на руки. Им

предстояла довольно трудная задача; приходилось идти, согнувшись в три погибели, с тяжестью на руках и в то же время отмахиваться от летучих мышей, испуганных светом факела.

Хотя голова Барины была покрыта, но все-таки в другое время отвратительные существа, задевавшие ее за голову и за руки, возбудили бы в ней ужас и отвращение. Теперь же она едва замечала их; ее взор был устремлен на человека, которому она принадлежала телом и душой и чьи терпеливые страдания разрывали ее сердце. Голова его покоилась на груди Горгия, шедшего перед ней. Она не могла ее видеть, но всякий раз, как ноги Диона судорожно вздрагивали, ей казалось, что она чувствует его страдания. Тогда ей хотелось подойти к нему поближе, отереть его влажный лоб и ободрить ласковыми словами.

Это ей иногда удавалось, когда Горгий и Филотас останавливались перевести дух и опускали свою тяжелую ношу. Правда, они отдыхали недолго, но и в эти короткие мгновения они не могли не заметить, что силы покидают больного. Когда, наконец, достигли цели, Филотас должен был поддерживать обессиленного друга, а архитектор осторожно отворил дверь. Она вывела их на омываемую морем лестницу возле сада Дидима.

Горгий приотворил дверь и прислушался, но вскоре пошептался с кем-то и дверь распахнулась. Высокий человек взял Диона на руки и понес из подземелья. Барина со страхом следила за ними, но в эту минуту к ней подошел другой, такой же рослый детина, пробормотал какое-то приветствие и взял ее в охапку, как ребенка. Свежий ночной воздух повеял ей в лицо, она искала взглядом Диона, но тщетно: ночь была темна, а свет от огней на берегу не достигал этого заслоненного постройками места набережной.

Она испугалась, но вскоре перед ними возникли очертания большой рыбацкой лодки, и тотчас сильный человек, несший Барину, отпустил ее в лодку, а чей-то низкий голос сказал:

– Все в порядке. Сейчас принесу вина.

Тут она увидела своего мужа, для которого было устроено ложе на носу лодки. Он лежал неподвижно, без чувств. Барина натерла ему лоб вином, прижала его голову к своей груди, шепча ласковые слова; потом при свете фонаря осторожно перевязала рану и за всеми этими хлопотами не заметила, что лодка уже отплыла. Только когда гребцы развернули треугольный парус, она дала себе отчет в том, что происходит.

Ей еще не сообщили, куда их везут, да она и не спрашивала об этом. Везде будет хорошо, лишь бы оставаться с ним. Чем уединеннее будущее убежище, тем лучше. Сердце ее было переполнено любовью и благодарностью. Она снова наклонилась, поцеловала его горевший лоб и, подумав: «Я тебя вылечу», обратилась с мольбой об исцелении возлюбленного к богу, наделившему ее даром пения, Фебу-Аполлону. Она еще молилась, когда лодка причалила. Снова сильные руки вынесли ее милого на берег, и, когда ноги коснулись твердой земли, их избавитель, вольноотпущенник Пирр, обратился к ней со словами:

– Добро пожаловать, супруга Диона, гостьей на наш остров. Не знаю, понравится ли он тебе. Но если тебе будет здесь так же приятно, как нам

приятно служить тебе и твоему господину, который и нам господин, то мы не скоро расстанемся.

Затем он повел ее в дом и указал две комнаты, предназначенные для нее и для ее мужа. На пороге их встретили пожилая жена Пирра, какая-то молодая женщина и девушка, едва вышедшая из детского возраста. Старшая из них обратилась к Барине со скромным приветствием.

– На чистом воздухе Змеинового острова, – сказала она, – ваш муж быстро поправится. Я сама и жена старшего сына, – при этом она указала на молодую женщину, – а также их дочь Диона всегда будут к услугам Барины.

XVI

Братья и сестры редко бывают разговорчивы, когда останутся наедине друг с другом. Хармионе же, когда она возвращалась с Архибием на Лохиаду, трудно было начать разговор потому, что она была глубоко потрясена последними событиями. Архибий тоже был поглощен ими, хотя ему предстояли гораздо более важные дела.

Молча шли они друг подле друга. На вопрос сестры, где укроются новобрачные, Архибий ответил, что, несмотря на ее испытанную скромность, это должно остаться тайной даже для нее. На второй вопрос, как удалось им беспрепятственно воспользоваться храмом Исиды, он тоже отвечал очень осторожно, с недомолвками.

Историк Тимаген, приехавший из Рима в качестве посла и пользовавшийся гостеприимством своего бывшего ученика Архибия, был уполномочен предложить Клеопатре со стороны Октавиана полное помилование и признание ее царицей, если только она согласится выдать или умертвить Марка Антония.

Александриец Тимаген находил это предложение справедливым и разумным. Оно обещало освободить его родной город от человека, подвергавшего опасности независимость страны своим безрассудством и наносившего ущерб ее богатству своей безграничной щедростью, расточительностью и любовью к роскоши. Для римского же государства, представителем которого являлся в данном случае Тимаген, существование такого человека, как Антоний, грозило бесконечными смутами и гражданскими войнами. В эпоху восстановления Авлета на египетском троне Габинием и Марком Антонием Тимаген попал в плен к римлянам. В Риме его выкупил на волю сын Суллы. С тех пор историк достиг влиятельного положения, но все же сохранил зуб против Антония. Он надеялся привлечь на свою сторону Архибия, преданность которого царице была ему известна. Арий, дядя Барины, бывший наставник Октавиана, тоже должен был стоять за него. Но важнее всего для Тимагена была поддержка верховного жреца Александрии, главы всей египетской иерархии.

Тимаген убедил его, что Марк Антоний – погибший человек, и Египет того и гляди попадет в руки Октавиана. От него, верховного жреца, зависит сохранить, насколько возможно, свободу и независимость страны. Участь

Клеопатры тоже в руках Октавиана, и тот, кто хочет сохранить за ней престол, должен исполнять его волю.

Все это мудрый Анубис и сам понимал как нельзя лучше; от историка он узнал только, что Октавиан из всех александрийцев наиболее доверяет Арию. Поэтому верховный жрец решил тайно начать переговоры с дядей Барины. Но его достоинство и дряхлость не позволяли ему лично посетить Ария, которого к тому же подозревали в дружбе с римлянами. А так как Арий, еще не оправившийся от ушибов, не мог выходить из дома, то Анубис отправил к нему своего доверенного секретаря, молодого астролога Серапиона.

Во время переговоров Тимагена с секретарем и Арием явился Архибий, чтобы побудить дядю Барины сделать со своей стороны все возможное для спасения племянницы, так как в эти смутные времена всякий расположенный к царице человек рад бы был удержать ее от поступка, грозившего возбудить против нее значительную часть граждан. Тем более что вместе с Бариной в немилость попал и член совета Дион. Представитель верховного жреца, узнав об этом деле, охотно согласился оказать всяческое содействие со своей стороны. Собственно, до Барины и Диона ему не было никакого дела, но он готов был принести большую жертву, лишь бы угодить влиятельному Архибию, а тем более Арию, пользовавшемуся расположением восходящего светила, Октавиана.

Пока они обсуждали, какими средствами помочь Барине, явилась нубиянка и сообщила Архибию о своем разговоре с вольноотпущенником и Горгием. Бегство гонимых могло осуществиться только в том случае, если бы им удалось незамеченными добраться до лодки, а это всего вернее могло быть достигнуто с помощью потайного хода, открытого архитектором.

Архибий, которому поверенный верховного жреца обещал свое содействие, решил сообщить об этом плане всем присутствующим, и Арий предложил обвенчать Барину с Дионом в храме Исиды, а затем провести их к лодке подземным ходом.

Предложение было одобрено, и Серапион обещал допустить беглецов в святилище Исиды по окончании процессии, которая должна была состояться после захода солнца. Он рассчитывал получить услугу за услугу от друга Октавиана, который отнесся к его предложению с горячей признательностью.

– Духовенство, – говорил Серапион, – всегда готово защищать гонимых, особенно в тех случаях, когда этим может удержать царицу от несправедливости. Что касается беглецов, то для них представляются две возможности: или Клеопатра будет по-прежнему стоять за Марка Антония и в таком случае – отчего да сохраняют ее боги! – погибнет, или она пожертвует им и сохранит престол и жизнь. В том и другом случае гонимым недолго будет грозить опасность, так как сердце царицы исполнено милосердия и не может долго гневаться на невинных.

Затем Архибий, нубиянка и Береника, находившаяся в то время у Ария, условились насчет подробностей свидания и сообщили об этом архитектору.

Как и сестре, Архибий не сказал остальным участникам этого плана, не исключая даже матери Барины, где укроются беглецы. Относительно цели

посольства Тимагена он сообщил Хармионе лишь то небольшое, что могло служить объяснением действия, в котором она принимала участие. Впрочем, Хармиона и не расспрашивала. Ее всю дорогу мучила мысль, что Клеопатра, потребовав ее к себе, узнает о бегстве Барины. Впрочем, она упомянула о желании царицы поручить воспитание своих детей Архибию, но только дома успокоилась настолько, чтобы рассказать об этом подробно.

Ее отсутствие осталось незамеченным. Регент Мардион принял процессию от имени царицы, так как сама Клеопатра отправилась в город, неизвестно, куда именно.

Хармиона с облегченным сердцем прошла вместе с братом в свои комнаты. Анукис отворила им дверь. Никто ее не беспокоил, и Архибий с удовольствием сообщил умной и верной служанке об успехе предприятия. Его речь, которую она прослушала с благоговейным вниманием, стала лучшей наградой для скромной нубийки. Когда он в заключение обратился к ней с благодарностью, Анукис возразила, что не ему, а ей следует быть признательной; и это было сказано вполне искренно. Ее тонкий ум прекрасно понимал разницу в обращении знатных людей с равными себе или с низшими, и она была очень тронута, чувствуя, что Архибий, одно из первых лиц в государстве, говорит с ней, как с равной.

Когда нубийка ушла показаться среди слуг, Хармиона бросилась в кресло, а Архибий уселся напротив нее. После испытанных волнений они чувствовали себя, как чрезмерно уставшие люди, которые не могут уснуть. Им предстояло о многом поговорить, но прошло немало времени, пока Хармиона нарушила молчание и вернулась к желаниям царицы. Она рассказала брату, как Клеопатра завела речь о воспитании детей, повод к чему дал выстроенный ими домик, как она была милостива и ласкова, но вспыхнула при первом упоминании о Барине и рассталась с Хармионой недовольная.

– Не знаю твоих намерений, – сказала она в заключение, – но при всей моей любви к ней, я приготовилась к худшему. Подумай, чего мне ждать от нее после того, как я помогла дочери Леонакса ускользнуть и от бесстыдного Алексаса. К тому же и Ира относится ко мне теперь по-другому и совсем недавно дала понять, что забыла мою любовь и заботы. А между тем царица предпочитает ее услуги моим, и я не могу осудить ее за это, так как Ира остроумнее и изобретательнее, чем я. Политика всегда претила мне, Ира же ничему так не рада, как возможности вмешиваться в дела правления и в вечную игру с Римом и его вождями.

– Эта игра проиграна, – перебил ее брат таким серьезным тоном, что Хармиона встрепенулась и робко повторила:

- Проиграна?
- Окончательно, – подтвердил Архибий, – если только...
- Слава олимпийцам, все-таки «если»...
- Если Клеопатра не решится запятнать себя изменой, которая навеки осквернит ее образ в грядущих веках.
- Каким образом?
- Когда бы ты ни узнала об этом, все будет слишком рано.

– А если она решится, Архيبий? Тебе она доверяет больше, чем кому-либо другому. Твоему попечению она хочет доверить то, что для нее дороже жизни.

– Дороже жизни? Ты подразумеваешь детей?

– Детей! Да, и тысячу раз да! Она любит их больше всего на свете. Поверь мне, ради них она пойдет на смерть!

– Будем надеяться.

– А ты, если она решится на что-нибудь ужасное... Я могу только угадывать, о чем идет речь... Но если она спустится с той высоты, на которой все еще стоит, останешься ли ты?..

– Для меня, – сказал он спокойно, – не может быть и речи о том, что она сделает или допустит. Она несчастлива, и ей предстоят новые и новые бедствия. Я знаю это и буду служить ей до последнего вздоха. Я принадлежу ей, как отшельник, посвященный Серапису, принадлежит своему богу. Для него священно каждое желание бога. Ему, своему создателю, принадлежит он телом и душой. Узы, приковывающие меня к этой женщине, ты знаешь их происхождение, столь же неразрывны! Я исполню все, чего она пожелает, и ничто не заставит меня презирать самого себя.

– Ничего подобного она не потребует от друга своего детства! – воскликнула Хармиона.

При этих словах она приблизилась к брату и, протягивая к нему обе руки, продолжала в глубоком волнении:

– Да, ты должен так чувствовать и говорить, и в этом ответ на вопрос, который мучит меня со вчерашнего дня. Бегство Барины; милость или опала царицы; Ира; моя бедная голова, неспособная к политике; между тем как Клеопатра именно теперь нуждается в мудрых советах...

– Пустяки, – перебил ее брат. – Политика – дело мужчин. Будь прокляты женские нашептывания. Они уже погубили немало обдуманых советов мудрейших людей, и именно в это роковое время политика какой-нибудь Иры могла бы оказаться губительной, если бы... если бы все уже и без того не погибло.

– Итак, прочь от меня эти опасения! – воскликнула Хармиона. – Ты и теперь, как всегда, указываешь мне верный путь. Не раз улыбалась мне мысль провести остатки дней своих в имении, которое мы называли Ирения – приют мира, – или в маленьком дворце в Канопе, вернувшись ко всему, что украшало нам детство. Философы, цветы в саду, поэты, не исключая и римских, прекрасные произведения которых прислал нам Тимаген, украсили бы наше уединение. Дочь человека, от любви которого я отказалась, а позднее ее дети заменили бы мне своих. Леонакс любил ее, и я привязалась к ней. Так рисовалось мне будущее иногда в мирные минуты. Но неужели Хармиона, принеся свое сердце в жертву царственной подруге еще в то время, когда оно билось сильнее и будущее было открыто для нее, неужели она покинет Клеопатру в несчастье? Нет, нет! Как и ты, я принадлежу царице и разделю ее судьбу.

Она взглянула на брата, уверенная в его одобрении, но он покачал головой и возразил серьезным тоном:

– Нет, Хармиона, то, что я, мужчина, готов взять на себя, может оказаться

гибельным для тебя, женщины... – Настоящее и без того несладко, незачем отягощать его горечью будущего... А между тем!.. Да, ты должна заглянуть в него, чтобы понять меня. Ты умеешь молчать, и то, что сейчас услышишь, останется между нами. Одно, только одно, – при этих словах он понизил голос, – может спасти ее: умерщвление Антония или гнусная измена, которая предаст его в руки Октавиана. Вот что привело сюда Тимагена.

– Так вот оно что! – повторила она глухим голосом, понутив свою поседевшую голову.

– Да, – подтвердил он. – И если она не устоит перед искушением, если она изменит любви, которая озаряла всю ее жизнь, тогда, Хармиона, останься, останься при ней во что бы то ни стало, держись за нее крепче, чем когда-либо. Потому что тогда, именно тогда, сестра, она будет вдесятеро, во сто раз несчастнее, чем если бы Октавиан отнял у нее все, не исключая жизни.

– Да, я не оставлю ее и, что бы ни случилось, буду при ней до конца! – воскликнула Хармиона.

Но Архивий как будто не заметил необычайного волнения сестры и продолжал спокойным тоном:

– И тебя она приковала к себе, так что ты не можешь расстаться с нею. Многие испытывают то же, что мы, и в этом нет стыда. Несчастье – это молот, который разъединяет слабых людей и только крепче приковывает друг к другу благородных и твердых. Потому-то тебе вдвойне трудно расстаться с ней теперь, но ты нуждаешься в любви. Право жить и защищаться от жалкой участи принадлежит тебе, как и этой удивительной женщине. Пока ты уверена в ее любви, оставайся при ней до конца. Но причины, заставляющие тебя мечтать о книгах, цветах и детях, очень серьезны, и если ты лишишься ее милости и любви, твое положение станет незавидно. Немилость Клеопатры, если ее сердце охладит к тебе, булабочные уколы, которыми будет преследовать тебя, беззащитную, Ира, – все это погубит тебя. Но этого не должно случиться, сестра, мы примем меры... Не перебивай меня! Я хорошо все продумал. Если ты убедишься, что Клеопатра любит тебя по-прежнему, оставайся при ней, в противном случае уходи завтра же, Ирения – твоя.

– Но она любит меня...

– Мы можем легко убедиться в этом. Мы предоставим решение ей самой. Ты признаешься ей, что помогла Барине бежать от ее гнева.

– Архивий!

– Если ты этого не сделаешь, одна ложь повлечет за собой другую. Ты сама увидишь, одержит ли верх мелочность, побудившая ее передать дочь твоего друга в руки недостойного, или величие ее души? Испытай, достойна ли она самоотречения, с которым ты посвятила ей всю свою жизнь. Если, несмотря на это признание, она останется для тебя тем же, чем была...

Здесь его перебила нубийка, вошедшая с вопросом, согласится ли госпожа принять Иру, несмотря на поздний час.

– Впусти ее, – отвечал Архивий, обменявшись взглядом с сестрой, лицо которой стало бледным после его предложения. Он заметил это и, когда нубийка вышла, взял ее за руку и ласково произнес:

– Я высказал свое мнение; но в нашем возрасте всякий должен посоветоваться с самим собой, и я уверен, что ты найдешь правильный путь.

– Я нашла его, – ответила она тихо и опустила глаза. – Это посещение ускорило мою решимость. Я не должна краснеть перед Ирой.

Она еще не кончила, когда младшая помощница царицы вошла в комнату. Она была взволнована и, окинув комнату испытующим взглядом, сказала после короткого приветствия:

– Никто не знает, куда девалась царица. Мардион заменил ее на приеме процессии. Она ничего не говорила тебе?

Хармиона отвечала отрицательно и спросила, видела ли Ира Антония и в каком он виде?

– В самом жалком, – был ответ. – Я спешила сюда, чтобы удержать царицу, в случае если она вздумает посетить его. Он ее не примет. Это ужасно.

– Разочарование при Паритонии добило его, – заметил Архивий.

– Какое зрелище! – прибавила Ира недовольным тоном. – Убитый дух в теле гиганта. Несчастье сломило колени потомку Геркулеса. Он своей слабостью уничтожит мужество царицы.

– Мы, со своей стороны, должны сделать все, чтобы не допустить этого, – твердо сказал Архивий. – Боги поставили тебя и Хармиону подле нее, чтобы укреплять ее силы, когда они ослабеют. Теперь настало для вас время оказать ей эту услугу.

– Я знаю свои обязанности, – заметила Ира сухим тоном.

– Докажи это! – серьезно возразил Архивий. – Ты, кажется, думаешь, что у тебя есть основание сердиться на Хармиону?

– Кто так нежно прижимает к сердцу моих врагов, тот лишается моей дружбы. Где ваша пленница?

– Об этом ты узнаешь позднее, – отвечала Хармиона, приближаясь к ней. – Ты найдешь новый повод сомневаться в моей дружбе, но я встаю между тобой и Бариной для того, чтобы защитить дорогое мне существо, а не для того, чтобы оскорбить тебя. Но вот что я скажу тебе: если бы ты нанесла мне смертельное оскорбление, которого не может простить греческое сердце, – я все-таки именно теперь воздержалась бы от всякой мести, потому что в этой груди таится любовь, которая сильнее и могущественнее самой свирепой ненависти. И эту любовь мы разделяем с тобой. Сердись на меня, ищи случая причинить мне горе и вред, мне, которая до сих пор относилась к тебе, как к родной дочери, но остерегись отнимать у меня силу и свободу: они мне нужны для того, чтобы служить госпоже. Мы только что советовались с братом, не лучше ли мне оставить Клеопатру.

– Теперь? – воскликнула Ира. – Нет, нет! Ни в коем случае! Это немыслимо! Она не может обойтись без тебя, именно теперь не может!

– Может быть, легче, чем без тебя, – отвечала Хармиона, – но я думаю, что во многих отношениях мои услуги действительно трудно заменить.

– Невозможно, – горячо подхватила Ира. – Если она лишится тебя в эти тяжкие дни...

– Предстоят еще более тяжкие, – перебил Архивий. – Может быть, завтра

ты все узнаешь. Уйти или остаться Хармионе, это зависит от твоего поведения. Ты хочешь, чтобы она осталась; в таком случае ты не должна мешать ей. Мы трое, дитя мое, быть может, единственные при дворе, для которых счастье царицы дороже своего собственного, и потому никакая ссора, отчего бы она ни возникла, не должна влиять на наше отношение к ней.

Ира выпрямилась и с волнением воскликнула:

– Разве я первая пошла против вас? Зачем? Но Хармиона и ты... ведь вам известно было, что это сердце открыто и для другой любви; и все-таки вы... именно вы, стали между мной и тем, к кому мое сердце стремилось с детства, вы укрепили связь между Дионом и Бариной. Я держала в руках разлучницу и благодарила за то богов, а вы оба – ведь нетрудно угадать то, что вы еще скрываете, – вы помогаете или уже помогли ей ускользнуть от меня. Вы уничтожили мою месть, вы снова ставите певицу на тот путь, где она встретится с человеком, на которого я имею больше прав, и который, быть может, еще колеблется между мной и ею. Если только Алексас и его достойный брат оставили его в живых. Этим самым Хармиона стирает все то добро, которое мне сделала, и я не считаю себя более в долгу перед вами.

С этими словами она направилась к двери, но на пороге остановилась и воскликнула, обернувшись к ним:

– Так я смотрю на это дело; но все-таки я готова по-прежнему служить царице вместе с тобой, потому что, как я уже сказала, и ты ей необходима. Во всем остальном я пойду без вас, своей дорогой.

XVII

Клеопатра отправилась к престарелому Анубису, верховному жрецу и главе всей духовной иерархии в стране. Восьмидесятилетнему старцу нелегко было тронуться с места, но он велел перенести себя на башню, чтобы проверить гороскоп, составленный самой Клеопатрой. Положение звезд оказалось таким неблагоприятным, что он не мог успокоить царицу, указывая на смягчающее влияние отдаленных планет. Тем более что Клеопатра сама обладала глубокими познаниями по этой части.

Верховный жрец доказывал, что спасение ее самой и независимости Египта в ее руках; только для этого нужно – таково указание планет – принести страшную жертву, говорить о которой ему не позволяют его достоинство, восьмидесятилетний возраст и любовь к царице.

Клеопатра не раз уже слышала от него подобные двусмысленные речи. В последнее время она довольно часто навещала старика. В трудные минуты он давал ей полезные советы; но в этот раз она явилась к нему главным образом по поводу волшебного кубка Нектанеба, который был возвращен ему сегодня. Со времени битвы при Акциуме этот кубок был для нее источником постоянного беспокойства.

Теперь Клеопатра предложила своему старому учителю категорический вопрос: точно ли кубок заставил Антония бросить неоконченное сражение и

последовать за ней? Она пользовалась им перед началом битвы, и это обстоятельство заставило Анубиса отвечать утвердительно.

Много лет тому назад ей показали этот удивительный сосуд в числе сокровищ храма и объяснили, что всякий, кому удастся заставить кого-нибудь поглядеть на его гладкое, как зеркало, дно, подчинит этого человека своей воле. Однако жрец не хотел выдать ей сосуд, да она и не настаивала до последнего времени, пока ей не показалось, что беззаветная преданность и пылкая любовь Антония начинают ослабевать. После этого она вновь обратилась к своему старому другу с просьбой выдать ей сосуд.

Сначала он отказывался, уверял, что кубок принесет ей несчастье, но, когда за просьбами последовал строгий приказ и кубок был передан царице, Анубис сам поверил, что этот сосуд обладает волшебной силой, которую ему приписывали. Он видел в нем лучшее доказательство сверхъестественного, далеко превосходящего человеческие силы, могущество великой богини, с помощью которой царь Нектанеб, легендарный отец великого Александра, сковал этот кубок на острове Филы.

Анубис хотел было напомнить Клеопатре о своих предостережениях и об опасности, которую навлекает на себя всякий смертный, если вздумает прибегнуть к помощи сил, лежащих за пределами его власти. Он думал указать ей на пример Фаэтона, который зажег всемирный пожар, осмелившись вступить на колесницу своего отца Феба-Аполлона. Но до того не дошло: лишь только он дал утвердительный ответ на вопрос царицы, та со страстным нетерпением потребовала, чтобы роковой сосуд был уничтожен на ее глазах.

Верховный жрец сделал вид, что это требование противоречит его желаниям, хотя на самом деле добивался именно этого.

Действительно, его тревожила мысль о гибельных последствиях, которые может повлечь за собой переход волшебного кубка в руки Октавиана, если римлянин овладеет страной и городом. Нектанеб выковал кубок для египтян. Отнять его у чужестранца-завоевателя значило действовать в духе последнего царя, в жилах которого текла кровь фараонов и который самоотверженно бился за свой народ, за его независимость и свободу. Верховный жрец считал своей священной обязанностью уничтожить чудесное произведение, лишь бы не передавать его римлянину. Он велел развести огонь и расплавить кубок на глазах Клеопатры.

Пока это происходило, Анубис старался убедить царицу, что она не нуждается в помощи кубка, обязанного своей волшебной силой великой Исиде.

Волшебная сила красоты тоже дар богини. С ней одной она может покорить сердце Антония. Но, может быть, полководец вместе с уважением царицы потерял и ее любовь, драгоценнейшее из сокровищ. Он, Анубис, счел бы это великой милостью богов, потому что, прибавил он в заключение, Марк Антоний тот утес, о который разобьется всякая попытка сохранить за моей госпожой и ее детьми наследие отцов и обеспечить независимость и благополучие нашей дорогой родины. Этот кубок был драгоценным сокровищем. Но престол и счастье Египта достойны больших жертв. Конечно, для женщины труднее всего пожертвовать своей любовью.

Смысл этих намеков стал понятен Клеопатре на следующее утро, когда она в первый раз принимала Тимагена, посла Октавиана.

Остроумный живой человек, с которым она не раз вступала в споры еще в детстве, был принят ею хорошо и исполнил свою роль мастерски. Царица, внимательно следившая за его аргументами, доказала, что ее ум не потерял своей гибкости, а даже выиграл благодаря практике, и, отпуская его с подарками и ласковыми словами, уже знала, что от нее зависит сохранить независимость родины и удержать за собой и своими детьми престол. Для этого ей нужно было только выдать Антония победителю или, как выразился Тимаген, навсегда устранить его, «как действующее лицо» из драмы, развязка которой может быть роковой или блистательной для царицы, смотря по ее решению.

Когда он ушел, царицей овладело такое волнение, сердце ее так сильно билось, что она почувствовала себя не в силах участвовать в совете и отложила его на следующий день.

Антоний отказался принять ее. Это огорчило царицу. С уничтожением кубка, на которое она решилась в порыве страсти, мысль о его волшебном и роковом действии не покидала ее.

Напротив! Она должна была остаться одна, собраться с мыслями и хорошенько обдумать положение.

Кубок принадлежал к числу сокровищ Исиды, и, подумав о нем, она вспомнила, что в прежние времена не раз находила успокоение в тиши храма. Не желая быть узнанной, Клеопатра закуталась в покрывало и пошла в храм в сопровождении Иры и одного из придворных.

Но на этот раз царица не нашла того, что искала. Толпа молящихся и приносивших жертвы нарушила ее покой.

Она хотела уже уйти, когда увидела архитектора Горгия с помощником, несшим инструменты. Он рассказал ей, как удивительно сама судьба помогает ее планам насчет постройки. Народ разрушил дом философа Дидима, и старик, которого Горгий поместил пока у себя, согласен уступить наследие своих отцов, если только царица обещает свое покровительство ему и его близким.

Из ее вопроса, чего же может опасаться почтенный член Мусейона со стороны царицы, всегда покровительствовавшей наукам, он понял, что Клеопатра еще не знает о бегстве Барины, и потому ограничился указанием на немилость, которой подверглась внучка философа. Тогда она поспешила уверить его, что, как бы ни провинилась певица, ее родные не пострадают от этого.

Затем они стали обсуждать вопрос о постройке. Посмотрев чертеж, над которым архитектор провел часть ночи и утро, она одобрила его и еще раз приказала начинать как можно скорее и превратить ночи в дни. То, что делается обычно в несколько месяцев, должно быть окончено в несколько недель.

Ира и придворный, тоже переодетые в простое платье, ожидали ее в преддверии храма. Вместе с архитектором они проводили ее до носилок, но Клеопатра не захотела в них сесть и велела архитектору проводить ее в сад.

При осмотре оказалось, что архитектор рассчитал верно, и хотя мавзолей

захватит часть сада, но все же он останется почти вдвое больше того, который был при дворце на Лохиаде.

Расспросы царицы показали Горгию, что у нее появилась какая-то новая мысль. Действительно, она задумала соединить сад с Лохиадой. На вопрос, можно ли это сделать, архитектор отвечал утвердительно. Надо было только снести некоторые постройки, принадлежавшие казне, и маленький храм Береники к югу от царской гавани. Через проходивший здесь канал Агатодемона⁶⁶ давно уже был перекинут мост.

Новый план с удивительной быстротой сформировался в уме Клеопатры, и она в кратких и ясных выражениях изложила его архитектору. Сад нужно оставить, но расширить по направлению к Лохиаде до моста. Отсюда до дворца должна быть построена крытая колоннада. Выслушав заверение архитектора в том, что все это можно устроить, она некоторое время задумчиво смотрела в землю. Потом приказала немедленно начинать работу, не останавливаясь перед затратами.

Горгий видел, что ему предстоит лихорадочная деятельность, но не страшился этого. Он готов был перестроить хоть весь город ради такой заказчицы. Кроме того, это поручение доказывало, к его радости, что женщина, надгробный памятник которой должен был так скоро вырасти из земли, еще думает о мирских благах. Правда, она хотела оставить сад в прежнем виде, но колоннаду и другие постройки велела сделать из самого ценного материала и как можно изящнее.

Прощаясь, Горгий с жаром поцеловал край ее платья.

Что за женщина! Хотя она не спустила покрывала и была одета в простую темную одежду, но каждое движение ее дышало грацией и красотой. Горгий, поклонник и знаток красоты форм, с трудом отвел взор от этого удивительного создания.

Сегодня утром, здороваясь с Еленой, он стал было сравнивать ее с Клеопатрой, но тотчас же отказался от этого. Тот, кому Геба⁶⁷ подносит нектар, не станет думать о винах, хотя бы самых благородных. Трудно передаваемое чувство радости и благодарности охватило его, когда Елена, обыкновенно такая сдержанная и спокойная, приветливо и горячо поздоровалась с ним; но образ Клеопатры постоянно становился между ним и ею, так что он сам не мог понять своих чувств. Он любил уже многих, теперь же его сердце стремилось к двум женщинам одновременно, и Клеопатра была самая яркая из двух звезд, восхищавших его. Так что он считал почти изменой со своей стороны добиваться теперь же руки Елены.

Клеопатра догадывалась, что в художнике приобрела пламенного поклонника, и радовалась этому. Тут ей не помогал никакой кубок. Завтра он начнет постройку мавзолея. В нем должны поместиться несколько саркофагов.

⁶⁶ Канал Агатодемона (доброего демона) соединял Большую Гавань с расположенным на юге столицы Мареотийским озером

⁶⁷ Геба – в древнегреческой мифологии богиня юности – подносила богам на Олимпе нектар и амброзию (пищу богов)

Антоний не раз выражал желание быть погребенным подле нее, и притом высказывал его раньше, чем она прибегла к кубку Нектанеба. Она обязана исполнить его волю, где бы и когда бы он ни умер, а смерть, без сомнения, скоро погасит потускневший свет его существования. Если она пощадит его, Октавиан, без сомнения, не оставит его в живых... Тут снова царицей овладело страшное, лихорадочное беспокойство, заставившее уничтожить кубок. Она не могла вернуться во дворец, участвовать в совете, принимать посетителей, ласкать детей. Сегодня был день рождения близнецов. Хармиона напомнила ей об этом. Но как можно думать о подобных вещах в такую минуту.

Поздно ночью вернулась она от верховного жреца и тотчас осведомилась, как чувствует себя Антоний. Описание Иры соответствовало тому состоянию, в котором Клеопатра видела его после битвы. Да, его душевное расстройство еще усилилось с тех пор. Утром Хармиона прислуживала царице и хотела уже признаться, что помогла Барине ускользнуть от ее карающей руки, но помешал Тимаген.

Царица не нашла ожидаемого успокоения в храме, но разговор навел ее на новые мысли. Волнение, возбужденное в ней хлопотами о месте своего последнего успокоения, заглушало все остальное, как прибой моря заглушает щебет ласточек на скалистом берегу.

Она нуждалась в уединении. Ей нужно было подумать и успокоиться. На Лохиаде это было невозможно. Тогда она вспомнила о маленьком храме Береники, который велела снести, чтобы расширить сад. Там ее никто не потревожит. Внутреннее устройство храма состояло из одной комнаты, украшенной статуей Береники. Она велела придворному распорядиться, чтобы туда никого не пускали, и вскоре стояла в круглом со сводами зале из белого мрамора. Клеопатра опустилась на бронзовую скамью подле статуи. Здесь было тихо, и в этом безмолвии ее привычный к работе ум мог разобраться в обуревавших его сомнениях. Понять свое положение и свои чувства, принять нужное решение – вот чего она хотела.

Сначала ее разум бросался туда и сюда, как голубь, не знающий, куда летит, но вскоре мысль о том, почему она так заботится о гробнице, когда ей еще позволено жить, навела ее на истинный путь. Среди скифской стражи, среди диких мавров и нубийцев, входивших в состав войска, найдется немало молодцов, которые по первому ее слову, за пригоршню золота разделяются с Антонием. Стоит ей мигнуть, и к ее услугам будут хоть двадцать человек нищих, магов и кудесников из Ракотиды, египетского квартала, которые не задумаются отравить его. Македонская стража арестует его по первому ее приказу, и завтра же он будет препровожден в Азию, куда, по словам Тимагена, отправился Октавиан.

Что же мешает ей подкупить солдат, шепнуть слова два магам, наконец просто отдать приказание.

Ей вспомнился расплавленный волшебный кубок, который заставил его бросить, как негодные побрякушки, славу, честь, могущество и последовать за ней, повинувшись таинственной силе; но это тяжелое воспоминание не повлияло на ее решение. Вообще не какие-либо единичные факты, но все ее существо,

каждый нерв, каждое биение пульса, каждый взгляд в прошлое восставали против предстоящего деяния.

Но тут мысли приняли другое направление. Она подумала о детях, о власти, об опасностях, нависших над родной страной, грозивших отнять у нее свет и жизнь и заменить их мраком и оцепенением, о смерти наконец, об уничтожении этого прекрасного тела и духа и об ужасных страданиях, которые, быть может, связаны с переходом от жизни к смерти. И что предстоит ей в том новом существовании, которому не будет конца? Кто прав? Эпикур, по мнению которого со смертью все уничтожается, или древние египетские учителя? И если правы последние, что ожидает ее в той жизни, раз она купит спасение и власть ценой убийства или измены своему возлюбленному, своему супругу?

Но, может быть, казнь, ожидающая преступников на том свете, простая выдумка жрецов, с целью обуздать дикие инстинкты людей и утешить нарушителей закона? К тому же, – нашептывал ей дерзкий, проникнутый эллинским скептицизмом ум, – не в садах Аалу, египетском Элизиуме, а в месте казни встретит она своего отца и мать и всех преступных предков до Первого Эвергета, которому наследовал развратный Филопатор. Не лучше ли совсем отбросить мысль о загробной жизни, как сомнительное предположение, на котором ничего нельзя построить? Но вот вопрос, – каковы будут немногие оставшиеся ей годы, купленные убийством, предательством?

Ночью, в сонном видении, к ней будет являться тень убитого! Да, Эринии, или Диры, как называл их римлянин Антоний, преследующие убийцу с бичами из змей, не вымысел поэтической фантазии; это наглядное воплощение душевных мук, терзающих преступника. Высшее благо, безмятежное спокойствие духа эпикурейцев, навеки утрачено тем, кто обременит свою совесть таким грехом.

А днем и вечером?

Да, ей будет полный простор для наслаждений, но для кого устраивать праздник? С кем делить веселье? Без Марка Антония всякие празднества, всякие зрелища давно уже утратили для нее интерес. Для кого же она так заботилась о своей красоте, как не для него? А красота уже исчезает, пока тихо, медленно, но как быстро пойдет это разрушение под гнетом душевных мук! И когда зеркало покажет ей морщины, которых не уничтожит все искусство Олимпа, когда... Нет, она не создана для того, чтобы состариться! Немногие годы, которые она может купить, будут отравлены такими муками, что не стоят того, чтобы потерять из-за них среди живущих и будущих поколений славу обворожительнейшей из женщин.

А дети?

Да, хорошо было бы увидеть их на престоле, но и к этому светлому видению примешивались мрачные тени.

Как отрадно было бы приветствовать Цезариона как властителя мира, вместо Октавиана. Но разве достигнет этого мечтатель, чье первое пробуждение ознаменовалось скандалом и беззаконием, после чего он, по-видимому, впал в прежнюю спячку?

Остальные дети возбуждали более радужные надежды. Как приятно было

бы видеть Антония Гелиоса царем Египта, Клеопатру Селену с первым младенцем на руках, Александра доблестным государственным мужем и героем. Но что же должны они, дети Антония, воспитание которых Архибий, вероятно, возьмет на себя, что они должны чувствовать к матери, умертвившей их отца?

Клеопатра содрогнулась, вспомнив о своем детстве, когда ее сердце обливалось кровью при мысли об отце, изгнанном ее матерью. Да и к тому же царица Тифена, которую история называет чудовищем, только лишила престола, а не убила своего мужа.

Вспомнились ей проклятия Арсиной, и она подумала, что, может быть, когда-нибудь розовые губки близнецов и ее любимца откроются для проклятий ей, и их милые руки поднимутся с гневом и презрением, указывая на проклятую убийцу отца... Нет, нет и нет!.. Ценой таких мучений, такого разочарования и позора она не купит немногих лет и без того изуродованной жизни!

Не купит у кого?

У того самого Октавиана, который отнял наследие Цезаря у ее сына, выразил сомнение в ее верности. У холодного, черствого, расчетливого выскочки, все существо которого при первой же их встрече в Риме возбудило в ней отвращение, неприязнь, вражду. У него, по милости которого ее супруг – потому что таковым являлся Антоний в глазах ее и всего Египта – женился на Октавии и таким образом поставил под сомнение законность рождения ее детей, у него, который так глубоко унизил и оскорбил их обоих битвой при Акциуме.

Покориться этому человеку, совершить по его приказу гнуснейшее из преступлений! Одна мысль об этом поднимала на дыбы всю ее гордость, а эта гордость с детских лет вошла в ее плоть и кровь. И все-таки ради детей она могла бы решиться даже на такой позор, если бы он не грозил погубить все лучшее и прекраснейшее, чего она ожидала от близнецов и Александра.

Когда мысль о проклятии, которое она заслужит со стороны детей, мелькнула в ее голове, она невольно поднялась с места. О чем же еще думать, зачем колебаться? Теперь все ясно! Лишь бы Горгий поторопился с окончанием мавзолея. Если судьба потребует у нее жизнь, она не станет покупать ее ценой убийства или гнусной измены. Судьба ее возлюбленного решена. С ним она наслаждалась чудным, опьяняющим, ослепительным блаженством, о котором с завистливым удивлением говорит мир. С ним она будет покоиться в могиле, заставив мир с почтительным состраданием вспоминать об Антонии и Клеопатре. Дети будут вспоминать о них с гордостью, и никакое мрачное, тяжелое представление не помешает им украшать цветами гробницу родителей, оплакивать их, прославлять их гений и приносить ему жертвы.

Она взглянула на статую Береники ⁶⁸, тоже носившей когда-то корону

⁶⁸ Береника (Вереника, Вероника, диалектная форма от греч. Ференика – «приносящая победу»), с 246 года до н.э. – жена Птолемея III. Когда ее муж отправился в поход против Сирии, она отрезала свои роскошные волосы и посвятила их в храме Афродите, моля богиню об успешном исходе войны. На следующий день волосы исчезли из святилища, и астроном Конон из Самоса объяснил, что боги превратили их в созвездие. Береника пережила своего мужа и, вероятно, одно время была соправительницей своего сына Птолемея IV. Стесняемый властолюбивой и энергичной матерью, царь велел ее убить.

обоих Египтов. Она тоже умерла слишком рано, насильственной смертью; она тоже умела любить. Обет, который она дала, – пожертвовать Афродите свои прекрасные волосы, если супруг вернется невредимым с войны с сирийцами, сослужил добрую службу ее имени. «Волосы Береники» сверкают среди созвездий на ночном небе.

Несмотря на преступления, один поступок верности и любви заставил прославлять ее имя. Она, Клеопатра, сделает больше. Она принесет в жертву не копну прекрасных волос, а власть и жизнь.

Выпрямившись и высоко подняв голову, она взглянула в прекрасное мраморное лицо статуи.

Когда она входила в храм, ей казалось, что она начинает понимать чувства преступников, которых ей случалось приговаривать к смерти. Теперь она осудила на смерть себя и точно избавилась от тяжелого бремени, хотя сердце ее все-таки скорбело и она испытывала мучительнейшее из состраданий, сострадание к самой себе.

XVIII

После того как Клеопатра вышла из храма, Ира поразилась происшедшей в ней перемене. Нервное напряжение, придававшее ее прекрасному лицу жесткое выражение, уступило место тихой печали. Впрочем, она скоро развеселилась, когда Ира указала ей на процессию, направлявшуюся во дворец.

День рождения ее детей праздновался в Александрии и во всем Египте. Дети горожан отправлялись к близнецам пожелать им счастья и уверить их царственную мать в любви и преданности граждан.

Возвращение во дворец потребовало всего нескольких минут, и, когда, наскоро надев парадное платье, Клеопатра взглянула на толпу детей, ей показалось, что сама судьба приветствует ее решение.

Она стояла рядом с близнецами на балконе, перед которым столпились сотни мальчиков и девочек, ровесников царевича и царевны. Они держали в руках букеты или корзиночки с фиалками и розами. На всех красовались венки, многие девочки были украшены гирляндами цветов. Детский хор пропел торжественный гимн о ниспослании счастья царице и ее детям; затем девочка, руководившая хором, произнесла небольшую речь от имени города, и, пока она говорила, дети выстроились рядами, по росту. Все вместе было похоже на цветущий сад, в котором цветами были оживленные детские личики.

Клеопатра поблагодарила за приветствие сограждан, переданное ей устами тех, кто им дороже всего, просила передать благодарность со своей стороны и, подойдя к толпе, поцеловала самую маленькую девочку. Глаза царицы наполнились слезами, когда та обвила ручонками ее шею так доверчиво и нежно, как будто обнимала родную мать.

Еще привлекательнее было зрелище, в котором девочки осыпали ее цветами, а мальчики с веселыми криками подносили букеты ей, близнецам и

маленькому Александру.

Хармиона не забыла о подарках, а камергеры и служанки отвели детей в зал, где для них было приготовлено угощение. Глаза царицы сияли таким весельем, что подруга ее юности решила признаться во всем.

И здесь повторилось то, что часто случается с нами: чего мы боимся больше всего, оказывается на деле вовсе не страшным. В жизни нет ничего великого или малого, так как все становится тем или другим в зависимости от того, с чем мы его сравниваем.

Самый высокий человек – карлик в сравнении с гигантским утесом, самый маленький – великан в сравнении с муравьями, кишачими в лесу. Нищий считает сокровищем то, что богач презрительно отталкивает. То, что Клеопатре еще вчера казалось невыносимым, из-за чего она беспокоилась, волновалась и принимала строгие меры, теперь представлялось ей ничтожным, почти не стоящим внимания.

Происшедшие события поставили ее лицом к лицу с такими вопросами, перед которыми дело Барины отошло на задний план и казалось пустяком.

Признанию Хармионы предшествовало заявление, что хотя она и жаждет покоя, но все-таки готова остаться при своей госпоже и служить, пока та сама не захочет удалить ее. Но этот момент, прибавила Хармиона, кажется, уже наступил.

Тут Клеопатра перебила ее, сказав, что это невозможно. Когда же Хармиона призналась ей, что Барина бежала и что она, Хармиона, помогла невинной и гонимой внучке Дидима, лицо царицы омрачилось и лоб нахмурился, но только на одно мгновение.

Затем она, улыбаясь, погрозила подруге пальцем, привлекла ее к себе и серьезно сказала, что из всех пороков ей наиболее чужда неблагодарность. Подруга детства так часто доказывала ей на деле свою любовь и верность, готовность к самопожертвованию и заботам, что один своевольный поступок не в состоянии перевесить всего этого. Получится еще огромный остаток, за счет которого Хармиона может еще долго грешить, не опасаясь, что Клеопатра пожелает расстаться с ней.

И Хармиона поняла, что нет на земле такой вражды и злобы, которая могла бы порвать узы, соединяющие ее с этой женщиной. Кроме того, царица призналась, что бегство Барины кажется ей даже услугой. Заметив осторожность Хармионы, не сказавшей, где скрывается молодая женщина, она решила не узнавать об этом. С нее довольно было того, что опасная красавица сделалась недоступной для Цезариона. Что касается Антония, то каменная стена отделяла его теперь от всего света, в том числе и от женщины, которая, впрочем, вряд ли была так близка его сердцу, как уверял Алексас.

Тут Хармиона с жаром принялась объяснять ей, почему сириец так безжалостно преследовал Барину. Нетрудно было убедиться и в том, что отношения Марка Антония с внучкой Дидима не имели и подобия нежной страсти. Но Клеопатра слушала ее только краем уха. Возлюбленный, для которого билось ее сердце, превратился теперь как бы в сладкое воспоминание. Она помнила о блаженных часах, проведенных с ним, но стена, отделившая его

от мира и от нее, и гробница, которую она велела построить для них обоих, казалось, закончили время их любви. Да, и эта глава ее сердечной жизни не может предложить ничего нового, кроме одного, – конца. Даже ревность, омрачившая на мгновение ее счастливую любовь, казалось ей, исчезла навсегда.

В то время как Хармиона уверяла, что никто, кроме Диона, не может похвалиться благосклонностью Барины, и рассказывала о ее прежней жизни, Клеопатра думала о своем возлюбленном. Как воспоминание о дорогом умершем вставал перед ней гигантский, все затмевающий образ героя. Она вспоминала о том, чем он был для нее до Акциума. Ничего больше не ждала и не желала царица от человека, энергия которого сломлена, быть может, по ее же вине. Но она решила искупить эту вину, заплатив за нее престолом и жизнью. Таким образом, все счета будут сведены.

Появление Алексаса прервало ее мысли. Сириец, вне себя от негодования, жаловался, что у него отняли путем бесстыдных козней дарованное ему право судить преступницу. Нет возможности даже преследовать беглянку, так как Антоний поручил ему привлечь на свою сторону Ирода. Сегодня же он должен оставить Александрию. Так как от полководца теперь нечего больше ждать, то он надеется, что царица не оставит безнаказанным такого оскорбления и примет строгие меры против певицы и ее любовника Диона, осмелившегося поднять руку на сына Цезаря.

Но Клеопатра с царственным величием остановила сирийца, запретила ему упоминать об этом происшествии и с горькой улыбкой пожелала успеха у Ирода, в присоединение которого к делу Антония она, разумеется, не верит, при всем ее уважении к талантам посла.

Когда он удалился, она воскликнула, обращаясь к Хармионе:

– Где были мои глаза! Этот человек – изменник! Мы скоро убедимся в этом. Куда бы ни увез Дион свою жену, пусть он скроет ее хорошенько, – не от меня, а от этого сирийца. Легче защититься от льва, чем от скорпиона. Позаботься о том, чтобы Архибий сегодня же навестил меня. Мне нужно с ним поговорить. И ни слова более о разлуке между нами, не правда ли? Скоро наступит час иной разлуки, после которой эти губы никогда не будут целовать твое верное лицо.

С этими словами она еще раз обняла подругу и, заметив завистливое выражение на лице Иры, вошедшей в эту минуту с докладом о приходе Луцилия, ближайшего друга Антония, сказала ей:

– Ошибаюсь ли я, или ты действительно чувствуешь себя обиженной перед Хармионой, которая, однако, моя более давняя подруга? Если так, то напрасно: я люблю вас обеих. Ты ее племянница и многим обязана ей с детства. Забудь же случившееся, как я забываю, если тебя еще мучит мысль о мести, и вспомни о старой дружбе. Я одним только могу отблагодарить тебя, тем, чего не может купить дочь богача Кратеса и что, однако, она высоко ценит: любовью ее царственной подруги.

С этими словами Клеопатра обняла Иру и велела ей позвать Луцилия. Исполняя это приказание, Ира думала: «Ни одна женщина не была так любима, как эта; не потому ли она владеет сокровищем любви и может доставлять такое

счастье другим своей любовью? Или, наоборот, ее любили так много потому, что она сама явилась на свет исполненная любовью, расточая ее, как солнце теплоту. Да, так оно и есть. Именно я могу судить об этом, потому что кого я любила, кроме нее? Никого, даже себя, да и меня никто не любил. Но почему же пренебрег мной Дион?.. Глупая! Почему Марк Антоний предпочел Клеопатру Октавии, чья красота не уступит красоте соперницы, чье сердце принадлежало ему, в чьих руках владычество над половиной мира?»

Через несколько минут она привела к царице Луцилия. Знакомству с Антонием он был обязан своей смелости. В битве при Филиппах ⁶⁹, когда войско республиканцев рассеялось, Брут попался бы в плен вражеским всадникам, если бы Луцилий, рискуя быть изрубленным, не выдал себя за него, чем и дал ему возможность спастись – правда, ненадолго. Этот поступок показался Антонию настолько благородным и необычным, что он не только простил Луцилию его участие в восстании, но и удостоил его своей дружбой. Луцилий не остался в долгу и служил ему так же верно, как Бруту. При Акциуме он рисковал утратить расположение Антония, удерживая его от погони за Клеопатрой, а затем сопровождал его в бегстве. Теперь он делил с ним уединение на Хоме.

Этот недавно еще по-юношески бодрый человек выглядел теперь почти стариком. За последние недели наружность его изменилась, лицо осунулось, в глазах была печаль. Он сообщил Клеопатре о состоянии своего друга.

До этой несчастной битвы Луцилий был одним из самых рьяных поклонников Клеопатры, но после того как его друг и благодетель забыл из-за нее славу, счастье и честь, Луцилий сердился на нее. Он бы и теперь не пошел к царице, если бы не был уверен, что она одна способна пробудить прежнее мужество и энергию упавшего духом человека и напомнить ему обязанности мужа. Ничего нового он не мог сообщить, так как на обратном пути от Акциума царица сама была свидетельницей его печального состояния. Теперь Антоний начинал находить какое-то странное удовольствие в сознании своего падения, – и это-то всего более тревожило его друга.

Антоний называл маленький дворец на Хоме Тимониумом, так как видел сходство в своей судьбе с судьбою знаменитого афинского мизантропа ⁷⁰, и действительно, подобно ему был оставлен многими друзьями после того, как счастье отвернулось от него. Уже на Тенаре он решил удалиться на Хому и отгородиться от внешнего мира стеной так, чтобы сделать свое жилище неприступным, подобно пещере Тимона в Галах, подле Афин. Горгий выстроил стену, и всякий, кто желал видеть отшельника, должен был отправляться к нему на корабле и просить приема, в котором, впрочем, почти всегда отказывали. Клеопатра с участием выслушала Луцилия и спросила:

⁶⁹ Филиппы – город в Македонии, где убийцы Юлия Цезаря, потерпев поражение от Антония и Октавиана, кончили самоубийством

⁷⁰ Тимон – афинянин, современник Сократа и Аристофана. Печаль об упадке нравственности привела его к тому, что он избегал общения с людьми, выстроил себе уединенный дом-башню. Тимон – прототип мрачного человеконенавистника.

– Неужели нет ничего, что могло бы развлечь и рассеять Антония?

– Нет, госпожа, – отвечал тот, – он охотно вспоминает обо всем, что когда-то веселило и радовало его, но лишь для того, чтобы показать, как все это ничтожно и не заслуживает хлопот. «Каких только наслаждений не изведаль я в жизни? – спрашивает он и затем прибавляет: – Но все они возвращались снова и снова и наконец надоедали своим однообразием и потеряли всякую прелесть. Скука и пресыщение, вот к чему они приводили». Он признает теперь только необходимое – хлеб и воду, да и к ним почти не притрагивается. Вчера, в особенно мрачную минуту, он завел речь о золоте. «Вот к чему нужно стремиться прежде всего. Один вид золота возбуждает радостные надежды: столько наслаждений в нем скрыто». Но, высказав это, он засмеялся и прибавил, что наслаждения эти все те же, которые приводят к скуке и пресыщению. И золото не стоит того, чтобы протягивать к нему руку. Таким размышлениям предается он охотно.

«В снегу на горной вершине, – заметил он однажды, – коченеют ноги. В болоте им тепло, но отвратительная грязь облипает их со всех сторон».

Я возразил, что между болотом и снегом вершины есть зеленые долины, в которых отрадно и легко дышится, но он выразил отвращение к золотой середине Горация, прибавив: «Да, я уничтожен. Октавиан со своим Агриппой торжествуют, но, хотя камень или тяжелая ступня слона могут раздавить меня, я все-таки выше их».

– В нем просыпается прежний Антоний! – воскликнула Клеопатра.

И в Луцилий снова проснулось раздражение против женщины, которая, разжигая заносчивость Антония, довела его до гибели.

– Но часто Антоний видит себя в другом свете, – продолжал он. – Недавно как-то он воскликнул: «Трудно найти более недостойную тему для поэта, чем моя жизнь, как сатурналии⁷¹, кончившиеся трагедией».

Луцилий прибавил бы что-нибудь еще более обидное, но грустный взгляд и влажные от слез глаза убитой горем царицы остановили его.

О чем бы ни говорил Антоний, он всегда сводил речь на Клеопатру. Иногда он разражался жестокими упреками по ее адресу, но чаще вспоминал о ней с безграничным восхищением, с диким восторгом, и именно последнее обстоятельство укрепляло в Луцилий надежду, что Клеопатра сумеет поднять его упавший дух. Поэтому он передал ей особенно нежные отзывы Антония, и она приняла их с благодарной радостью.

Однако, когда он закончил, Клеопатра заметила, что, по всей вероятности, Антоний говорил о ней и в других выражениях. Впрочем, она приготовилась ко всему худшему, так как несомненно послужила утесом, о который разбилось его величие.

Луцилий вспомнил отзывы Антония о трех женщинах, которые были за ним замужем, и прибавил, слегка вздрогнув:

– Вспоминал он и о Фульвии, своей первой жене – я знал эту пылкую

⁷¹ Сатурналии – в древнем Риме народный праздник окончания полевых работ в честь Сатурна, бога посевов и покровителя земледелия. Сатурналии длились семь дней и сопровождались необузданным весельем.

женщину, бывшую замужем раньше за Клодием, – и называл ее ураганом, который раздул его паруса.

– Так, так! – воскликнула Клеопатра, – Это совершенно верно. Он обязан ей многим, да и я обязана покойнице. Она научила его ценить могущество женщины и пользоваться им.

– Не всегда, – заметил Луцилий, в котором последние слова царицы снова пробудили раздражение, и прибавил, не обращая внимания на легкую краску, выступившую на ее лице, – об Октавии он говорил, что она может вывести человека на нужный путь, где он обретет благополучие и будет приятен бессмертным и людям.

– Почему же он не пошел за ней? – спросила Клеопатра.

– В школе Фульвии трудно было научиться умеренности, которая к тому же чужда его натуре, – отвечал римлянин. – Я говорил тебе, как он отзывался о мирных долинах и золотой середине.

– Чем же была для него я? – спросила царица.

Луцилий не сразу ответил.

– Ты желаешь знать, – сказал он, наконец, – а желание царицы должно быть исполнено. Тебя, госпожа, называл он роскошным пиром, на который увенчанные гости собираются перед битвой.

– Которая будет проиграна, – прибавила Клеопатра. – Сравнение верное. Теперь, после поражения, нет смысла затевать новый пир. Трагедия близится к концу; ей предшествовали сатурналии – как он сам выразился, – и начинать ее снова было бы скучно. Одно только кажется мне желанным: достойный заключительный акт. Если ты думаешь, что я могу вернуть его к жизни, можешь рассчитывать на меня. Пир, о котором он говорит, тянулся много лет. Последний кубок недолго опорожнить. Но он не принял меня, когда я хотела навестить его. Каким образом могу я снова сблизиться с ним?

– Я думаю, что это нужно предоставить тебе самой, твоему женскому такту, – ответил Луцилий. – Но я пришел к тебе с просьбой, и в исполнении ее заключается, быть может, ответ на твой вопрос. Эрос, верный раб Антония, просит тебя подарить ему несколько минут. Ты знаешь этого молодца. Он рад сложить голову за тебя и за своего господина, и он... От тебя самой я слышал однажды слова царя Антиоха: никто не может быть великим для своего слуги... Эрос лучше нас знает слабости и достоинства своего господина, к тому же он умен. Антоний давно уже дал ему вольную, и если твое величество не погнушается принять маленького человека...

– Пусть придет, – перебила Клеопатра. – Твое требование справедливо. К сожалению, мне самой слишком хорошо известно, что я могу сделать для друга. Еще прежде, чем ты пришел, я уже обдумала, как исполнить одно из заветнейших его желаний.

С этими словами она отпустила римлянина. Она смотрела ему вслед со смешанным чувством, так как слова его пробудили в ней прежнюю страсть, а с другой стороны, оскорбительные отзывы Антония еще звучали в ее ушах. Но не успела дверь затвориться за Луцилием, как придворный доложил о депутации от Мусейона.

Представители ученой корпорации явились с жалобой на несправедливость по отношению к их коллеге Дидиму, а вместе с тем с выражением своей преданности царице, непоколебавшейся в это смутное время. Царица поблагодарила их, сказав, что все уже улажено. Она ведь тоже до некоторой степени принадлежит к их корпорации. Всем им известно, что она с детства уважала и разделяла их стремления. В доказательство этого она жертвует библиотеке Мусейона двести тысяч книг из Пергама – один из лучших подарков, сделанных ей когда-либо Марком Антонием. Этим самым она надеется хоть отчасти возместить ущерб, нанесенный знаменитой библиотеке пожаром в Брухейоне.

Ученые удалились с выражением горячей признательности и неизменной преданности. Большинство из них были ей лично знакомы, а с наиболее выдающимися она не раз раньше вступала в споры, служившие к ее и их пользе.

Солнце уже зашло, когда на Лохиаду явился жрец Сераписа, высшего египетского божества. Он шел медленно и торжественно, окруженный свитой с факелами и лампами. Соответственно значению Сераписа, многие детали шествия напоминали о смерти.

Царице был известен символический смысл каждого изображения, каждой статуи, знамени, равно как музыки и пения. Даже разноцветные огни должны были напоминать о круговороте всего сущего, о вечном рождении и умирании. Заключительная картина, изображавшая соединение царской души с сущностью божества, апофеоз души властителя, производила сильное впечатление. Внезапно целое море света залило процессию, озарив громаду дворца, гавань с ее кораблями и мачтами, берег с храмами, пилонами, обелисками и великолепными постройками. И в то же время все хоры соединились под аккомпанемент барабанов, цимбал и лютней в один общий гимн, звуки которого разносились далеко, к усеянному звездами небу и безбрежному морю по ту сторону Фароса.

Эти обряды напоминали о смерти и следующем за ней воскресении, о поражении, за которым последует победа с помощью великого Сераписа. Когда факелы удалились и пение затихло в ночной тиши, Клеопатра подняла голову, и ей показалось, что данный ею обет встретил одобрение со стороны бога, которого ее предки перенесли в Александрию, чтобы в его лице соединилась сущность греческих и египетских божеств.

Ее гробница будет выстроена и, когда все свершится, примет останки царицы и ее возлюбленного. По горьким отзывам, взглядам и тону Луцилия она поняла, что и тот, к кому ее сердце до сих пор приковано неразрывными узами, и его друг возлагают на нее ответственность за Акциум. Мир будет вторить им, но мир убедится и в том, что любовь, погубившая величайшего человека своего времени, заплатит высокую цену.

Сейчас она понимала, что угасший свет может вспыхнуть снова, но даже при самых счастливых обстоятельствах ей удастся только на минуту раздуть чуть тлеющие угли.

Уже нельзя ожидать победы, которая стоила бы борьбы. Но все-таки не

должно бросать оружие до конца, и Антонию не пристало гибнуть в мрачном и брюзгливом отчаянии, в роли нового Тимона, подобно зверю, попавшему в капкан. Она сумеет разжечь, хотя бы на мгновение, пламя его героической натуры, померкшее, но не угасшее благодаря безумной любви и магической силе кубка, сковавшей его волю.

Прислушиваясь к гимну, прославлявшему воскресение Сераписа, она спрашивала себя, не следует ли ей послать в помощники к Антонию сына Цезаря.

Правда, она нашла юношу совсем не таким, как ожидала. Первый проблеск энергии, по-видимому, истощил его силы. И он еще не оправился от раны. До сих пор Цезарион относился к известиям о поражении с полным равнодушием, которое могло быть объяснено и оправдано разве только его болезненным состоянием.

Его гофмейстер Родон попросил сегодня позволения отлучиться, тем более что у царевича не будет недостатка в обществе, так как он ожидает Антиллу и некоторых других сверстников.

Из окон приемной комнаты «царя царей» лился яркий свет. Что если пойти к нему и объяснить, какое значение имеют последние события. О если бы удалось пробудить в нем отцовский дух! Может быть, его безумная выходка была предвестием пробудившейся деятельности мужа!

Пока ничто не оправдывало этих надежд, но материнское сердце легко поддается обману.

Хармиона сообщила о приходе раба Антония, но царица велела ему подождать и попросила подругу сопровождать ее к сыну.

XIX

Когда Клеопатра в сопровождении Хармионы подошла к комнатам своего сына, до ее слуха долетел сквозь открытую дверь громкий голос Антиллы. Услыхав свое имя, она сделала знак Хармионе, и обе остановились.

Разговор шел о Барине.

Сын Антония рассказывал о том, что ему передавал Алексас. По словам сирийца, Клеопатра решила отправить молодую женщину в рудники или в ссылку, а Диона подвергнуть тяжкому наказанию; но обоим удалось бежать. Эфебы поступили предательски, вступившись за Диона. Антилл надеялся убедить отца, когда он оправится от своей жалкой меланхолии, взяться за преследование беглецов.

— Нетрудно будет уговорить его, — прибавил он хвастливо, — старик знает толк в хорошеньких женщинах и не раз уж поглядывал на певицу. Если мы их поймем, тебе, царь царей, немного будет поживы: отец хоть сед, а все еще кружит головы женщинам, да и Барине, как мы сами знаем, нравятся только такие, у которых голова уже начала светиться. Я велел Диркетаю разослать на поиски всех своих солдат, а он хитер и ловок, как лисица.

— Если бы я не лежал здесь поневоле, как дохлый осел, — сказал Цезарион

со вздохом, – я нашел бы их. Она мерещится мне днем и ночью. Я отдал уже все свои деньги на их преследование. Вчера у меня был казначей Селевк. Мне не дают денег, а между тем их в казне достаточно. В дельте, на сирийской границе, царица зарыла миллионы. Хотели там выкопать бассейн, где могли бы укрыться корабли, или что-то в этом роде. Не знаю точно, нелепость какая-то! На эти деньги можно было бы нанять сотни сыщиков. Швырять попусту деньги можно, а дать их сыну – это другое дело. Но я знаю, у кого их достать! Мне нужны деньги даже ценой короны. На что мне прозвище «царя царей»? Точно в насмешку! Да и не нужна мне власть. К тому же престол у меня все равно отнимут, прежде чем я успею занять его. Если мы покоримся, нам оставят жизнь и дадут что-нибудь в придачу. Я, со своей стороны, довольствовался бы именем, достаточной суммой денег и Бариной. Какое мне дело до Египта? Как сын Цезаря, я должен бы был владычествовать над Римом, но бессмертные знали, что делали, когда надоумили моего отца лишить меня наследства. Чтобы управлять миром, нужно быть не таким сонливым. Я ведь всегда чувствую усталость, даже когда здоров. Надо оставить меня в покое! Твой отец, Антилл, сложил оружие и покорился судьбе.

– Положим! – с неудовольствием воскликнул Антилл. – Но подожди. Спящий лев проснется, и когда он покажет зубы и когти...

– Тогда моя мать обратится в бегство, а твой отец за ней, – подхватил Цезарион с горькой и насмешливой улыбкой. – Все потеряно! Но Рим оставляет жизнь побежденным царям и царицам. И в триумфальном шествии не покажут квиритам⁷² сына Цезаря. Для этого я слишком похож на отца. Родон говорит, что мое появление на форуме вызовет восстание. А если уж дойдет до этого, то я все равно не буду украшать шествие Октавиана. Я не рожден для такого позора. Прежде чем позволить другому тащить за своей колесницей сына Цезаря, я, по доброму римскому обычаю, десять, нет, сто раз успею расстаться с этой и без того не сладкой жизнью. Что может быть лучше крепкого сна, и кто нарушит или смутит мой покой, когда смерть угасит это существование. Но, вероятно, мне не придется прибегать к такой крайней мере. Кроме этого позора, мне нечего бояться. Самые скромные условия меня удовлетворят. Я ведь «царь царей», соправитель великой Клеопатры, воспитан в послушании. Чем я должен был быть, и что я есть? Но я не жалею и не хочу никого обвинять. Мы не звали Октавиана, а раз он явился, пусть берет, что хочет, лишь бы оставил жизнь матери, а меня, близнецов и маленького Александра, которых я искренне люблю, обеспечил, как я уже сказал. Озеро с рекой обязательно должно быть в имени. Частному человеку, Цезариону, проводящему время за удочкой и книгами, разрешат жениться на ком угодно. Чем ниже будет звание жены, тем охотнее согласится на мой брак римский властитель.

– Знаешь, Цезарион, – перебил Антилл, вытягиваясь на ложе, – если бы ты не был царем царей, я бы назвал тебя совершенно ничтожным парнем. Кому выпало на долю счастье быть сыном Цезаря, тот не должен так легко забывать

⁷² Квириты – древнее название римских граждан. Кроме того, квиритами называли гражданских лиц в противоположность военным

об этом. Твоя болтовня просто злит меня. И надо же мне было свести тебя с этой певицей! Царю царей надо думать о другом. К тому же Барина и знать тебя не хочет! Она слишком ясно показала это. Впрочем, позволь тебе сказать вот что: если Диркетая удастся изловить красотку, которая сводит тебя с ума, так уж поверь мне, ты не заманишь ее в твое несчастное имение варить рыбу, которую ты собираешься удить. Все твои труды пропадут даром, если мой отец поманит ее пальцем. Он видел ее всего два раза и не успел приняться за нее как следует, но она нравится ему, и если я напому о ней, посмотрим, что из этого выйдет.

Клеопатра сделала знак Хармионе и, опустив голову, вернулась в свои комнаты. Только тут она прервала молчание, сказав:

– Подслушивание, конечно, недостойно царицы, но если бы всякому, кто подслушивает, приходилось слышать такие грустные для него вещи, то никто не стал бы останавливаться у замочных скважин и дверных щелей. Я должна бороться с мыслями, прежде чем приму Эроса. Да, вот что еще. Надежно ли убежище Барины?

– Я не знаю, но Архибий говорил, что вполне надежно.

– Хорошо. Как ты сама слышала, ее разыскивают. Я рада, что она не заманивала мальчика. До чего нас доводит ревность. Будь она на месте, что бы ей сделала из-за Антония. Подумать только, что Алексас хотел, и без твоего вмешательства успел бы, отправить ее в рудники. Вот как нужно остерегаться... Чего? Прежде всего своей собственной слабости! Этот день – день признаний. Благородная цель, но по пути к ней ноги будут истерзаны в кровь и сердце тоже. Да, Хармиона, бедное, слабое, обманутое сердце!

Клеопатра глубоко вздохнула, склонив голову над столом. Блестящая доска драгоценного дерева одна стояла целого имения, камни в кольцах и браслетах, украшавших руки царицы, – целого княжества. Она подумала об этом, но, охваченная гневом, готова была побросать все эти драгоценности в море или в огонь.

Она согласилась бы остаться нищей и питаться ячменным хлебом в традициях отвергающего показную роскошь Эпикура, лишь бы вдохнуть своему сыну стремления хотя бы легкомысленного повесы Антилла. Такой беспомощности, такого ничтожества она при всех своих опасениях не ожидала от Цезариона. Но, вспоминая прошлое, она убедилась, что пожинает ею же самой посеянное. Она подавляла энергию мальчика, чтобы держать его в повиновении. Умела положить конец всякой попытке с его стороны расширить круг своей деятельности. Конечно, это делалось под разными благовидными предложениями. Пусть и ее сын научится ценить мирное счастье, которым она наслаждалась в Канопском саду. К тому же опыт показал, что тот, кому предстоит повелевать, должен сначала привыкнуть повиноваться.

Но сегодня, в этот день просветления, у нее хватило мужества сознаться самой себе, что не эти соображения, а жгучее честолюбие побудило ее воспитывать Цезариона таким образом. От нее не ускользнули его дарования. Но было приятно видеть в нем отсутствие желаний. Она не хотела будить мечтателя. Ее радовало сознание, что этот сын, которого Антоний назначил

своим соправителем после войны с парфянами, никогда не освободится от опеки матери. Благосостояние государства более обеспечено под ее твердой рукой, чем под властью неопытного мальчика. А сознание власти! Как оно льстило ей. Она хотела остаться царицей до конца жизни. Передать власть кому бы то ни было другому казалось ей невыносимым. Теперь Клеопатра убедилась, что сын и не помышляет о таких высоких целях. Сердце сжалось. Пословица: ты жнешь, что посеял, – не давала ей покоя, и чем более она углублялась в свою прошлую жизнь, тем яснее видела плоды ею же посеянных семян. Но прежде чем явится жнец, нужно подумать о владельце. Горгию придется поторопиться с постройкой, потому что конец не заставит себя ждать. Ее сын, которого она стыдилась, только что указал ей, что нужно делать, если победитель поставит его в безвыходное положение. При всей слабости Цезариона, благородная отцовская кровь не позволяла ему перенести позора.

Было уже поздно, когда она велела позвать раба Антония. Но ночь не могла остановить ее деятельности. Ей предстояло еще заняться войском, флотом, укреплениями; продолжать переписку с союзниками, приобретать новых.

Наконец, явился Эрос, любимый раб Антония. Его добродушные глаза наполнились слезами при виде царицы. Печаль не могла исказить его круглого красивого лица, но выражение задорного веселья исчезло, и в белокурых волосах мелькала седина.

Сообщение Луцилия, что Клеопатра намерена снова сблизиться с его господином, было для Эроса как бы первым проблеском света после долгой тьмы. Он был убежден, что перед могуществом царицы должно склониться все. После Акциума, казалось, нечего было больше терять, но Клеопатра – полагал он – может все возвратить его господину. Он вспоминал, но только мимоходом, о счастливых годах, когда его круглое лицо полнело от привольной жизни, а зрение и слух, обоняние и вкус постоянно услаждались пирами, зрелищами, празднествами, каких уже не увидит больше свет. Если все это вернется – хотя бы и в более скромной форме, – тем лучше. Но главное и единственное, о чем он хлопотал в настоящую минуту, – вытащить Антония из его губительного одиночества, рассеять его убийственную меланхолию.

Клеопатра заставила его прождать часа два, но он готов был хоть втрое дольше ловить мух в передней, лишь бы царица решила последовать его совету. Совет был достоин внимания. Никто бы не мог сказать, примет ли Антоний Клеопатру. Поэтому Эрос предложил ей послать Хармиону, и не одну, а с умной, опытной служанкой, которой сам император дал прозвище Эзопион. Антоний хорошо относился к Хармионе и никогда не пропускал ее чернокожую служанку, без того чтобы не пошутить с ней. Может быть, ей удастся развеселить его, это было бы уже очень много, а об остальном позаботится Хармиона.

До сих пор Клеопатра слушала его молча, но тут заметила, что вряд ли бойкий язык рабыни рассеет грусть человека, пораженного таким тяжким несчастьем.

– Да простит мою откровенность твое божественное величество, – возразил Эрос, – но я скажу, что нашему брату великие люди часто открывают

многое, чего не откроют равным себе. Только перед величайшим и ничтожнейшим, перед божеством и рабом они являются в своем настоящем виде. Я головой ручаюсь, что грусть и ненависть к людям не так сильно овладели полководцем, как кажется. Все это только маска, которую ему нравится надевать на себя. Помнишь, как охотно и весело играл он роль Диониса в лучшие дни? Теперь он скрывает свое истинное бодрое настроение под маской человеконенавистничества, потому что веселье кажется ему неподходящим в такое бедственное время. Часто он говорит такие вещи, от которых жутко становится, и, углубляясь в себя, предается мрачным размышлениям. Но это скоро проходит, когда мы остаемся одни. Если я начинаю какую-нибудь веселую историю, Антоний не заставляет меня молчать; из этого ты можешь заключить, что он не так уж подавлен отчаянием. Недавно я напомнил ему о рыбной ловле, когда твое величество приказало водолазу нацепить соленую рыбу на его удочку. Он засмеялся и воскликнул, что «то были счастливые времена»! Благородная Хармиона напомнит ему о них, а Эзопион развеселит его какой-нибудь шуткой. Пусть мне обрежут уши и нос, если они не убедят его оставить это проклятое воронье гнездо. Пусть они также напомнят ему о близнецах и маленьком Александре: у него всегда светлеет лицо, когда я начинаю говорить о них. С Луцилием и другими друзьями он до сих пор охотно толкует о своем проекте основать могущественное Восточное государство, столицей которого будет Александрия. Солдатская кровь не успокоилась. Еще недавно я отточил для него персидскую саблю. Как Антоний взмахнул ею! Этот седой великан до сих пор стоит трех юношей. Лишь бы ему снова очутиться с тобой, среди воинов и коней, – тогда все пойдет хорошо.

– Будем надеяться, – ласково отвечала царица и обещала последовать его совету.

Когда Ира, сменившая Хармиону, явилась к Клеопатре, чтобы помочь ей раздеться после утомительной и долгой работы, царица была грустна и задумчива. Только ложась в постель, она прервала молчание, сказав:

– Сегодня был тяжелый день, Ира; но он доказал справедливость старинной, может быть, древнейшей поговорки: всякий жнет, что посеял. Можно раздавить росток, когда он покажется из брошенного тобой семени, но никакая власть в мире не заставит семя развиваться вопреки законам природы. Я посеяла худые семена. Теперь наступило время жатвы. Но все-таки мы можем собрать горсть добрых зерен. Об этом и следует позаботиться, пока есть время.

Завтра утром я поговорю с Горгием. У тебя хороший вкус и много находчивости. Мы вместе рассмотрим план гробницы. Если я хорошо знаю мою Иру, она будет чаще, чем кто-либо, посещать могилу своей царицы.

Девушка вздрогнула и воскликнула, подняв руку:

– Твоя гробница не дождется моего посещения – твой конец станет и моим концом!

– Да сохранят боги твою молодость от такой участи! – возразила Клеопатра. – Мы еще живы и можем бороться.

Расставшись с Ирой, Клеопатра долго не могла уснуть. Воспоминания мучили ее, возбуждая новые и новые мысли.

Она не изменила своего решения и, проснувшись утром, хотела немедленно приступить к его осуществлению. Теперь она была готова ко всему, что бы ни случилось.

Прежде чем приступить к работе, она еще раз приняла римского посла. Тимаген пустил в ход все свое красноречие и диалектику, остроумие и находчивость. Он снова обещал Клеопатре жизнь и свободу, а ее детям престол, но не иначе, как при условии выдачи или смерти Антония. Клеопатра отказалась наотрез.

После ухода посла она просмотрела с Ирой планы гробницы, принесенные Горгием, но волнение мешало ей сосредоточиться, поэтому она велела архитектору зайти еще раз, попозднее. Оставшись одна, она достала письма Цезаря и Антония. Как много остроумия и нежности было в них, каким огнем дышали письма могучего воина и трибуна, которого ее нежная женская ручка направляла куда угодно.

Сердце ее забилося при мысли о близком свидании. Хармиона с нубийкой отправились к нему уже несколько часов назад, и царица с возрастающим нетерпением ожидала их возвращения. Она приглашала Антония, чтобы в последний раз попытать счастья общими силами. Что он придет, в этом она не сомневалась. Лишь бы только удалось еще раз пробудить в нем мужество! Люди, соединенные такими неразрывными узами, должны вместе погибнуть, если уж им не суждена победа.

Доложили о приходе Архيبия.

Ей приятно было взглянуть на его верное лицо, пробуждавшее в ее душе столько отрадных воспоминаний.

Ничего не утаив, она рассказала ему обо всем случившемся. Когда же она прибавила, что никогда, ни за что не осквернит себя изменой возлюбленному и супругу и умрет достойной смертью, Архибий выпрямился, точно помолодевший, и взгляд его показал ей яснее слов, что она права в своем решении.

Он предупредил ее просьбу взять на себя воспитание детей, сказав, что готов посвятить им все свои силы.

Мысль соединить Лохиаду с садом Дидима и предоставить сад детям встретила одобрение с его стороны. О намерении выстроить гробницу он уже знал от сестры.

— Будем надеяться, — заметил он, — что воспользоваться этим сооружением придется много позднее.

Но она покачала головой и воскликнула:

— О если бы я умела читать в других лицах так же легко, как в твоём! Я знаю, что Архибий от души желает мне долгой жизни; но его мудрость равна его преданности; он понимает, что жизнь не всегда бывает счастьем. Он сам говорит в душе: «Этой царице и женщине, моей подруге, предстоят такие

унижения, что она хорошо поступит, если воспользуется правом, которое бессмертные сохранили за людьми, – правом удалиться с житейской сцены, когда это окажется единственным достойным исходом. Пусть же она выстроит гробницу!» Так ли я читаю в старой, испытанной книге?

– В общем, да, – отвечал он серьезно. – Но на страницах этой книги написано также, что великой царице и любящей матери лишь тогда можно будет предпринять это последнее странствие, из которого нет возврата...

– Когда... – подхватила она, – когда позорный конец нависнет над ее существованием, как туча саранчи над полем...

– И этот конец, – прибавил Архивий, – ты встретишь с истинно царским величием. По дороге сюда я встретил Хармиону. Ты послала ее к твоему супругу. Конечно, он не оттолкнет протянутой ему руки. Потомок Геркулеса обретет свою прежнюю силу. Быть может, воспламененный призывом и примером возлюбленной, он даже заставит враждебную судьбу уступить.

– Пусть это свершится, – твердо отвечала Клеопатра. – Но Антоний должен помочь мне воздвигнуть препятствие на пути этой силы, а его могучая рука способна нагромоздить утесы.

– А если твой могучий дух направит его, тогда так и будет, госпожа.

– Тогда все равно развязкой трагедии будет смерть. Разве мысль о спасении флота в Аравийском море не была смелой и многообещающей мыслью? Даже знатоки дела отнеслись к ней одобрительно; тем не менее она оказалась неисполнимой! Сама судьба вооружилась против нас. А зловещие предзнаменования до и после Акциума, а звезды, звезды! Все предвещает близкую гибель, все! Каждый час приносит известие о поражении того или другого полководца или властителя. Теперь я точно с башни обзираю поле, которое сама же засеяла. Всюду пустые колосья или сорные травы. А между тем... Ты знаешь мою жизнь, скажи, неужели Клеопатра бесполезно растрачивала свой ум и дарование, свою волю и трудолюбие?

– Нет, госпожа, тысячу раз нет!

– Тем не менее на всех деревьях, посаженных мной, плоды сохнут и гниют. Цезарион уже вянет, не успев расцвести, и я знаю, по чьей вине. Теперь ты берешь на себя воспитание остальных детей. Подумай же о том, что довело меня до моего теперешнего состояния и как уберечь их корабль от блужданий и крушения.

– Я постараюсь воспитать их людьми, – серьезно заявил Архивий, – и охранить их от стремления равняться с богами. Клеопатра эпикурейского сада, утешение мудрых и добродетельных, превратилась в «Новую Исиду», к которой ослепленная и оглушенная толпа в восторге простирала руки. Близнецов Гелиоса и Селену, солнце и луну, мы постараемся переселить с неба на землю; пусть они будут людьми, греками. Я не оставлю их в эпикурейском саду, а пересажу в другой, где воздух холоднее и здоровее. На воротах его будет написано не «Здесь высшее благо – веселье», а «Здесь школа, где закаляется характер». Тот, кто будет воспитан в этом саду, вынесет из него не стремление к счастью и довольству, а непоколебимую твердость в убеждениях. Твои дети, как и ты сама, родились на Востоке, который любит чудовищное,

сверхъестественное, сверхчеловеческое. Если ты доверишь их мне, они научатся владеть собой. Серьезное отношение к обязанностям, которое, однако, не исключает радостного веселья, будет их кормчим, а парусами – умеренность, благороднейшее преимущество греческого строя жизни.

– Понимаю, – отвечала Клеопатра, опустив голову. – Перечисляя то, что необходимо для блага детей, ты открываешь глаза матери на причины, приведшие ее к гибели. Ты думаешь, что ее корабль потерпел крушение потому, что ему не доставало такого кормчего и таких парусов. Может быть, ты прав. Я знаю, что ты давно расстался с учением Эпикура и стоиков и отыскиваешь свой путь, имея серьезную цель перед собою. Жизненные бури закинули меня далеко от мирного сада, где мы стремились к чистейшему счастью. Теперь я вижу, какие опасности угрожают тому, кто видит высшее благо в безмятежном довольстве. Оно остается недостижимым среди житейской суеты и к тому же не заслуживает борьбы, так как есть более достойные цели. Но одно изречение Эпикура, которое запало в душу нам обоим, до сих пор не приводило нас к разочарованию. «Драгоценнейшее благо, – говорит он, – доставляемое мудростью, есть сокровище дружбы».

С этими словами она протянула Архибию руку и, когда он с волнением прижал ее к губам, прибавила:

– Ты знаешь, что я готовлюсь вступить в последний, отчаянный бой, – рука об руку с Антонием, если это будет угодно богам. Мне не придется следить за тем, как ты будешь их воспитывать, но я хочу облегчить твою задачу. Когда дети будут спрашивать у тебя о своей матери, ты не должен говорить им, хотя это и справедливо: «Забыв о безмятежном довольстве, высшем благе Эпикура, которое казалось ей когда-то целью существования, она неудержимо стремилась к мимолетным наслаждениям, без меры расточала дары своего духа и народное достояние, и пала жертвой своих страстей». Нет, ты должен и можешь сказать им: «Сердце вашей матери было исполнено пылкой любви; она презирала низкое, стремилась к высокому и, побежденная, предпочла смерть измене и позору».

Тут она смолкла, так как ей послышались чьи-то шаги, и затем воскликнула:

– Я жду, не дождусь. Быть может, Антоний не в силах сбросить ярмо гнетущего отчаяния. Вступить в последний бой без него было бы величайшим горем для меня, Архибий. Тебе, другу, видевшему, как в моей еще детской груди вспыхнула любовь к этому человеку, тебе я могу признаться... Но что это такое?... Восстание... Неужели народ возмутился? Не далее как вчера депутаты от духовенства, члены Мусейона, вожди уверяли меня в своей неизменной любви и преданности. Дион принадлежал к числу членов совета... Но я говорила им, что не стану преследовать его из-за Цезариона. Я не знаю, куда он укрылся со своей возлюбленной, да и не хочу знать. А может быть, новый налог и мой приказ воспользоваться сокровищами храма довели их до возмущения. Но что же делать? Деньги необходимы, чтобы встретить врага, постоять за народ, престол, родину. Или получено что-нибудь новое из Рима? Слышишь, шум приближается.

– Я узнаю, что там такое, – отвечал Архивий, направляясь к двери, но в эту минуту она распахнулась, и придворный провозгласил:

– Марк Антоний приближается к Лохиаде, а за ним следует половина Александрии!

– Император ⁷³ возвращается! – радостно закричал начальник стражи, и в ту же минуту Ира вбежала в комнату и бросилась к своей госпоже:

– Он едет! Он там! Я знала, что он явится. Как они кричат и радуются! Пусть все мужчины выйдут отсюда. Желает ли ты, царица, встретить его на крыльце Береники?

– Близнецы, маленький Александр! – перебила Клеопатра задыхающимся голосом, бледная как полотно. – Одеть их в праздничное платье!

– Скорее к детям, Зоя! – воскликнула Ира, хлопнув в ладоши, и продолжала, обращаясь к царице: – Успокойся, госпожа, умоляю тебя, успокойся! У нас еще довольно времени. Вот корона Исида и все остальное. Его раб Эрос прибежал, едва переводя дух. Он говорит, что полководец явится в виде нового Диониса. Конечно, он будет рад, если ты встретишь его, как новая Исида. Помоги мне, Гатор... Ты, Нефорис, скажи, чтоб свита была на месте. Вот жемчужные и бриллиантовые ожерелья. Осторожнее с платьем. Эта ткань нежна, как паутина, и если вы ее порвете... Нет, ты не должна колебаться. Мы все знаем, как приятно ему видеть свою богиню в полном блеске божественной пышности и красоты.

Клеопатра с раскрасневшимися щеками и бьющимся сердцем позволила надеть на себя великолепное платье, усеянное жемчугом и драгоценными камнями. Ей было бы приятнее, в ее теперешнем настроении, встретить Антония в простом черном платье, которое она со времени возвращения в Александрию заменяла более нарядным убором только в самых торжественных случаях; но Антоний явился новым Дионисом, и Эрос знал, чем ему угодить.

Четыре пары проворных женских рук, к которым нередко присоединялись ловкие пальцы Иры, работали быстро, и вскоре она протянула царице зеркало, воскликнув с искренним восторгом:

– Посмотри на себя, Афродита, родившаяся из пены!

Затем Ира, забывшая на минуту свои любовные неудачи, ненависть и зависть и горячо желавшая счастливого исхода этой встречи, распахнула обе половинки двери, как будто перед изображением верховного божества, явившегося толпе молящихся.

Восторженные крики приветствовали царицу. В зале уже собралась многочисленная свита: разряженные женщины в мантиях с длинными шлейфами, жрицы, осматривавшие и пробовавшие сестры, мужчины и мальчики, строившиеся рядами, служители с пальмовыми ветвями. Распорядитель шествия дал знак, и процессия направилась по залам и переходам к широкому крыльцу, с которого можно было окинуть взглядом весь Брухейон и Царскую улицу.

Издали крики толпы казались угрожающими, но теперь среди

73 Почтительное именование. Антоний титула «император» от римского сената официально не получил.

оглушительного гула отчетливо слышались приветствия, выражение торжества, восторга, удивления, поклонения, какие только существовали в греческом и египетском языках.

С крыльца можно было разглядеть только середину и хвост шествия. Голова скрывалась за высокими деревьями сада Дидима. Оттуда процессия тянулась до самой Хомы.

Казалось, вся Александрия собралась приветствовать Антония. Большие и малые, старики и дети, здоровые и больные теснились в одну кучу с лошадьми, носилками, повозками и колесницами, увлекаемые точно потоком. Тут раздавался громкий крик из опрокинувшихся носилок, там вопил ребенок, сбитый с ног, жалобно визжала собачонка, полураздавленная толпой. Но торжествующие крики заглушали даже звуки флейт и барабанов, цимбал и лютней.

Вот голова процессии миновала сад Дидима и открылась взорам стоявших на крыльце.

Впереди всех возвышался полководец в одежде Диониса. Сидя на золотом престоле, который несли на плечах двенадцать черных рабов, он приветствовал ликующую толпу. За ним следовали музыканты, далее два слона, между которыми колыхалось что-то прикрытое пурпурным ковром. Пройдя в высокие ворота, отделявшие дворец от Царской улицы, процессия остановилась перед крыльцом.

Между тем как конная и пешая стража, скифы, телохранители всевозможных национальностей удерживали напиравшую толпу, пуская в ход силу, когда увещания оказывались недостаточными, Антоний поднялся с трона, сделав знак индийским рабам – погонщикам слонов. Пурпурное покрывало было снято, и взорам изумленных зрителей открылся букет, какого еще не видывали глаза александрийцев. Он состоял из розовых кустарников, усыпанных цветами. Красные розы были собраны в середине, белые окружали их широкой светлой каймой. Более тысячи роз пошло на этот исполинский букет, достойный подносителя.

Он подошел к крыльцу, возвышаясь над толпой черных и белых рабов и служителей.

Даже самым рослым на него приходилось смотреть снизу вверх. Этому исполинскому росту соответствовала ширина его могучих плеч. Длинная, шафранного цвета, расшитая золотом и пурпуром мантия усиливала впечатление, производимое его гигантским ростом. Обнаженные руки, с атлетическими мускулами, протягивал он к возлюбленной.

Когда-то его волосы были черны как вороново крыло; теперь он должен был прибегнуть к краске, чтобы скрыть седины. Венок из виноградных ветвей обвивал его лоб, спускаясь длинными кудрями, украшенными обильной листвой и темными гроздьями, на плечи и спину. Вместо леопардовой он накинул на плечи шкуру огромного индийского тигра, убитого им самим на арене. Замок у цепи, поддерживавшей шкуру, и пряжка золотого пояса, охватывавшего его талию, были усыпаны рубинами и смарагдами. Широкие браслеты на руках, украшение на груди, даже обувь из красного сафьяна

блистали драгоценными камнями.

Ослепительным, как его былое счастье, явилось это роскошное платье повергнутого героя, еще вчера скрывавшегося от людских взоров. Печать благородства и величия лежала на его прекрасном лице. Хотя искусство и украсило его увядшие щеки поддельным румянцем, тяжесть пятидесятилетней погони за наслаждениями и испытания последних недель наложили на него свою печать: припухшие веки над огромными глазами, морщины, избороздившие лоб и расходившиеся лучами от углов глаз к вискам.

А между тем никому бы не пришло в голову видеть в нем старого, дряхлеющего глупца. Великолепие и блеск казались свойственными его натуре, а наружность его дышала таким могуществом, что насмешливость и презрение исчезали при его появлении.

Каким чистосердечием, добротой и достоинством дышало лицо этого человека, какая трогательная нежность светилась в его больших, юношески ясных глазах, когда он смотрел на супругу, которую столько времени избегал! В каждой черте его лица сияла такая пламенная, беззаветная любовь! Выражение глубокой скорби, мелькавшее иногда у его губ, так быстро сменялось благодарностью и счастьем, что и враги были тронуты при виде его. Когда же, прижав руку к сердцу, он с низким поклоном подошел к царице, как будто хотел броситься к ее ногам, когда его мощная фигура действительно опустилась на колени и атлетические руки протянулись к ней, точно руки беспомощного ребенка, тогда ей, посвятившей этому гиганту весь пыл своей страстной души, ей показалось, что все враждебное, все разделявшее их исчезло бесследно. Он увидел лучезарную улыбку, осветившую ее все еще прекрасное лицо, услышал свое имя, произнесенное устами, подарившими ему столько счастья... И когда, опьяненный этим голосом, прозвучавшим в его ушах, как пение муз, потрясенный до глубины души избытком блаженства после недавнего отчаяния, он указал на гигантский букет, который трое рабов подносили царице, ее охватило глубокое волнение.

Этот подарок был точной копией небольшого букета, поднесенного когда-то молодым начальником всадников Клеопатре у ворот эпикурейского сада, при ее встрече с отцом. Он тоже был составлен из красных роз, окаймленных белыми. Только вместо пальмовых ветвей, как этот, тот был обрамлен листьями папоротников. Как прекрасен был этот подарок, – символ великодушия, свойственного натуре Антония! Не волшебный кубок побудил его подойти к царице с таким напоминанием, а неувядающая, вечно юная любовь, переполнявшая его сердце.

Помолодевшая, точно перенесенная волшебством к счастливым дням расцветающей юности, она забыла свое царское достоинство, забыла о тысячах глаз, устремленных на нее, и, повинаясь неудержимому порыву сердца, прильнула к его могучей груди. А он, с лучезарной улыбкой, свойственной только юности, охватил ее своими мощными руками, целовал ее губы и глаза и, точно желая показать свое счастье всему народу, высоко поднял на руках, а затем бережно опустил, как хрупкую драгоценность. Потом он обратился к детям, стоявшим подле матери, взял на руки сначала маленького Александра,

затем близнецов и поцеловал их.

Старые стены Лохиады еще не слышали такого оглушительного торжественного крика. Он гремел на всем протяжении от Лохиады до Хомы, отдаваясь далеко в гавани, на кораблях с их высокими мачтами, достигая прибрежного утеса, где укрывалась Барина со своим возлюбленным.

XXI

Владения вольноотпущенника Пирра состояли из небольшого скалистого острова, немногим больше сада Дидима, голого и бесплодного, на котором не было видно ни единого деревца или кустика. Остров назывался Змеиным, хотя обитатели его давно уже уничтожили опасных соседей, до сих пор заполнявших другие утесы. Бесплодная почва не могла дать даже скудного урожая, пресную воду тоже приходилось доставлять с материка.

Эта пустыня, приют чаек и морских орлов, уже в течение недели служила убежищем гонимой молодой чете.

Они занимали две комнатки в доме Пирра. Днем солнце немилосердно раскаляло каменистую почву. Укрыться от палящих лучей можно было только дома или у подножия высокого утеса на южной стороне острова.

Здесь не было никаких строений, если не считать небольшого храма Посейдона, алтаря Исиды, крепкого, построенного александрийскими каменщиками дома вольноотпущенника и другого дома поменьше, где жили сыновья Пирра со своими семьями. На берегу был сооружен длинный плетень для развешивания сетей. Недалеко от дома находилось место стоянки кораблей, рыбацких барок и судов всякого рода. Дионик, младший, еще неженатый сын Пирра, работал на верфи. Он строил суда и чинил поврежденные.

Его старшие братья с женами и детьми, шестнадцатилетняя Диона, несколько собак, кошек и кур составляли все население острова.

В таком обществе приходилось жить новобрачным, привыкшим к шумной городской жизни. Но они скоро освоились с новой обстановкой, и никогда еще жизнь не казалась им такой безмятежной и радостной.

В первые дни рана и лихорадочное состояние беспокоили Диона, но предсказание Пирра, что свежий морской воздух пойдет ему на пользу, вскоре оправдалось.

Жена Пирра, Матушка, как ее все величали, оказалась довольно искусным лекарем, ее невестки и Диона – усердными и ловкими помощницами. Барина подружилась с ними. Насколько их мужья были молчаливы, настолько же они любили поболтать, да и Барине доставляло удовольствие говорить с хорошенькой, выросшей на острове и всем интересовавшейся Дионой.

Дион выздоровел, стал выходить из дома и, по-видимому, был совершенно доволен своей судьбой.

В первые дни, в бреду лихорадки, ему часто являлся образ покойной матери, она указывала на новобрачную, точно предостерегая его от нее. Выздоровев, он вспоминал об этих галлюцинациях и спрашивал себя, вынесет

ли Барина скуку уединения на этом пустынном утесе и не утратит ли она ясности души, которая так пленяла его. Не затоскует ли она в одиночестве, наконец, выдержит ли материальные неудобства и лишения?

Видя, что любовь заменила ей все, чего она лишилась, он радовался, но не хотел успокаивать себя мыслью, что так будет и впредь. Надеяться на это казалось ему чрезмерной самоуверенностью. Но, видно, он недооценил свои достоинства и любовь Барины, так как с каждой неделей она становилась все веселее и спокойней. Да и сам он разделял это настроение, так как никогда еще не чувствовал себя таким беззаботным. Только невозможность принимать участие в политической жизни города да беспокойство о своих имениях, хотя значительная часть его состояния была доверена надежному человеку и должна была уцелеть даже в случае конфискации его имущества, тревожили его. Он делился с Бариной всеми своими мыслями и чувствами, не исключая и этих опасений, которые заставили и ее заинтересоваться делами города и государства. Она охотно слушала его во время прогулок в лодке по морю или в долгие вечера за пряжей сетей – искусством, которому обучилась у Дионы.

Ей доставили из города лютню, и с каким наслаждением слушали ее пение супруг и скромные обитатели острова!

Они получили также книги, и Дион охотно обсуждал прочитанное с Бариной. Уже через месяц он стал помогать мужчинам в рыбной ловле, а Дионику – в работе на верфи. Его мускулистые руки, развитые упражнениями в палестре, легко справлялись с работой.

В этой уединенной жизни, где ничто не мешало влюбленным, они каждый день открывали друг в друге новые сокровища, которые, быть может, остались бы незамеченными в городе. И вскоре возникло отрадное чувство духовного единства, которое при обычных условиях создается только годами совместной жизни, как прекраснейший плод союза, основанного на взаимной любви и уважении.

Бывали минуты, когда Барине очень хотелось повидаться с матерью и другими близкими людьми, но письма, приходившие время от времени, не давали ей впасть в тоску.

Благоразумие требовало, по возможности, ограничить сношения с городом. Поэтому письма вольноотпущеннику передавала Анукис, черная служанка Хармионы, только когда тот бывал на рынке.

Так проходили дни за днями, и в конце концов Дион мог сказать без всякого самообольщения, что Барина чувствовала себя счастливой в этой пустыне и что его общество вполне заменяет ей шумную и оживленную жизнь в столице. Приходили письма от ее матери, сестры, от Хармионы, от деда, от Архибия и Горгия, но никогда они не пробуждали в ней желания расстаться с этой отшельнической жизнью, напротив, каждое служило темой для разговоров, еще сильнее укреплявших их связь.

На второй месяц после бегства было получено письмо Архибия, в котором сообщалось, что скоро им придется подумать о возвращении, так как сириец Алексас оказался гнусным изменником. Он и не думал исполнять возложенное на него поручение привлечь на сторону Антония Ирода, а, отрекшись от своего

благодетеля, остался у иудейского царя. У него хватило наглости отправиться к самому Октавиану с целью продать ему тайны Антония, но тут он был схвачен и казнен в своем родном городе Лаодикее.

«Теперь, – продолжал Архибий, – Клеопатра и ее супруг не обманываются более насчет худшего врага Барины.

Его измена естественно подорвала доверие и к Филострату. Однако нужно еще потерпеть, так как Цезарион вступил в корпорацию эфебов, а Антилл недавно облачился в *toga virilis*⁷⁴. Теперь они могут многое предпринять по собственной инициативе, а Цезарион наверняка не отказался от надежды овладеть Бариной».

За себя Дион не боялся, но ради супруги не мог игнорировать предостережения друга. Это было неприятно, так как ему хотелось ввести возлюбленную в свой дом, кроме того, нужно было бывать на заседаниях совета в эти смутные дни. Он рискнул бы отправиться в город один, но Барина так убедительно просила его не рисковать безмятежным счастьем, которое они испытывали в уединении, что Дион не мог не уступить. К тому же письмо Хармионы, полученное через несколько дней, доказывало как нельзя лучше, что следует быть очень осторожными.

Даже на острове знали, что в Александрии наступило бешеное, необузданное веселье. Южный ветер доносил до них звуки музыки или крики ликующей толпы.

Дочь Пирра, Диона, часто звала всех на берег полюбоваться великолепными, украшенными со сказочной роскошью гондолами, с которых раздавались звуки лютни и песни. Лодки под узорными пурпурными парусами скользили по глади залива. Однажды обитатели острова даже смогли рассмотреть на роскошном судне, украшенном позолоченной резьбой, молодых рабынь с распущенными волосами, в легких одеждах цвета морской волны. Они склонились над легким рулем из сандалового дерева, изображая nereid⁷⁵. Не раз ветер доносил до острова благоухания, а ночью корабли освещались волшебным светом разноцветных ламп и фонарей. Пассажиры, переодетые богами, богинями и героями, разыгрывали сцены из мифологии и истории. На палубе великолепного корабля царицы увенчанные гости на пурпурных ложах, обвитых гирляндами цветов, пировали, осушая золотые кубки.

Берег Брухейона был залит огнями. Гигантский купол Серапеума в Ракотиде, освещенный тысячами ламп, возвышался, точно усеянный звездами небесный свод, опустившийся на землю, над плоскими кровлями города. Храмы и дворцы превращались в колоссальные канделябры, и ряды ламп тянулись светящимися гирляндами от мраморного храма Посейдона до дворца на Лохиаде.

Возвращаясь с рынка, Пирр или его сыновья рассказывали о праздниках, представлениях, играх, состязаниях, увеселительных поездках, в которых, по

⁷⁴ *Toga virilis* – одежда совершеннолетнего, то есть полноправного гражданина

⁷⁵ Нереиды – морские нимфы, по греческой мифологии пятьдесят дочерей морского старца Нерее, имена которых указывают на изменчивость, глубину, стремительность и прихотливость моря

примеру двора, принимала участие вся Александрия. Для рыбаков настало хорошее время – весь их улов разбирали повара царицы и платили щедро.

В это-то время и пришло письмо Хармионы.

День рождения царицы, к удивлению Диона и Барины, прошел без особенных торжеств; но рождение Антония, несколько дней спустя, было отпраздновано с великим блеском и шумом.

Два дня спустя Анукис передала Пирру упомянутое уже письмо Хармионы.

На вопрос нубийки, может ли она посетить изгнанников, Пирр отвечал отрицательно, так как, с тех пор как Октавиан находился в Азии, гавань кишела стражниками и шпионами, и малейшая неосторожность могла оказаться губительной.

Впрочем, письмо Хармионы еще более, чем предостережения рыбака, обуздало нетерпение Диона.

Сначала шли добрые известия о родных Барины; затем Хармиона писала, что дядя Диона, хранитель печати, – наверху блаженства. Вся его изобретательность пошла в ход. Каждый день приносил новые празднества, каждая ночь – роскошные пиры. Зрелища, поездки, охоты чередовались без конца. В театрах, в Одеоне, на ипподроме разыгрывались великолепные представления, состязания, битвы гладиаторов, травли зверей. В прежние времена Дион участвовал в развлечениях кружка «умеющих жить», близкого ко двору. Теперь этот кружок снова возродился, но Антоний называл его членов «друзьями смерти». Это название было довольно верным.

Все понимали, что конец близок, и подражали тому фараону, который уличил во лжи оракула, предсказавшего ему шесть лет жизни, так как сделал из них двенадцать, превратив ночи в дни.

Свидание царицы с супругом, о котором Хармиона сообщала раньше, привело к пышным празднествам.

«В то время, – писала она, – мы надеялись, что все пойдет по-новому, что Марк Антоний, возрожденный вновь пробудившейся любовью, вспомнит старые подвиги, но наши надежды были обмануты. Клеопатра не успокоилась и не отказалась от борьбы, но он своим гигантским розовым букетом только показал, что фантазия прожигателя жизни разыгралась сильнее, чем когда-либо. «Друзья смерти» далеко превзошли «умевших жить».

Антоний стоит во главе их, и ему, чье исполинское тело противостоит самым неслыханным излишествам, удается заглушить в себе мысль о близкой гибели. После бурной ночи его глаза сверкают так же ярко, голос так же юношески звучен, как перед началом пира. Царица остается его богиней, и кто мог бы равнодушно видеть, как гигант повинует своей нежной властительнице и выдумывает самые неслыханные развлечения, чтобы только сорвать улыбку с ее губ.

Посторонний человек, увидев царицу в его обществе, счел бы ее счастливой.

В сказочном блеске праздничного убора, окруженная общим поклонением, она напоминает мне о прежних счастливых днях, но когда мы остаемся одни,

редко случается мне видеть улыбку на ее лице.

Она хлопочет о гробнице, которая быстро возводится Горгием, и обсуждает с ним средства сделать ее неприступной.

Все, каждый рисунок на саркофагах, делается с ее одобрения.

В то же время роют погреб и кельи для ее сокровищ, а под ними ходы для смолы и соломы, чтобы, в случае крайности, можно было все сжечь. Золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, эбеновое дерево и слоновую кость, драгоценные пряности, – словом, все свои сокровища решила она предать огню.

Один жемчуг стоит нескольких царств. Кто же решится осудить ее, если она предпочитает уничтожить эти сокровища, а не отдавать врагу.

Сад, в котором ты провела свое детство, Барина, отведен теперь близнецам и маленькому Александру. Тут они играют, копают, строят под руководством моего брата. К ним приходит отдыхать царица, когда ее слишком утомит погоня за наслаждениями, потерявшая всякую прелесть в ее глазах.

Когда, третьего дня, Антоний в виде нового Диониса, увенчанный плющом, на золотой колеснице, запряженной парой ручных львов, появился на Царской улице, чтобы пригласить новую Исиду отправиться с ним в серебряном цветке лотоса на четверке белоснежных лошадей, она заметила, указывая на блестящую процессию: «От мирного приюта философии, где я начала свою жизнь и чувствовала себя так отраднo, к гробнице, где ничто не возмутит моего покоя, ведет Царская улица, полная оглушительного шума и суетного блеска. Это моя улица».

О дитя, когда-то было иначе! Она любила Марка Антония со всем пылом страсти. Первый среди героев, он преклонялся перед ее могуществом. Пробудившаяся страсть, жгучее честолюбие, обуревавшее ее душу еще в детстве, нашли полное удовлетворение, и мир с удивлением взирал на смертную женщину, Клеопатру, которая сумела превратить жалкую земную жизнь в праздник богов для себя и для своего возлюбленного. И возлюбленный не остался неблагодарным; он принес к ногам «царицы Востока» себя самого, могущество Рима и властителей двух частей мира.

Как во сне мелькнули для них эти годы. Женитьба на Октавии была первым пробуждением. Это оказалось печальным и мучительным. Но Антоний изменил Клеопатре не ради женщины, а ради пошатнувшегося могущества и власти. Грезы и сны возобновились. Затем наступил день Акциума, отрезвление, пробуждение, падение, отчаяние. Надо было удержать его от окончательного падения, пробудить могущество и силу героя, увлечь его в борьбу за общее дело.

Но он в ней привык видеть царицу веселья. Он желал одного: осушить с ней последний кубок наслаждения, пока еще есть время. Она видит это и скорбит. Чего только она не делала, чтобы возродить в нем прежнюю энергию, но как редко удается ей побудить его к серьезной деятельности.

Она укрепляет устье Нила и границы государства, строит один за другим корабли, ведет переговоры, но не в силах отказаться, когда он призывает ее к новым наслаждениям.

Хотя Антоний утратил то, что когда-то составляло его величие и силу, она

все же не может отрешиться от прежней любви и остается при нем, потому что... Я не знаю почему. Любящая женщина не может руководиться правилами и доводами рассудка. К тому же он отец ее детей, и в играх с ними к нему возвращается прежнее заразительное веселье.

С тех пор как Архيبий взялся за их воспитание, Эвфронион получил новое назначение. Он знает Рим, Октавиана и его приближенных, потому его отправили послом. Ему поручено уговорить победителя передать власть над Египтом мальчикам – Антонию Гелиосу и Александру; но тот не удостоил его ответом, даже не принял.

Клеопатре он по-прежнему обещает жизнь и престол, если только она исполнит уже ранее поставленное условие: умертвить или выдать Марка Антония.

Но ее благородное сердце не способно на такую гнусную измену. Тем не менее Октавиан сделал все, чтобы побудить ее к этому. Для переговоров он сумел найти подходящего человека: ловкого, богато одаренного физически и духовно. Он из кожи лез вон, стараясь восстановить царицу против ее супруга. Он дошел даже до того, что стал уверять, будто племянник Юлия Цезаря давно уже равнодушен к царице. Но она оценила эти уверения по достоинству, и все его красноречие пропало даром.

Антоний сначала не обращал внимания на этого посла. Но когда узнал, к каким средствам прибегает тот, разумеется, не смог остаться равнодушным. Он поступил, как мог поступить только Антоний: велел высечь посла могущественного победителя, отправил его обратно в Рим и написал Октавиану длинное письмо, в котором жаловался на дерзость и наглость его подчиненного, прибавляя, что несчастья сделали его раздражительным; но если этот способ переговоров не понравится Гаю Юлию Цезарю ⁷⁶, то последний может поступить с вольноотпущенником Гиппархом, бывшим слугой Антония, так же, как Антоний поступил с Тирсом.

Как видите, мужество и дерзость еще не покинули его.

Когда вспомнишь, какую энергию мог проявлять этот человек в минуты самой страшной опасности всего несколько лет назад, его нынешнее поведение покажется непонятным. Но мы слишком хорошо его знаем. Если он борется, то не ради победы или спасения, а для того чтобы умереть с честью. Если он веселится, то лишь потому, что этим думает умалить торжество победителя. В глазах общества тот еще не побежден, кто может так праздновать и пировать, как Антоний. Тем не менее величие его духа пошатнулось. Выдача убийцы Цезаря – его имя Турилл – доказывает это.

Это больше всего беспокоит меня, Барина, и заставляет просить вас, тебя и твоего мужа, отложить пока мысль о возвращении.

Антоний принял теперь в свою компанию сына. Антилл разделяет все его увеселения. Разумеется, он узнал об увлечении Цезариона и, со своей стороны, готов помогать бедному малому. Твоя живость и веселость, говорит он,

⁷⁶ В 44 году до н.э. после усыновления двоюродным дедом (Юлием Цезарем) Гай Октавиан принял имя Гай Юлий Цезарь

заставляет мечтателя очнуться. Да и сам он не прочь послушать твое пение. Словом, тебя разыскивают.

Вы сами поймете, что необходимо быть осторожными.

Для успокоения могу прибавить, что Клеопатра намерена отправить Цезариона с его гофмейстером Родоном на остров Филы, в Эфиопию.

Архибий узнал от Тимагена, что Октавиан считает опасным сына Цезаря из-за его поразительного сходства с отцом и решил предать его смерти. Антилл тоже уезжает. Он отправляется в Азию, чтобы попытаться умиловить Октавиана и сделать ему новые предложения. Ведь Антилл, как вам известно, обручен с его дочерью Юлией.

Царица давно уже потеряла всякую надежду на возможность победы, но работает по-прежнему неутомимо, несмотря на все помехи со стороны «друзей смерти». Она одна из всего этого кружка серьезно готовится к близкому концу.

По мере того как постройка гробницы продвигается вперед, она все более и более задумывается над способом смерти. Ученица Эпикура, чувствительная до того, что не выносит малейшей боли, она ищет возможность перейти к вечному успокоению без страданий. Ира и молодые ученики Олимпа помогают ей в этом. Старик доставляет всевозможные яды, и они пробуют их на животных и даже над приговоренными к смерти преступниками. Оказывается, что укус змеи, изображение ⁷⁷ которой на египетской короне знаменует власть царя над жизнью и смертью подданных, самый быстрый и безболезненный способ смерти.

Как ужасно все это! Как грустно видеть, что женщина, окруженная такой любовью, мать таких прекрасных детей, среди опьяняющих развлечений сделала смерть своей спутницей. Каждый день она смотрит ей в лицо и тем не менее презрительно отталкивает единственное средство спасения. Но иначе она и не может поступить. Это возвышенно, это достойно ее натуры, и я теперь предана ей более, чем когда-либо.

Вы тоже должны относиться к ней с участием. Клеопатра заслуживает его. Благородное сердце прощает врага, а она в сущности никогда не была вашим врагом.

Я написала длинное письмо; хотелось отвести душу и облегчить тебе горечь уединения. Потерпите еще немного. Скоро сама судьба освободит вас. Ваши родственники, Архибий и Горгий, который теперь часто бывает у царицы, были бы рады навестить вас, но боятся вам навредить».

Вскоре обитатели острова узнали, что Цезарион с Родоном отправились по Нилу в Эфиопию, а Антилл уехал в Азию, к Октавиану. Последний хотя и принял его, но ничего не обещал.

Это известие принес Горгий, явившийся к изгнанникам самолично в один мартовский вечер.

Редко какого-нибудь гостя встречали с таким радушием. Когда он вошел в комнату, Барина плела сеть, рассказывая Дионе о странствованиях Одиссея. Дион трудился над головой Посейдона для нового корабля.

⁷⁷ Египетскую корону, а также все царские диадемы украшала голова кобры

Как оживились лица, как весело зазвучали голоса. Посыпались вопросы, ответы, сообщения. Горгий должен был разделить ужин семьи. Свежие устрицы и лангусты гораздо больше понравились горожанину, чем изысканные блюда на пиршествах, в которых его приглашала участвовать царица.

Вообще новая и необычная обстановка так понравилась Горгию, что он заявил о своем намерении добиться изгнания и присоединиться к Диону и Барине, если только Пирр согласится его принять.

Когда они остались втроем за глиняным кувшином с вином, молодой чете показалось, что лучшее из того, что они оставили в городе, опять с ними.

Они не могли наговориться: Дион и Барина рассказывали о своей отшельнической жизни; Горгий – о царице, о мавзолее, который должен был вместе с тем служить сокровищницей. Он был выстроен прочно, как будто ему предстояло пережить века или выдержать серьезную осаду. В центре постройки находился обширный зал, предназначенный для мраморных саркофагов. В настоящее время украшали резьбой его стены и потолок, устраивали лежа, канделябры и жертвенные столы. В погребах, вокруг зала, и в верхнем этаже, который еще не был закончен, предполагалось устроить помещения для горючих материалов и трубы для свободного доступа воздуха.

Горгий сожалел, что не может показать друзьям этот зал, быть может, лучшее, роскошнейшее из его произведений. Самые дорогие материалы – коричневый порфир, темно-зеленый серпентин, темные сорта мрамора – пошли на эту постройку, а мозаика и медные двери были чудом александрийского искусства.

Тяжело ему было думать, что все это предназначено к уничтожению. Но мысль о том, что его постройка скоро примет труп царицы, была еще тягостнее.

Горгий не находил слов, чтобы выразить свое восхищение этой величайшей из женщин. Наконец Дион остановил его излишние, заметив, что Барине хочется узнать что-нибудь о своей матери, сестре и других родственниках.

Здесь все обстояло благополучно. Хотя Горгий чуть не каждый день должен был из кожи вон лезть, убеждая старого философа остаться в его доме.

Клеопатра, рассказывал далее архитектор, купила у старика дом и сад, заплатив тройную цену. Теперь он богатый человек и поручил Горгию выстроить ему другой дом.

Когда Горгий упомянул о Елене, Дион переглянулся с Бариной, но архитектор заметил это и сказал:

– Я все понимаю и признаюсь, что Елена кажется мне достойнейшей из девушек. Я вижу, что и она расположена ко мне. Но когда я стою перед царицей и слышу ее голос, точно вихрь уносит от меня всякую мысль о Елене. А обманывать кого бы то ни было не в моем характере. Как могу я добиваться руки девушки, которую так высоко ценю, когда образ другой владычествует над моей душой!

Дион напомнил Горгию его же слова о том, что царицу можно любить только как богиню, и, не дожидаясь ответа, перевел разговор на другие темы.

Было уже три часа ночи, когда Пирр явился за архитектором. В то время

как быстроходнейшая из лодок рыбака отвозила Горгия в Александрию, он спрашивал себя, кто скорее удовольствуется скромной ролью хозяйки, девушка вроде Елены, прожившая до брака в уединении, или такая женщина, как Барина, попавшая в пустыню после шумной жизни в Александрии?

За этим веселым вечером последовал тяжелый и беспокойный день. Молодая чета должна была укрываться от сборщиков податей, отобравших у Пирра порядочный куш из его сбережений и новую барку, на которой он выходил в открытое море.

Вооружения требовали больших расходов, для флота нужны были суда, и это тяжело отзывалось на всех гражданах. Даже храмовые сокровища были изъяты, а между тем всякий видел, что деньги, стекавшиеся в казну и беспощадно выжимаемые у народа, шли не только на государственные нужды, но и на бешеную погоню двора за увеселениями.

Тем не менее восстания не последовало: такой любовью пользовалась царица, так дорожил народ самостоятельностью Египта и так велика была ненависть к римлянам.

Даже обитатели острова не могли не заметить, как усердно Клеопатра занималась приготовлениями к защите: повсюду на верфях работа шла днем и ночью; гавань наполнялась судами. Со Змеинового острова часто можно было любоваться военными учениями в открытом море.

Иногда появлялся и военный корабль Антония, который осматривал быстро возраставший флот, ободряя матросов пламенными речами. В этом отношении он до сих пор не имел соперников.

Двое сыновей Пирра были взяты во флот. Дион предлагал их отцу значительную сумму на выкуп, но их непустили.

Навещая родных по праздникам, Дионис и Дионик жаловались на учение, доводившее новобранцев до полного изнеможения; рассказывали о сыновьях граждан и крестьян, которых насильно забрали из родных семей и деревень. Во флоте бродило недовольство, и подстрекатели, рассказывавшие, как привольно живет матросам Октавиана, находили много слушателей.

Пирр заклинал сыновей воздержаться от мятежных замыслов, а женщины, напротив, готовы были одобрить все, что могло бы освободить их от тяжелой службы.

И Барина утратила прежнюю беззаботную веселость. Теперь ее глаза часто наполнялись слезами, она ходила понутив голову, как будто ее одолевали какие-то мучительные думы.

Быть может, апрельская жара и знойный ветер пустыни оказывали такое действие? Или в ней проснулась жажда развлечений, сожаление о прежней веселой и шумной жизни? Не утомило ли ее одиночество? Или любовь мужа уже не в силах вознаградить ее за утраченные блага? Нет, этого не было. Никогда еще она не смотрела на мужа с такой нежной преданностью, как теперь, когда им случалось остаться наедине. В такие минуты она была воплощением счастья и радости.

Дион, напротив, ни на минуту не утрачивал ясности и самообладания, как будто жизнь оборачивалась к нему самой лучшей стороной. А между тем он

узнал, что на его имущество был наложен арест, и только благодаря влиянию Архибия и дяди оно не было отобрано в казну. Но теперь он ничего не боялся.

Величайшее счастье, какое бессмертные могут послать людям, ожидалось на острове. Женщины хлопотали над приготовлениями к важному событию.

Пирр привез из города жертвенник и мраморную статую Илифии, богини родов, которую римляне называли Луциной. Эти священные предметы передала ему Анукис от имени Хармионы. При этом она завела речь о змеях, которые в изобилии водились на утесах, соседних с островом Пирра, и спросила, можно ли поймать одну или две штуки. Пирр ответил, что это не представляет труда.

Статуя и жертвенник были поставлены вместе с другими священными предметами, и Барина, так же как другие женщины, частенько орошала его маслом.

Дион дал обет выстроить богине храмы на острове и в городе, если она будет милостива к его молодой жене.

В знойный июньский день рыбак привез на остров Елену, внучку Дидима, и Хлориду, няньку Диона, верную помощницу его матери, присматривавшую за рабынями в их доме.

Барина встретила сестру с распростертыми объятиями. Их мать не приехала только потому, что ее исчезновение могло возбудить подозрение сыщиков. Действительно, они не дремали. Марк Антоний по-прежнему разыскивал певицу. Филострат сулил два таланта награды тому, кто задержит Диона, так что шпионы постоянно следили за дворцом изгнанника и домом Береники.

По-видимому, Елена не так легко переносила одиночество, как Барина. Она относилась к сестре с искренней нежностью, но частенько задумывалась, а по вечерам уходила на южный берег острова и смотрела на город, где остались ее родные.

Прошло восемь дней со времени ее приезда, но она не могла привыкнуть к одиночеству, напротив, ее тоска, по-видимому, усилилась. Теперь она уходила на берег не только по вечерам, но и в знойный полдень. Она очень любила стариков.

Впрочем, предположение Диона, будто слезы, появлявшиеся иногда на глазах Елены, вызваны грустью не о родных, а о некоем более молодом жителе города, по-видимому, имело основание, так как однажды перед домом слышались веселые голоса, громкий, добродушный смех, и Дион, встрепёнувшись, крикнул жене:

– Так смеяться может только Горгий, когда с ним приключится что-нибудь особенное.

С этими словами он поспешил к двери, но, несмотря на яркий лунный свет, не увидел за дверями никого, кроме Пирра, направлявшегося к берегу.

Но у Диона был чуткий слух. Вскоре ему слышались голоса из-за дома. Он тихонько направился туда, заглянул за угол, остановился в изумлении и минуту спустя воскликнул:

– Милости просим, Горгий. Заходи позднее. Я вам не буду мешать.

Затем, вернувшись к жене, шепнул ей на ухо:

– Сейчас видел Елену; выплакивает свою тоску по бабушке и бабушке на груди Горгия, – хлопнул в ладоши и прибавил смеясь: – В этой пустыне совсем разучишься жить с людьми. Ну можно ли смущать влюбленную парочку при первом свидании? Впрочем, Горгий тоже застал нас в Александрии при подобных обстоятельствах, так что я только отплатил ему той же монетой.

Архитектор вошел в комнату рука об руку со своей возлюбленной. Он страшно скучал по Елене и на восьмой день почувствовал, что жить без нее ему решительно невозможно. Теперь он мог добиваться ее руки; тем более что отношение его к Клеопатре изменилось уже на третий день после отъезда Елены. В присутствии Клеопатры образ Елены манил его еще сильнее, чем образ несравненной царицы в присутствии внучки Дидима в прежнее время. Такой тоски, какая одолевала его в последние дни, он никогда еще не испытывал.

XXII

На этот раз Горгий недолго оставался на Змеином острове, так как постройка гробницы шла днем и ночью.

В нижнем этаже заканчивалось внутреннее убранство, верхний быстро подвигался к завершению. Но и в подвалах еще оставалось много работы. Все в этом здании должно было поражать взоры. Мозаисты, украшавшие пол в большом зале, превзошли самих себя. Барельефы на стенах были чудом искусства.

Октавиан уже приближался к Пелусию, и если бы даже Селевк, начальник гарнизона, сумел отстоять крепость, то все же часть римского войска могла через несколько дней явиться в Александрию.

Впрочем, для приема врагов готовилось сильное войско.

Флот превышал численностью римский, конница могла бы привести в восторг знатока. Антоний возлагал большие надежды на воинов, которые служили под его командой в лучшие дни, знали его щедрость и великодушие и вряд ли могли забыть о том славном времени, когда он весело и бодро делил с ними труды и лишения.

Елена осталась на острове, и ее тоска по старикам значительно уменьшилась. Очевидно, ей начинала нравиться уединенная жизнь.

Напротив, молодого супруга томило беспокойство. Он скрывал это от женщин. Старый Пирр с трудом удерживал его от поездки в город, грозившей погубить все плоды его вынужденного одиночества и лишений. Уже не раз Дион собирался уехать со своей женой куда-нибудь в Сирию или Грецию, но важные соображения удерживали его от этого шага. Опаснее всего было то, что ни один корабль не выходил из гавани без тщательного осмотра.

Бодрость духа, всегда отличавшая Диона, уступила место лихорадочному беспокойству; а его верный старый друг тоже утратил душевное спокойствие, так как флот, в котором служили его сыновья, должен был скоро встретиться с флотом Октавиана.

Однажды он вернулся из города в глубоком волнении: Пелусий сдался. Но никто не встретил старика на острове.

Что же случилось?

Уж не открыто ли убежище беглецов, и не увезли ли их вместе с семьей Пирра в город, в тюрьму?

Бледный как смерть, но сохраняя присутствие духа, он направился к жилищу. Диону и его отцу он был обязан высшим благом – свободой, а также и всем своим достоянием. Но если его опасения не напрасны, он останется одиноким, жалким нищим. Что же, если даже придется пожертвовать всем для того, кому он был всем обязан, Пирр сумеет покориться судьбе.

Было еще светло.

Никто не вышел ему навстречу; только огромный сторожевой пес Аргус бросился к хозяину с веселым лаем.

Пирр уже хотел взяться за ручку двери, когда она распахнулась настежь.

Дион увидел старика и, веселый, счастливый, упоенный радостью, ниспосланной ему в этот день, кинулся на шею своему другу, восклицая:

– Мальчик, и какой чудесный мальчик! Мы назовем его Пирром.

Светлые слезы покатались по щекам и седой бороде рыбака. Жена подошла к нему, приложив палец к губам, и он шепнул ей на ухо:

– Когда я привез их, ты опасалась, что горожане навлекут на нас гибель... но ты все-таки приняла их... и... его назовут Пирром... Чем заслужил я, маленький человек, такую награду!

За этим радостным днем последовали и другие, полные веселья, не омраченные никакими тревогами. Елена постоянно проявляла внимание и заботу о малыше, а старушка Хлорида и жена рыбака помогали молодой женщине своим опытом.

Все согласились, что еще не бывало такой милой матери, как Барина, и такого чудесного ребенка, как маленький Пирр. Но Диона ничто не могло удержать теперь на острове.

Тысячи обстоятельств, казавшихся до сих пор незначительными, теперь приобрели огромный смысл в его глазах и требовали его личного вмешательства. Он был отцом, и всякая небрежность в делах могла дурно отразиться на его ребенке.

Загоревший, с длинными кудрями и бородой, с огрубевшими от работы на верфи руками, в простом рыбацком платье, он стал почти неузнаваем. Никто бы не признал прежнего изящного франта в этом моряке.

Конечно, предприятие было небезопасно, но необходимость увидеться с матерью Барины, с ее дедом и бабкой, с Горгием заставляла его рискнуть, и однажды вечером, в последний день июля, он отправился в город, не сказав об этом Барине, которая теперь не покидала комнаты.

Ему было известно, что Октавиан расположился на восток от города, у ипподрома. Даже со Змеинового острова видны были палатки римлян на белых холмах. В день отъезда Диона Пирр привез известие, что Антоний со своими всадниками разбил конницу Октавиана. На этот раз известие о победе грозило Диону серьезной опасностью, так как дворец в Лохиаде был ярко освещен и

набережная кишела народом. Толковали о победе, рассказывали, что к Марку Антонию вернулась его прежняя доблесть, что он бился, как герой.

Многие из тех, кто проклинал его вчера, сегодня присоединили свои голоса к приветствиям в честь нового Диониса.

В доме Горгия поздний гость застал только стариков. Они уже знали о счастье внучки. Обрадовавшись Диону, они хотели немедленно послать за своим другом и будущим сыном Горгием, который был в собрании эфебов. Но Дион решил отправиться туда сам.

Впрочем, он не сразу расстался со стариками, так как хотел повидаться с Береникой и нубийкой Анукис. Они со времени рождения малыша каждый день заходили к философу, первая для того, чтобы узнать новости насчет дочери и внука, вторая – чтобы взять письма, которые она передавала на рынке Пирру.

Сначала пришла Анукис. Она радостно поздоровалась с Дионом, и хотя ей очень хотелось расспросить его о молодой матери, она подавила это желание и поспешила к Хармионе сообщить ей о прибытии неожиданного гостя.

Береника явилась на этот раз в самом тревожном настроении.

Ее брат Арий со своими сыновьями вынужден был укрыться; им угрожала серьезная опасность. До сих пор Антоний благодушно относился к отношениям Ария с Октавианом; но теперь, когда последний расположился под самым городом, дом философа, который в детские годы Октавиана был его наставником и руководителем, а позднее другом, был по приказанию Мардиона занят скифской стражей. Самому Арию и его сыновьям было запрещено оставаться в городе, так что он с большим риском укрылся ночью в доме своего друга.

Напуганная женщина опасалась самых трагических последствий для своего брата в случае победы Антония, что, впрочем, не мешало ей от души желать успеха царице. Она, ожидавшая всегда несчастья, верила в возможность победы, так как смелый военачальник, по-видимому, совершенно оправился после поражения при Акциуме. Так же неустрашимо, как в прежние времена, вел он своих всадников на неприятельские ряды; так же легко размахивал огромным мечом, которым двадцать пять лет назад уложил Архелая недалеко от места нынешнего сражения. В своем золотом вооружении, в шлеме, прикрывавшем его львиную гриву, он действительно походил на своего предка Геркулеса, что признала и Хармиона, явившаяся вскоре после Береники. Она отпросилась у Клеопатры, чтобы расспросить Диона о молодой матери и ребенке, который был дорог ей, как первый внук человека, чья любовь, хотя и отвергнутая Хармионой, оставалась отрадным воспоминанием в ее жизни.

Дион нашел, что она сильно изменилась. Волосы сплошь поседел, щеки впали, складки около рта придали ее лицу скорбное выражение, сменившее прежнюю приветливую ясность. К тому же она, по-видимому, недавно плакала. И в самом деле, ей пришлось пережить печальные минуты.

Победа Антония праздновалась с великой помпой.

Он сам председательствовал на пиру, увенчанный по обыкновению пышной листвой и великолепными цветами. Рядом с ним сидела Клеопатра в светло-голубом платье, украшенном цветами лотоса и осыпанном жемчугами и

сапфирами, как и маленькая корона на ее голове. Хармиона уверяла, что она еще никогда не была так красива. Но – об этом она умолчала – румянец на увядающих щеках Клеопатры был теперь искусственным.

Их встреча с Антонием после битвы, когда он, еще в полном вооружении, прижал ее к сердцу так пламенно, точно снова завоевал свою прежнюю любовь, была поистине трогательным зрелищем. Лицо царицы тоже сияло счастьем. Когда представили всадника, особенно отличившегося в сражении, она наградила его шлемом и панцирем из чистого золота.

Но еще до начала пиршества ей пришлось убедиться, что конец действительно наступает. Всадник, которого она так щедро одарила, спустя несколько часов перебежал к римлянам. Антоний послал Октавиану вызов, но тот отвечал, что его сопернику и без того не избежать смерти.

Это был ответ хладнокровного, уверенного в победе врага. Не сбылись и надежды на старых, служивших когда-то под знаменами Антония солдат, которые, как думали при дворе, должны были оставить нового вождя и перейти к своему прежнему полководцу. Все попытки в этом направлении кончились неудачей. Мало того, постоянно приходили известия, что воины Антония поодиночке или целыми отрядами переходят на сторону врага. Октавиан, уверенный в успехе, не придавал никакого значения попыткам Марка Антония привлечь солдат на свою сторону щедрыми обещаниями.

Клеопатра видела в победе своего возлюбленного только последнюю вспышку угасающего огня. Но пока он еще не угас, она хотела следовать за его светом. И сегодня она участвовала в празднике победителя. На этот раз пиршество отличалось от прежних. Оно началось слезами и напомнило Клеопатре слова Антония, сравнившего ее с пиром накануне сражения.

Виночерпии приблизились к гостям с золотыми кубками, когда Антоний обратился к ним со словами:

– Наливайте усерднее, завтра, быть может, вы будете служить другому господину. – Тут он задумался и пробормотал: – Да, я уже превратился в труп, в жалкое ничто!

Громкие всхлипывания служителей были ответом на эти слова, но он ласково обратился к ним, обещая не брать с собой в сражение, в котором ищет не победы, а почетной смерти.

Глаза царицы тоже наполнились слезами. Этот человек, не знавший удержу в своих страстях, возбудил лютую вражду; зато немногим выпала в жизни такая пламенная любовь. Довольно было взглянуть на его героический облик, подумать о том времени, когда даже враги признавали, что величие его росло с опасностью и что никто не умел так, как он, воодушевлять людей надеждой на лучшие времена среди самых ужасных лишений; довольно было прислушаться к звуку его мощного голоса, который, исходя из сердца, покорял сердца, вспомнить о его безграничном великодушии, чтобы понять, почему так много искренних слез пролилось на этом пире.

Но грустное настроение скоро рассеялось.

– Полно унывать! – воскликнул Антоний. – Ведь здесь нет скелета ⁷⁸. Да

78 На египетских пиршествах присутствовало изображение мумии, напоминавшей гостям о смерти. В

мы и без него знаем, что веселью скоро конец! Веселую песню, Ксуф! А ты, Метродор, начинай танцы! Первый кубок в честь прекраснейшей, лучшей, мудрейшей и любимой, как никто из женщин!

С этими словами он поднял кубок, флейтист Ксуф сделал знак хору, а танцмейстер Метродор танцовщикам в легких, прозрачных шелковых одеждах.

Друзья смерти снова сделались друзьями веселья. В это время нубиянка сообщила Хармионе о приезде Диона.

Когда она поспешила в свои комнаты, чтобы переодеться, и увидела Иру, которая тоже оставила пиршество, то решила условиться с ней насчет службы при царице. Но племянница не заметила ее. Судорожно всхлипывая, она бросилась ничком на ложе и дала полный исход отчаянию, потрясавшему ее страстную натуру. Хармиона окликнула ее и со слезами протянула ей руки. В первый раз со времени Акциума Ира прижалась к ее груди, и они долго сидели обнявшись, пока на восклицание Хармионы: «С ней и за нее до гроба!» не прозвучал, как эхо, ответ: «До гроба!»

Эти слова уже не в первый раз повторяла про себя подруга детства царственной женщины, которая теперь с улыбкой на прекрасном лице и кровоточащей раной в сердце принимала участие в последнем безумной пире. Сколько раз в бессонные ночи Хармиона спрашивала себя: «Разве твоя судьба не связана с ее судьбой? Что даст тебе жизнь без нее?»

Теперь те же слова прозвучали из уст другой женщины. И Хармиона еще раз повторила, обращаясь к Ире:

– Да, вместе с ней до гроба. Что бы ни последовало за смертью, сердце и руки Хармионы будут всегда к услугам Клеопатры.

– Так же как любовь и служба Иры, – последовал ответ. С этими словами они расстались. Волнение, испытанное Хармионой, еще отражалось на ее лице, когда она явилась в дом Горгия.

Прощаясь с друзьями, она от души пожала руку Диону и сообщила ему, что Архий увез царских детей в свое имение Ирению.

– Редко приходилось мне видеть сцену более тяжелую, чем прощание царицы с детьми. Что предстоит этим дорогим существам, достойным лучшей участи? Мое последнее и единственное желание убедиться, что близнецам и маленькому Александру не угрожают гибель и горе, и увидеть твоего ребенка на руках Барины.

Во дворце Хармионе пришлось подождать возвращения Клеопатры с пира. Она со страхом думала о настроении царицы. В последнее время Клеопатра постоянно возвращалась взволнованная до слез. Как же подействует на нее это последнее пиршество, так печально начавшееся и продолжавшееся с таким насильственным весельем?

Наконец, во втором часу ночи явилась царица.

Хармиона не верила своим глазам. Лицо Клеопатры сияло, и, когда подруга сняла корону с ее головы, она воскликнула:

подражание этому обычаю у римлян было принято обносить вокруг стола статуэтку, имевшую вид скелета. Эстетическое чувство греков превратило этот безобразный символ в крылатого ангела. (Примеч. авт.)

– Зачем ты ушла так рано? Может быть, это был наш последний пир, но лучшего я не запомню. Мы точно вернулись к расцвету нашей любви. Марк Антоний тронул бы каменное сердце, – так чудесно смелость сочеталась у него с грустной нежностью, против которой не устоит никакая женщина. Часы казались мгновениями. Мы снова были молоды, снова одни.

Здесь, на Лохиаде, сегодняшней ночью мы перенеслись в другое время, в другие места. Пение, музыка, танцы – все исчезло для нас. Мы бродили рука об руку в заколдованном мире, и перед нами разворачивалось сказочное великолепие, ослепительный блеск и счастье в царстве блаженных, мечта моей юности и лучшая часть жизни царицы Египта.

Она началась у ворот эпикурейского сада, продолжалась на Кидне. Я снова видела себя на раззолоченном корабле, обвитом гирляндами цветов, на пурпурном ложе, осыпанном розами. Легкий ветерок надувал шелковые паруса; вокруг меня девушки пели звонкими голосами и играли на цитрах, и зефир далеко разносил благоухание, далеко на берег, к нему, как первую весть о блаженстве, которое он сам считал доступным только для бессмертных. Его сердце, его чувства, его ум наконец – он сам признался мне – стремились слиться с моими. Нас соединили узы, которых ничто не могло разъединить. Он, властитель мира, был побежден, и для него было счастьем предупредить желания победительницы, так как он чувствовал, что и она, перед которой он преклонялся, его покорная рабыня. И все это без всяких волшебных кубков. Я в первый раз свободно вздохнула сегодня, точно избавившись от зловещего призрака, который давил меня, хотя огонь давно уничтожил его. Не волшебство, а дары, телесные и духовные, которыми бессмертные наделили побежденную победительницу Клеопатру, поработили его мужественное сердце.

Из Кидна мы перенеслись сюда, к блаженным дням, проведенным в стенах родной Александрии. Это лучезарное время воскресло в наших воспоминаниях. Все, что мы чувствовали, когда переодетые бродили в шумной толпе, или на олимпийских играх, когда восторженные крики народа окрыляли нам сердца, или в уединенных покоех, забываясь в блаженстве, или с детьми, доставившими нам счастье, – все это снова прошло перед нами. Все мрачное, скорбное точно испарилось, и детские грезы, волшебная сказка, созданная воображением, стала действительностью, – действительностью, какой была моя прежняя жизнь.

И если завтра придет смерть, могу ли я сказать, Хармиона, что она пришла слишком рано, не дав мне насладиться лучшими дарами жизни? Нет, нет и нет! Кто может сказать себе, что прекраснейшие грезы детства сбылись и воплотились в его жизни, тот счастлив, хотя бы он стоял на краю могилы.

Стремление быть первой и величайшей из женщин своего времени, воспламенявшее сердце ребенка, исполнилось. Жажда любви, обуревавшая меня еще в то время, была утолена, когда я стала любящей женщиной, матерью, царицей, к тому же еще дружба наградила меня своими лучшими дарами; судьба послала мне таких спутников жизни, как твой брат Архивий, как мои Хармиона и Ира.

Пусть же будет, чему быть суждено. Сегодня вечером я убедилась, что жизнь дала мне все, что обещала. Но и другие должны помянуть добром

царицу, затмившую всех своим блеском, и женщину, сумевшую возбудить такую пламенную любовь. Я позабочусь об этом, гробница, выстроенная Горгием, станет между Клеопатрой, еще сегодня носившей эту корону, и грозящим ей разочарованием и позором.

Теперь я лягу спать. Пусть пробуждение принесет мне гибель, горе и смерть, я все-таки не стану жаловаться на судьбу. Только одного она еще не дала мне: безболезненного покоя, который я считала в детстве высшим благом; но теперь и он готов для Клеопатры. Царство смерти, которое, как говорят египтяне, любит безмолвие, открывает передо мной свои врата. За его порогом начнется глубочайший покой, и кто же знает, где и когда он кончится? Наши духовные очи не в силах проникнуть за пределы вечности, — да она же и беспредельна.

С этими словами царица направилась в спальню в сопровождении Хармионы.

Дверь в комнату детей была отворена. Какая-то непреодолимая сила заставила царицу заглянуть в темный опустевший зал.

Дрожь пробежала по ее телу. Она взяла светильник у одной из служанок, следовавших за ней, и подошла к постели маленького Александра. Постель была пуста, как и остальные. Голова царицы поникла на грудь; оживление ее исчезло, и как темная ночь следует за пышным закатом, так и последняя вспышка мужества Клеопатры уступила место горькому, гнетущему унынию. Она опустилась на колени подле ложа и долго стояла так, закрыв лицо руками и беззвучно рыдая. Начинало уже светать, когда Хармиона уговорила ее лечь в постель. Медленно поднявшись, Клеопатра отерла глаза и сказала:

— Моя истекшая жизнь казалась мне великолепным садом. Но теперь, когда я оглянулась, — сколько змей протянули ко мне свои плоские головы, сверкая глазами и разевая пасти. Кто же отстранил цветы, скрывавшие их? Совесть, Хармиона, совесть! Здесь, в этом приюте невинности и чистоты, всякое пятно бросается в глаза. Здесь... О Хармиона!.. Что если бы дети были здесь!.. Быть может, я бы решилась... Но нет, нет! Хорошо, что они уехали. Я должна быть сильной, а их кроткая прелесть подорвала бы мои силы. Но уже светает. Помогите мне одеться. Я скорее могла бы уснуть в разрушающемся доме, чем с такой бурей в сердце.

Пока она переодевалась в темное платье, в Царской гавани раздался звук трубы и сигналы во флоте и сухопутном войске.

Эти воинственные звуки вливали бодрость в сердце.

Только раз Клеопатре случалось видеть, как неожиданное вдруг сбывалось, невозможное становилось возможным. Да разве не была чудом победа Октавиана при Акциуме? Что, если судьба сменит гнев на милость? Если Антоний и завтра будет так же геройски биться, как сегодня?

Клеопатра не хотела видеть его перед сражением, чтобы не отвлечь его внимания от задачи, которую ему предстояло разрешить. Но когда он явился перед воинами на великолепном варварийском жеребце, в полном вооружении, подобный богу войны, и приветствовал их широким дружеским жестом, которым так часто воодушевлял легионы в прежнее время, она сделала над

собой усилие, чтобы не позвать его.

Клеопатра удержалась и, когда его пурпурный плащ исчез вдали, снова поникла головой. Не так приветствовали его воины в старые годы, когда он являлся перед ними. Их холодный ответ на его сердечное, дружеское приветствие сулил мало доброго.

XXIII

Дион тоже присутствовал при выступлении войск. Горгий, которого он застал на собрании эфебов, взялся проводить его, и, так же как Клеопатра, они видели дурное предзнаменование в сдержанности солдат.

Архитектор представил Диона юношам, как дух одного умершего, который вскоре должен был улетать прочь в образе мухи. Он мог решиться на эту шутку, так как знал, что в кружке эфебов не было предателя.

Собрание приветствовало Диона, своего бывшего главу, как любимого, воскресшего из мертвых брата; ему же доставило большое удовольствие вспомнить старину и принять участие в прениях.

Антилл, который, впрочем, ушел до прихода Диона, передал молодым людям от имени Клеопатры, чтобы они воздержались от участия в битве. Царица считала преступлением вмешивать цвет александрийского юношества в дело, которое она сама считала проигранным. Она знала родителей многих из них и опасалась, что Октавиан подвергнет жестокому розыску тех, кто попадет в плен с оружием в руках, тем более что эфебы не принадлежали к войску.

Звезды уже гасли, когда эфебы отправились проводить друга. По дороге они распевали свадебные гимны, которые им не довелось пропеть на свадьбе Диона. Пение сопровождалось игрой на лютнях, и эта ночная музыка на городских улицах возродила миф, будто бог Дионис, покровитель Антония, который часто являлся народу в его образе, удалился от своего любимца в эту ночь с музыкой и пением.

Подле храма Исиды юноши простились с Дионом.

Только Горгий остался с другом.

Он провел его в гробницу Клеопатры, где работа кипела при свете факелов. Леса еще не убрали, но нижний этаж был вполне закончен, и Дион подивился искусству Горгия, сумевшего передать внутренний смысл памятника в его внешней отделке. Стены были сложены из больших квадратных плит темно-серого гранита. Широкий фасад, с массивными воротами, увенчанными крылатым солнечным диском, производил внушительное, почти мрачное впечатление. По обе стороны диска возвышались в сводчатых нишах статуи Антония и Клеопатры из темной бронзы, а над карнизом медные фигуры любви и смерти, славы и безмолвия в египетском стиле, облагороженном греческим искусством.

Массивная медная дверь, украшенная прекрасными барельефами, устояла бы перед осадным тараном. По бокам ее возвышались сфинксы из

темно-зеленого диорита. Все в этой постройке напоминало о вечности своей несокрушимостью.

Верхний этаж еще не был отделан. Каменщики и резчики трудились над стенами, выкладывая их темным серпентином и черным мрамором. Огромный ворот стоял наготове, чтобы поднять на вершину здания образцовое произведение александрийской скульптуры. Оно изображало победоносную Венеру со щитом, копьем и шлемом, за которой следует толпа крылатых богов любви, вооруженных луками и стрелами, с Эросом во главе; у ног царицы любви истекает кровью побежденный трехглавый цербер – смерть.

Друзья не успели осмотреть все внутреннее устройство мавзолея, так как Пирр ожидал Диона на берегу после захода солнца, а теперь начинало уже светать.

Когда они подходили к пристани, громадный купол Серапеума засиял ослепительным блеском. Вымпелы и мачты судов точно купались в море золотого света.

Медные и позолоченные фигуры на форштевнях отразились в искрящихся, подернутых легкой рябью водах, а длинные тени весел точно связывали суда черной сетью.

Тут друзья расстались. Дион направился один вдоль набережной к вольноотпущеннику, которому теперь нелегко было пробраться на своей лодке сквозь эту массу судов. Осмотр мавзолея задержал-таки молодого отца, и хотя он был почти неузнаваем, но не мог не упрекнуть себя за неосторожность, которая – он впервые почувствовал это – могла повредить не ему одному.

Флот ожидал сигнала к отплытию. Остальные суда должны были собраться у храма Посейдона. Им строго-настрого запретили сниматься с якоря.

Между ними находилась и барка Пирра. О возвращении на Змеиный остров пока нечего было и думать.

Это было прискорбно. Барина не знала о поездке Диона в город, и, представляя себе, как она будет беспокоиться, оставшись одна, да еще в день сражения, он сам терзался не меньше ее.

В самом деле, молодая мать с возрастающим нетерпением ожидала супруга. Когда солнце поднялось выше и повсюду вокруг острова море огласилось ударами весел, двигавших двести кораблей, резкими звуками труб, криками команды, грохотом барабанов, она решительно не могла усидеть дома и несмотря на увещания женщин отправилась на берег. Елена сопровождала ее. Море было покрыто военными кораблями, которые двигались вперед, как тысяченогие драконы. Бесчисленные весла в три и в пять рядов служили им ногами. Каждый большой корабль был окружен маленькими. Солнце играло на щитах и шлемах, на длинных черных металлических шипах, которыми были снабжены носы кораблей, чтобы пробивать деревянные корпуса вражеских судов. Позолоченные фигуры сверкали и искрились в ярком свете. На прибрежных холмах стояло сухопутное войско Марка Антония, и солнечные лучи играли на шлемах, панцирях и остриях копий.

Едва Барина успела сесть на скамью, которую захватила для нее дочь рыбака Диона, как на всех кораблях раздался резкий звук труб и все суда

двинулись мимо Фароса в открытое море.

Выйдя из гавани, корабли выстроились в несколько рядов и двинулись дальше. Все это происходило так же спокойно, как несколько дней назад на учении перед Марком Антонием.

Казалось, жажда боя неудержимо двигает их вперед.

Неприятельский флот ожидал, не шелохнувшись. Но когда египетские корабли приблизились к римлянам, трубы снова загремели. Впоследствии женщины не могли вспоминать без содрогания этот сигнал к неслыханной измене. Рабы, преступники и всякий сброд, сидевший на корабельных скамьях, за веслами, давно уже с нетерпением ожидали его, и как только он раздался, верхние ряды подняли весла, нижние перестали грести, и корабли мгновенно остановились, точно застыли в паническом ужасе. Быстрота этого маневра сделала бы честь любому адмиралу, но в данном случае дело шло об одном из позорнейших поступков, какие только знает история. Женщины, видевшие уже немало навмахий ⁷⁹, сразу поняли, в чем дело, и в один голос воскликнули: «Измена! Они предаются врагам!»

Флот Марка Антония, созданный Клеопатрой, весь до последней барки перешел на сторону наследника Цезаря, победителя при Акциуме, и тот, кому экипаж клялся в верности, видел с прибрежного холма, как его лучшее, надежнейшее оружие не сломалось, а передалось в руки врага.

Он знал, что эта измена решает его участь, да и женщины на берегу Змеиного острова понимали это.

Глаза их наполнились слезами негодования и скорби. Они были александрийками и не хотели подчиниться власти римлян.

Клеопатре, дочери Птолемеев, по праву принадлежала власть над городом, основателем которого был великий македонянин. Страдания, пережитые Бариной из-за Клеопатры, казались ничтожными в сравнении со страшным ударом, поразившим царицу.

Соединенные флоты римлян и египтян направились теперь под общим начальством в гавань города, ставшего их добычей.

Барина, понутив голову, пошла домой.

Тяжесть лежала у нее на сердце, а беспокойство о Дионе росло с каждым часом.

Казалось, само дневное светило устыдилось этой позорной измены; его лучезарный лик закрылся тяжелыми серыми облаками; море нахмурилось. Чистая голубая поверхность запестрела желтовато-серыми и темно-зелеными пятнами, и седые волны запенились на возмущенной глади.

Когда начало смеркаться, беспокойство Барины дошло до предела. Ни увещания Елены, ни даже вид младенца не могли удержать ее, и она уже совсем было решила отправиться в город с младшим сыном Пирра, когда Диона заметила челнок, приближавшийся к Змеиному острову.

⁷⁹ Навмахия – бой, имитирующий морское сражение. Такие бои ради развлечения публики устраивались в огромных, специально сооруженных для этой цели бассейнах и обставлялись с особой помпезностью, особенно во времена Цезаря, Августа, Нерона.

Спустя несколько минут Дион выскочил на берег и поцелуями заглушил упреки молодой жены.

Он услышал об измене флота в гавани Эвноста, где нанимал лодку, так как челнок Пирра остался с другими судами у храма Посейдона.

Опытный лоцман провел лодку открытым морем в обход военного флота.

Радостная встреча не могла, однако, развеселить Барину и Диона. Участь царицы и родного города тяжелым камнем ложилась на их сердца.

Ночью на острове залаяли собаки и послышались голоса на берегу. Предчувствуя недоброе, Дион поспешил на шум.

Ночь была темна, хоть глаз выколи, на небе ни звездочки, только мерцающий огонек фонаря на берегу и другого на соседнем островке; город же, напротив, был залит огнями.

Пирр с младшим сыном спускали лодку в море. Надо было помочь какому-то пловцу, севшему на мель у соседнего островка.

Дион тоже сел в лодку и вскоре услышал голос архитектора Горгия.

Пирр высадил на берег запоздалого гостя. По словам рыбака, он избавился от большой опасности, так как островок, к которому причалил архитектор, кишел ядовитыми змеями.

Горгий горячо пожал руку Диона и попросил выслушать его, перед тем как идти к женщинам.

Дион насторожился. Он знал своего друга. Очевидно, случилось что-то очень скверное, если голос его звучал так тревожно.

Действительно, поздний гость сообщил печальную весть.

Римляне овладели городом – что, впрочем, нисколько не удивило Диона, – и небольшой отряд победителей, которым приказано было вести себя, как в дружеской стране, явился в дом архитектора, где им была отведена квартира. Глухая бабка Елены и Барины, не разобравшая толком, что предстоит горожанам, была так поражена вторжением буйных солдат, что не выдержала потрясения и перед отъездом Горгия на Змеиный остров скончалась.

Впрочем, кроме этого печального известия, которое огорчило молодых женщин, были и другие причины, побудившие Горгия так поздно и в чужой лодке приплыть к изгнанникам. Утомленный тревогами этого ужасного дня, он почувствовал потребность отдохнуть в кругу друзей.

Кроме печальных известий, он хотел сообщить и нечто радостное. Они могли немедленно возвратиться в город.

Глубоко взволнованный, потрясенный и возмущенный всем виденным и пережитым, он начал свой рассказ, путаясь и запинаясь.

Впрочем, ободряющие слова Диона помогли ему собраться с духом и связно передать события.

XXIV

Проводив Диона до гавани, архитектор отправился на форум, чтобы потолковать с согражданами и послушать, чего ожидают и чего опасаются

горожане.

Сюда же стекались все известия, и потому много македонских граждан собралось на форуме в этот решительный час посоветоваться о том, что делать.

Там царило всеобщее оживление; новости из войска и флота доходили сначала благоприятные, затем пришло известие об измене флота, а немного погодя – о переходе сухопутного войска на сторону врагов.

Один достойный доверия гражданин видел, как Марк Антоний промчался по набережной в сопровождении немногих друзей. Они направлялись к маленькому дворцу на Хоме.

Серьезные люди, мнение которых принималось почти без возражений, говорили, что полководец обязан покончить с собой, подобно Бруту и многим другим благородным римлянам, так как судьба против него и ничего, кроме позора, не остается ему в жизни.

Вскоре после этого пришло известие, что он действительно пытался сделать то, чего ожидали от него люди.

Горгий не мог выдержать неизвестности. Он поспешил на Хому, но оказалось, что добраться до дворца не так-то легко. Узкая полоса земли кишела народом, а море – лодками. Впрочем, как сообщили Горгию, Антония уже не было во дворце.

Мимо архитектора пронесли какого-то покойника; в числе людей, следовавших за ним, находился знакомый Горгию раб Антония. Глаза его были красны от слез. Архитектор остановил его, и тот рассказал, что после измены войска полководец укрылся в маленьком дворце. Услыхав, будто Клеопатра опередила его, покончив с собой, он велел Эросу убить себя. Но верный слуга, отвернувшись, пронзил себя мечом и упал к ногам господина. Антоний воскликнул, что пример Эроса показывает ему, что нужно делать, и собственной рукой вонзил в грудь короткий меч. Однако его могучие силы не сразу уступили тяжелой ране. Он умолял окружающих прикончить его, но никто не решался. В то же время он вспоминал о Клеопатре и говорил, что хочет последовать за ней.

Наконец, появился Диомед, приближенный царицы, с известием, что Клеопатра удалилась в мавзолей, откуда и прислала за Антонием.

Это приглашение точно воскресило полководца. Когда его положили на носилки, он приказал с почетом похоронить Эроса. Даже в минуту смерти этот великодушнейший из людей не мог забыть о человеке, оказавшем ему услугу.

Рассказывая об этом, раб снова заплакал. Горгий же, не теряя времени, поспешил к гробнице.

Ближайший путь туда лежал по Царской улице, которая была полна народу, так что архитектору пришлось отправиться в обход.

Набережная и прилегающие улицы приняли какой-то необычный вид: вместо мирных граждан всюду виднелись римские солдаты в полном вооружении. Знакомые Горгию греческие, египетские, сирийские лица сменились белыми и смуглыми физиономиями чужеземного обличья.

Город точно превратился в лагерь. То встретила когорта белокурых германцев, то отряд каких-то рыжих воинов неизвестного Горгию племени,

далее группа нумидийских или паннонских всадников.

Подле храма Диоскуров архитектор остановился. Отряд испанских воинов захватил сына Антония Антилла, который был тут же приговорен к смерти и казнен.

Его воспитатель Теодор выдал несчастного юношу воинам, но и сам поплатился. Заметили, как он прятал в пояс драгоценный камень, снятый с Антилла. Негодяй был схвачен и еще до отъезда Горгия приговорен к смертной казни на кресте.

Наконец Горгию удалось добраться до мавзолея, окруженного цепью римских ликторов⁸⁰ и городской скифской стражей, но ему, архитектору, позволили пройти.

Остановки, задерживавшие Горгия по дороге сюда, помешали ему видеть своими глазами страшный финал драмы, совершившейся в мавзолее, но Диомед, сопровождавший Антония по поручению царицы, подробно рассказал ему обо всем, что здесь происходило.

Клеопатра укрылась здесь, после того как события решились в пользу Октавиана. Только Ире и Хармионе она позволила следовать за собой; они же помогли ей запереть тяжелую медную дверь. Ложный слух о смерти царицы, побудивший Антония к самоубийству, по всей вероятности, возник из-за того, что она находилась в гробнице.

Когда верные слуги принесли Антония к мавзолею, женщины тщетно пытались снова отворить тяжелую дверь.

Но Клеопатра неудержимо стремилась к возлюбленному. Она должна была находиться подле него, ухаживать за ним, еще раз уверить его в своей любви, закрыть ему глаза и, если нужно, умереть с ним.

Ира вспомнила о воротах, приготовленном для подъема тяжелой бронзовой группы. Решено было воспользоваться им. Антония прикрепили внизу на веревках, и Клеопатра с помощью своих верных наперсниц принялась тащить его вверх.

По словам Диомеда, он не видел зрелища грустнее. Раскачиваясь на веревках между небом и землей, в борьбе со смертью, в жестоких муках, гигант страстно простирал руки к своей возлюбленной. Едва выговаривая слова от боли, он нежно звал ее, но она не могла ответить, напрягая все свои слабые силы, чтобы справиться с воротом. Канат изрезал ей нежные руки, жестоко оцарапал прекрасное лицо; она продолжала работать со своими помощницами. Им действительно удалось поднять Антония почти в уровень с крышей, но это не привело бы ни к чему, если бы Диомед не явился к ним на помощь в последнюю минуту. Он помог втащить Антония наверх и перенести в нижний этаж.

Когда раненого поместили на ложе, Диомед удалился, но остался за дверью, чтобы по первому зову явиться на помощь царице.

Оставаясь незамеченным, он мог видеть с лестницы все, что происходило в

⁸⁰ Ликторы – почетные стражи при римских должностных лицах, несли охрану при телесных наказаниях и смертельных казнях

зале.

Вне себя, с распущенными волосами, рыдая и плача, Клеопатра, как безумная, рвала на себе платье, била себя в грудь, царапала ее ногтями.

Она прижалась лицом к ране возлюбленного, чтобы удержать струившуюся кровь, называла его нежными именами, напоминала умирающему о цветущих днях их любви.

Его жестокие страдания заставили ее забыть о своей собственной участи.

Безгранична, безмерна, как некогда ее страсть к этому человеку, была ее скорбь при виде его мучительной кончины. Все, чем был для нее Марк Антоний в лучшие годы ее жизни, все, что он дал ей и что она дала ему, все это ожило в ее душе во время их последнего пира, окончившегося всего несколько часов тому назад. И теперь все это снова промелькнуло перед ней, но только для того чтобы еще резче оттенить горечь ужасной минуты. Наконец скорбь вытеснила последнее светлое воспоминание, и уж ничего не видела она подле себя, кроме умирающего мужа, ничего, кроме могилы, разверзшейся перед нею и готовой принять их обоих. Утратив надежду на будущее, забыв о минувшем, эта великая царица, еще в детстве отличавшаяся чувствительностью к страданиям и не приученная переносить их в дальнейшей жизни, без удержу предалась отчаянию, с таким безумным порывом, слезами, стонами, как могла бы выражать свое горе только женщина из простонародья.

Когда Хармиона, по просьбе умирающего, дала ему вина, он несколько оправился и мог говорить связно.

Антоний нежно умолял Клеопатру подумать о своем спасении, если оно возможно без ущерба для чести, и указал в числе приближенных Октавиана Прокулея как человека, на которого можно положиться. Затем он просил ее не жалеть о нем, а, напротив, считать его счастливым, так как судьба одарила его своими лучшими дарами. Лучшими минутами в жизни обязан он ее любви; к тому же он был могущественнейшим человеком на земле в свое время. Теперь он умирает в ее объятиях, умирает с честью, как римлянин, побежденный другим римлянином.

Клеопатра приняла его последний вздох, закрыла ему глаза и без слез бросилась на его труп. Силы оставили ее, голова бессильно опустилась на его широкую грудь.

Диомед, видевший все это с лестницы, со слезами на глазах удалился на первый этаж.

Тут он встретился с Горгием, которому и рассказал обо всем, что видел и слышал. Не успел он окончить рассказ, как перед гробницей остановилась повозка, из которой вышел какой-то знатный римлянин.

Это оказался тот самый Прокулей, которого Антоний рекомендовал своей возлюбленной как надежного человека, достойного доверия.

– В самом деле, – продолжал Горгий, – судя по наружности и осанке, он принадлежит к благороднейшим представителям своего гордого народа. Он явился по поручению Октавиана, и, кажется, он искренно предан Цезарю, что не мешает ему оставаться порядочным человеком. Прокулей известен также как поэт и зять Мецената, щедрого покровителя наук и искусств. Тимаген с

похвалой отзывался о его талантах и образовании. Может быть, историк и прав, но, кажется, в делах государственных приближенные Октавиана волей-неволей должны иной раз брать на себя роль, которая не вяжется с нашими понятиями о достоинстве свободного человека. Так и тут; господин, которому он служит, возложил на него трудную задачу, и Прокулей, без сомнения, счел своей обязанностью исполнить ее как можно лучше, но... Я думаю, что когда-нибудь он проклянет этот день и усердие, с которым он, свободный человек, помогал Октавиану... Но слушай дальше!

Гордый, надменный, в великолепном вооружении, он постучал в дверь гробницы. Клеопатра очнулась и спросила – они познакомились еще в Риме, – что ему нужно.

Он вежливо отвечал, что явился от имени Октавиана для переговоров. Царица выразила готовность выслушать его, но не решалась впустить в гробницу.

Они стали говорить через дверь. Клеопатра со спокойным достоинством потребовала признать царями Египта ее сыновей от Антония.

Прокулей обещал передать ее желание Октавиану, и даже выразил надежду, что оно будет исполнено.

После того как она высказала свои требования относительно детей, – о себе она и не заикнулась.

Прокулей пожелал узнать подробности о кончине Марка Антония и в свою очередь рассказал о гибели военных сил покойного и о других менее значительных вещах. Между тем этот человек вовсе не похож на болтуна, но мне тут же пришло в голову, что он заговаривает зубы царице. Да так оно и было; он ожидал только Корнелия Галла, начальника флота, о котором ты уже слышал. Корнелий тоже принадлежит к числу знатнейших римлян, но это не помешало ему принять участие в интриге.

Прокулей удалился, представив Галла несчастной женщине.

Я оставался в гробнице и слышал, как Галл уверял Клеопатру в добрых намерениях Октавиана. Напыщенным тоном рассказывал он, что Октавиан оплакивает в лице Марка Антония друга, зятя, соправителя и участника многих важных предприятий. Услышав о его смерти, он прослезился.

Мне показалось, что и Галл старается только оттянуть время.

В то время как я прислушивался, затаив дыхание, чтобы не пропустить ни слова Клеопатры, ко мне подбежал мой помощник, который, после того как римляне прогнали работников, спрятался между двумя гранитными плитами. Он сообщил мне, что Прокулей с двумя слугами забрался в гробницу по лестнице с противоположной стороны.

Я бросился к царице предупредить ее, так как измена была очевидна. Но я опоздал.

О Дион! Успей я несколькими мгновениями раньше, случилось бы, может быть, нечто еще более ужасное, но она, царица, была бы избавлена от того, что грозит ей теперь. Чего она может ожидать от победителя, который не постыдился прибегнуть к гнусной хитрости, чтобы захватить благородную беззащитную, побежденную женщину живой?

Смерть освободила бы несчастную от тяжелой скорби и унижения! Она уже подняла кинжал! Я видел, как сталь блеснула в ее прекрасной руке... Нет, нужно перевести дух! Буду рассказывать по порядку. И без того у меня путаются мысли, как только я вспомню об этом ужасном событии.

Чтобы передать то, чему я стал свидетелем, надо быть поэтом, художником слова... Мы были в гробнице. Стены из черного камня, черные колонны и потолок, все черного цвета... Повсюду гладко отполированный камень, блестящий, как зеркало. Саркофаги и пространство, окруженное канделябрами, ярко освещены. Каждое кровавое пятно на руке, каждый рубец, каждая царапина на белоснежной груди, которую несчастная женщина разрывала ногтями в припадке отчаяния, отчетливо выделяются при этом праздничном освещении. Далее направо и налево сгущается мрак, а в глубине зала, вдоль стен, черная тьма, как в настоящем, подлинном гробу. Повсюду на гладкой поверхности порфировых колонн, на блестящем черном мраморе и серпентине искрились и играли огоньки свечей. Они колебались и дрожали от ветра: казалось, это носятся беспокойные души отверженных. В глубине зала было черно, как в преддверии Гадеса, но и туда проскальзывали светлые полосы – солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь щели ставней! Как все это действовало на воображение! Родина мрачной Гекаты ⁸¹! А царица!.. Но я уже слышу, как ты восклицаешь: «Художник, художник! Вместо того чтобы спешить, действовать, он погружается в созерцание игры света и теней в царской гробнице». Да, я слишком, слишком поздно явился! Но тут не было моей вины, я не зевал и не терял времени!

Спускаясь по лестнице, я видел в зале только труп Антония на ярко освещенном ложе, а направо от него Хармиону и Иру, которые тщетно пытались поднять опускающую дверь. Она вела в погреба, где были сложены горючие вещества. Они хотели зажечь их по приказу царицы.

Никого из посторонних не было в зале. Я уже пробежал несколько ступеней, когда... Прокулей с двумя солдатами внезапно появился с противоположной стороны. Вне себя, я бросаюсь в зал и слышу пронзительный крик Иры: «Царица, тебя хотят схватить!» Клеопатра поворачивается, видит перед собой Прокулея, быстрее молнии выхватывает из-за пояса маленький кинжал и замахивается, желая пронзить себе грудь. Какая картина! Облитая ярким светом, она казалась воплощением торжествующей победы, благородной гордости, которая творит великие дела, но потом, потом... Что последовало потом...

Точно разбойник, ночной убийца, бросился на нее Прокулей и, схватив за руку, отнял кинжал. Его высокая фигура на минуту заслонила от меня царицу. Но когда она, пытаясь освободиться от него, снова обратилась лицом к залу, что с ней случилось! Ее огромные глаза, ты знаешь их, казались вдвое больше, горели презрением, ненавистью, враждой. Их мягкий свет превратился в пожирающее пламя. А Прокулей, этот вельможа, поэт, благородство которого

⁸¹ Геката – в греческой мифологии богиня мрака, ночных видений и чародейства; скиталась в сопровождении собак и призраков

прославляют на Тибре, схватил беззащитную женщину – достойный отпрыск славного дома – и стиснул ее, как будто должен был напрячь все силы, чтобы удержать это воплощение нежной женственности. Конечно, гордая кровь львицы, побежденной хитростью, заставляла ее рваться из этих унижительных объятий, и он – завидная честь! – дал ей почувствовать свою силу. Я не пророк, но говорю тебе, Дион: этой позорной борьбы, этого взгляда он не забудет до своего последнего часа. Случись это со мной, я проклял бы жизнь.

Да и римлянин изменился в лице. Бледный как смерть, он продолжал исполнять то, что считал своей обязанностью. Он не погнушался обыскать ее платье собственными вельможными руками: нет ли при ней яда или оружия. При этом помогал ему вольноотпущенник Эпафродит, приближенный Октавиана.

Они обыскили также Хармиону и Иру, не переставая расписывать милосердие Октавиана, который будто бы сохранит за Клеопатрой все, что приличествует сану царицы.

Наконец, их отправили на Лохиаду, я же стоял как оглушенный, образ несчастной царицы преследовал меня. Не образ обворожительной женщины, а воплощение скорби, отчаяния, бешенства и гнева.

Эти глаза, метавшие пламя, распущенные волосы, на которых запеклась кровь Антония... Ужасно, ужасно! Кровь застыла в моих жилах, точно я увидел лицо Медузы, обвитое змеями, на щите Афины.

Я не мог предупредить ее или остановить руку предателя, и тем не менее она бросила на меня полный упрека взор. Он до сих пор преследует и терзает меня. Быть может, кроткий взор Елены изгонит из моей памяти это ужасное лицо и вернет мне покой.

Дион ласково взял его за руку и напомнил, что даже этот проклятый день, по словам самого Горгия, принес кое-что хорошее.

При этом напоминании архитектор несколько оживился и поспешил заметить, что для города, для Диона и для Барины этот день действительно принес много доброго.

Затем он перевел дух и продолжал свой рассказ:

– Я пошел домой, точно пьяный. Доступ к царице и ее приближенным был воспрещен. Но от нубийки Анукис я узнал, что Клеопатре от имени Октавиана было разрешено выбрать себе дворец для жительства и что она избрала Лохиаду.

По дороге домой меня задержала толпа у большого гимнасия. Октавиан вступил в город, и, как мне передавали, народ встретил его приветственными криками и бросался перед ним на колени. Наши гордые александрийцы, распростерты в пыли перед победителем! Это глубоко возмутило меня, но вскоре мой гнев смягчился.

В толпе перед гимнасием меня узнали, расступились, и не успел я решиться на что-нибудь, как уже был за воротами. Длинный Фрикс подхватил меня под руку. Он всегда умеет пробраться на лучшее местечко, так и тут; минуту спустя мы очутились перед трибуной.

Ждали Октавиана, который принимал поздравления от эпитропов, членов

совета, гимнасиархов⁸² и не знаю кого еще.

Фрикс рассказал мне, что Октавиан при вступлении в город послал за своим бывшим воспитателем, велел ему сопровождать себя и даже пожелал увидеть его сыновей. Вообще отличил философа перед всеми. Это, конечно, выгодно для тебя и твоих близких: ведь он брат Береники и дядя твоей жены. Цезарь исполнит все, что он пожелает. Ты скоро узнаешь, как он почитает и ласкает старика. Я не сержусь на Ария; он заступался за Барину, известен как хороший философ, да и в храбрости никому не уступит. Несмотря на Акциум и единственное постыдное дело, в котором можно упрекнуть Антония – я имею в виду выдачу Туриллы, – Арий остался в Александрии. А уж если Антоний выдал убийцу Цезаря, то мог бы воспользоваться и другом его племянника как заложником.

С тех пор как Октавиан приблизился к городу, Арию угрожала серьезная опасность, а вместе с ним и его сыновьям; ты знаешь их – славные ребята.

В гимнасии нам недолго пришлось дожидаться, и как только Октавиан появился на эстраде, все бросились на колени. Наша буйная, мятежная чернь простирала к нему руки, точно толпа жалких нищих, и порядочным людям пришлось сделать то же. Если бы мы остались на ногах, нас бы свалили на землю. Пришлось с волками по-волчьи выть и последовать их примеру.

– А Октавиан? – спросил Дион.

– Царственный, хотя и юношеский вид. Тонкое лицо, прекрасный профиль, точно созданный для чеканки на монетах. Острые, но пропорциональные черты. Важен и представительен; но лицо – зеркало холодное, неспособное ни к какому возвышенному порыву, теплоте чувству, нежному увлечению души. Вообще красивый, гордый, расчетливый человек, дружба которого вряд ли доставит отраду, но вражда... да сохранят от нее бессмертные всех, кого мы любим.

Он держал Ария за руку. Сыновья философа следовали за ними. Когда он вышел на трибуну и взглянул на коленопреклоненную толпу, ни один мускул на его благородном лице не дрогнул. Он смотрел на нас, как хозяин на стадо, и после продолжительного молчания объявил, что отпускает александрийскому народу всю его вину. Во-первых – он перечислял эти пункты, точно вызывал солдат для награды, – из уважения к великому основателю города, покорителю мира Александру, во-вторых, потому что величина и красота Александрии вызывают в нем удивление, и, в-третьих – тут он обернулся к Арию, – чтобы доставить удовольствие своему дорогому, достойному другу!

Тут началось великое ликование.

У всех тяжесть свалилась с души, и, когда народ оставил гимнасии, послышался смех, посыпались шутки и остроты. Плотник Мемнон, который участвовал в постройке твоего дворца, воскликнул, что Ария дельфин спас от пиратов, а теперь Арий спасает морского зверя, Александрию, от сухопутных разбойников. Больше всего, конечно, досталось Филострату, первому мужу Барины. Этот негодяй, преследовавший Ария как злейшего врага, теперь

⁸² Гимнасиарх – руководитель гимнасия, одна из почетнейших выборных (сроком всего на один год) должностей

увивался около него, повторяя стих:

Мудрому мудрый всегда помогает, не помня обиды.

Увидим, поможет ли ему эта жалкая лесть.

Пробраться домой было нелегко. На улицах кишели римские солдаты. Их хорошо приняли: успокоенные горожане приглашали победителей в харчевни, в трактиры, так что за эту ночь запасы вина в Александрии изрядно уменьшатся.

Я уже говорил, что многие солдаты были размещены на постой к горожанам и как это сказалось на бабке Барины. Прежде чем я ушел, ей закрыли глаза.

Теперь все городские ворота открыты. Племянницу Ария и ее супруга примут с распростертыми объятиями. Радуюсь за Барину; она бросила все, что дорого для горожанки, и в этой пустынной из пустынь нашла себе новый мир в любви, что достойно похвалы и награды. Но за твою особу побаиваюсь: боги начнут тебе завидовать. Получил такую супругу, сына, а теперь еще новое счастье, новые почести. Мне вот не так страшна их зависть!

– Неблагодарный! – воскликнул Дион. – Найдутся и смертные, которые позавидуют тебе из-за Елены. Что касается меня, то я и сам побаиваюсь; но ведь и мы заплатили бессмертным нелегкую дань. В доме еще свет. Сообщи женщинам поосторожнее о кончине бабки, расскажи и хорошие новости. Об ужасных происшествиях, которым ты был свидетелем, лучше рассказать завтра. Незачем лишать их сна. Увидишь, что тихая печаль Елены и ее радость по поводу нашего освобождения облегчат тебе душу.

Так и вышло. Во сне Горгий снова пережил трагические события минувшего дня, но, когда взошло солнце и лодка за лодкой стали приставать к Змеиному острову, когда явилась Береника со своими племянниками, сыновьями философа Ария, клиенты и друзья Диона, наиболее близкие люди из бывших гостей Барины, приехавшие поздравить молодую чету и проводить ее в город из убежища, где она так долго скрывалась, тогда, под влиянием этих радостных впечатлений, его мрачные мысли мало-помалу рассеялись.

Благодаря «длинному Фриксу», в городе очень быстро узнали о женитьбе Диона и Барины и об их убежище.

Многим захотелось увидеть и поздравить героев столь необыкновенного приключения. Знавших Барину и ее мужа интересовало так же, как могли они, привыкшие к шумной жизни большого города, так долго переносить вынужденное уединение. Многие ожидали встретить унылых, измученных тоской, одичавших людей, и потому в толпе гостей, которых Пирр проводил в качестве лоцмана сквозь опасные пучины, окружавшие его остров, оказалось немало удивленных лиц.

Встреча со счастливой парочкой давала повод к веселому празднеству. К тому же все радовались, что туча, нависшая над Александрией, пронеслась, хотя большинство сочувствовало царице, а более серьезные люди беспокоились за свободу Александрии, оказавшейся под римским владычеством.

Во всяком случае жизнь и имущество были спасены, а привычка к

празднествам в крови у александрийцев. Однако известие о смерти супруги Дидима и о болезни самого старика, тяжело переносившего потерю своей верной подруги жизни, давало Диону право отклонить всякие празднества в своем доме.

Печаль Барины была и его печалью; Дидим пережил свою жену, с которой провел полстолетия в любви и согласии, всего на несколько дней; как говорили александрийцы, «его сердце разбилось».

Итак, Дион без шумных и утомительных празднеств переселился с молодой женой в свой прекрасный дворец. Вместо торжественных брачных гимнов их слух услаждал голос ребенка.

Траур Барины напомнил Диону о зависти богов, которой пугал его Горгий. Но ему часто казалось, что статуя его матери в таблиннуме с удовольствием смотрит на молодую хозяйку. И Барина понимала, что супружеское и материнское счастье чувствовалось бы еще сильнее в доме, если б не печаль по родным.

Дион тотчас занялся делами города и своими собственными. Теперь он и его возлюбленная находились в тихой пристани и спокойно смотрели на житейские бури. Якорь любви, на котором держался их корабль, выдержал испытание уединением на Змеином острове.

XXV

Семья рыбака не без грусти рассталась со своими гостями, и женщины пролили немало слез по этому случаю несмотря на то, что сыновья Пирра вернулись с флота и по-прежнему помогали отцу.

Дион щедро наградил верного вольноотпущенника, подарив ему целое состояние и приданое его дочери Дионе.

Девушка вскоре вышла замуж за капитана, командовавшего «Эпикуром», кораблем Архибия. Она познакомилась с ним благодаря Анукис, которую капитан привозил на Змеиный остров.

Нубиянка просила своего друга Пирра поймать для царицы змею из тех, что водились на соседних утесах.

Убедившись, что никакой яд не действует так быстро и безболезненно, как яд аспиды, Клеопатра решила воспользоваться им, чтобы расстаться с жизнью. Нубиянке было поручено достать змею. Ей пришлось пустить в ход все свое красноречие, чтобы изобразить ужасное положение царицы и заставить честного Пирра исполнить это поручение. Наконец он согласился, решив, что жизнь царицы измеряется иной меркой, чем жизнь женщины из простонародья, и условился с Анукис, как доставить змею во дворец. Решено было, что его известят, когда наступит решительный момент. После этого он должен ежедневно являться со змеей на рынок. Вероятно, ему не придется ждать долго, так как медлительность Октавиана не предвещала ничего хорошего для Клеопатры.

Она жила во дворце, окруженная царской роскошью; ей позволено было

даже вызвать к себе близнецов и маленького Александра, причем было дано обещание сохранить им жизнь. Но Цезарион, которого предатель Родон заманил в Александрию всяческими соблазнами и, между прочим, известием о возвращении Барины, был схвачен в храме своего отца, где искал убежища. Это обстоятельство, равно как и решение Октавиана, осудившего юношу на смерть за его сходство с Цезарем, стали известны несчастной царице. Ей передали также замечание Ария по поводу решения Октавиана. Философ цитировал стих Гомера о вреде многовластия.

Вообще Клеопатра быстро узнавала о городских происшествиях, так как ее не особенно стесняли, только следили за ней днем и ночью и обыскивали всякого, кто к ней являлся.

Что царица уже подвела итог своей жизни, было ясно каждому. Ее попытка уморить себя голодом не удалась. Угрозами, направленными против ее детей, Клеопатру заставили отказаться от этого намерения и начать снова принимать пищу. Вообще ясно было, что Октавиан против ее самоубийства.

Многие из азиатских властителей выразили желание почтить останки Марка Антония великолепными похоронами, но Октавиан предоставил это Клеопатре. Ей доставили некоторое облегчение и утешение похоронные хлопоты. Погребение совершилось с пышностью, достойной покойного.

Ира и Хармиона часто удивлялись, как могла она, страдавшая от ран, нанесенных себе в порыве отчаяния, и от лихорадки, терзавшей ее после попытки уморить себя голодом, как могла она выносить напряжение и волнение, связанное с похоронами Антония.

Возвращение Архيبия с детьми доставило радость Клеопатре. Она часто выходила в сад Дидима, теперь соединенный с Лохиадой, любовалась играми детей и слушала их ребяческие речи.

Но это была уже не прежняя веселая и радостная мать, так удивительно умевшая находить доступ к детскому сердцу. Ее беседы с детьми вряд ли соответствовали их возрасту, так как невольно сводились к смерти или непонятным для детского ума философским вопросам.

Царица переживала, что не может найти нужную тему для разговора, и начинала шутить с близнецами или маленьким Александром. Эта поддельная веселость скоро уступала место унынию, иногда слезам, так что она спешила уйти от детей.

Жизнь, оставленная ей победителем, тяготила ее, как навязанный насильно подарок, как обременительный долг, который, чем скорее возратить, тем лучше.

Она находила некоторое утешение только в разговорах с друзьями детства, вспоминая прошлое или рассуждая о смерти и о том, каким образом отделаться от ненавистного существования.

Сердца Иры и Хармионы обливались кровью при таких беседах. Они давно решили разделить участь царицы. Общая скорбь восстановила их старую дружбу, Ира достала отравленные булавки, действие которых было испытано на животных, но Клеопатра настаивала на безболезненной смерти от укуса аспида. Давно уже глаза несчастной женщины не светились такой радостью, как в тот

день, когда ей сообщили, что змея будет доставлена по первому ее требованию. Но пока еще не было надобности прибегать к этому крайнему средству. По словам Хармионы, Октавиан относился к царице очень мягко и, по-видимому, был склонен обеспечить достойным образом ее и детей.

Недоверчивая улыбка мелькнула на губах Клеопатры при этом сообщении, и все-таки в душе ее проснулась тень надежды.

Между прочим, посетил ее Долабелла, принадлежавший к свите Цезаря, знатный молодой римлянин из благородного дома Корнелиев. Отец его был когда-то дружен с Клеопатрой и многим ей обязан, так как после убийства Цезаря она послала ему войско для борьбы с Кассием. Правда, ее легионы были использованы для другой цели, но это не уменьшило их дружбы. Долабелла-отец с увлечением рассказывал сыну о чарующей прелести египтянки. Конечно, юноша нашел в ней печальную вдову, больную телом и духом, но все-таки остатки ее красоты, светлый ум, ее горе и страдания так очаровали и тронули его, что он проводил у нее целые часы и рад бы был оказать ей услугу. Нередко он посещал вместе с нею детей, которые скоро полюбили его за веселый и открытый характер, так что он сделался желанным гостем на Лохиаде.

Долабелла доверчиво открывал царице все, что лежало у него на душе, она же благодаря ему узнавала больше об Октавиане и его приближенных. Не будучи слепым орудием, Долабелла постоянно заступался за несчастную царицу перед Цезарем.

Он старался внушить ей доверие к Октавиану, в благородство которого юноша искренно верил.

Он ожидал самых лучших результатов от ее личного свидания с Октавианом, так как был уверен, что счастливый победитель не останется равнодушным к несчастьям этой женщины, о которой отец Долабеллы отзывался с таким восторгом. Да и в глазах юноши она не имела себе равных, хотя и годилась ему в матери.

Клеопатра, напротив, боялась свидания с человеком, причинившим столько зла ей самой и ее возлюбленному. С другой стороны, Долабелла не без основания полагал, что Октавиан скорее согласится исполнить желания царицы относительно детей при личном свидании с ней, чем через посредников. Прокулей узнал, что Марк Антоний рекомендовал его Клеопатре как человека, достойного доверия, и терзался угрызениями совести. Мысль о совершенном поступке, который история заклеит позором, не давала покоя этому сильному человеку, поэту и видному деятелю расцветающей римской литературы, и Прокулей, как мог, старался угодить царице и облегчить ее участь.

Он и вольноотпущенник Эпафродит, также следивший за царицей, возлагали большие надежды на это свидание и уговаривали Клеопатру добиться личного объяснения с Октавианом.

Архибий говорил, что личное объяснение во всяком случае не ухудшит положения дел.

— Опыт показал, — заметил он как-то в разговоре с Хармионой, — что ни один человек не в силах избежать ее чар, а теперь она более, чем когда-либо,

способна возбуждать симпатию. Чье сердце не дрогнет при виде этого прекрасного лица, омраченного терпеливой скорбью, при звуках этого нежного голоса, проникнутого тихой грустью? И как идет траурная одежда к этому воплощению печали!

Когда же лихорадка зажигала румянец на бледных щеках Клеопатры, Архибию казалось, что он еще не видывал ее такой прекрасной, несмотря на печаль, тоску, опасения, сильно отразившиеся на ее лице. Он знал ее и видел, что жажда смерти, желание разделить участь возлюбленного действительно овладели ее существом. Царица жила только в ожидании минуты, когда можно будет умереть. Решение, принятое в храме Береники, руководило всеми ее поступками. Она думала и говорила только о прошлом. Будущее, по-видимому, перестало существовать для нее. Если Архибию и удавалось иногда привлечь ее мысли к будущему, то лишь в том случае, когда речь шла о детях. Для себя она не ожидала ничего и считала себя свободной от всяких обязательств, кроме одного: охранить свое имя от позора и унижения.

Если Октавиан, осудивший на смерть Цезариона, обещал сохранить жизнь остальным ее детям, значит, он делал различие между ними и сыном своего дяди, и не опасался соперничества. Судьбу своих детей ей в самом деле следовало обсудить с Октавианом. И она решилась наконец просить его о личном свидании.

Ответ был получен в тот же день. Цезарь обещал явиться к царице.

Это свидание должно было решить ее участь.

Сознавая это, она велела Хармионе позаботиться о змеях.

Женщинам было запрещено выходить из дворца, но Эпафродит позволил им принимать посетителей. Живость и веселый характер нубийки вызывали симпатии римской стражи. Она могла приходить и уходить без всякого стеснения. Разумеется, ее обыскивали по возвращении во дворец, как и всех, кто являлся на Лохиаду.

Надо было решиться. Хармиона знала, что делать, но было у нее одно желание, которое не давало покоя: ей хотелось повидать Барину и ее ребенка.

Щадя Иру, она до сих пор не решалась принять супругу Диона. Встреча с ней и ребенком разбередила бы незажившую рану девушки, и Хармиона, связанная с племянницей узами давнишней дружбы, не хотела огорчать ее.

Октавиан не торопился исполнять свое обещание; однако спустя неделю Прокулей объявил утром, что сегодня явится Цезарь. Глубокое волнение овладело царицей при этом известии. Ей захотелось посетить гробницу. Ира отправилась с ней, и так как Клеопатра проводила в гробнице целые часы, то Хармиона решила воспользоваться этим, чтоб повидаться с Бариной.

Барина давно уже знала о желании своей бывшей покровительницы, и нубийке, которая взялась проводить ее во дворец, не пришлось долго дожидаться матери с ребенком.

Бывший сад Дидима – теперь собственность царских детей – стал местом этой встречи. В тени знакомых деревьев бросилась молодая мать на грудь испытанной подруги, а та не могла насмотреться на ребенка, который, по ее словам, был вылитый Леонакс.

О чем только не переговаривали между собой эти две женщины, жизнь которых сложилась так различно! Хармиона вспоминала минувшие дни, а для Барины существовало только радостное настоящее и светлое будущее. О сестре она тоже сообщила хорошие вести. Елена стала счастливой супругой архитектора Горгия, который, однако, при всей своей любви к молодой жене с восторгом вспоминал о часах, проведенных с Клеопатрой.

Время в беседе летело незаметно, и женщины были поражены, когда один из евнухов объявил, что царица вернулась во дворец.

Хармиона еще раз поцеловала внука своего возлюбленного, благословила молодую мать, просила передать свой поклон Диону, вспоминать о ней, когда ее не станет, и не забывать при случае украсить цветами ее могилу и совершить на ней возлияние бессмертным, так как у нее нет друга или ребенка, который мог бы почтить ее память.

Глубоко потрясенная спокойной уверенностью Хармионы в неизбежной смерти, Барина молча слушала ее и вдруг вздрогнула. Хорошо знакомый резкий голос окликнул в эту минуту ее подругу. Быстро обернувшись, она увидела Иру. Бледная, истомленная, в длинном траурном платье, Ира казалась воплощением душевных мук и тревоги.

Ее вид глубоко поразил счастливую супругу и мать. Барине показалось, что все счастье, которое могло достаться на долю Иры, перешло к ней, а все бедствия, преследовавшие одно время молодую чету, обрушились на Иру. Ей хотелось подойти к своей бывшей сопернице, сказать что-нибудь ласковое, дружеское, но, когда она заметила взгляд, брошенный Ирой на ребенка, и неприятную, жесткую складку у губ, из-за которой ее сравнивали с колючим шипом, материнское сердце устрасилось «дурного глаза» этой женщины. Она может погубить ее сокровище, и, повинувшись инстинктивному чувству, молодая женщина закрыла лицо ребенка своим покрывалом.

Ира заметила это, и, когда Барина робким кивком ответила на ее вопрос: «Ребенок ли это Диона?», она выпрямилась и сказала с холодным высокомерием:

– Впрочем, что мне за дело до этого ребенка? Нам приходится думать о более важных делах!

Затем, обратясь к Хармионе, сообщила ей официальным тоном, что Клеопатра просит ее присутствовать при свидании с Октавианом.

Октавиан должен был явиться вечером, до назначенного часа еще оставалось много времени. Царица чувствовала себя утомленной после посещения мавзолея, где она молила дух Антония вступить за детей, если только он имеет какую-нибудь власть над сердцем победителя.

Долабелле, провожавшему ее из мавзолея во дворец, она призналась, что ничего хорошего не ожидает от этого свидания.

Она опасалась, что Октавиан и на этот раз оставит ее в неизвестности. Тогда юноша не стал защищать Цезаря:

– Если Октавиан и теперь обманет тебя, в таком случае он не только холоден и черств...

– В таком случае, – подхватила Клеопатра, – ты будешь великодушнее и

мягче его и избавишь подругу твоего отца от этой пытки. Если он не скажет, что меня ожидает, а ты узнаешь об этом, то... не говори нет, ты не можешь отказать мне... ты сообщишь мне?

Долабелла ответил быстро и решительно:

— До сих пор я ничего не мог сделать для тебя. Но от этой пытки я тебя избавлю.

С этими словами он быстро удалился, чтобы не видеть, как евнухи будут обыскивать ее у входа во дворец.

Его обещание поддержало бодрость уставшей, расстроенной царицы. Она прилегла было отдохнуть, но не успела закрыть глаза, как на улице послышался топот четверни, везшей Октавиана. Клеопатра не ожидала его так рано.

Сначала она хотела принять его на троне в полном облачении, но потом подумала, что ей трудно будет надеть тяжелые украшения. «К тому же, — думалось ей, — счастливый победитель уступчивее и снисходительнее отнесется к страдающей женщине, чем к царице».

Ей предстояло защищать свой прежний образ действий, и она тщательно обдумала аргументы в свою пользу, с помощью которых надеялась повлиять на холодный, проницательный ум Октавиана. Многое, что говорило в ее пользу, было в письмах Юлия Цезаря и Антония, которые она часто перечитывала.

Архибий и Прокулей советовали ей принять Октавиана при свидетелях. Прокулей не объяснял причины, но очень хорошо знал, что Цезарь скорее решится на гуманный и благородный поступок в присутствии посторонних, которые оповестят мир о его великодушии. Имея дело с лучшим актером своего времени, не мешало позаботиться о зрителях.

Поэтому царица пригласила, кроме Иры и Хармионы, приближенных чиновников, в том числе казначея Селевка, который мог дать необходимые справки в случае, если бы речь зашла о выдаче сокровищ.

Она рассчитывала переодеться, отдохнув после возвращения из мавзолея. Но этому помешало прибытие высокого гостя. Да если бы и хватило времени, она чувствовала себя такой разбитой и возбужденной, что не могла бы даже причесать волосы.

Сердце ее усиленно билось, щеки разгорелись. Когда доложили о Цезаре, она успела только приподняться на подушках и откинуть волосы, падавшие на лицо, между тем Ира наскоро привела в порядок складки ее платья.

У нее не хватило бы силы пойти к нему навстречу. Когда он вошел в комнату, Клеопатра могла только приветствовать его движением руки, он же, поклонившись еще у дверей, быстро прервал тягостное молчание, сказав с изысканною вежливостью:

— Ты звала — я явился. Красоте повинуется всякий, даже победитель.

Она, точно пристыженная, опустила голову и сказала внятно:

— Я не звала, я только просила тебя выслушать меня. Благодарю за исполнение моей просьбы. Хотя женская красота опасна для мужчин, — тебе нечего опасаться. Никакая красота не выдержит мучений, доставшихся на мою долю, да и сама жизнь едва выдерживает. Но ты не позволяешь мне расстаться с ней. Если у тебя добрые намерения, не превращай в невыносимое бремя жизнь

той, которой ты отказываешь в смерти.

Цезарь снова поклонился:

– Я надеюсь сделать твою жизнь достойной тебя!

– В таком случае, – продолжала Клеопатра, – избавь же меня от мучительной неизвестности! Ты-то уж во всяком случае не из тех людей, которые не заботятся о завтрашнем дне.

– Ты подразумеваешь человека, – жестко возразил Цезарь, – который, быть может, и до сих пор жил бы среди нас, если бы с мудрым смирением...

Глаза Клеопатры, кротко и скромно смотревшие на холодное лицо победителя, сверкнули гневом.

– Оставь прошлое в покое! – сказала она высокомерно.

Впрочем, ей тут же удалось овладеть собой. Она продолжала совершенно другим тоном, не лишенным льстивой мягкости:

– Человек, желаниям которого повинуются мир, обзревает настоящее и будущее. Наверное, он решил судьбу детей, прежде чем согласился увидеть мать. Единственный, кто мог стать тебе поперек дороги, сын твоего великого дяди...

– Он не мог избежать своей участи, – перебил Цезарь тоном искреннего сожаления. – Я оплакивал Антония и сожалею о несчастном юноше.

– Это делает честь твоему сердцу, – горячо воскликнула Клеопатра. – Вырвав у меня кинжал, Прокулей упрекал меня за то, что я подозреваю в жестокости и беспощадности самого кроткого из полководцев.

– Два качества, совершенно чуждые моей натуре, – заметил гость.

– И если даже они присущи ей, – подхватила царица, – ты должен подавить их. Ведь ты не раз говорил, что хочешь идти по стопам твоего великого дяди. Цезарион, – взгляни на его бюст, – как две капли воды похож на своего отца. Любовь твоего божественного дяди была драгоценнейшим из даров, посланных богами мне, несчастной, ожидающей теперь твоего приговора. И какая любовь! Мир не знает, чем я была для его великого сердца, но тебе, его наследнику, я хочу показать это, чтобы не дать места недоразумениям. Я ожидаю твоего приговора. Ты судья! Эти письма – мои главные оправдательные документы. Они тебе покажут меня такой, какой я была и есть, а не какой меня рисуют зависть и клевета. Подай сюда ящик, Ира. В нем драгоценные свидетельства любви Цезаря, – письма, которые я получала от него.

Она открыла ящик дрожащими руками и, опустив голову, продолжала глухим голосом, точно вид этих писем перенес ее в прошлое:

– Из всех моих сокровищ этот ящик был для меня самым заветным. Он подарил его мне. Это случилось на Брухейоне, среди ожесточенных битв.

Развернув первый свиток, она указала Октавиану на него и на остальные письма, воскликнув:

– Нежные и красноречивые листки! В каждом отражается удивительный человек: могучий ум, неутомимый деятель, который на минуту забывает о своих стремлениях и отдается юношеской страсти. Если бы я была тщеславна, Октавиан, я могла бы назвать каждое из этих писем победным трофеем, олимпийским венком. Женщина, перед которой Юлий Цезарь сложил оружие,

могла высоко носить голову, не так, как несчастная, которая выпрашивает теперь позволение умереть...

— Оставь эти письма, — мягко сказал Октавиан. — Кто же может сомневаться, что ты дорожишь ими, как сокровищем...

— Драгоценнейшим сокровищем и притом лучшей защитой обвиняемой, — уточнила она с живостью. — На них, как я уже сказала, основывается мое оправдание. Как ужасно пользоваться для такой цели тем, что всегда было свято. Но я должна сделать над собой усилие. Октавиан, эти письма возвращают жалкой, больной просительнице достоинство и образ царицы. Мир знает только две силы, перед которыми склонялся Юлий Цезарь: желания тоскующей женщины, распростертой здесь на ложе, и всепобеждающую смерть. Странное сочетание! Но я его не боюсь, потому что смерть отняла его у жизни и у меня... Одну минуту... Мне совестно читать вслух похвалу самой себе. Но вот что здесь написано: «Благодаря тебе, неотразимая, — пишет он, — я впервые узнал теперь, когда молодость давно уже минула, какой прекрасной может быть жизнь».

С этими словами Клеопатра протянула письмо Октавиану. Но прежде чем она успела достать другой свиток, он возвратил ей первый, сказав:

— Я слишком хорошо понимаю, как тяжело тебе пользоваться этими задушевными излияниями для защиты. Я могу себе представить их содержание и оценить его, не читая писем. Защита их не нужна, как бы ни были они подробны. К чему письменные доказательства в чарующей прелести, которая остается неувядаемой и поныне?

Эти лестные слова гордого молодого властелина вызвали улыбку на лице Клеопатры.

Октавиан заметил ее. В ней действительно было столько очарования, что он сам почувствовал, как краснеет.

Эта несчастная женщина, эта страждущая просительница до сих пор могла опутать своими сетями, но только не его, защищенного броней холодного рассудка. Что же придавало такую чарующую прелесть этой женщине, давно уже перешагнувшей предел молодости? Проникающий в душу голос, или ее выразительное лицо, или страдания и слабость, удивительно сочетавшиеся с царственным величием, или, наконец, сознание, что любовь ее сковывала несокрушимыми узами величайших и сильнейших?

Во всяком случае, даже ему следовало остерегаться ее чар. Но он умел обуздывать свои страсти, в отличие от своего великого дяди.

Впрочем, Октавиану необходимо было удержать Клеопатру от самоубийства, а для этого она должна была поверить в его увлечение. Он хотел доказать свое превосходство «великой царице Востока», до сих пор пользовавшейся славой женщины, неотразимой, как смерть. Только следовало приняться за это осторожно, чтобы не испортить дела. Она должна последовать за ним в Рим. Благодаря ей и ее детям триумф его будет самым блестящим и замечательным, какой только видели сенат и народ. Итак, он возразил шутливым тоном, в котором, однако, слышалось внутреннее волнение:

— Мой дядя был известным поклонником прекрасных женщин. Не одна из

них вплетала цветы в его венок, и многим он признавался в любви устно, а может быть, так же как и тебе, письменно. Его гений был выше и во всяком случае многостороннее моего. Он мог в одно и то же время с одинаковым увлечением отдаваться самым разнообразным вещам. Меня же всецело поглощает государство, правление, война. Я уж и тому рад, что могу скрасить короткие минуты отдыха произведениями наших поэтов. Где же мне, обремененному делами, посвящать себя прекраснейшей из женщин? Если бы я мог делать то, что хочу, ты была бы первой, от которой чудесный дар Эроса... Но этого не должно быть. Мы, римляне, умеем укрощать наши желания, даже самые пылкие, когда того требует долг. Нет города на земле, в котором было бы столько богов, сколько их здесь! Чтобы понять их сущность, нужны особые дарования... Но скромные боги домашнего очага! Они слишком просты для вас, александрийцев, всасывающих философию с молоком матери... Неудивительно, что я напрасно ищу их здесь. Разумеется, они, наши домашние боги, не смогли бы ужиться здесь, где строгие требования Гименея должны умолкнуть перед пылкими желаниями Эроса. Брак не считается здесь священным... Кажется, мои слова тебе неприятны.

— Потому что в них нет правды, — отвечала царица, с трудом подавив свое недовольство. — Но, если не ошибаюсь, ты намекаешь на мою связь с человеком, который был мужем твоей сестры. Вы, римляне, ни во что не ставите браки вашей знати с иностранками... Но я... я бы не стала говорить этого, но ты заставляешь меня высказаться, и я выскажусь, хотя Прокулей, твой друг, советовал мне быть осторожней на этот счет... Я, Клеопатра, была уже женой Марка Антония, по законам и обычаям нашей страны, когда ты обвенчал его со вдовой Марцелла, едва успевшего закрыть глаза. Не твоя сестра, Октавия, а я была покинута, я, которой до конца принадлежало его сердце, я, чьи предки были великими царями, не уступающая по происхождению дочерям ваших знатнейших фамилий...

Тут она остановилась. Она дала волю охватившему ее порыву и продолжала уже более мягким тоном:

— Знаю, что ты предложил этот брак в интересах мира и благосостояния государства.

— Да, и для того, чтобы пощадить жизнь десятков тысяч, — гордо прибавил Октавиан. — Твой светлый ум правильно понял мои намерения. У вас, женщин, голос сердца заглушает всякие соображения. Только мужчина, римлянин, может остаться глухим к пению сирен. В противном случае я бы никогда не выбрал для своей сестры такого супруга, — я бы и сам не мог противостоять желанию обворожительнейшей из женщин... Но мне не стоит и пытаться. Твоему сердцу не так легко увлечься Октавианом, как увлеклось оно Юлием Цезарем или блестящим Марком Антонием. Должен сознаться, что я, может быть, не стал бы заканчивать эту злополучную войну самолично и поручил бы послу вести переговоры, если бы меня не привлекало в Александрию стремление еще раз увидеть женщину, красота которой меня ослепляла, когда я был еще мальчиком. Теперь, уже зрелый мужчина, я хотел испытать удивительные духовные дарования, ту несравненную мудрость...

– Мудрость! – воскликнула царица, пожимая плечами. – Того, что называют этим именем, отмерено тебе большей мерой. Моя судьба доказывает это. Гибкость духа, которым наделили меня бессмертные, не выдержала испытания в это печальное время. Но если ты действительно хочешь узнать, что представляет собой дух Клеопатры, избавь меня от ужасной неизвестности, дай возможность моей измученной душе оправиться и развернуться.

– От тебя самой, – с живостью перебил ее Октавиан, – зависит создать для себя и своих близких не только спокойное, но и прекрасное будущее.

– От меня? – с удивлением спросила Клеопатра. – Наша участь в твоих руках. Я не предъявляю нескромных требований, я прошу одно: сказать мне, что нам предстоит, что ты называешь прекрасным будущим?

– То самое, – спокойно отвечал Цезарь, – что, по-видимому, составляет главный предмет твоих желаний: спокойную жизнь, свободу духа, к которым ты стремишься.

Грудь женщины заволновалась сильнее, и, охваченная нетерпением, которого не могла пересилить, она воскликнула:

– Уверяя меня в своем расположении, ты все-таки не хочешь дать ответ на вопрос, который меня мучит и который, без сомнения, у тебя есть...

– Упреки? – возразил Октавиан с хорошо разыгранным удивлением. – Скорее я мог бы быть в претензии. Явившись сюда с дружественными намерениями, которые ты совершенно правильно усмотрела в моих словах, я был огорчен принятыми тобой мерами. Ты хотела предать огню свои сокровища. Конечно, было бы странно ожидать проявления дружбы со стороны побежденного, но согласись, что трудно придумать что-нибудь более враждебное.

– Оставь в покое прошлое. Кто же не попытался бы уменьшить добычу победителя? – спросила Клеопатра.

Видя, что Октавиан медлит с ответом, она продолжала с большим оживлением:

– Говорят, будто горный баран, доведенный до крайности, бросается на охотника и увлекает его вместе с собой в пропасть. То же желание появляется у людей, и я думаю, что оно делает честь как человеку, так и животному. Еще раз прошу тебя, забудь прошлое, как я стараюсь его забыть! Скажи, что ты оставишь трон Египта за мальчиками, которых я подарила Антонию, под опекой не матери, нет, а Рима, мне же предоставишь жить, где я хочу, и я добровольно передам тебе все свои сокровища и богатство.

При этом маленькая ручка Клеопатры сжалась в кулак от нетерпения, но Октавиан опустил глаза и сказал:

– Имуществом побежденного располагает победитель; впрочем, сердце не позволяет мне применять обычные законы к тебе, так далеко превосходящей обыкновенных людей. Твое богатство должно быть громадно, хотя нелепая война, которую Антоний затянул надолго благодаря твоей помощи, поглотила огромные суммы. Но в этой стране растраченное золото, по-видимому, вырастает снова, как скошенная трава.

– Ты говоришь, – с гордостью возразила Клеопатра, – о сокровищах,

собранных в течение трех столетий моими предками, великими царями обильной земли, для поддержания славы и блеска своего дома и украшения его женщин. Бережливость была чужда щедрой и широкой натуре Антония, но то, что осталось, не покажется незначительным даже самой жадности. Все до последней вещицы записано.

С этими словами она взяла у казначея Селевка свиток и протянула Октавиану, который принял его с легким поклоном. Но едва он начал читать, как казначей, маленький тучный человек с блестящими глазками, почти исчезавшими на полном лице, поднял палец и, указывая на царицу, объявил, что она задумала скрыть некоторые вещи и потому не велела заносить их в список.

Кровь прихлынула к лицу измученной, охваченной лихорадочным нетерпением женщины, и, не помня себя, она кинулась на доносчика, который благодаря ей из бедности и ничтожества возвысился до своего теперешнего положения. Клеопатра осыпала его пощечинами, пока Октавиан, смеясь, не крикнул, что она хотя награждает негодя по заслугам, но, кажется, уж наградила довольно. Тогда она бросилась на ложе, в порыве отчаяния жалуясь с полными слез глазами, что эта невыносимая травля внушает ей отвращение к самой себе. Потом, схватившись за голову, воскликнула:

– Достоинство царицы, не изменявшее мне всю жизнь, спадает с меня, как обветшавшая мантия, на глазах врага. Но что я теперь? Чем буду я завтра? Кто же, у кого кровь течет в жилах, может остаться спокойным, когда ему, истомленному голодом и жаждой, подносят к устам сочную кисть винограда и тут же отнимают ее, лишь только он вздумает прикоснуться к ней? Ты явился сюда с уверениями в своих добрых намерениях; но льстивые, многообещающие слова, которыми ты думаешь успокоить меня, несчастную, всего лишь маковые росинки, которыми стараются заглушить лихорадочный жар. Если милость, которую ты мне сулишь, имеет целью только обмануть несчастную...

Но она не могла продолжать, так как Октавиан перебил ее, повысив голос:

– Тот, кто считает наследника Цезаря, – сказал он с достоинством, – способным обмануть благородную женщину, царицу, подругу его великого предшественника, тот оскорбляет и унижает его. Но твой справедливый гнев служит тебе извинением. Да, – продолжал он совершенно другим тоном, – я даже рад этому гневу и готов быть еще раз свидетелем такого порыва, прекрасного в своей необузданности. Царственная львица, очевидно, сама не знает, как она прекрасна, когда поддается бурному увлечению. Что же будет, когда любовь охватит ее пылкую душу.

– Пылкую душу! – повторила царица, и внезапно в ней пробудилось желание испытать свою силу и над этим человеком, так гордившимся своей твердостью. Может быть, он сильнее других, но во всяком случае не неуязвим.

В сознании своей власти над сердцами мужчин, она повиновалась чисто женскому стремлению покорять сердца. Сердце врага тоже должно принадлежать ей. И прежде чем она успела дать себе отчет в этих мыслях, ее глаза засветились загадочным, многообещающим блеском и обворожительная улыбка заиграла на лице.

При всем самообладании молодого победителя, сердце его забилося

сильнее. Лицо вспыхнуло румянцем, побледнело и снова вспыхнуло. Как она смотрела на него! Неужели она полюбит племянника, как любила дядю, который благодаря ей познал, какое счастье может доставить жизнь. Да, счастлив тот, кто целует эти дивные уста, кого обнимают эти прекрасные руки, чье имя с нежностью произносит этот музыкальный голос.

Совершеннейший образец искусства, какой ему случилось видеть в Афинах – мраморная статуя Ариадны, – не мог сравниться в чистоте линий с этой женщиной. Кому же придет в голову мысль об увядающей красоте в присутствии ее? О нет! Чары, покорившие Юлия Цезаря, до сих пор сохранились в полной силе. Октавиан чувствовал их могущество. Он был еще молод, всего тридцати трех лет, и вот после стольких усилий наступил и его черед упиваться нектаром благороднейших наслаждений, насытить душу и тело радостью.

Он быстро шагнул к ложу, желая схватить и прижать к губам ее руку. Его пламенный взгляд встретился с ее глазами; и она поняла, что происходит в его душе, и сама изумилась своей власти над этим сильнейшим и холоднейшим из людей, – власти, сохранившейся несмотря на все муки, душевные и телесные. Торжествующая улыбка, не лишенная горького презрения, мелькнула на ее прекрасном лице. Довести ли до конца эту комедию любви, на которую она решилась в первый раз в жизни? Купить ли у него ценой самой себя счастье детей? Забыть ли о возлюбленном в угоду его врагу и дать право потомству и детям называть ее не вернейшей из верных, а бесчестной женщиной?

На все эти вопросы как-то сам собой явился отрицательный ответ. Воспламененный любовью взгляд Октавиана давал ей право почувствовать себя победительницей, и гордое сознание торжества отразилось на ее выразительном лице слишком ясно, чтобы ускользнуть от такого пронизательного и недоверчивого человека. Но едва он понял, что ему угрожает, и вспомнил слова Клеопатры о Юлии Цезаре, которого могли победить только она и смерть, как тут же овладел собой. Краснея за собственную слабость, он отвел глаза от ее лица и, встретившись взглядом с Прокулом и другими присутствующими, понял, что стоит на краю пропасти. Одна минута, и он мог бы потерять плоды тяжких усилий и упорного труда.

Страсть, светившаяся в его выразительных глазах, моментально погасла, и, обведя окружающих строгим и властным взглядом, он сказал твердым голосом, точно желая понять, какое впечатление произвела его слабость:

– Тем не менее мы предпочитаем видеть благородную львицу в этом величественном покое, лучшем украшении царей. Холодный рассудок, подобный моему, не совмещается с пылким сердцем.

Клеопатра скорее с удивлением, чем с разочарованием, следила за этой быстрой переменой. Он почти уже поддался ей, но вовремя заметил это, и, конечно, такой человек не подвергнется вторично опасности, которой едва избежал. И прекрасно! Он должен понять, что неправильно истолковал взгляд, вспламенивший ему сердце. Имея это в виду, она произнесла с величавым достоинством:

– Страдания, подобные моим, угасят всякий пыл. А любовь? Сердце

женщины открыто для нее всегда, кроме тех случаев, когда оно утратило силу желать и радоваться. Ты молод и счастлив, твое сердце и поныне требует любви, я знаю это, только во всяком случае не моей. Для меня же остается только один друг: тот, с опрокинутым факелом, которого ты не хочешь допустить ко мне. Он один доставит мне то, к чему душа моя стремится с детства: безболезненный покой. Ты улыбаешься. Моя прошлая жизнь дает тебе право на это. Каждый живет своей внутренней жизнью, но немногие понимают перипетии своей собственной, не то что чужой судьбы. Мир был свидетелем, как душевный покой ушел из моей жизни. И тем не менее я не теряю надежды найти его. Одно лишь может помешать мне насладиться им: позор и унижение, но от них я застрахована...

Тут она запнулась, а затем прибавила, как бы в объяснение своих слов:

– Я надеюсь, что твое великодушие избавит от них женщину, на которую – я ведь видела это – ты только что смотрел более чем милостивым взором. Я никогда не забуду о нем. Теперь же скажи мне откровенно, в чем заключается твое решение относительно меня и моих детей? Чего должны мы ждать от твоего милосердия.

– Достойной тебя и твоих близких участи, которую Октавиан тем охотнее обеспечит вам, чем доверчивее ты отнесешься к его великодушию.

– И если я отнесусь с полным доверием и буду ожидать от тебя величия и благородства, какие доказательства твоей милости мы увидим.

– Можешь рисовать их со всей силой своего пламенного воображения, которое сумело даже мой взгляд истолковать в свою пользу и сделало счастливейшим из смертных величайшего и блистательнейшего из римских мужей. Если в конце концов он оказался нечестным, то, я полагаю, не по твоей, а по собственной вине. Но, клянусь Зевсом, четвертый час пополудни...

С этими словами он прижал руку к сердцу и прибавил с выражением искреннего сожаления:

– Как ни жалко мне прерывать эту увлекательную беседу, но меня ждут важные и, к несчастью, неотложные дела.

– А ответ? – воскликнула Клеопатра, бросив на него взгляд, полный нетерпеливого ожидания.

– Неужели я должен повторять свои слова? – отвечал он. – Хорошо. Полное доверие с твоей стороны и всякая возможная милость с моей. Твое сердце так полно теплым чувством! Удели мне ничтожную частицу его и требуй взамен каких угодно даров. Я заранее обещаю их тебе.

С этими словами он дружески простился с ней и быстрыми шагами вышел из комнаты.

– Ушел, ушел! – воскликнула Ира, когда дверь закрылась за ним. – Угорь выскользнул из руки, схватившей его.

– Северный лед, – задумчиво сказала Клеопатра, в то время как Хармиона помогала ей расположиться поудобнее, – так же скользок, как и холоден. Теперь не на что больше надеяться.

– Нет, нет, госпожа! – горячо возразила Ира. – Долабелла ожидает его на дворе Филадельфа. От него мы узнаем – он обещал мне это – решение

Октавиана.

Действительно, повелитель встретил у первых ворот дворца юношу, который любовался прекрасной киринейской четверней.

– Славные лошади, – заметил Октавиан. – Подарок этого города. Ты поедешь со мной? Замечательная женщина, в высшей степени замечательная!

– Не правда ли? – горячо подхватил Долабелла.

– Бесспорно! Но хотя она почти что годится тебе в матери, а все-таки опасна для юноши твоего возраста и характера. Какой сладкий голосок, какая живость, какой огонь. И при всем том благородство в каждом движении. Но я желал бы угасить, а не раздуть искру, которая, быть может, уже запала в твое сердце. А какую сцену она разыграла и с каким мастерством!

Он слегка усмехнулся, но Долабелла воскликнул:

– Ты редко смеешься, но этот разговор, по-видимому, развеселил тебя. Значит, он привел к хорошему результату?

– Будем надеяться! Я был к ней милостив, насколько возможно.

– Прекрасно! Могу ли я узнать, какое будущее готовят для нее твоя доброта и мудрость? Или, проще сказать, что обещал ты злополучной царице?

– Мою милость, если она доверится мне.

– Прокулей и я стараемся укрепить ее доверие. И если это нам удастся?..

– То, как я уже сказал, она заслужит мою милость, полную милость.

– Но ее будущая судьба? Что ты готовишь для нее и ее детей?

– Это зависит от степени ее доверия.

Он остановился, заметив упрек во взгляде Долабеллы.

Ему хотелось сохранить восторженного поклонника в лице этого юноши, быть может, предназначенного для великих дел, и потому он продолжал доверчивым тоном:

– С тобой, мой юный друг, я могу быть откровенным. Я исполню все желания этой все еще обворожительной женщины; но сначала я воспользуюсь ею для триумфа. Римляне будут в претензии на меня, если я лишу их созерцания этой царицы, этой несравненной женщины, первой женщины своего времени во многих отношениях. Мы вскоре отправимся в Сирию. Царицу с ее детьми я отправлю в Рим через три дня. Если они сыграют в моем триумфальном шествии роль, которую я им предназначил, то увидят, как Октавиан награждает тех, кто умеет ему угодить.

Долабелла слушал его молча и, когда тот взошел на колесницу, попросил позволения остаться.

Октавиан направился на восток, к лагерю, где вблизи ипподрома готовились к постройке предместья Никополиса, то есть города побед, который напоминал бы грядущим поколениям о победе императора над Антонием и Клеопатрой.

Благородный представитель дома Корнелиев долго смотрел вслед Октавиану. Потом он выпрямился и пошел во дворец. Он рисковал жизнью, но решил исполнить свой долг по отношению к благородной женщине, почтившей его своим доверием. Она была слишком хороша для того, чтобы служить потехой для черни.

Через некоторое время Клеопатра узнала, какой позор предстоит ей.

XXVI

На следующее утро царица долго шепталась с Хармионой, а та с нубийкой Анукис. Накануне заходил садовник Архибия, посланный им к Хармионе – узнать, не желает ли она попробовать удивительных смокв, растущих в эпикурейском саду. Насчет этих фруктов тоже зашел разговор, после которого Анукис отправилась в Каноп, а оттуда на рыбный рынок. Там она о чем-то поговорила с Пирром и передала ему корзину, с которой он отправился к себе на остров.

Вскоре Клеопатра вернулась из мавзолея. На лице ее была печать решимости, и плотно сжатые губы придавали ему суровое выражение. Близкий конец она воспринимала как неизбежность.

Смерть казалась путешествием, которое она должна предпринять, чтобы избавиться от невыносимейшего позора. Жизнь и без того потеряла всякий смысл после смерти Антония. Да и какая это жизнь: мучительные колебания и нерешительность из опасения навредить детям.

Посещение гробницы должно было известить ее покойного супруга о том, что она вскоре последует за ним. Клеопатра долго оставалась в зале, украшала цветами гроб возлюбленного, целовала его. Обращаясь к умершему, как к живому, она сообщила ему, что наступил день, когда его заветное желание, высказанное в завещании – покоем в одном гробу с ней, – будет исполнено. Из всех бедствий, обрушившихся на нее, самым тяжким была разлука с ним.

Потом царица отправилась в сад, поиграла с детьми, поцеловала их и просила вспоминать о ней с любовью. Архибий догадался, что она замышляет, но Хармиона сообщила ему о грозящем позоре, и Архибий одобрил решение царицы. Невероятным усилием воли он скрыл тоску, раздиравшую его верное сердце. Она должна умереть. Мысль, что Клеопатра будет украшением триумфального шествия Октавиана, казалась невыносимой. На ее благодарность за годы службы и просьбы по-прежнему заботиться о детях он отвечал со спокойствием, которое впоследствии удивляло его самого.

Когда царица сказала о предстоящем свидании с возлюбленным, Архибий спросил, разве она совсем отказалась от учения Эпикура, по мнению которого существование прекращается с жизнью.

Клеопатра отвечала утвердительно и прибавила:

– Даже безболезненное спокойствие перестало казаться мне высшим благом, с тех пор как я убедилась, что любовь приносит не только счастье, что скорбь неотделима от любви. Я не расстанусь с ней и с возлюбленным. Кто испытал то, что мне пришлось испытать, тот познал других богов – не пребывающих в безмятежном покое, как учитель Эпикур. Лучше вечные муки в ином мире вместе с возлюбленным, чем безболезненный, но и безрадостный покой в пустом, неосязаемом ничто... Да и ты не говоришь ли детям, что счастье в отсутствии страдания...

– Как и ты, – воскликнул Архибий, – я убедился, что высшее благо – любовь, и что любовь – страдание!

При этом он наклонился, желая поцеловать ее руку, но она взяла его за голову и быстро прижала губы к его широкому лбу.

Он всхлипнул и, чувствуя, что теряет самообладание, поспешил вернуться к детям.

Клеопатра проводила его глазами, с грустной улыбкой, и пошла во дворец, опираясь на руку Хармионы.

Там она приняла ванну, а потом в дорогом траурном платье опустилась на ложе и велела подать завтрак.

Ира и Хармиона завтракали с ней.

К концу завтрака явилась нубиянка с корзинкой превосходных смокв. Как объяснила она Эпафродиту, находившемуся тут же, их принес какой-то крестьянин. Стража успела уже утащить несколько штук.

Клеопатра и ее приближенные полакомились смоквами, и сам Прокулей, явившийся приветствовать царицу, не отказался от угощения.

После завтрака царица пожелала отдохнуть.

Римляне и прислуга удалились.

Наконец-то женщины остались одни. Они молча взглянули друг на друга.

Хармиона дрожащей рукой сняла плоды, лежавшие наверху; Клеопатра же сказала глухим голосом:

– Супруга Антония, влекомая за колесницей победителя по римским улицам на потеху черни и завистливым матронам!

Она выпрямилась и воскликнула:

– Какая мысль! Что она доказывает: величие или ничтожество Октавиана? Он, гордящийся своим знанием человеческой природы, ожидает такой невероятной вещи от женщины, которая так же свободно открыла ему свою душу, как он скрыл свою. Мы покажем ему, как ошибся он в своем знании людей, и дадим ему урок скромности!

Презрительная улыбка мелькнула на ее прекрасных губах; Клеопатра схватила корзинку и стала быстро выбрасывать смоквы на стол, пока не увидела, что под ними что-то шевелится. Тогда она глубоко вздохнула и сказала вполголоса:

– Вот она! – и решительно опустила руку в корзину, не сводя глаз со змеи, которая точно боялась исполнить свою ужасную обязанность.

– Благодарю, благодарю за все! Не пугайтесь! Ты ведь знаешь, Ира, что это не больно. Мы уснем спокойно. – При этом она слегка вздрогнула и продолжала:

– Серьезное, однако, дело – смерть. Все равно, так нужно. Почему медлит змея? Да, да... Честолюбие и любовь были главными пружинами в моей жизни... Мое имя увенчает слава... Следую за тобой, Марк Антоний!

Хармиона наклонилась над левой, свободной рукой царицы и, рыдая, осыпала ее поцелуями. Клеопатра, не отнимая руки, продолжала, следя за движениями аспиды:

– Покой эпикурейского сада начинается для нас сегодня, моя дорогая...

Будет ли он свободен от страданий, кто знает, но, и в этом я согласна с Архибием, страдание присуще высшему земному счастью – любви. Я думаю, что вы тоже убедились в этом. И эта страна, мой Египет, также дорога мне. Лучше ослепнуть на века, чем видеть ее под римским игом. Близнецы и мой нежный цветок... Вспоминая о своей матери и ее кончине, они будут, не правда ли...

Тут она вздрогнула и слегка вскрикнула. Змея, подобно холодной молнии, кинулась на ее руку, и спустя несколько мгновений Клеопатра, бездыханная, опустилась на ложе.

Бледная, но с полным самообладанием, Ира сказала, указывая на нее:

– Точно уснувший ребенок. Обворожительна и после смерти. Сама судьба должна была исполнить последнее желание великой царицы, непобедимой женщины. Гордые замыслы Октавиана разлетаются в прах. Триумфатор без тебя явится римлянам.

С этими словами она наклонилась над уснувшей, закрыла ей глаза, поцеловала ее в губы и в лоб, и Хармиона последовала ее примеру.

В соседней комнате слышались шаги.

– Время не терпит! – воскликнула Ира. – Пора. Не кажется ли тебе, будто солнце зашло?

Хармиона кивнула головой и тихо сказала:

– Яд?

– Вот он, – отвечала Ира, протягивая ей булавку. – Легкий укол, и все кончено... Вот смотри! Но нет! Ты причинила мне жестокое горе. Ты знаешь, мой товарищ детства Дион... Я простила тебе. Но теперь... Окажи мне благодеяние! Избавь меня от необходимости самой воткнуть иглу... Согласна? Если да, то эта рука окажет тебе такую же услугу.

Хармиона прижала к сердцу племянницу, поцеловала ее, слегка уколола ее в руку и сказала, подавая другую булавку:

– Теперь твоя очередь. Сердца наши были полны любви к той, которая умела любить, как никто, и отвечала на нашу любовь. Что же значит другая любовь, от которой мы отреклись! Кому светит солнце, тот не нуждается в других светильниках. «Любовь – страдание», – сказала она перед кончиной. Но в этом страдании, и прежде всего в страдании самоотречения, таится счастье, неоценимое счастье, которое делает легкой смерть. Мне хочется только последовать за царицей... О как больно!

Игла Иры уколола ее.

Яд действовал быстро. Ира почувствовала головокружение и с трудом сохранила равновесие. Хармиона опустилась на колени; в эту минуту слышался стук в дверь и громкие голоса Эпафродита и Прокулея, требовавших, чтобы их пустили.

Ответа не последовало; тогда они ворвались, сломав замок.

Хармиона, бледная и безжизненная, лежала у ног царицы; Ира же, шатаясь, поправляла диадему на голове Клеопатры. Ее последней заботой была забота о нежно любимой госпоже.

Римляне бросились к ним вне себя от гнева. Видя, что Ира еще держится

на ногах, Эпафродит хотел поднять ее подругу, восклицая:

– Славные дела, Хармиона, нечего сказать!

Она же открыла глаза и, собрав последние силы, произнесла слабым голосом:

– Да, славное и прекрасное дело, достойное дочери великих властителей ⁸³!

С этими словами она закрыла глаза. Прокулей же, поэт, долго смотрел в прекрасное, гордое лицо женщины, перед которой так провинился, и, наконец, произнес с глубоким волнением:

– Не было на свете женщины, которую бы так почитали величайшие мира, так любили могущественные властители. Слава о ней будет передаваться из поколения в поколение. Но, прославляя ее чарующую прелесть, ее пламенную любовь, не побежденную самой смертью, ее ум, ее знания, мужество, с которым она, женщина, предпочла смерть позору, не забудут и этих двух женщин. Их верность заслуживает этого. Сами того не сознавая, они воздвигли этой кончиной прекраснейший памятник своей властительнице: она была добра и достойна любви, если они предпочли смерть разлуке с ней.

Известие о смерти возлюбленной царицы ввергло во всеобщую печаль всю Александрию. Похороны ее отличались неслыханным великолепием и пышностью, и много искренних слез пролилось на них.

Смерть Клеопатры разрушила все планы Октавиана, и он с большим неудовольствием прочел письмо, в котором она извещала его о своем решении. Однако, понимая непоправимость происшедшего и желая поддержать свою репутацию великодушного победителя, он разрешил похороны, достойные ее сана. Его милосердие к мертвым, которые уже не могли причинить ему вреда, не знало границ.

Отношение к детям Клеопатры тоже заставило мир удивляться его кротости. Сестра его, Октавия, взяла их в свой дом, оставив Архибия их воспитателем.

Когда появилось распоряжение уничтожить статуи Клеопатры и Антония, Октавиан тоже проявил большую гуманность, приказал пощадить и оставить на местах изображение царицы, которых было немало в Александрии и во всем Египте. Правда, на великодушие Октавиана повлияла значительная сумма в две тысячи талантов, пожертвованная одним александрийцем. Этим александрийцем был Архибий, отдавший все свое состояние, чтобы почтить память дорогой умершей.

Благодаря ему статуи несчастной царицы остались там же, где были воздвигнуты.

Саркофаги Клеопатры и Марка Антония, подле которых покоились и останки Иры и Хармионы, постоянно украшались цветами. Гробница Клеопатры сделалась местом паломничества, в особенности для александрийских женщин; но из дальних стран нередко являлись посетители, в особенности дети знаменитой четы: Клеопатра Селена, впоследствии супруга нумидийского царевича Юбы, Антоний Гелиос и Александр. С ними являлся и

⁸³ Восклицание римлянина и ответ верной служанки буквально заимствованы у Плутарха. (Примеч. авт.)

Архибий, их учитель и друг. Он воспитал в них почтение к памяти женщины, доверившей своих детей его заботам.

Послесловие

I

Романы Георга Эберса «Арахнея» (1897), «Сестры» (1880) и «Клеопатра» (1893) составляют, как уже отмечалось, своеобразный цикл-трилогию, посвященную птолемеевскому Египту.

Действие первого произведения этой трилогии завершается в 70-х годах III века ⁸⁴, когда держава Птолемеев приближалась к апогею своего расцвета и могущества. Действительно, Египет 270 – 230-х годов, несомненно, самое мощное из всех эллинистических государств, по существу – империя, безраздельно господствующая во всей восточной части Средиземноморья, включая Эгейское море с его многочисленными островами. На суше Птолемей I помимо Египта владел Киреной, Палестиной, Келесирией ⁸⁵, островом Кипр. При его сыне Птолемеи II (285 – 246) и внуке Птолемеи III (246 – 221) господство Египта распространилось на южную и западную части полуострова Малая Азия, побережье Финикии и Гелеспонта (пролив Дарданеллы) и еще на некоторые острова Эгейского моря.

Как мы помним, основой экономического развития Египта испокон веков являлось орошение. На протяжении тысячелетий непрерывное развитие ирригационной сети было одной из важнейших функций деспотической власти фараонов. Функция эта оставалась доминирующей и при эллинистических царях. Заинтересованные в экспорте зерна и других сельскохозяйственных продуктов, а также в обеспечении земель многих греко-македонских колонистов, первые Птолемеи с завидной энергией взялись за развитие и улучшение оросительной системы с целью значительного расширения посевных площадей, и в первую очередь под посевы пшеницы. Энергичные мероприятия предпринимались по увеличению плантаций масленичных культур и виноградников; значительное развитие получило скотоводство, особенно на царских землях.

Наряду с сельским хозяйством интенсивно развивались ремесла; ремесленная техника непрерывно совершенствовалась, усилилось разделение труда, изменялись формы его организации, повышалась производительность.

В годы правления Птолемея II, когда восстановленный канал вновь через Нил и горькие озера соединил Средиземное и Красное моря, оживилась и расширилась морская и караванная торговля Египта с Индией. В результате к

⁸⁴ Здесь и далее все даты приведены до новой эры

⁸⁵ Келесирия (греч. Полая Сирия) – в те времена общее наименование Южной Сирии и Палестины. Селевкия и Египет развязали из-за нее немало войн, поскольку эта область была очень важной и в экономическом, и в стратегическом отношении.

середине III века Египет по экономическому и военному потенциалу опередил постоянно соперничавшее с ним гораздо более обширное царство Селевкидов, созданное одновременно с державой Птолемеев диадохом Александра Македонского Селевком ⁸⁶. Между его сыном Антиохом I (281 – 261) и Птолемеем II в 274 году началась почти трехлетняя 1-я Сирийская война за обладание Келесирией. Эта война не дала Египту ощутимых территориальных приобретений. Зато в итоге следующей войны 266 – 263 годов египтяне захватили почти всю Келесирию. С этого времени египетский флот стал фактически безраздельно господствовать в Восточном Средиземноморье.

В 3-й Сирийской войне Птолемеи снова одержали верх над Селевкидами. Надпись Птолемея III повествует о крупных успехах египтян в завоевании ими не только Сирии, но также Междуречья и других земель тогдашнего царя Сирии Селевка II (246–226). По мнению ученых, эти успехи скорее всего преувеличены, хотя не исключено, что Сирия и Междуречье действительно на какое-то время захватывались египетскими войсками. Впрочем, уже в 245 году в ходе военных действий произошел перелом не в пользу Египта: греческие полисы Сирии и Вавилонии целиком поддержали Селевка, предпринявшего наступление против египтян. Флот Македонии, начавшей враждовать с Египтом еще в конце 70-х годов и активно поддерживающей Сирию, в 258 году нанес египетскому флоту первое крупное поражение в сражении близ острова Кос. Несмотря на то что Птолемей III вынужден был очистить захваченные территории, силы Египта были еще велики.

Захваченная Птолемеем III в Сирии и Месопотамии военная добыча оценивалась в 40 тысяч талантов. В ее числе оказались и золотые статуи египетских богов, изъятые из храмов персидским царем Камбисом еще в 524 – 523 годах. За возвращение национальных святынь Птолемей III удостоился звания Эвергет (Благодетель) и стал именоваться Птолемей III Эвергет I.

Положение державы Селевкидов к концу III века осложнилось внутридинастической борьбой. В результате престол занял Антиох III (223 – 187), который без проволочек начал готовиться к очередной войне с египтянами за Келесирию.

Египет к концу царствования Птолемея Эвергета мало-помалу растерял свой престиж, так что Птолемей IV Филопатор ⁸⁷ принял монархию, почти наполовину утратившую свое могущество и блеск. Филопатор был жесток и развратен; подданные наградили его полупрезрительным прозвищем Трифон – изнеженный. Большой любитель выпить, он, по утверждению современников, бывал трезв, да и то не слишком, только тогда, когда совершал богослужение. Однако был он блестяще образован, сам писал пьесы и в традициях своих предшественников поддерживал науку и искусство. Страстный поклонник Гомера, Филопатор даже воздвиг в его честь храм, в котором скульптура автора «Одиссеи» и «Илиады» помещалась в окружении изображений семи греческих

⁸⁶ Селевк I Никатор (Победитель) (ок. 356–281) – царь Сирии с 305 года

⁸⁷ Птолемей IV Филопатор (Отцелюбец) (221 – 204)

городов, претендовавших на роль родины великого рапсода.

Спустя около трех лет после воцарения Птолемея Филадельфа войска Антиоха двинулись к границам Египта, угрожая вторжению в Нильскую долину. Тогда временщик Филадельфа Сосибий предпринял ловкий дипломатический ход: затеял с Антиохом мирные переговоры, умудрившись затянуть их на целых три месяца. Естественно, на период ведения переговоров продвижение сирийской армии приостановилось. Это дало возможность египтянам принять экстренные меры по набору и обучению своего войска. В его состав наряду с македонскими воинами Филадельф включил двадцатитысячную фалангу египетских солдат, обученных по македонскому образцу. Вероятно, заподозрив Сосибия в нечестной игре, Антиох весной 218 года прервал подозрительно затянувшиеся переговоры, но египтяне уже успели подготовиться. Встреча враждующих армий произошла близ незначительного прибрежного южнопалестинского городка Рафии. Решающую роль в сражении сыграла египетская фаланга; благодаря ее стремительной атаке сирийская армия была разбита.

Увы, блестящая победа при Рафии не привела к возрождению былой военной мощи Египта. Едва очистив от сирийских войск Келесирию, Филадельф поспешил заключить с Антиохом мир.

Следует особо отметить, что конец III века стал переломным моментом в развитии всех эллинистических государств. В изменении общей исторической ситуации, сложившейся к этому времени в Восточном Средиземноморье, все большее значение начинает играть окончательно сложившаяся и продолжающая стремительно набирать военную мощь Римская республика. Если к 255 году она владела лишь Апеннинским полуостровом, то к 200 году в итоге первой (264 – 241) и второй (218 – 201) Пунических⁸⁸ войн с Карфагеном аннексированные Римом территории уже превышали всю площадь Апеннинского полуострова. В результате первой (215 – 205) и второй (201 – 197) Македонских войн весь Балканский полуостров попал в сферу влияния Рима, и Македония сошла с исторической арены, сначала утратив свое политическое значение, а позже, после третьей Македонской войны (171 – 168), превратившись в ординарную римскую провинцию.

До разгрома Македонии эллинистические монархии вряд ли осознавали, какую опасность представляет для них утверждение римлян на Балканах. Более того, Селевкиды и Птолемеи сочли этот момент наиболее благоприятным для возобновления борьбы за Келесирию.

После смерти Птолемея IV царем был провозглашен его пятилетний сын Птолемей V (204 – 180). До его возмужания власть переходила от одного временщика к другому, и каждая смена этих временщиков сопровождалась, как водится, заговорами знати, мятежами наемников, придворными интригами и народными бунтами. Антиох III не замедлил воспользоваться обострением

⁸⁸ Пуническими эти войны названы потому, что в древности финикийские колонисты из города Тира, основавшие в 825 году на северном побережье Африки город-государство Карфаген, именовались пунийцами. Карфаген находился в районе современного города Туниса.

социальной борьбы в Египте. В 200 году он наголову разбил египетскую армию и без особых хлопот захватил Келесирию, Финикию и Палестину.

Официально Птолемея V короновали в 187 году, в связи с чем от его имени жречеству, разумеется, по инициативе самих жрецов, и египетскому народу был пожалован ряд льгот. В ответ на милость монарха жреческий синод города Мемфиса издал специальный декрет во славу Птолемея V с перечнем всех его благодеяний и определением тех почестей, которые отныне должны были оказывать все храмы своему царю, провозглашенному Эпифаном (Прославленным).

Согласно издревле заведенной традиции, жрецы повелели вырубить свой декрет на камне, и именно этот камень лег в основу фундамента истории Египта: ведь он стал тем самым знаменитым Розетским камнем, благодаря которому Шампольон получил ключ к расшифровке египетской письменности.

Когда в 193 году Птолемей Эпифан при посредничестве Рима женился на дочери Антиоха III, Келесирия вновь отошла к Египту в качестве приданого невесты, а в династии Птолемеев появилась Клеопатра I, открывшая перечень из семи цариц, носивших это славное имя⁸⁹. После преждевременной кончины мужа, по утверждению современников отравленного на пиру, Клеопатра правила страной с 180 года в качестве регентши при своем первенце Птолемеи VI Филометре⁹⁰. Она упорно боролась против постоянных и настойчивых притязаний своих сирийских родичей на Келесирию и другие колониальные владения Египта.

По традиции, Птолемей Филометр женился на родной сестре, тоже Клеопатре⁹¹. В 170 году Сирия в очередной раз развязала войну против Египта. Второй сын Антиоха III Антиох IV Эпифан (175 – 164) вторгся в долину Нила, ограбил храмы и города, отстранил от престола Филометра и сам вознамерился короноваться в Александрии, однако александрийцы срочно возвели на трон младшего брата Филометра – Эвергета. Антиох тут же заключил с Филометром мир и посадил его на трон в Мемфисе, разделив тем самым державу Птолемеев на два царства. Затем хитрый Селевкид, не вступая в переговоры с Эвергетом, вывел свое войско из Египта, оставив мощный сирийский гарнизон в Пелусии. В сложившейся ситуации расчленение Египта вполне отвечало намерениям Антиоха полностью подчинить Египетское царство пока только своему влиянию, ибо, как расчетливый политик, он теперь уже не собирался присоединять его к Селевкии, ясно отдавая себе отчет в том, что подобная акция, кроме всего прочего, наверняка вызовет новое, вовсе не желательное для него столкновение с могущественным Римом. Однако сирийский гарнизон Пелусия, представлявший несомненную угрозу для обоих египетских царств, вынудил братьев царей пойти на примирение. Таким образом, осуществление замыслов Антиоха IV оказалось под угрозой срыва; он вновь вторгся в Дельту и

89 Клеопатра – славная по отцу; Клеопатра I (215 – 176)

90 Филометр – любящий мать

91 Клеопатра II (ок. 185 – 115)

осадил Александрию.

В 168 году Рим взял Птолемея под свое покровительство, заставив Антиоха убраться восвояси и сохранив за братьями их престолы. С этого времени Египтом без малого четверть века правили два царя: Верхним – Филометр, Нижним – Эвергет. Поначалу братья ладили между собой, но в 164 году между ними произошел открытый разрыв; незадолго до него, по всей видимости, начинают разворачиваться события романа «Сестры».

По своему обыкновению, Эберс тщательно и образно выписывает картину птолемеевского Египта, его повседневный быт, показывает деятельность жрецов и других обитателей храмов, в особенности же суетную и насквозь фальшивую жизнь царского двора, где сталкиваются зачастую диаметрально противоположные интересы власть имущих и людей, стоящих на низших ступенях социальной лестницы. Подогреваемые завистью, честолюбием, корыстью, тщеславием, эти интересы буквально пронизывают во всех направлениях весь царский дворец, преломляются им, как линзой, и подобно солнечным лучам фокусируются в одной точке, чтобы в подходящий момент разжечь пламя междоусобного пожара.

Эберс не отступил от исторических реалий, воссоздавая облики столь несхожих царственных братьев. Старший очерчен предельно скупой, его портрет даже не вполне заверченный рисунок, а скорее набросок, неясный в отдельных деталях, будто размытый. Напрямую автор о нем ничего не сообщает, кроме того, что он обаятелен и красив. Черты характера Филометра переданы опосредованно, через ощущения и представления других персонажей, и в первую очередь Клеопатры, которой он лучше, чем кому-либо, известен как человек добросердечный, покладистый и, к ее сожалению, не обладающий решительностью и твердостью, столь необходимыми для монарха. Птолемей излишне мягок и уступчив для того, чтобы отказать в просьбе, даже если этот отказ диктуется государственными интересами, и привык возлагать эту щекотливую обязанность на свою жестокую и менее склонную к компромиссам супругу. Сам же царь предпочитает проводить время не в государственном совете, а в кругу близких друзей за беседами о науке и искусстве.

Эвергет обрисован более конкретно и четко. Огромный, уже в свои двадцать лет поражающий непомерной толщиной, мощью и как будто неисчерпаемой энергией, чревоугодник и любитель женщин, простодушный весельчак на вид, он на самом деле коварен, изощрен, хитер и бессердечен. И очень умен. Сеть заговора он плетет тонко, умело прикрывая свои намерения напускной доброжелательностью и ироничными, не лишенными сарказма философскими разглагольствованиями о смысле жизни.

Необузданный, не знающий ни меры, ни предела, Эвергет упорно рвется к намеченной цели. От проигрыша в затеянной им игре Филометра не спасает и всемерная поддержка Клеопатры, твердостью характера, решительностью, надменностью и бессердечием так схожей со своим младшим братцем. Эта на вид хрупкая, утонченная и бесспорно умная женщина наделена поистине железной волей. Ее стихия – «постоянная тревога, волнения и борьба».

И хотя душа ее от повседневного напряжения болит, будто рана, которую

непрерывно бередают, Клеопатра цепко держит в своих руках власть, без колебаний устраняя всех, кто становится на ее пути.

На фоне заговора Эвергета развивается романтическая линия произведения – история любви двух юных сестер-египтянок, влачащих жалкое существование в качестве низших прислужниц мемфисского храма. Знатный римлянин Публий и состоятельный коринфянин Лисий при активном содействии старца Серапиона в корне меняют судьбы обреченных на позор, а возможно, и на гибель несчастных сирот.

Бунтарь-затворник Серапион – один из интереснейших и колоритных персонажей. Душевной чистотой, благородством помыслов, сострадательностью к обездоленным, неукротимостью духа он напоминает одновременно и греческого философа, и ветхозаветного пророка. Почти разучившись ходить в своем многолетнем заточении, он тем не менее находит силы для того, чтобы избавить от неминуемой беды невинное существо, ставшее ему дорогим, будто родное дитя. Благородный отшельник умирает, завещая Публию Сципиону любить и оберегать прекрасную Клеа, как любил и оберегал ее он сам и за спасение которой без колебаний отдал собственную жизнь.

Несмотря на провал заговора Эвергета, которым кончается роман «Сестры», Филометру вскоре все-таки пришлось ехать в Рим. Римский сенат утвердил его единовластным монархом вновь объединенного Египта. Не смирившийся с поражением Эвергет попытался захватить остров Кипр, однако потерпел неудачу и попал в плен к брату. Филометр по доброте души простил его и отправил наместником в Кирену.

Сам Птолемей VI в 145 году был предательски убит сирийцами на пути в Александрию, куда он возвращался после очередной, кстати, весьма успешной войны с Селевкией. Престол занял его сын Птолемей VII Неос Филопатор. Он правил в 145 – 144 годах (в общей сложности не более года) под «покровительством» Эвергета, а затем дядюшка приказал убить своего венценосного племянника и со 145 по 116 год правил единолично, как Птолемей VIII Эвергет II.

В 130 году в Александрии вспыхнул мятеж против царя. Поводом к нему послужил разрыв Эвергета со своей женой Клеопатрой⁹² и женитьба на собственной дочери, тоже Клеопатре. Подобного кощунства не смогли стерпеть даже издававшие виды александрийцы. Они подожгли царский дворец, вынудив монарха бежать на Кипр. Там Эвергет убил собственного сына и послал несчастной матери изуродованные части его тела. Вызванные этим новым зверством волнения, продолжавшиеся несколько месяцев, завершились примирением, и до своей кончины Эвергет правил относительно спокойно. Он посвящал досуг наукам, редактировал и уточнял по сохранившимся древним спискам тексты поэмы Гомера, организовал несколько научных экспедиций в самые отдаленные районы страны, сам объезжал свою державу с целью изучения ее географии, этнографии и хозяйственных возможностей. Эвергет

92 Клеопатра III (160/155 – 101) – дочь Птолемея VI и Клеопатры II, первая жена Эвергета

ввел строжайший запрет на вывоз папируса, который считал национальным богатством своей страны. Однако запрет экспорта папируса в конечном итоге принес скорее пользу, нежели вред, поскольку способствовал скорейшему освоению другими государствами производства пергамента, изобретенного в 180 году для нужд Пергамской библиотеки, материала несравненно более прочного и долговечного, к тому же, в отличие от пергамента, допускавшего возможность иллюстраций свитков, в том числе и красочных.

II

Египетский трон перешел к вдове Эвергета Клеопатре с предоставлением ей права разделить его со своим сыном. В ущемление прав старшего нелюбимого сына Птолемея IX Сотера II, сосланного еще при жизни Эвергета наместником на Кипр, Клеопатра предпочла править с младшим сыном Птолемеем X Александром I. Недовольный таким решением народ вынудил царицу признать первенство Птолемея IX, а младшего сына послать наместником на Кипр. До 107 года Клеопатра правила совместно с Сотером II, однако, когда тот замыслил отстранить деспотичную матушку от власти и для этого обратился за помощью к сирийскому царю Антиоху IX Кизикскому, Клеопатра возмутила против него армию и посадила на трон своего любимца Александра. Этот, спустя два десятилетия, тоже не выдержал, взбунтовался, убил в 88 году мать, бежал от гнева александрийцев на Кипр и умер по пути туда. Птолемей IX возвратился в столицу и царствовал до 80 года.

В 80 году всевластный Сулла⁹³ посадил на египетский трон Птолемея XI Александра II, побочного сына Птолемея X, и в том же году восставшие александрийцы убили ненавистного им римского ставленника, немедленно провозгласив своим монархом Птолемея XII, который сам себя называл Неосом Дионисом, подданные же окрестили его Авлетом – «Флейтистом». При этом большом любителе музыки и не меньшем любителе выпить его царство начало стремительно разлагаться, так что в 65 году римский сенат всерьез рассматривал вопрос о превращении Египта в очередную ординарную римскую провинцию, как это произошло год назад с Сирией. С невероятным трудом за взятку в шесть тысяч талантов Авлету удалось сохранить за собой корону, да и то лишь благодаря помощи Помпея.

Гней Помпей (106 – 48), получивший почетное прозвище Великий, был личностью во всех отношениях выдающейся. Выбранный консулом⁹⁴ в 70 году

⁹³ Сулла Луций Корнелий (138 – 78) – талантливый полководец и видный государственный деятель, в 88 году – консул, с 83 года диктатор на неопределенный срок. Убедившись в том, что его диктатура не достигла основных целей – подавления демократии и преодоления государственного кризиса, Сулла в 78 году сам сложил диктаторские полномочия.

⁹⁴ Консулами Римской республики именовались два высших должностных лица, выбираемых сроком на один год; они созывали сенат и народное собрание, представляли на них, следили за исполнением принятых решений. После истечения срока полномочий консул получал пожизненное звание проконсула и какую-либо провинцию в управление на определенный срок.

вместе с Крассом ⁹⁵, Помпеи вопреки противодействию римского сената получил чрезвычайные полномочия на три года для подавления морских разбоев и в течение каких-то трех месяцев очистил Средиземное море от пиратов. В 66 – 64 годах победоносно воевал с Митридатом VI Евпатором ⁹⁶, создал в Передней Азии несколько римских провинций и клиентельских (то есть целиком и полностью зависящих от Рима) царств.

Сохранив корону, Авлет в то же время не смог удержать власть; в 58 году он был принужден бежать под защиту Рима от своих строптивых подданных, подстрекаемых его женой и дочерью Береникой. За взятку на сей раз уже в 10 тысяч талантов, обещанную наместнику Сирии проконсулу Авлу Габинию, Авлет получил от него римские войска и с их помощью в 55 году утвердился на престоле. Для выплаты долга Габинию царь взял (кстати, по протекции Юлия Цезаря) ссуду у римского ростовщика Рабиния Постума, а последний в обеспечение выплаты ссуды с процентами добился своего назначения на должность диойкета ⁹⁷ и принялся беззастенчиво обирать и без того вконец разоренную страну. Спустя год, опасаясь восстания армии, Авлет вынужден был отставить Рабиния от занимаемой должности.

Согласно завещанию Авлета, Египтом стала править его старшая дочь Клеопатра совместно со своим братом и супругом Птолемеем XIII, после гибели которого в 47 году второй брат Птолемей XIV при активной поддержке младшей сестры царицы – Арсинои начал оспаривать право Клеопатры на трон. В борьбе за корону умная, дальновидная Клеопатра умело использовала и политический расчет, и лесть, и, конечно же, свое огромное женское обаяние, прибегнув к помощи Юлия Цезаря, чьей любовницей она стала.

Политическая карьера Юлия Цезаря началась после смерти Суллы. В 59 году его избирают консулом. В этой должности Цезарю удалось провести в жизнь два аграрных закона в пользу ветеранов и неимущих граждан. Свою дочь Юлию он выдал замуж на Помпея.

Как проконсулу народ назначил Цезарю на срок до 54 года Цизальпинскую Галлию (Северная Италия) вместе с Иллириком (современная Северная Албания), к которым сенат присовокупил еще Трансальпийскую Галлию (Южная Франция). Затем этот срок был продлен на последующие пять лет. В 58 – 51 годах Цезарь захватил всю Галлию, дважды переправлялся через реку Рейн и дважды высаживал свои войска в Британии.

В 60 году между тремя самыми влиятельными деятелями Римской республики Крассом, Цезарем и Помпеем тайно был заключен 1-й триумвират с

⁹⁵ Красс Луций Лициний (115 – 53), прозванный Богатым, – полководец, консул в 70-м и 53-м. После второго консульского срока получил в управление провинцию Сирию. Убит в сражении с парфянами при Каррах (возле излучины Евфрата в северо-восточной Месопотамии).

⁹⁶ Митридат VI Евпатор (132 – 63) – царь Понта (с 280 года самостоятельного государства на северо-восточном побережье Малой Азии), талантливый полководец, прямой потомок Ахеменидов

⁹⁷ Диойкет (греч. домоправитель) – должность руководителя всей финансовой системы в государстве Птолемея

целью сохранения и упрочения их власти. Этот союз трех мужей ⁹⁸ являлся сугубо частным соглашением, в котором богатство Красса сочеталось с мудростью Цезаря и могуществом Помпея. В апреле 56 года триумвиры собрались в Лукке, достигли договоренности по всем спорным вопросам и продлили договор.

Гибель Красса при Каррах и преждевременная кончина Юлии ослабили узы дружбы между Цезарем и Помпеем.

Помпеи в 55 году вновь был избран консулом. После окончания срока консульства он уехал в провинцию Испания, возвратился оттуда в связи с волнениями в Риме и был сделан «консулом без коллегии», то есть наделен чрезвычайными полномочиями в целях скорейшего восстановления порядка и сохранения власти аристократии. Став 7 января 49 года верховным главнокомандующим, Помпеи предпринял попытку лишить Цезаря власти, введя в Риме военное положение.

Находившийся в это время с одним-единственным легионом ⁹⁹ в Цизальпинской Галлии Цезарь был поставлен перед жестким выбором: либо сложить с себя власть, либо утвердиться в Риме незаконно, так как по закону проконсул имел право возглавлять войско только за пределами Римской республики. 13 (или 14) января Цезарь перешел через реку Рубикон – границу между собственно Римской державой и ее провинцией Цизальпинской Галлией. Своей знаменитой фразой «жребий брошен!» он открыл против Помпея военную кампанию и, двинувшись в Рим, по сути дела развязал гражданскую войну. Не располагавший достаточными военными силами Помпеи отбыл из столицы в порт Брундизий, куда собирались войска нового, спешно объявленного набора. Часть этих войск Помпеи примерно в середине февраля отправил в город Диррахий, расположенный на побережье Иллирии – северо-западной области Балканского полуострова, сам же он с остальной частью солдат на возвращавшихся из Диррахия кораблях отплыл из Италии спустя месяц.

До конца 49 года Цезарь улаживал безотлагательные дела в основном в Испании, которую полностью очистил от помпеевцев, и только 5 января 48 года, посадив в Брундизий на все имевшиеся в его распоряжении суда примерно 20 тысяч солдат, благополучно прибыл в Иллирию. Высадив свое войско, он в ту же ночь отослал все корабли назад за оставшимися легионами и конницей, однако флот помпеевцев подстерег их и уничтожил.

Балканская кампания началась в январе 48 года, так что для ее подготовки у Помпея было в распоряжении целых 10 месяцев. За это время он собрал большие силы в Македонии, где стояли девять легионов пехоты, куда союзные государства и города Востока выслали многочисленные вспомогательные отряды и куда на помощь Помпею спешили еще два легиона из Сирии. Кроме того, огромный флот в составе пятисот боевых тяжелых кораблей и множества

⁹⁸ От латинских слов: tres – три и vir – муж

⁹⁹ Знаменитый 13-й легион Цезаря; насчитывал 5000 пехотинцев и 300 всадников

легких сторожевых судов был сосредоточен у западных берегов Греции.

Располагая такими огромными силами ¹⁰⁰, Помпей намеревался спокойно перезимовать на Иллирийском побережье, где под защитой флота мог чувствовать себя спокойно и откуда ранней весной 48 года легко мог вторгнуться на территорию Италии.

Весть о приходе Цезаря застала Помпея на пути из Македонии к Диррахии; он предельно ускорил продвижение своих частей, опередив Цезаря, перешел реку Аре и расположился близ Диррахия. Цезарь разбил свой стан на противоположном берегу реки.

После полугодовой позиционной войны в середине июля под Диррахией произошло сражение, которое Цезарь проиграл, потеряв тысячу солдат. Чтобы не терпеть затруднений с продовольствием и, главное, не оказаться фактически в положении осажденного, Цезарь немедленно двинул свое войско на юго-восток, в Фессалию. Найдя подходящие позиции возле города Фарсала, Цезарь разбил здесь лагерь и стал ожидать идущего вслед за ним с отставанием на несколько дней Помпея.

Несмотря на то что войско Помпея по численности почти в полтора раза превосходило войско Цезаря, 9 августа Помпей потерпел сокрушительное поражение и вынужден был бежать из своего лагеря с несколькими наиболее близкими друзьями в самый последний момент.

Не ведая отдыха, доскакал Помпей до берега Эгейского моря, нанял торговое судно и отплыл на остров Лесбос, в столице которого Митилене находились его жена Корнелия и один из сыновей. По совету друзей, Помпей решил отправиться в Египет, возможно, рассчитывая на благодарность Птолемея XIII, отцу которого в свое время помог сохранить корону. Корабль Помпея и сопровождавшие его несколько кораблей свиты (свита полководца за это время многократно увеличилась, в ней снова появились военачальники и сенаторы) пересекли море беспрепятственно. Птолемей находился со своим войском у Пелусия, ведя военные действия против войск Клеопатры. Помпей направился именно туда, выслав предварительно послов.

Принесенное послами известие поставило в весьма сложное и затруднительное положение не столько мальчика-царя, сколько его советников – евнуха Потина, воспитателя царя Теодота и военачальника Ахиллу. Три этих лица, представлявших собой фактически египетское правительство, решили пригласить Помпея, но лишь для того, чтобы его убить. Ахилла осуществил этот коварный замысел так, как это описано в романе.

Помпей погиб примерно через два месяца после сражения при Фарсале. Цезарь же начал его преследовать буквально на третий день после битвы. Сначала он надеялся захватить Помпея на севере Греции в городе Амфиополе, но узнав, что его там нет, начал готовиться к переправе через Гелеспонт. За неимением больших военных кораблей переправу (двух легионов!) пришлось организовать на небольших судах, даже на челноках. Во время переправы суденышки Цезаря неожиданно столкнулись с эскадрой помпеянцев под

100 Около 50 тысяч пехоты и семи тысяч конницы

командованием Кассия ¹⁰¹. Положение Цезаря казалось безнадежным, однако Кассий даже не попытался затеять сражение, наоборот, просил о помиловании и сам передал Цезарю весь свой флот. Таков был резонанс блестящей победы при Фарсале.

Урегулировав наиболее неотложные дела в Азии и получив известие о том, что Помпей отправился в Египет, Цезарь отплыл на остров Родос. Он не стал здесь задерживаться в ожидании прибывающих частями войск, а с наличными силами погрузился на триремы, взятые им у Кассия и частично у родосцев. В самом начале октября 48 года 35 кораблей римлян, на которых находились 3200 легионеров и 800 всадников, появились в гавани Александрии.

Появление Цезаря в Египте с незначительными военными силами было встречено египтянами по существу с самого начала крайне недружелюбно. Потин, фактический глава египетского правительства и к тому же диойкет, чинил всяческие препятствия и вел себя вызывающе: велел кормить римских солдат черствым хлебом, нагло заявляя, что они должны быть довольны и этим, поскольку едят чужое, а самому Цезарю выдавал к столу только глиняную или деревянную посуду, уверяя, что золотая и серебряная пошла якобы на уплату старых долгов Авлета.

Все это, вместе взятое, послужило причиной или только желанным предлогом для активного вмешательства Цезаря во внутренние дела египетского государства. Еще до прибытия Цезаря враждовавшая с Птолемеем XIII Клеопатра была изгнана из Александрии при непосредственном участии Потина. Теперь в пику последнему Цезарь тайно пригласил опальную царицу к себе. При первом же свидании он был очарован ее красотой, покорен умом и восхищен смелостью. Выступив в качестве посредника между братом и сестрой, он добился их примирения. В ответ на это Потин вызвал в столицу войска из-под Пелусия, которыми командовал его сторонник Ахилла.

Появление в столице египетской армии в 20 тысяч человек и возвращение в гавань пятидесяти военных, посланных в свое время Египтом на помощь Помпею, создали для Цезаря с его явно недостаточными военными силами критическое положение, римлянам пришлось вести уличные бои, и вскоре они оказались на положении осажденных в Брухейоне. Занявший почти всю территорию города Ахилла пытался отрезать их от моря. Цезарю пришлось пойти на то, чтобы поджечь корабли, в том числе и находившиеся в доках. Распространившийся от доков пожар перебросился на александрийскую библиотеку. Для сохранения надежной связи с морем Цезарь спешно высадил своих солдат на остров Фарос и укрепился на нем.

Борьба продолжалась с переменным успехом. Потин был схвачен и казнен, но это мало что изменило в общем положении и расстановке сил. Арсиноя бежала из царского дворца к Ахилле и вместе с ним начала руководить военными действиями, впрочем, недолго: вскоре их отношения испортились, Арсиноя приказала убить Ахиллу, а командование поручила своему

¹⁰¹ Гай Кассий Лонгин (? – 42) в 53 году спас от окончательного разгрома при Каррах римские войска, возглавляемые погибшим в сражении Крассом

воспитателю евнуху Ганимеду.

Военные действия затягивались, и становилось ясно, что римлянам без основательной помощи не обойтись. Тогда Цезарь послал свое доверенное лицо Митридата Пергамского в Сирию и Киликию для срочной организации подкреплений. Митридат великолепно справился с возложенной на него задачей. Известный своим мужеством и знанием военного дела, он не только собрал большие силы и привел их к Пелусию, но внезапным энергичным штурмом взял этот сильно укрепленный город. Вскоре произошло решающее сражение в дельте Нила, египтяне были разбиты, на второй день их лагерь римляне взяли штурмом, Птолемею XIII пришлось бежать на корабль, который вместе с ним затонул спустя некоторое время, попав в шторм.

Сражение закончилось 27 марта 47 года, и в тот же вечер прибывший в Александрию Цезарь принял капитуляцию горожан. Возведя на престол Клеопатру и ее второго младшего брата Птолемея XIV, Цезарь совершил в обществе молодой царицы увеселительное путешествие вверх по Нилу к храму Исиды на острове Филы. Египет он покинул в июне; 2 августа в молниеносной войне против Боспорского царства одержал блестящую победу над Фарнаком¹⁰², победу, с которой связано появление его ставшей крылатой фразы: «Veni, vidi, vici» – «Пришел, увидел, победил». В 48 году Цезарь разгромил собравшихся в Северной Африке помпеянцев.

Возвратившись в Рим, Цезарь отпраздновал пышные триумфы своих побед. После победы при Форсале он был объявлен пожизненным диктатором, а теперь сенат даровал ему еще титулы императора¹⁰³, с правом передачи его потомкам, и «отца отечества». 15 марта 44 года великий полководец пал жертвой заговора сенатской аристократии во главе с Брутом и Кассием.

Преемником Цезаря попытался стать его друг и соратник Марк Антоний. Юность Марк провел в обществе богатых распутников. Постоянные кутежи его вконец разорили, вынудив бежать от многочисленных кредиторов в Грецию, где он очень недолго пополнял свое образование, слушая ораторов и философов. Из Греции он был отозван Авлом Габинием и лично содействовал утверждению Авлета на престоле; из Египта в Рим не вернулся, а напрямик отправился в Галлию к Цезарю и стал его правой рукой: во время отсутствия Цезаря вся власть сосредоточивалась в его руках. Антоний участвовал в битвах при Диррахии и Фарсале. В 44 году избран консулом.

Гибель патрона стала поворотным моментом в жизни Антония. Ему удалось завладеть личным архивом Цезаря, его имуществом, а также государственной казной, насчитывающей 700 миллионов сестерций. Бумаги Цезаря оказались в руках Антония не менее ценным материалом, поскольку содержали завещание диктатора. В них также находились распоряжения

¹⁰² Фарнак II, сын Митридата VI. Будучи наместником Боспора (района Керченского и Таманского полуострова), в 64 году отделился от отца, и Помпеем был назначен царем Боспорского государства

¹⁰³ Император (лат. повелитель, полководец) – почетный титул полководца в республиканском Риме; с 27 года – титул главы государства. Первым римским императором стал Гай Октавиан – Цезарь Август (63 до н.э. – 14 н.э.).

относительно распределения должностей в провинциях. Таким образом, все заинтересованные в исполнении этих распоряжений должностные лица попали в зависимость от Антония. Стоящий у столицы Марк Лепид¹⁰⁴ ввел в Рим войска и вошел в соглашение с Антонием. Вступить с ним в переговоры поневоле пришлось и убийцам Цезаря. Созванный Антонием сенат не признал Цезаря тираном, а его убийц героями, как того добивались заговорщики, однако и не осудил их, как того хотели Антоний и Лепид. Сенат даровал убийцам амнистию, то есть «забвение вины». Антоний добился торжественных похорон Цезаря, сам произнес над его телом страстную речь, так что сожжение диктатора вылилось в массовую демонстрацию, явно показавшую, на чьей стороне симпатии народа. Заговорщики были вынуждены спешно покинуть Рим.

Антоний торжествовал победу, однако вскоре столкнулся с новым неожиданным и весьма серьезным соперником: из вскрытого завещания выяснилось, что Цезарь усыновил и назначил своим наследником внучатого племянника Октавиана, сына Гая Октавиана и Атии, дочери своей сестры Юлии. Октавиан сопровождал Цезаря во время походов в Испанию, был награжден многими орденами, жалован званием патриция и различными жреческими должностями.

27 ноября 43 года Октавиан, Антоний и Лепид заключили 2-й триумвират для совместной борьбы против сенатской аристократической оппозиции и укрывшихся со своими сторонниками в Западной Фракии убийц Цезаря. В 42 году войска триумвиров разгромили республиканцев. Брут и Кассий покончили жизнь самоубийством.

Раздел империи между триумвирами в соответствии с заключенным в Брундизии мирным соглашением привел к столкновению интересов Октавиана, стремившегося к единовластию на Западе, и Антония, добивавшегося того же на Востоке. В течение нескольких лет оба соперника старались, однако, сохранить определенное равновесие, неизменно поддерживая друг друга в случаях острой нужды и в то же время не давая усилиться одному за счет другого.

В 42 году Антоний отправился на Восток, чтобы раздобыть средства. Его здесь приняли как бога: он распоряжался римскими провинциями со своеволием восточного деспота. К нему в малоазийский город Таре приехала Клеопатра под предлогом того, чтобы отчитаться за свои действия во время войны. Любовь и политические расчеты до конца жизни связали судьбы Антония и прославленной обольстительницы...

Зиму 41 – 40 года Антоний и Клеопатра провели в Египте. Тем временем назревала парфянская война на Востоке, на Западе же участились столкновения октавианцев с антонианцами. Впрочем, до полного разрыва дело так и не дошло: соперники еще слишком нуждались во взаимной поддержке. Они снова заключили мир в Брундизии, куда Антоний прибыл летом 40 года. В знак

¹⁰⁴ Лепид Марк Эмилий (ок. 90 – 12) – приверженец Цезаря, в 48 – 47 наместник Ближней Испании, затем магистр (командир) конницы; в 44-м консул вместе с Цезарем, после убийства которого примкнул к Антонию

прочности обновленного союза недавно овдовевший Антоний женился на Октавии, сестре Октавиана. Затем последовал новый передел провинций. На этот раз Лепид получил Африку, Антоний – Восток, а Октавиан – Запад с Иллирией.

Благодаря посредничеству Октавии 2-й триумвират в 37 году был продлен еще на пять лет. Однако мир между соперниками, естественно, не мог быть прочным; постоянно возникающие трения явно свидетельствовали о приближении неизбежного разрыва. Отправляясь на парфянскую войну, Антоний оставил Октавию в Риме, женился на Клеопатре, преподнес ей в качестве свадебного подарка Сирию, Кипр и часть других римских провинций. Таким образом, Египет получил важные в экономическом и военном отношении опорные пункты за пределами своей территории. Клеопатра всемерно поддерживала Антония в его борьбе за власть с Октавианом. Опираясь на мощную материальную базу Египта и его большой военный флот, Антоний намеревался занять на Востоке прочное положение, которое дало бы ему возможность успешно бороться как с парфянами, так и со своими противниками в Риме.

Начатый Антонием в 36 году поход против Парфии закончился полным провалом. Антоний понес громадные потери, однако военных действий не прекратил, а весной 34 года выступил в поход против Армении, также закончившийся неудачей. Все-таки римлянам удалось хитростью захватить в плен армянского царя Артавзда II, которого Антоний винил в своем поражении 36 года. Пленного царя Антоний привез в Александрию и отпраздновал здесь пышный триумф по поводу своей «победы». Как «бог и благодетель» (Дионис-Осирис) Антоний объявил Клеопатру «Новой Исидой», владычицей Востока и «царицей царей», включив в ее державу Кипр, Кирену, часть Киликии и даже остров Крит. Цезарион был сделан ее соправителем. Сыновья Клеопатры и Антония тоже получили державы из земель римских провинций.

Демонстративный разрыв с Октавией и возобновление связи с Клеопатрой, триумф в Александрии как в новой столице государства, щедрые дары Клеопатре и ее сыновьям вызвали негодование даже среди приверженцев Антония, не говоря уже о римском обществе в целом. Враждебным отношением римлян к Антонию не замедлил воспользоваться Октавиан. Ему удалось завладеть завещанием своего соперника, подтверждавшим все пожалования египетской царице. Это завещание Октавиан не преминул обнародовать. Народным решением Антоний был лишен всех своих полномочий и Египту объявлена война.

Антоний несколько опередил соперника в приготовлениях к войне. Многие династы Востока прислали ему свои войска. 100 тысяч пехоты, 15 тысяч конницы и пятьсот боевых судов сосредоточил Антоний на западном побережье Греции, у мыса Акции.

Завершив все приготовления на Западе, Октавиан в 31 году начал нападение с восьмидесятитысячной армией и четырьмя сотнями кораблей. После нескольких поражений положение Антония стало критическим, многие его сторонники и союзники начали переходить на сторону Октавиана. По совету

Клеопатры, Антоний решил с флотом пробиться в открытое море. 2 сентября 31 года началось большое морское сражение. Попытка Антония пробиться не увенчалась успехом. В критический момент сражения корабль Клеопатры покинул флотилию. За ним устремились и другие корабли египтян. Антоний последовал за Клеопатрой. Покинутый своим полководцем, флот египтян после упорного сопротивления был разбит и рассеян. 19 легионов сухопутных войск вступили в переговоры и перешли на сторону Октавиана. Союзники покинули Антония; без флота и без армии вернулся он в Египет.

Октавиан подступил к Нильской дельте летом 30 года. Под Александрией Антоний потерпел полную неудачу в решающем сражении с римлянами: войска и флот изменили ему. 1 августа Октавиан вошел в египетскую столицу.

После самоубийства Антония у Клеопатры не осталось ни малейшего шанса на сохранение короны, и тогда она тоже покончила с собой (возможно, с помощью змеиного яда), избежав, таким образом, предстоящего ей позора в Риме, куда Октавиан вознамерился ее доставить, чтобы как пленницу провести перед народом в триумфальном шествии. Цезариона по приказу Октавиана казнили, а трех детей Клеопатры от Антония взяла на воспитание Октавия.

Имя Клеопатры стало легендой. Ее во многом противоречивый и сложный, но, бесспорно, пленительный образ на протяжении двух тысячелетий восхищал и привлекал к себе пристальное внимание мыслителей, историков, поэтов, живописцев. Достаточно назвать таких корифеев прошлого, как Плутарх, Гораций, Шекспир, Рубенс. На рубеже XIX – XX веков Клеопатра вдохновила Бернарда Шоу, а спустя шесть десятилетий мимо столь блистательной личности не прошли и кинематографисты, положившие в основу сценария фильма «Клеопатра» талантливый роман Георга Эберса.

Со смертью Клеопатры VII завершилась трехсотлетняя эпоха правления греко-македонской династии Птолемеев. Ее представители были разные люди, деяния которых теперь легко осуждать или превозносить, называя их тиранами или благодетелями народа, однако при всем том неизменно следует помнить, как много сделали они для развития науки и искусства, какой неоценимый вклад внесен благодаря им в сокровищницу мировой культуры.

С. В. Ермолаев